

Тимоти Лири

Дата рождения
22 октября 1920 года

Место рождения
Спрингфилд, штат Массачусетс, США. Родители – ирландские католики.

Гражданство
США

Виды деятельности
Психолог, психотерапевт, писатель, музыкант, мистик

Жизненный путь
Учился в иезуитском колледже в Уорчестере, затем – в военной академии в Вест-Пойнте. В 1940 году поступил в университет Алабамы, где получил степень бакалавра

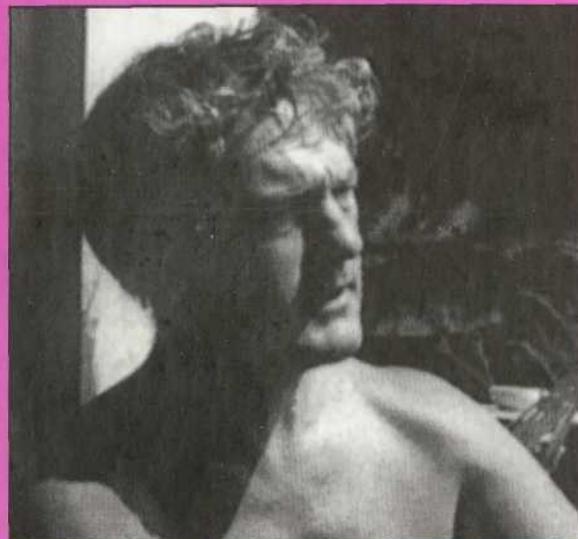
психологии. В 1950 году стал доктором психологии, занял пост директора госпиталья при фонде Кайзера в Окленде и преподавал в Калифорнийской медицинской школе в Сан-Франциско. С 1958 года преподает в Гарварде.

В 1960 году в Мексике впервые познакомился с воздействием галлюциногенных грибов. Погрузился в исследование воздействия психоделиков на человеческую психику. Интерес к галлюциногенам привел его к самому мощному из психоактивных препаратов – ЛСД. Приобретает славу ЛСД-гуру. То, что люди считают реальностью, полагал Лири, лишь «социальная фабрикация», а при употреблении психоделиков под руководством опытного наставника происходит освобождение человека от болезненных представлений о самом себе.

В 1963 году уволен из Гарварда. В 1966 году арестован по обвинению в хранении и употреблении наркотиков. Осужден на десять лет тюрьмы. Никсон назвал его «самым опасным человеком в Америке». Сбежал из тюрьмы, снова был арестован. До 1976 года коучует по тюрьмам, пишет книги и ставит над собой психологические эксперименты. Начинает размышлять о тайне ДНК, утверждает что во Вселенной множество обитаемых планет. В 1984 году присоединяется к движению киберпанков. Уверяет, что в 90-х Интернет станет аналогом ЛСД в 60-х. Умер туманным утром 31 мая 1996 года от рака. Последние слова: «А почему бы и нет?»

ТИМОТИ ЛИРИ

ЖЗЛ

ТИМОТИ ЛИРИ

Жизнь Запрещенных Людей

Уильям Берроуз: «Тим Лири изменил мир и с холодным бесстрашием встречал нападки противников, которые часто доходили до истерии. Он был одной из наиболее влиятельных фигур XX века. Может быть, какой-нибудь другой век оценит по достоинству все его значение. Я горжусь тем, что был другом Тима Лири на протяжении многих лет».

Розмари Вудраф, вдова Тимоти Лири: «Он был очень весел, как глоток чистого кислорода после пытки в кресле дантиста. Мне нравилось его сильное, индейское лицо, оно напоминало кого-то из другого времени, я любила его. Он был воплощением прекрасного легкомыслия. Темные ритмы текли в его венах».

- Эдуард Лимонов
- Чарльз Мэнсон
- Антон Шандор ЛаВей
- Александр Шульгин
- Луи Фердинанд Селин
- Тимоти Лири
- Хьюи Ньютон
- Алистер Кроули
- Джохар Дудаев

Мне было тридцать девять, когда я пережил первый психоделический опыт. К тому времени я был человеком среднего возраста, вовлеченным в средний процесс умирания. Ощущение радости жизни, открытость чувств и творческие способности постепенно притуплялись. За шесть лет, прошедших с того момента, моя жизнь полностью обновилась. Психоделики дадут возможность каждому человеку

осознать, что он – не играющий в игры робот, собранный на прокатных станках технологического конвейера и помещенный на эту планету с целью получить номер социальной страховки. Человек должен исследовать бесконечность внутреннего пространства, открыть ужас и экстаз, находящиеся внутри нас. Если быть честным, то я мечтаю о славе, лелею скромную надежду

оставить что-то после себя, чтобы отличаться от миллионов безымянных ничтожеств, которые приходят в этот мир, чтобы покинуть его, не оставив следа... Я думаю, что прожил одну из самых интересных, забавных, неповторимых жизней. И мне ужасно интересно, что будет дальше. Но у меня нет особого желания вернуться обратно. Я надеюсь оставить длинный список своих ошибок, сохранив свою ДНК.

ISBN 5-98042-041-X

9785980420413

ЖЗЛ

www.ultraculture.ru

ИСКУШЕНИЕ БУДУЩИМ

ТИМОТИ ЛИРИ: Искушение будущим

под редакцией
Р. Форте

"
Искушение будущим
Искушение будущим
Искушение будущим
Искушение будущим

Москва, 2004

УЛЬТРА.КУЛЬТУРА

TIMMY@MAIL.SOCHI.RU

Искушение
Искушение
Искушение

УДК 159 9(092)(73)Лири Т + 133(092)(73)Лири Т.
ББК 88 1(7Coe)+86 42(7Coe)
Т41

Правовое обеспечение -
адвокаты Беляк С В , Иванов Ю В.

Свет - это язык солнца и звезд, где все мы
встретимся снова

Тимоти Лири, 30 май 1996 года

- Т41** Тимоти Лири Искушение будущим/[Под ред Р Форте, Пер.
с англ Ш Валиева] — М Ультра Культура 2004 — 448 с
(Ж2Л)
ISBN 5-98042-041-X
I Форте, Роберт, ред
Агентство СІР РГБ

Это собрание воспоминаний, посвященных одному из тех людей, характеристика которых не укладывается в одно определение Кто такой Тимоти Лири - опасный безумец, непризнанный пророк, безответственный псевдоученый, опередивший свое время гений, уголовный преступник или невежественный шарлатан⁹ Насколько пестр перечень увлечений Лири - от медитации до карт Таро, от магии до психобиохимии, от Интернета до священных тибетских текстов - настолько же пестр и список близких ему людей, среди которых присутствуют ученые, политики, звезды Голливуда, предприниматели и музыканты Все они вспоминают о Тимоти, отдавая дань почтения этой незаурядной фигуре, бросившей вызов всем табу американского общества

Эта книга появилась на свет благодаря трудам многих людей Хотя на обложке указано мое имя в качестве ее издателя, без руководства, сотрудничества и дружеского участия таких людей, как Фрэнк Бэррон, Грег Богарт, Нина Грабой, Майкл Горовиц, Роуэн Якобсен, Мардж Кинг, Бэки Леунинг, Вики Маршалл, Ралф Метцнер, и в особенности Розмари Вудрафф, эта книга могла так и остаться только хорошей идеей Спасибо также Хизер Лаудадио за то, что помогла мне в осмыслении этой идеи Спасибо спасибо автоспасателям из Новато, Калифорния, так как текст этой книги выдержал не одну, а целых две автомобильных аварии, уже когда работа была почти завершена Все казалось потерянным, но их профессиональная помощь спасла положение Спасибо семье и друзьям Тимоти, особенно Камилле, Крису, Джо, Заку, Мишель и Кэрол, которые были с ним в его последние месяцы, за то, что пригласили меня в дом и помогли мне почувствовать себя членом общей команды Надеюсь, мы навсегда останемся друзьями Спасибо моей семье, особенно моему отцу, Роберту

ББК 88 1(7Coe)+86 42(7Coe)

ISBN5-9S042-041-X

© 1999 by Robert Forte
© Ш Валиев, перевод с английского 2004
© Ультра Культура, издание на русском языке, 2004
© К Иванов, К Прокофьев, А Касьяненко, художественное оформление, 2004

Форте-старшему, архиреспубликанцу, который доказал, что кровные узы сильнее идеологии, и оказывал финансовую поддержку. Спасибо Джейми Нельсон за ее нежную заботу. Благодарю моего сына, Мирси Александра Форте, который, будучи семи лет от роду, когда Тим умер, попал прямо в яблочко, спросив: «Папа, почему Тимоти такой знаменитый? Что он такое сделал - освободил рабов или что-нибудь в этом роде?» И, наконец, спасибо тебе, Тимоти Лири, за эту привилегию знать тебя в твоей изобильной и вечной жизни.

Res ipsa loquitur¹.

Пусть наступят хорошие времена.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роберт Форте

Давно известно: чем острее и неумолимее сформулирован тезис, тем настойчивее требует он антитезиса.

Герман Гессе, «Игра в бисер»²

Тимоти Фрэнсис Лири был одним из самых влиятельных людей XX века. Однако то, в чем именно заключалось его влияние, нуждается в определении. Лири любим и почитаем за его вдохновенную популяризацию психоделических наркотиков в шестидесятые годы, за величайшие достижения в осуществлении своей жизненной миссии, заключавшейся в поединке с авторитаризмом, в чем бы он ни проявлялся. Эта книга не является биографией Лири и не ставит перед собой цели изучения его идей. Принимайте ее как мозаику из воспоминаний и впечатлений, как дань его многогранной личности и той роли, которую он играл как лидер общественного, философского и религиозного движения. Эта книга была задумана одним декабрьским утром,

¹ Дело говорит само за себя (лат.).

² Перевод С. Апта.

когда я пришел навестить Тима в его доме на Беверли-Хиллз в Лос-Анджелесе. Я только что вернулся с конференции по ЛСД, организованной фармацевтической компанией «Sandoz» и Швейцарской медицинской академией - «50 лет ЛСД: положение дел и перспективы галлюциногенов». Конференцию открыл президент Швейцарской академии Альфред Плетчер, впервые публично оценив экстраординарный научный потенциал ЛСД и затем резюмировал: «К сожалению, ЛСД не осталось только объектом научного изучения, а попало в руки эзотериков и хиппи и использовалось сотнями и тысячами людей на массовых сборищах. Бесконтрольная пропаганда ЛСД имела опасные последствия, например, продолжительные психозы, насилие и попытки самоубийств. В результате, использование этого медикамента было ограничено несколькими юридическими актами» (Плетчер и Ладеви́г, 1994).

Всякий раз, когда имя Лири поминалось на этой конференции, это делалось в неприемлемо оскорбительном тоне. Присутствовавшие психиатры-исследователи были едины во мнении, что экзальтированная пропаганда психоделиков, виновником которой был Лири, и привела, в конечном счете, к тому, что их употребление было запрещено законом.

Среди миллионов бесполезных аспектов фармацевтической политики США нет более дикого антиамериканского, чем тот нелегальный статус, который приобрели эти вещества. Как писал Хэмфри Осмонд: «Олдос³ отстаивал "осторожную смелость", советуя исследователям соблюдать конспирацию и избегать огласки. К сожалению, к его советам не всегда прислушивались». Может быть, при других обстоятельствах эти

³ Имеется в виду Олдос Хаксли, замечательный писатель и активный участник психоделического движения. См. его переписку с Лири в настоящем сборнике.

вновь открытые древние зелья, которые пропагандировал Лири, смогли бы постепенно и эффективно интегрироваться в наше общество. Следует ли думать, что Лири и компания спровоцировали эту ужасающую иррациональную фобию по отношению к психоделическим наркотикам или же он предвосхитил ее и, преодолев, расчистил им путь? Доступ к легальным исследованиям этих веществ опутан километрами красной ленты. Но в то же время миллионы людей уже знают, что, несмотря на все страхи, внушаемые санкционированной государством психиатрией и политикой правительства, при правильной «обстановке и установке» психоделики открывают перед людьми невероятный мир, мистерию радости, возрождения и самореализации. «Я обратил семь миллионов человек, - сказал Лири незадолго перед концом своей жизни, - и только сто тысяч из них пришли поблагодарить меня за это».

Конечно духовный ренессанс шестидесятых был слишком сложным явлением для того, чтобы считать Тимоти Лири единственной его причиной, но, вне всяких сомнений, он был наиболее заметной его фигурой - блестящий, харизматический, веселый пророк, открывающий новые горизонты социолог, тщеславный, беспечный, высокомерный, шут, одержимый манией саморазрушения, или же козел отпущения, в зависимости от угла зрения.

«Вы имеете того Тимоти Лири, которого заслуживаете», - сказал он однажды.

Тимоти Лири родился 22 октября 1920 года в Спрингфилде, Массачусетс. Он был единственным ребенком Тимоти и Абигайл Лири. Его дед, считавшийся богатейшим ирландским католиком западного Массачусетса, казался юному Тимоти могущественным патриархом, ценителем литературы и искусства. «Самые важные

слова», сказанные дедом своему внуку, были: «Никогда не пытайся подражать кому-нибудь. Найди свой собственный путь. Будь сам примером для подражания».

Отец Тима был армейским дантистом и пьяницей, который бил своего сына. Истощенный Великой депрессией и многочисленными долгами, в один прекрасный день он вручил своему 12-летнему сыну сто долларовую банкноту и ушел из дому, чтобы никогда больше не вернуться. Воспитанный набожной католичкой матерью и старшей девицей тетей Мэй, Тимоти Лири вырос утонченным, духовным и бунтарски настроенным подростком. Он отверг девиз школы, кантовский императив, - «Никто не имеет права делать то, что, если бы начали делать все, разрушило бы общество», - высказав в школьной газете, редактором которой он был, «личное редакторское пламенное убеждение, что Категорический Императив является тоталитарным и антиамериканским по сути, провозглашая приоритет интересов государства над интересами личности», чем вызвал возмущение классного наставника, и остался без рекомендации для поступления в колледж. В качестве исключения, сделанного для его матери, кардинал направил его в «Святой Крест», иезуитскую школу со спартанской дисциплиной поблизости от Вустера, Массачусетс, где он отличился в учебе, а также в ухлестывании за молоденькими продавщицами из города. В «Святом Кресте» он продержался год. Получив высший балл на экзаменах в военную академию Уэст-Пойнт⁴ в 1940-м, он поначалу гордился тем, что ему выпала честь послужить своей стране в качестве элитного офицера вооруженных сил. Но уже через три месяца он устал от военной дисциплины в академии. Его поймали пьяным и

⁴ Высшее военное училище сухопутных войск США, известное своей крайне жестокой внутренней дисциплиной и давними курсантскими традициями. (Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев и кратких биографий авторов статей, примечание редактора)

уличили в спаивании своих однокашников на обратном пути с военно-морских учений. Отказавшись уйти в отставку, он был предан остракизму, никто из класса не имел права разговаривать с ним, равно как и он сам не мог общаться с ними. Наказание было ограничено сроком в один год. В письмах матери он изливал душу:

«Я сильно изменился. Временами я так боялся мира, но теперь у меня такое чувство, что, в конце концов, совершенно не важно, что со мною будет. Я понял, что буду в любом случае счастлив, потому что решил не принимать себя слишком всерьез. Это часть моей новой философии, и она удерживает меня от того, чтобы обижаться на людей, которые меня окружают, за то, что они не разговаривают со мной... препираясь при этом друг с другом по мелочам, ссорясь из-за пустяков.

Может быть, это смешно, что я употребляю термин "философия" по отношению к своим мыслям. Однако я твердо решил - отныне я буду вести себя спокойно, тихо и отстраненно, и, помимо всего, не буду мелочным и эгоистичным. Если бы я только мог быть похож на тебя, дорогая мама, быть великодушным и добрым, как ты. Это будет моей главной задачей - побороть свои эгоизм и легкомыслие...

Мне становится страшно, когда я думаю про миллионы людей, которые думают так же, как я, что им удастся выбиться из толпы, но только один или два из миллионов достигнут этого. Понимаешь, мама, пока я держу себя в руках и не теряю чувства юмора, душевного равновесия, смелости, веры в Бога и моего стремления быть великодушным и пока я не принимаю себя самого слишком всерьез, я знаю, что я буду счастлив, чтобы со мной ни случилось.

Этот заговор молчания, пожалуй, самое лучшее из всего, что до сих пор со мною приключалось. Клянусь Богом, это правда... Молчание сделало меня на тысячу

лет старше, заставило меня повзрослеть, заставило начать писать, привило мне любовь к хорошим книгам и философии. Оно расширило мое сознание, и теперь мне просто смешны эти глупые, инфантильные, слепые и жестокие люди, которые издеваются надо мной... И самое главное, я хочу, чтобы ты была мной довольна. Да, мама, если бы ты знала, это моя единственная забота - сделать так, чтобы ты могла гордиться мною».

Четыре месяца спустя, когда Лири все-таки начал подумывать о том, чтобы уйти из Уэст-Пойнта (его проблемы обострились из-за плохих оценок по математике), его любящая мать писала ему: «Не переживай, сынок, если тебя постигнет неудача, это значит, что Господь уготовил тебе что-то другое, может быть, гораздо лучшее». Тим отвечал:

«Дорогая мама! Я всю ночь читал твое письмо, перечитал несколько раз, и в который уже раз был охвачен этим потрясающим чувством тихой и смиренной истины, которая звучит в каждом твоём слове. Твои советы и мысли настолько верны и бесспорны, что я был просто вынужден согласиться со всем, что ты говоришь. Сейчас я совершенно не доволен самим собой и своей жизнью. Я определил для себя такие правила жизни, чтобы, если я буду следовать им, чувствовать себя во всем правым. И я изо всех сил стараюсь их придерживаться. Все на свете, весь род человеческий, весь мир и мое собственное жалкое существование кажутся мне настолько бессмысленными и бесполезными, что я все время ужасаюсь безмерности времени и пространства. Моя жизнь представляется мне такой хрупкой в сравнении с вечностью... Теперь у меня не осталось никаких иллюзий по поводу жизни. Не сомневаюсь, что подспудным мотивом, порождавшим любую философию пессимизма, было одиночество. Теперь я познал это на

собственном опыте... Я надеюсь только, что мне удастся избежать того, чтобы стать еще одним величайшим ничтожеством человечества, одним из тех людей, кто не выделяется из общей массы, мечтая только о том, чтобы жить более комфортабельно, не замечая, как они мелочны и глупы, никогда не задумываясь о чем-либо, кроме того, что может доставить им удовольствие. Наверно, я должен сделать передышку перед тем, как двигаться дальше. Прошу тебя, не думай, что я розовый оптимист, исполненный иллюзий. И еще одно короткое отступление. Я постоянно думаю о значении слова "истина". Я ненавижу это слово и был удивлен, когда ты подумала, что я хочу изменить мир и открыть ему некую великую метафизическую истину. Если быть честным, то я, наверное, мечтаю о славе, в том смысле, что лелею скромную надежду оставить что-то после себя, чтобы отличаться от миллионов безымянных ничтожеств, которые приходят в этот мир, чтобы покинуть его, не оставив следа... В любом случае жизнь не стоит и минуты того постоянного беспокойства, в котором мы ее проводим. Пройдет лет шестьдесят, и солнце будет светить на могильный камень с моим именем, и это будет совершенно в порядке вещей. Я думаю, мы должны больше молиться о наших душах, вместо того чтобы проводить все время в заботах о наших телах».

Лири забрал документы из Уэст-Пойнта в августе 1941 года и поступил в университет Алабамы, где начал изучать психологию. Его выгнали оттуда год спустя, осенью 1942 года, за то, что он провел ночь в женском общежитии⁵. Он потерял отсрочку от призыва в

⁵ На юге США, то есть в регионе, известном своим крайним пуританизмом, такое поведение молодого человека считалось абсолютно недопустимым. В некоторых университетах Юга совместное обучение юношей и девушек было введено лишь в конце 1980-х под давлением Верховного Суда

армию, был призван в 1943-м и провел почти два года на курсах подготовки офицеров, где встретил свою первую жену Марианну. Он стал капралом, после чего продолжил изучать психологию. Служба в армии во время войны позволила ему завершить образование за счет Министерства обороны и получить диплом по психологии в университете штата Вашингтон. Его темой был статистический анализ показателей интеллекта. Потом он поступил в университет Калифорнии в Беркли, где стал готовиться к защите докторской диссертации.

Лири стал психологом и признанным клиническим исследователем. С воодушевлением он принялся работать в Беркли, в лютеранской семинарии «Старр Кинг», где оценивал кандидатов на должности священников, а также в больнице фонда Кайзера, где он начал заниматься групповой терапией и техникой межличностной диагностики. Материалы его исследований широко публиковались в профессиональных научных изданиях. Его первая книга, «Интерперсональный диагноз личности», была признана книгой года Американской психологической ассоциацией в 1959 году. Тридцать пять лет спустя его трансперсональная модель по-прежнему вдохновляла новые исследования. Лири чествовали на симпозиуме Американской психологической ассоциации в 1994 году.

У Тимоти и Марианны было двое детей, но он не был образцовым отцом и мужем. «Все испортила наша продолжительная алкогольная зависимость», - сказал он однажды. Марианна покончила жизнь самоубийством в гараже их дома в Беркли, наутро после его дня рождения, когда ему исполнилось 35 лет. На следующий год Тимоти поехал с детьми в отпуск в Европу. Он всерьез задумался над своим профессиональным будущим, которое, как он чувствовал, было бесперспективным. Там, в Италии, во Флоренции, в одном квартале от того мес-

та, где Галилей четырьмя веками раньше создал свой телескоп, его навестил Фрэнк Бэррон, друг и коллега, который уже успел заявить о себе в качестве исследователя психологии творчества. Бэррон рассказал ему о своем опыте со священными грибами в Мексике. Информацию об этих грибах принес на Запад банкир с Уолл-стрит Роберт Гордон Уоссон двумя годами раньше. По теории Уоссона, именно они были предтечей религии. Тим слушал с некоторым любопытством, но в целом почти равнодушно, как Бэррон расписывал ему их значение в исследовании сознания. «Я был несколько обеспокоен увлечением моего друга и постарался предостеречь его от риска потерять научную репутацию, если начнет высказываться в подобном духе среди наших коллег», - писал Лири позже в автобиографии.

Во Флоренции Лири повстречался и с Дэвидом Макклелландом, впоследствии деканом факультета социальных отношений в Гарварде, который был впечатлен его работами и искал кого-нибудь, кто смог бы возглавить клиническую программу. «Вне всяких сомнений, то, что вы отстаиваете, станет будущим американской психологии», - сказал ему Макклелланд. Таким образом, доктор Лири подписал договор на чтение лекций и исследования новых методов психотерапии - сроком на три года. После восьми месяцев Гарварда, летом 1960 года Лири провел отпуск в Мексике и сам попробовал там грибы. Он описал этот эксперимент в работе «Религиозный опыт: его реализация и интерпретация», представленной группе лютеранских пасторальных советников в Американской психологической ассоциации. «Солнечным летним днем, в саду виллы в Куэрнаваке, я съел семь так называемых священных грибов... В течение следующих пяти часов я был втянут в вихрь ощущений, которые можно было бы описать при помощи множества экстравагантных метафор, но, несомненно, то,

что я испытал, было глубочайшим религиозным опытом в моей жизни».

Лири вернулся в Гарвард полный воодушевления и немедленно вместе с Бэрроном начал Псилоцибиновый проект, имевший цель «понять скрытые возможности человеческой нервной системы и сделать эти открытия доступными для других». Проект быстро разросся, и к нему присоединились многие сотни людей. Их экстраординарные открытия и визионерские откровения были опубликованы в ведущих медицинских, психологических, лингвистических, религиозных и философских журналах, а затем и в популярных журналах, подняв по всему миру волну интереса к целительному, религиозному и эвристическому потенциалу того, что было впоследствии названо «психоделическими наркотиками».

К Лири присоединились ассистент Ричард Алперт, группа энтузиастов-дипломников, а также постоянный поток ведущих интеллектуалов и художников того времени. Лири и его группа использовали новый метод в психологических исследованиях, заключавшийся в том, что испытуемые принимали псилоцибин и рассказывали о своих переживаниях. Иногда наркотик принимали вместе и испытуемый и исследователь. Это было нечто неслыханное и антинаучное, с точки зрения ортодоксальной психологии, но Лири и его коллеги считали, что это было необходимо в плане этического измерения в их исследованиях.

Эксперимент «Страстная Пятница», проведенный Уолтером Панке, доктором медицины из Гарварда, под руководством Лири, при участии группы студентов-теологов, принимавших псилоцибин, вызвал у них религиозные озарения, по сути не отличимые от тех, что имели место у самых известных мистиков и святых.

«Тюремный проект и эксперимент "Страстная Пятница" доказали опытным путем, что псилоцибин, при-

нимаемый по нашей методике, безопасен для здоровья и приводит к результатам, способным изменить жизнь человека к лучшему; мы надеялись, что коллеги-ученые и администраторы, оценив силу этих медикаментов и их способность изменять поведение, поддержат нашу работу. Однако произошло обратное». Лири писал в книге «Флэшбеки»: «После того как наши эксперименты доказали, что обстановка и установка определяют направление эксперимента по изменению сознания, мы последовательно передавали сигналы позитивной настройки интеллекта: "Доверяй своей нервной системе, плыви по течению, вселенная, по сути, это прекрасное и безопасное место". Мы были потрясены, столкнувшись с тем, что интеллектуальные и открытые люди делали все, что могли, чтобы впасть в панику, кричать об опасности, настроить мозг в негативном ключе»⁶. Поняв, что словарь современной психологической науки не имеет терминов, пригодных для того, чтобы описать психоделический мистический опыт, Лири и его коллеги обратились к религии. Они

⁶ Мало кто в то время знал, что уже на протяжении десяти лет ЛСД было объектом тайных исследований в Гарварде и в некоторых других местах в Соединенных Штатах. Теперь известно, что ЦРУ тайно финансировало - через Фонд Гешиктера и Фонд экологии человека - исследования психотомиметического (имитирующего психоз) воздействия ЛСД и других психоделических наркотиков в Бостонской психиатрической больнице. В этих экспериментах студенты Гарварда (включая дипломников) и другие добровольцы принимали ЛСД. Целью экспериментов было вызвать у них временное помешательство. «Цель заключалась в том, чтобы сделать людей безумными, - рассказывал Филлипп Слейтер, принимавший участие в этом проекте в 1952 году. - Несмотря на неприятный характер и концепцию эксперимента, большинство из нас оценили трансцендентальный опыт, полученный в его результате, как полезный». Правительство Соединенных Штатов инициировало много подобных исследований, целью которых было раскрыть возможности применения психоделиков для контроля над сознанием и его изменения (зомбирования), что, по их мнению, можно было бы использовать для создания химического оружия и в шпионских целях. Эти жестокие эксперименты описаны в книге Мартина Ли и Брюса Шлэйна (*Martin Lee Bruce Shlain, Acid Dreams*). - Прим. авт.

основали «Международную федерацию внутренней свободы», призванную противостоять духовной бедности и безразличию современного общества.

Изложение целей
МЕЖДУНАРОДНОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЫ
3-й проект, 3 ноября 1962 года

1. Положение. На протяжении последних 4 тысяч лет фундаментальные духовные вопросы находились, с одной стороны, под контролем тех людей, которые верили в абсолютную ценность современных им религиозных и научных моделей (реалисты), и с другой стороны - тех, кому эти условные модели виделись лишь как хрупкие игровые артефакты (иногда социально полезные, но чаще враждебные свободе), протекающие на фоне развивающихся жизненных процессов. Последние (называвшиеся мистиками, визионерами, номиналистами, экзистенциалистами) были более связаны с развивающимися духовными возможностями человека, нежели с его материальными или интеллектуальными достижениями.

...В последние годы стали появляться группы людей (разрозненные, но весьма многочисленные по составу), которые реализуют естественное слияние этих точек зрения. Некоторые из этих людей пытаются совместить западные ценности с классическими восточными ритуалами. С другой стороны, многие считают, что смешение двух различных культурных игр - это попытка соединить несоединимое и что каждая культура должна развиваться по своему собственному пути - у каждой свое собственное творческое разрешение вопроса сущности бытия, свой оригинальный путь и реализация духовности. У человеческой культуры два полюса - запад

и восток. Это и обуславливает различие культурных игр. Игры, являясь артефактами, могут быть изменены. Новые игры возникают произвольно и естественно. В течение последних двух е половиной лет группа психологов-исследователей из Гарвардского университета занималась исследованиями и проводила эксперименты по этой теме. Были осуществлены пять различных проектов по изучению эффектов применения веществ, расширяющих сознание. В них приняли участие более 400 человек, и ни у кого из них не замечено никаких серьезных негативных физических и физиологических последствий. Более 60% испытуемых считают, что в результате этих экспериментов их жизнь изменилась к лучшему. На основании результата этих экспериментов и нашей оценки других исследований мы пришли к нескольким заключениям касательно эволюции чуждого сознания и человеческого мозга и приглашаем к сотрудничеству всех, кто разделяет наши предположения.

Наши выводы таковы.

1. Имеются достаточные основания (подкрепленные серьезными доказательствами) подозревать, что структура нервной системы такова, что человек использует только небольшую часть (может быть, меньше одного процента) возможностей своего мозга.

2. Определенные психофизиологические процессы (сенсорика, переотройка, различение, отбор, оценка) ответственны за ограниченное использование возможностей мозга.

3. Некоторые вещества (ЛСД, мескалин, псилоцибин), похоже, замедляют или изменяют эти ограничивающие ментальные процессы, результатом чего становится драматическое расширение сознания.

4. Наши данные показывают, что обстановка и установка (set & setting) определяют специфическое содержание осознаваемого.

5. Расширенное сознание, по определению, выходит за границы вербального и концептуального. Расширенное осознание, таким образом, не может быть описано в вербальных терминах, то есть при помощи физических или физиологических значений. Расширенное сознание также выходит далеко за пределы культурных и персональных игр, привычных для человека.

6. Из этого следует, что использование расширенного сознания (то есть включение неиспользуемых 99% возможностей мозга) в действительности невозможно до тех пор, пока мы не сможем выйти за пределы наших культурных и персональных игр и создать соответствующий язык...

Мы убеждены в том, что культурные институты (какими бы либеральными они ни были) не в состоянии создать роли, правила, ритуалы, ценности, слова и стратегии, необходимые для устранения внешнего контроля над внутренней свободой. Это и есть та опасность, которой мы хотели бы избежать. Мы готовы принять это парадоксальное противоречие. Наша задача заключается в том, чтобы создать культурную игру, которая стала бы не-игрой или метаигрой. Мы решили назвать нашу группу «Международная федерация внутренней свободы» (IFIF)... Совет директоров Федерации: доктор философии Ричард Алперт, доктор философии Уолтер Кларк, доктор философии Тимоти Лири, доктор философии Джордж Литвин, Рэлф Метцнер, доктор философии Мэдисон Преснелл, доктор медицины Хьюстон Смит, доктор медицины Гюнтер Вейль.

• • •

То, что началось как научные исследования воздействия психоделических наркотиков на человеческое созна-

ние, вскоре приняло слишком легкомысленный для Гарварда характер. Лири пренебрег советами коллег и друзей постараться обойтись без излишней огласки, которая могла вызвать противоречивые последствия. Он поступил ровно наоборот. Глядя назад, в 1987 году Лири согласился со своими критиками: «Что и говорить, все это вызвало изрядную сумятицу... Эпистемологические дебаты об определении реальности вскоре опустились до уровня истерического социального экстремизма, в котором принимали участие и многие из здесь присутствующих». Но тогда, в 1963-м, его позиция была иной: «Жизнь - это великий и смешной танец, и нам всем здорово повезло, что мы здесь. Все занятия человека - это не что иное, как развлекательное кино. Единственно возможная позиция - это радоваться и удивляться. Все в этом мире не так Seriously, Важно и т. д. и т. п., как это кажется. Мы все участвуем в гигантском шоу, и я желаю вам принять в нем участие».

Лири возвещал с вершины башни из слоновой кости, что ничто не может сравниться с теми открытиями, которые ждут каждого примкнувшего к его движению. «ЛСД важнее Гарварда», - сказал он, и весной 1963 года Лири и его ассистент Ричард Алперт стали первыми членами факультета, уволенными из Гарварда после Ралфа Уолдо Эмерсона в 1838 году⁷. Официальной причиной было отсутствие профессора Лири на собственных лекциях, но достаточно было прочесть листовки с его духовным манифестом, которые широко циркулировали по университету, чтобы понять истинную причину увольнения. Последняя лекция, прочитанная им в

⁷ Ралф Уолдо Эмерсон - американский философ, поэт и эссеист. Изучал богословие в Гарварде, но был лишен сана за разногласия с официальной церковью. В философских воззрениях придерживался трансценденталистских взглядов, но позднее от них отошел. Считается одним из величайших философов Америки, автор нескольких поэтических сборников.

Гарварде, называлась «Американское образование как пагубная привычка и способы ее лечения»: «Университет так же, как любой институт образовательной системы, содержится взрослым обществом с целью воспитывать молодежь для того, чтобы продолжать раз и навсегда заведенную игру. Главная его задача - сделать все для того, чтобы вы не начали думать самостоятельно. Этот институт так же, как и все образовательные институты, создан для того, чтобы анестезировать ваше сознание, усыпить вас... Меньше всего институт образования заинтересован в том, чтобы вы расширили свое сознание, задействовали неиспользованный потенциал своего мозга, экспериментировали самостоятельно. Они не хотят, чтобы вы развивались и росли... Образование, дорогие студенты, это анестетик, это наркоз, призванный отключить ваши чувства, демобилизовать ваш мозг и контролировать ваше поведение до конца ваших дней».

Изгнание из Гарварда подтолкнуло Лири вместе с его психоделическими экспериментами присоединиться к растущему движению за гражданские права, экологию и против войны во Вьетнаме, в котором он сразу занял видное место. И опять мы видим что-то вроде раскаяния за неуместное политизирование психоделического опыта, когда в 1987 году Лири пишет: «Религиозные, мистические, визионерские состояния - это потрясающий опыт, они открывают двери восприятия, полируют линзы наших чувств и подвергают хирургическому вмешательству наши гормоны - но они очень интимны и деликатны по сути. Их нельзя распространять на всех окружающих. И самое главное - нельзя смешивать их с политикой».

После Гарварда Лири и компания перенесли свою штаб-квартиру в роскошное поместье в Миллбруке, Нью-

Йорк, откуда они продолжили чреватые для своего статуса подстрекательские призывы к миллионам молодых людей - «врубись, настройся, отпади» («turn on, tune in, drop out»), впоследствии вызвавшие гнев истеблишмента и изгнание Лири из научного сообщества. В течение миллбрукского периода Лири сделал ряд экстравагантных и сумасбродных заявлений касательно будущего американского общества, трансформированного психоделическими наркотиками.

«ЛСД - это только первый химический агент в ряду многих новых веществ, призванных в ближайшее время преобразовать и обновить обучение, расширить сознание и усилить память. Эти вещества неизбежно революционизируют процесс образования, воспитания детей и социального поведения. Еще при жизни нашего поколения эти химические ключи к нервной системе будут использоваться как привычные инструменты обучения. Вы будете спрашивать своих детей, когда они будут возвращаться домой из школы, не "какую книгу вы сегодня читали?", а "какие молекулы вы сейчас используете для обнаружения новых Библиотек Конгресса внутри вашей нервной системы?"

В известном интервью журналу *Playboy* под названием «Она является в цветах» («She comes in colors», по названию известной песни Rolling Stones) Лири вещал: «Вне всяких сомнений, что если мужчина и женщина вместе примут ЛСД, их сексуальная энергия усилится невероятным образом, и если только неловкость и страх одного из партнеров не помешают, это приведет их к глубочайшим переживаниям, о возможности которых они даже не подозревали...»

Playboy: Мы слышали, что некоторые женщины, имеющие проблемы с достижением оргазма, обнаружили, что могут во много раз увеличить количество оргазмов под ЛСД. Это правда?

Лири: В правильно подготовленном любовном ЛСД-сеансе женщина может иметь несколько сотен ЛСД-оргазмов.

Playboy: Несколько сотен?

Лири: Да, несколько сотен».

Далее Лири утверждал, что «ЛСД - это специфическое средство против гомосексуальности». И что он скорее позволит своим будущим детям «принимать героин, чем пойти в первый класс начальной школы в этой стране». Вне зависимости от того, забавлялся он или провоцировал, делая эти и другие подобные им заявления для уже и так настроенного против него взрослого, благопристойного общества он выглядел безрассудным гедонистом, искусителем юношества. Несмотря на то, что Лири часто привносил и отрезвляющие ноты: «Главный ключ психоделической революции - это работа, экстатическая работа. Этот центральный пункт уходит от внимания полных энтузиазма "кислотников", равно как и от напуганных бюргеров, которые вводят друг друга в заблуждение - одни темой эскапизма, другие темой порочных наслаждений», он никогда не слыл умеренным человеком.

IFIF попросили покинуть Сихуатанехо в Мексике, где на протяжении двух лет находилась их штаб-квартира, а когда они попытались обосноваться на Карибских островах, то получили отказ. Через три года, проезжая на машине через Ларедо, Техас, по дороге в Мексику, Лири был арестован за хранение нескольких граммов марихуаны. Он был обвинен в нарушении налогового закона о марихуане. Из этого дела он вышел победителем. Верховный Суд в единогласном решении по его делу в 1968 году признал налоговые законы о марихуане антиконституционными. После этого Лири выставил свою кандидатуру на выборах в губернаторы Калифорнии. Это вызвало новый приступ ярости федеральной про-

куратуры, и дело против него было возобновлено, на этот раз по другой статье - за перевозку марихуаны, а это тянуло уже лет на двадцать. В это время Лири был занят своей избирательной кампанией. «Пойдем вместе - вступай в партию» («Come Together - Join the Party») - рекламный лозунг его кампании впоследствии вдохновил Джона Леннона на создание известного хита «Битлз». Между тем Лири надо было теперь защищаться от новых обвинений. Вот выдержки из его речи в суде:

«Я заявляю, что я невиновен, потому что я американский гражданин. В качестве такового я имею право свободно исповедовать мою религию. Я имею право заниматься научными изысканиями. Я имею право жить в своем доме, передвигаться в своем автомобиле и воспитывать своих детей в соответствии со своими верованиями и ценностями. Мои мотивы до и во время моего ареста являются духовными по сути, личными и совершенно открытыми. Я требую не" каких-то личных привилегий, но соблюдения конституционных прав каждого гражданина. Защищая себя против выдвинутых обвинений, я защищаю права каждого американского гражданина вести религиозную жизнь в соответствии со своими верованиями, служить, экспериментировать, общаться с универсальными силами, трансцендировать свое эго и устранять со своего пути все препятствия, которые мешают человеку любить, достигать религиозного экстаза, получать откровение и истину, что является естественным стремлением человека на протяжении многих веков».

Лири был вновь арестован, на этот раз в Лагуна Бич, Калифорния. За его освобождение до суда был назначен самый высокий за всю историю американского правосудия залог в пять миллионов долларов. Он был признан виновным и приговорен к десяти годам за пару «пяток» (окурков от сигарет с марихуаной) и несколько

крошек травы, которые были добыты из его машины при помощи пылесоса. Весь процесс освещался как сенсация всеми средствами массовой информации. На этот раз ему было отказано в праве подать апелляцию, что было противозаконно, - и он был немедленно препровожден в тюрьму общего режима в Калифорнии. Через девять месяцев, при помощи революционной организации Weather Underground, он совершил побег.

«Побег из тюрьмы был одним из лучших приколов в моей жизни. В рамках программы определения личности осужденного я должен был проходить множество тестов. Многие из этих тестов я когда-то сочинял сам, так что мне не составило труда давать такие ответы, согласно которым выходило будто я очень спокойный, смирный человек, которому и в голову не может прийти совершить побег, главные мои увлечения - это садоводство и лесоводство. Невозможно описать чувства, которые я испытывал, осознавая, что мне удалось совершить побег, не прибегая ни к какому насилию. Я смеялся, смеялся и не мог перестать смеяться, думая о том, что делают теперь охранники. Стоят и вертят головами. Начальство подпрыгивает и орет. Я смеялся непрерывно две или три недели.»

Тимоти и Розмари бежали в Европу и затем в Алжир при помощи партии Черных Пантер Эдриджа Кливера и его «правительства-в-изгнании»⁸. Они были преданы Кливером, стали его пленниками и через год бежали опять. Они приехали в Швейцарию и попросили политического убежища. Но президент Никсон потребовал выдачи

⁸ Черные Пантеры - экстремистская негритянская организация, выступавшая за «вооруженную самооборону негров против насилия белого человека». Ее лидерами были Эдридж Кливер, Бобби Сил и Хьюи Ньютон. К середине 1970-х годов большинство руководителей были убиты в уличных стычках, а сама организация распалась на несколько мелких гангстерских банд.

Лири. Никсон послал в Швейцарию своего Генерального прокурора, Джона Митчелла, чтобы тот убедил швейцарские власти выдать Лири. В то самое время, когда Никсон назвал Лири «самым опасным человеком в мире», международная группа поэтов, эссеистов и романистов, возглавляемая Алленом Гинзбергом⁹ и Майклом Горовицем¹⁰, распространила «Декларацию за освобождение доктора Тимоти Лири». Под ней поставили подписи более 200 мировых деятелей культуры. Это перевесило чашу весов, и швейцарское правительство выдало Лири вид на жительство. В то же самое время в Соединенных Штатах в девятнадцати различных судах рассматривались дела по обвинению Лири в распространении наркотиков. Несмотря на то, что эти обвинения были позже сняты, они усилили международное давление на Швейцарию, и в конце концов она согласилась на его выдачу. Розмари, уставшая от постоянного стресса, вызванного необходимостью быть полунницей беженкой, покинула Лири и провела следующие 25 лет в подполье; ее приключения заслуживают отдельного рассказа. Лири вскоре был снова арестован - как считают некоторые, по доносу его новой подруги, наркоманки Джоанн Харкорт-Смит, - и оказался в американской тюрьме весной 1973 года.

Лири подвергся беспрецедентному давлению со стороны ФБР, которое пыталось заставить его дать показания против тех членов Weather Underground, которые помогли ему совершить побег из тюрьмы. «Он оказался в самом центре говняной бури», - сказал Кен Кизи¹¹ об этом периоде. Тим характеризовал этот опыт

⁹ Аллен Гинзберг - американский поэт, один из вдохновителей движения «битников».

¹⁰ Майкл Горовиц - архивариус Лири. См. его статью в этом сборнике.

¹¹ Кен Кизи - американский писатель, деятель контркультуры. Автор широко известного романа «Пролетая над гнездом кукушки», позже экранизированного.

как «неописуемый, невыразимый дантовский ад». Теперь ему светило 75 лет тюрьмы, и к тому же о нем пустили слух, что он стукач, а это в федеральной тюрьме равносильно смертному приговору.

Донес ли он на своих друзей? Он предстал перед большим жури в Чикаго и дал ФБР показания на Розмари и Майкла Горовица. Но без Розмари, которая по-прежнему была в бегах, только Горовиц, его архивариус, мог подтвердить эти показания. Горовиц заявил, что поскольку он архивариус, эта информация является конфиденциальной и защищена законом. Горовиц был обвинен в неуважении к суду, но в ходе разбирательств было подтверждено, что в соответствии с законом информация действительно является конфиденциальной, и обвинения с него были сняты.

Джоанна тем временем, широко пользуясь именем Лири, открыла салон, что позволило ей завести знакомства во многих кругах андеграунда. Она много говорила о Братстве и о политических радикалах, но не сделала почти ничего для того, чтобы добиться свободы для Лири. «В чем, собственно, была роль Джоанны? Она изолировала его от друзей и тех людей, которые поддерживали его на протяжении десяти лет, и при этом тратила деньги, с таким трудом собранные на его защиту», - говорил Аллен Гинзберг. «Она гениальна, она ужасна, она невинна, она божественна. Она - космическое дитя! - восклицал Горовиц. - Но Тимоти весь тот год говорил мне, что она действует с его благословения и по его плану».

Когда Кизи посещал его в тюрьме, он сказал Лири, что его подруга - стукачка, и спросил, не хочет ли Лири, чтобы он (Кизи) свернул ей шею. Лири отказался. «Я не могу ее в этом обвинять. Она любит все эти шпионские штучки. Она тащится от них. Кто я такой, чтобы запрещать людям тащиться от чего-нибудь?.. Да и может ли вообще это кто-то делать? Джоанна и я действуем, ис-

ходя из того убеждения, что все равно все всё знают. Ничего не надо скрывать. Это кислотное послание. Пусть эти несчастные, закомплексованные, скучные создания слушают наши разговоры, записывают на пленку наш смех. Может, это заставит их врубиться. Может, они получают сияющее послание нашей любви: не надо ничего бояться.»

Тем не менее центральная пресса писала, что Лири сотрудничает с ФБР, что подтверждается судебными документами. Он дал показания против тюремного психиатра, который взял у него интервью, нарушив тюремные правила, и пытался пронести кассету с записью на волю. Кроме того, он и Джоанна сдали Джорджа Чулу, адвоката Братства, который пронес ему в тюрьму гашиш. Лири был осужден своим сыном и постепенно уходящим контркультурным движением и освобожден из тюрьмы Лагуна Бич по апелляции в июне 1976 года. После освобождения он отрицал, что давал показания против своих друзей, и пытался сделать все, чтобы прекратить распространение подобных слухов.

В течение последних двадцати лет своей жизни он продолжал быть признанным лидером альтернативной культуры. Он не был больше активным защитником наркотиков, но так и не отрекся от своей роли духовного вождя психоделического движения. «Неужели до сих пор не ясно, что психоделики - это именно то, что показали о них результаты наших гарвардских исследований в шестидесятые годы? Чудесные дары мира растительного миру животных; активаторы тех участков мозга, которые отвечают за философские исследования, научное любопытство, обостренность физических ощущений, гедонический образ жизни, юмористическую независимость, высоко толерантную восприимчивость, хаотический эротизм, экологическую тактичность, утопическое социальное единство?»

Персональные компьютеры, век информации и Интернет стали его платформой, с которой он призывал людей задумываться о своей жизни и задавать вопросы власти имущим. После его высказывания о том, что «компьютеры - это кислота восьмидесятых и девяностых», Ричард Прайс, сооснователь Эсаленского института, сказал в 1985-м году: «Я не удивлюсь, если из-за Тима Лири компьютеры запретят».

Его последнее шоу было одним из самых замечательных танцев смерти, которые нам довелось видеть. В 1994 году, когда у него обнаружили неоперабельный рак, ему предложили подвергнуть его голову криогенной заморозке, с тем чтобы разморозить ее, когда средство от рака будет найдено. После раздумий он отказался. Он умер в постели, в последний день мая 1996 года, с улыбкой на лице, смиренно. Его последними словами были: «Почему бы и нет?» Его останки были кремированы, и часть из них была запущена в космос.

Его рождение и смерть совпали - так же, как у его кумира Марка Твена - с прохождением кометы. Последние два года он жил в постоянной радости. Чем хуже становилось его физическое состояние, тем выше поднимался его дух. «Я сделал все, что хотел», - сказал он самому себе однажды вечером незадолго до смерти. Он был центральной фигурой во времена фантастических перемен, и его наследие так же необузданно разнообразно, как и психоделическое движение, которое он возглавлял. Если мы поймем его жизнь, мы сможем лучше осветить значительный эпизод человеческой истории.

ТИМОТИ ЛИРИ УМЕР Джон Перри Барлоу

Пару часов назад, в 12:45 пополудни по часам Беверли-Хиллз, старый друг и искуситель моей юности Тимоти Лири сдержал свое обещание «дать смерти лучшее название или умереть творчески». Смиренно, спокойно и бесстрашно он направился в свое последнее путешествие.

За несколько часов до этого, в телефонном звонке язвительному Уильяму С. Берроузу¹², он сказал: «Надеюсь, что когда-нибудь я стану таким же остроумным, как ты». Он не совершил публичное самоубийство в Интернете, как пугал однажды. Он не дал заморозить свою голову. И не устроил никакого другого спектакля из своей смерти, чего я опасался. Перед концом он окружил себя ангелоподобными двадцатилетними девушками,

Джон Перри Барлоу живет на ранчо в Пайндейле, Ваймонт. Он является одним из основателей Electronic Frontiers Foundation (Фонд электронных рубежей) и текстовиком группы Grateful Dead. - Прим. авт.

¹² Уильям Берроуз - американский писатель, видный деятель контркультуры, автор романов «Голый завтрак» и «Наркоман», посвященных исследованию морали, сексуальности и пределов человеческого сознания.

которые помогли ему путешествовать в Сети, и в их компании мирно отчалил к другим берегам.

Я хотел бы быть с ним в его последний час. Когда я был у него пару недель назад, он сказал: «Когда я буду покидать этот мир, Барлоу, я хочу, чтобы твое лицо было одной из тех последних вещей, которые я буду видеть». Я думаю, это была одна из самых приятных вещей, которые я слышал в своей жизни, и я надеялся осуществить это его пожелание, но смерть в очередной раз доказала нам, что она быстрее, чем кто бы то ни было. Только что раздался телефонный звонок среди этой дождливой вайомингской ночи, и вотя, раздетый, в темноте, думаю над словами, которыми мог бы проводить его.

Два года назад Синтия и я провели свой последний день вместе в обществе Тимми. Когда на следующий день она умерла, я помню, как поразительно ясным стало для нас странное отношение всей нашей культуры к смерти, как сиротливо и стыдно умирать в Америке, и мы обсуждали, как вытащить смерть из чулана, в который ее прячут. И я сделал это, оплакивая свою жену, и продолжаю оплакивать ее, наверное более публично, чем это принято в культуре, которая кичится своим стремлением завоевать и покорить себе все в этом мире.

Но Тимми разрушил эти баррикады. Он просто умер. И он умер, не притворяясь, что «ему с каждым днем все лучше и он вот-вот поправится», не позволяя себе превратить свою смерть в убогий и отвратительный медицинский эксперимент, без потакания идиотической американской привычке тратить 80% долларов, отпускаемых на медицинское обслуживание, в течение последних шести месяцев жизни.

Он умер без стыда и как всегда наслаждаясь жизнью.

Несколько недель назад насельники коммуны Лири и я взяли напрокат кучу кресел-каталок и отправились на них вместе с ним в House of Blues на Сансет-Стрип. Наверное, в этом месте раньше никогда не видели пятнадцать человек на инвалидных колясках. Мы здорово провели время и, когда ехали обратно, улыбались, думая о том, что участвовали в Последнем Отгяге Тима Лири.

Мы двигались по Сансет-Стрип в западном направлении. Солнце садилось. У розового лимузина, который я взял напрокат, был откинут верх. Две девушки, те, что были веб-подружками Тима, Труды и Камилла, восседали на багажнике, как психоделические королевы на прогулке, и двигались в такт громкой фанк-музыке, которая лилась из приемника. Они обе были прекрасны. Труды выглядела как персонаж из «Нейроманта»¹³, а Камилла словно сошла с полотен Боттичелли. Легкий ветерок обвевал наши лица, а свет был того элегического свойства, которое побуждает людей думать иногда, что Лос-Анджелес, в конце концов, не самое худшее место на свете.

Тимми протянул мне распростертую пятерню, и я ответил ему хлопком. «Жизнь прекрасна!» - крикнул он, стараясь перекричать музыку. В тот момент, когда наши ладони встретились, я увидел в зеркале заднего вида, за качающимися торсами девушек, красную мигалку полицейской машины.

Вне всяких сомнений, то поведение, которое представлялось нам совершенно безопасным и комфортным, было, с точки зрения этой культуры, одним из тех опасных безумств, которые могут привести к летальному исходу. Кроме того, я только недавно заплатил огромный штраф за то, что позволил своему другу стоять

¹³ Киберланковский роман У. Гибсона.

во время движения, высовываясь через люк в крыше моего автомобиля.

Коп остановил нас перед отелем «Бeverли-Хиллз». Он выглядел как вожатый в лагере бойскаутов.

«Офицер, - сказал я, кивая в сторону девушек, по-прежнему восседающих на багажнике, - я знаю, что мы не правы. Но, видите ли, дело в том, что мой друг умирает и мы просто пытаемся его слегка развлечь». Тимми, не говоря ничего, кротко улыбнулся копу и кивнул, когда тот на него посмотрел.

Выглядел он ужасно, но при этом явно был счастливым.

Полицейский взглянул на блаженное выражение лица обтянутого кожей черепа Тимми и потерял свой запал. «Ладно, - сказал он девушкам, - конечно, это все замечательно, но это не значит, что только потому, что он умирает, вы можете так развлекаться. Давайте, залезайте в машину и пристегивайтесь, если хотите ехать дальше». И тут я почувствовал, что смерть словно дохнула на этого парня.

За те тридцать лет, что я знал Тима Лири, я не раз испытывал благодаря ему чудесные и сногшибательные ощущения. Он был отцом, антиотцом, поделником, и благоговейным поклонником, и служителем всего женственного, что только есть в мире. Мы любили друг друга, и у нас больше общих воспоминаний, чем у меня моих собственных. Но думаю, тот взгляд, которым Тим наградил копа, я не забуду никогда.

Он, как обычно, «сделал властям козью морду», как однажды сказал об этом Олдос Хаксли. Но он сделал это, как всегда, с большим знанием дела. И с любовью.

Америка сподобилась простить Ричарда Никсона, когда он умер. Я надеюсь, что она распространит эту амнистию и на подлинного героя, доктора Тимоти Лири.

НЕЗАКОНЧЕННАЯ (Р)ЕВОЛЮЦИЯ: В ПАМЯТЬ ОТИМЕЛИРИ Фрэнк Бэррон

(Речь, произнесенная на поминальной службе в Первой Унитарной Церкви, Сан-Франциско, 12 июня 1996 года)

Мы собрались здесь для того, чтобы выразить свою скорбь по поводу смерти выдающегося человека и вспомнить замечательные времена и события его выдающейся жизни. Тимоти Фрэнсис Лири был необычным человеком, и он принял значительное участие в создании необычного движения, которое продолжает жить и после его смерти. Для нас, оставшихся здесь и идущих в будущее, это и привилегия и ответственность принимать участие в дальнейшем развитии этого движения.

Это движение получило название «психоделическая революция», хотя лучше было бы назвать его «пси-

Фрэнк Бэррон, доктор философии, почетный профессор психологии Калифорнийского университета. Именно он познакомил Лири со священными грибами в 1959 году, был одним из основателей Гарвардского Псилоцибинового проекта и является одним из выдающихся исследователей психологии творчества. Среди его книг: «Творчество и личная свобода», «Цветы с корнями: Экология творчества» и (совместно с Антеей Бэррон) «Творцы о творчестве».

ходелическая эволюция». Оно связано не только с именем Тимоти и не только - и даже не столько - с психоделическими наркотиками. Главная его заповедь - это борьба за свободу личности, сопротивление всему, что мешает развитию, всем догматическим верованиям. Оно стоит за равные права для рас и полов, за экологически "уважительное отношение к нашей планете и ответственное ему обращение с ней. Мы согласны с запретом тяжелых наркотиков, таких, как героин и крэкокаин, но будем продолжать настаивать на необходимости легализации и открытом использовании психоделических наркотиков для ускорения эволюции сознания и умножения положительного знания психохимических агентов этой эволюции.

Я рад, что эта церемония проходит именно здесь, в этой церкви, потому что Тим выступал здесь примерно 35 лет назад. Он был одним из тех, кто читал здесь серию лекций, которые я организовал как факультатив при университете Калифорнии, - восемь в общей сложности, в течение восьми недель. Название, которое я дал этому курсу, было «Тихая революция». Стоит ли говорить, что это провидческое название, с его намеком на гораздо более шумную революцию, которая шла следом, привлекло в эту аудиторию самую передовую и продвинутую публику, равно как и ораторов, каждый из которых впоследствии сыграл свою роль в грядущих событиях.

Первым выступил я, рассказав о креативном процессе в индивидууме, социуме и человеческом сознании в целом. Следом за мной выступал Марк Шорер. Он говорил о креативности в сознании писателя и художника. Марк стал героем среди битников Залива, после своей острой речи в суде в защиту Лоуренса Ферлингетти. Несмотря на то, что процесс был против книжного магазина City Lights, истинной его целью была по-

пытка очернить поэму Аллена Гинзберга «Вой». Марк назвал поэму «обвинением всем таким губительным для всего лучшего в человеке элементам современного общества, как материализм, стремление к комфорту и механизация, ведущая к войнам». Поскольку Марк был одним из ведущих критиков, его слово было достаточно веско. Подзащитный был признан невиновным - важное событие в публичной и правовой истории движения битников.

Следом за Шорером, во время третьей недели курса, на сцену выступила Маргарет Мид. На ней было длинное, до пят одеяние, сшитое, я уверен, из мешковины, и при этом она опиралась на большой посох. Она напомнила мне не больше не меньше, как саму Жанну д'Арк, взывающую к своим полкам. Разве коня и доспехов ей не доставало, но их с лихвой заменял ее энтузиазм. Своим сильным резонирующим голосом она звала в атаку. Призыв ее был обращен к женщинам и к наиболее одаренной части мужчин - или это только мне показалось? - произвести революцию в женском сознании. Моя жена Нэнси была среди слушателей, беременная нашим вторым ребенком, будущей Бриджид, и она очень внимательно слушала.

На следующей неделе выступал Джералд Пиэл, издатель журнала *Scientific American*, этой Библии передовых ученых. Пиэл высказал новый и кое в чем крамольный взгляд на невероятное ускорение научно-технического прогресса за последние два десятилетия, начиная с расщепления атома и т. д. Похоже, надвигается огромная революция - таков был общий смысл его речи.

Далее выступал Ралф Тайлер, директор Центра передовых исследований в науках о поведении. Он предсказывал колоссальный кризис и в связи с этим необходимость нового творческого подхода в сфере образования, в развитии человеческих и научных ресурсов;

учителей надо готовить так, чтобы они были способны творчески оценивать все, что готовит им грядущий информационный взрыв.

Джералд Хёрд, замечательный философ и близкий друг Олдоса Хаксли, выступал следующим. Я приглашал самого Олдоса, но он в то время боролся с неизлечимой болезнью и предложил Хёрду поехать вместо себя. Джералд говорил о необходимости постановки новых вопросов в философии, особенно по поводу отношения индивидуума и государства. «Индивидуум, - отмечал он, - должен быть бдительным в своем сопротивлении всему, что сдерживает его развитие, оказывать противодействие надвигающейся на нас более изоцированной форме коллективистского общества». Он также говорил о том, что надо создать новые религиозные ритуалы и святыни, так как прежние явно устарели и не соответствуют новому взгляду на Природу, Жизнь и Человечество. Он предсказывал грядущий кризис, вызванный вакуумом главенствующих религий. Церкви почти пусты уже теперь, говорил он.

А следом выступал Тим с речью, о чем бы вы думали? Если выдумаете, что он говорил об ЛСД или только об ЛСД, вы ошибаетесь. Он взял более широкую тему - расширение человеческого сознания и способы его осуществления. Конечно, он упомянул психоделики, но главным средством для продвижения вперед, к грядущей революции, он назвал новые представления о природе человека.

Еще одним достойным человеком из числа присутствующих в аудитории был юный Майкл Мёрфи, который только что вернулся из ашрама от гуру Ауробиндо в Индии. Он был очень увлечен вопросами эволюции сознания, и особенно пробуждения скрытого потенциала в любом человеке. Майкл позвонил мне, представился и предложил позавтракать вместе - нет, он, конечно, не имел в виду «голый завтрак» (мы были полностью

одеты, и даже в галстуках), - чтобы обсудить идею, которую он вынашивал тогда по поводу местечка под названием Эсален. Я предложил привести с собой Тима, и в результате этого ланча на свет появилось много интересных идей. Это был интересный случай творческого процесса в виде потока искр, которые рождаются в ходе обмена идеями.

Я завершил серию встреч, которые в результате вышли за пределы узкого факультатива и вскоре уже охватили не больше не меньше, как шесть больших академических аудиторий в Беркли и Сан-Франциско, где, как я надеялся, нам удастся осуществить синтез наших идей. Я еще не сказал себе: «The times, they are a changing»¹⁴, но это было на кончике моего языка. Это был ветер, который чуяли все.

Таким образом, эта церковь вдвойне священна в душах тех, кто пришел сегодня сюда, чтобы почтить память Тима Лири. Кто мог бы поверить, что революция начнется в одной из церквей Сан-Франциско? По крайней мере, именно здесь было возведено ее начало, возведено тихим собранием огромных творческих сил, которые вскоре дали знать о себе и о которых услышали везде, везде по всему миру, в добром старом американском революционном духе.

Психоделическая работа в Гарварде была в самом разгаре, и я как раз вернулся после первого года там, где совместно с Тимом осуществлял руководство Псилоцибиновым проектом. Ричард Алперт, будущий Рам Дасс, вскоре должен был включиться в работу, реализуя свою собственную тихую внутреннюю (р)евolution и принявшись за работу с того места, где ее оставил я, покинув проект. Он стал играть роль Тома Сойера, если считать, что сам Тим был в роли Гека Финна, который «удрал на индейские территории».

¹⁴ «Времена-то меняются» - название песни Боба Дилана, ставшее нарицательным.

Я многое мог бы сказать о Тиме, поскольку он был весьма многогранной личностью, но прежде всего я хотел бы остановиться на двух моментах, о которых нельзя не упомянуть, отдавая дань его памяти.

Как вы знаете, Тим происходил из ирландских переселенцев, и у него было безумное кельтское воображение, странным образом скрещенное с потаенным ирландским католическим новоанглийским пуританизмом. Католицизм? Пуританизм? Конечно, это не похоже на того Тима, которого мы с вами знали. И тем не менее, это в нем было. Что делать ирландскому бунтарю, когда нет достаточно могущественной силы, против которой можно бунтовать? И если у него нет серьезной причины, чтобы сесть в тюрьму, следует ее выдумать. Ирландский бунтарь без опыта тюремной отсидки за политику - это просто дело неслыханное.

У Тима были и другие совершенно ирландские черты. Он любил песни и поэзию, обожал старинные ирландские баллады и, конечно, был почитателем дикого воображения Джеймса Джойса¹⁵. И если некоторые из его историй чересчур затягивались, я списывал это на счет его бардовской природы. И если у него действительно были какие-то контакты с духом зла, то мне хочется здесь вспомнить историю про мифического Ирландца Конана, который, когда дьявол в аду принял его избивать, дал ему хорошей сдачи. Таков был и Тим.

Мое последнее личное воспоминание о Тиме относится к празднованию Дня святого Патрика¹⁶ в его

¹⁵ Джеймс Джойс - ирландский писатель, считающийся основоположником литературного авангарда постмодернизма. Его роман «Улисс», написанный в необычном стиле, один из памятников мировой литературы.

¹⁶ День св. Патрика - 17 марта - государственный праздник Ирландии, ставший одним из любимых ирландцами праздников. Традиционно отмечается во многих странах, где есть хотя бы толика ирландского населения.

доме, незадолго до его смерти. Поздравить Тима пришла команда его гарвардских последователей, и один из друзей пригласил группу ирландских музыкантов, которые играли и пели старинные сентиментальные ирландские песни. Они начали поэмой Йетса¹⁷, положенной на музыку, «Down by the Salley Gardens», а потом перешли на зажигательные кабацкие и боевые песни вроде «By the Rising of the moon» и «The boys of Wexford». В хоре участвовали также Шарон, Бриджид, Кэтлин, Антеа Роз Мэив, Розмари и Нэнси Джин. Тим решил почитать вслух из Джойса, «Поминки по Финнегану», начало и конец. Лиффи, река, на которой стоит Дублин, была для Джойса символом начала, круга и конца, в котором река жизни начинается снова.

Я думаю, стоит здесь вспомнить один момент из жизни Тима в гарвардские времена, о котором он мне однажды рассказывал. Он ездил с кем-то на рыбалку на рыболовном катере, и люди, которые его пригласили, наловили очень много рыбы. Тим был прекрасным спортсменом, но не из тех, которые любят кровь - он играл в гольф, теннис, бейсбол и футбол. И вот он сидел на этом катере и смотрел на разевавших рты в последней агонии рыб. И он взял одну из них в руки, и гладил ее, и разговаривал с ней, и присоединился к ее сознанию в процессе ее умирания.

Это пример очень хорошо характеризует Тима в его отношении к миру. Он видел явление изнутри, все равно - с психоделиками или без них, он видел эволюцию жизни от ДНК до человеческого сознания. Вот этому взгляду он и пытался научить всех остальных, ведь он был и учитель тоже.

¹⁷ Уильям Батлер Йетс - крупнейший ирландский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1923). Некоторые его стихи, положенные на музыку, стали народными песнями.

Я говорил уже, что Тим был многолик. Но сказать так, все равно что ничего не сказать. У него было очень много лиц, обращенных к миру, и каждый мог увидеть то лицо, которое был способен увидеть. Но кроме того, он играл разные роли в различных межличностных ситуациях - трансакции, как он это называл, - адаптировал себя к сценарию, так, как он его интерпретировал. И неважно, что из-за этого иногда происходили разного рода конфузы. Разве не является самооценка фикцией, изобретением исполнительной ветви центральной нервной системы? В таком роде он высказывался.

В некоторых своих аспектах Тим был весьма немилосерден. В жизни некоторых своих близких, равно как и миллионов людей, которых он не знал лично, он иногда был разрушительной силой. Его взгляды, превращенные его последователями в лозунги, стали руководством к действию для молодых людей, которые еще не определились в жизни и находились в процессе поиска самих себя. Помогли или помешали эти лозунги неуверенным в себе людям в их борьбе за обретение самих себя и в осознании своего пути к обретению любви? Суд над ним в любом случае был нелицеприятен. И навряд ли его извиняет фраза, которую он часто повторял: «Это не то, что я имел в виду». Его особенно осуждали за известный призыв: «Врубись, настройся, отпади». Он призывал заглянуть внутрь, защитит себя от всех программирующих личность стимулов политического мира и контролируемых им массмедиа, созданных для прибыли и войны. Это было эзотерическим посланием. Но для молодых людей, которые, вняв его призыву, «выпали» весьма буквально, причем иной раз с изрядным шумом, не являлось фактом, что «выпадение» из школы, семьи и рынка труда было не то, что он имел в виду. Его собственная жизнь была весьма организована и просчитана, подчинена плану, логике, но его воз-

звание было на грани хаоса и для неутвердившихся душ часто несло разрушительные последствия. Мы часто беседовали с ним, и он относился к этому очень серьезно. Он верил, что из взметенного хаоса возникнет новый порядок, что синтез будет более сложным, но и более реалистичным, так сказать, более элегантным.

Следует признать, что Тим часто бывал неосторожен в словах, возможно, излишне драматичен. Но здесь я хотел бы вам напомнить слова Уильма Блейка из «Бракосочетания Рая и Ада»: «Дорога излишеств ведет к дворцу мудрости... Бездеятельное желание рождает чуму... В излишестве - красота»¹⁸.

Став ближе к смерти, Тим, казалось, пытался объяснить себе все противоречия в своей жизни. Временами он казался чересчур ироничным в своем самоуничижении. «В конце концов оно пришло, что-то изысканное», - как сказал Генри Джеймс на смертном одре. Но за этим, как я чувствовал, скрывалось исключительное стремление к преодолению. Наблюдая за ним, окруженным друзьями в близости смерти, я вспоминал, что писал Тейяр де Шарден в «Будущем человека». Тейяр представлял сознание в его полном развитии тождественным безбрежному морю. Подобной этому была та духовная панорама, частью которой стал Тим перед лицом своей смерти. Чужая душа - потемки, чужая смерть - тоже, но в эти последние дни все стало прозрачней.

В память о покойном, в каком бы храме его ни поминали, я думаю, что не будет лишним вспомнить слова последней христианской молитвы: *Requiescat in pace*. Я хочу пожелать это Тимоти Лири: покойся с миром.

¹⁸ Перевод А. Сергеева.

ТИМУ ОТ ДЖОНА
Джон Бересфорд

Тим,

Ты всегда был источником изумления для меня; такой тихой казалась мне моя жизнь в сравнении с твоей. Мы встретились в роковые (и как мы оба знаем, предопределенные) дни появления ЛСД на сцене Западного мира. В первый раз я услышал о тебе, когда мы вместе с Тони Коксом были у его друга, не могу вспомнить, как его звали, и, поскольку я спешу сейчас написать эти воспоминания для тебя, у меня нет времени копаться в архиве, чтобы найти его имя. Это был длинный тощий парень, повернутый на «бобах глупых вздохов», как он называл пилюли со священными грибами, которые ты тогда раздавал в барах Гринвич-Вилледжа.

В 1960 году Джон Бересфорд, нью-йоркский педиатр, по рекомендации Майкла Холлингшеда попробовал мешалин и, с его же подсказки, заказал один грамм ЛСД у фирмы Sandoz. Когда к нему пришла посылка из Sandoz вместе с письмом, в котором фирма желала ему «счастья» в исследованиях, Джон понял, что стал обладателем нескольких тысяч доз ЛСД, и начал проект Agora Scientific Trust, в ходе которого наблюдал воздействие ЛСД и других психоделиков на человека. Некоторое количество этого ЛСД через Холлингшеда попало в Кембридж, где его впервые попробовал Тимоти Лири.

Он рассказывал нам об этом «помешанном гарвардском профессоре», который дал ему на углу улицы горсть псилоти-бобов и сказал: «Попробуй-ка вот это».

Помешанный? - Ну, нет. Гарвардский? - Это да. Профессор? - Ну, не совсем. Доктор Лири, как не без сарказма величала тебя пресса. На самом деле - и учитель, и доктор, в самом настоящем смысле этого слова. Похоже, тебе удалось научить мир заглянуть в глубины собственной души и увидеть лицо реальности. Эта реальность отличалась от той бесцветной, убогой реальности, которая досталась нам в наследство от пятидесятых, и шок от открытия новой реальности пробудил к жизни поколение, которое, по выражению Хаксли, можно было назвать антиподами. Так родилось поколение гностиков.

Возможно, самое главное, чему ты научил их, это доверие. Только твой собственный разум будет посланием тебе. Твое собственное, дружественное тебе сознание. Оно может постараться шутить с тобой шутки, проверяя, готов ли ты к путешествию. Обращайся с ним как с ребенком, которого ты любишь. Не давай ему дурачить себя. Ты главней, чем оно. Заставь его зарычать, как тиф. Конечно, тигр может съесть тебя, если захочет. Ну, пусть попробует слегка прихватить тебя. Теперь все превращается в ифу, и тифы ведут себя по тем же правилам, что и остальные игроки, раскрываясь в свете и цвете, под восхитительную мелодию свободной игры сознания. Ты, со своим лингвистическим дарованием, окрестил это «путешествием» (trip) - и слово было найдено. Да, эта жизнь, которую мы живем, это путешествие, и наша задача - убедиться, что выбранное нами направление верно.

Я не буду особенно занимать твое время, я только хочу высказать кое-что, в чем я был с тобой не согласен. Первое, это твой старый пароль насчет *set and setting*.

Ты создал целую традицию с этой фразой. Теперь любой старый комментатор, который живет за счет того, что объясняет все, что угодно, в том числе и действие ЛСД - я имею в виду такого, который сам ни разу не дерзнул попробовать магических снадобий, но тем не менее претендует на то, что все о них знает, - с самым серьезным видом вернет твою фразу про *set and setting*. Все зависит от внутреннего настроя, с которого вы начинаете, обстановки и атмосферы места, где вы принимаете ЛСД (или грибы, или еще что-нибудь). Холодная, кричаще-чистая обстановка больницы или психологической лаборатории - и вы будете напуганы и дезориентированы после приема всученного вам ЛСД. Прекрасный сад или умиротворяющая пустыня - и вы испытаете блаженство. Это, бесспорно, правда, но комментатор, который ищет материалы, чтобы набить ими свой учебник, не видит заключенного здесь парадокса. Психологическая лаборатория это изначально не то место, в котором вы должны достигнуть экстаза. Она является средством для получения нейтральной информации. Автор учебника упускает из внимания, что его мировоззрение спровоцировано неудачными опытами. Но и там не так просто создать условия для чистого эксперимента.

Испытуемый склонен считать, что не лаборатория и профессор в ней, а ЛСД которое профессор дал ему, является причиной его угнетенного состояния, паники и ужаса, когда он по ошибке принимает «тигра» за реальность. Идиотский термин «галлюцинации» тяготеет над восприятием испытуемого. Кому, на хуй, нужны галлюцинации? Ни мне, ни тебе, никому, у кого все в порядке с головой. Так почему же люди принимают ЛСД, господин профессор? Ахрен его знает, поди пойми, они, наверно, психи.

Вот здесь уже, боюсь, начинается путаница с твоим *set and setting*, ставшим расхожим штампом. Конечно, в

этом есть доля истины. «Set», конечно, весьма двусмысленно, но «setting» совсем нет. «Set» (обстановка) может означать внутреннее состояние человека, которому не стоило бы принимать ЛСД в таком месте, которое изначально отмечено печатью шизофрении, но, с другой стороны, 99% населения, для которых при приеме ЛСД все было в порядке, здравствуют и процветают. А может, это просто значит, что он встал утром не с той ноги или, наоборот, встал с той. Проблема со слоганом *set and setting* в том, что он слишком схематичен. Он не объясняет, какие преимущества или, наоборот, неудобства он приносит.

Видишь, я лезу с какими-то пустяками в твой день рождения. Что ж, больше некому это сделать, так что извини. Мы не всегда бывали едины во мнениях по научным вопросам. Пожалуй, ты прав, что науке нет места в магических опытах. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты имеешь в виду, что научные теории - это неподходящее средство для того, чтобы объяснять действие ЛСД. Бихевиоризм, разновидности анализа, *faux*¹⁹ теория когнитивной психологии, которая вытеснила бихевиоризм и психоанализ в 1960-е, - ничто из научных методов или теорий не в состоянии объяснить воздействие ЛСД. Но я думаю, что ты сделал обобщение, которое не подтвердится будущим. Исходя из несостоятельности современной философии, ты пришел к убеждению, что наука, то есть научный метод, вообще неспособна сделать понятным эффект ЛСД. Несомненно, такое неуважение к науке и послужило не в последнюю очередь причиной твоего изгнания с старого факультета Гарри Мюррэя в Гарвардском университете.

Итак, что я хочу сказать. Я думаю, что ты все-таки не полностью поставил крест на науке и в каких-то по-

¹⁹ Ложная (фр.).

таенных ее углах должно быть разумное объяснение потрясающих эффектов священных снадобий. Что, в конечном счете, послужит к ее вящей славе и, быть может - кто знает, - откроет новые теоретические перспективы, которые дадут, благодаря ЛСД, заветный ключ для ответа на загадку, которая мучила Дж. Б. Уотсона: «Что же это за штука, которую называют сознанием?»

Я думаю, а что, если бы ты остался в Гарварде и продолжил свои исследования и, быть может, обнаружил причину действия ЛСД вместо того, чтобы исполнить мечты поколения, стремившегося к духовному опыту? Что было бы сейчас с теми миллионами людей, которые навсегда останутся благодарными тебе за то, что ты для них сделал? Передача горсти пилюль с псилоцибином фирмы Sandoz на углу возле бара в Гринвич-Вилледже выросла, благодаря не кому иному, как тебе, в открытие для Северной Америки, а вскоре и Западной Европы, пути к совершенно невероятному опыту.

Как-то я разговаривал с одной знакомой, жизнь которой была спасена благодаря приему МДМА, которое открыло ее сердечную чакру, и я высказал предположение: что было бы, если бы Тим остался в Гарварде простым ученым? Моя подруга ответила, что, вне всяких сомнений, сейчас ее просто не было бы в живых. Мы все знаем, что ЛСД (или МДМА) спасает жизни, если употреблять его правильно и со знанием. Просто не надо впадать в крайности. Многие миллионы людей, которые к сегодняшнему дню уже имели опыт употребления ЛСД и родственных ему веществ, должны благодарить именно тебя за «новое вино», которое больше не надо наливать в «старые мехи». Духовная революция, которая так долго откладывалась, наконец началась. Благодаря тебе.

Итак, мы встретились в Ньютоновском центре, потом встретились в Текате на дискуссии с Авенем Торсом,

когда думали, что, возможно, и он присоединится к ЛСД-организации, затем мы встречались на острове Доминика, где, как предполагалось, может осесть эволюционная коммуна, и, наконец, встретились в Торонто, где я познакомил тебя с моей Розой, помнишь? Но наши тропинки пересекались редко. Моя собственная завела меня в смутную эпоху, которую переживает сейчас современная психиатрия, в которой нет места чему-то из ряда вон выходящему или тем более священному. И я не перестаю думать о том дне, когда настоящая теория сознания сможет быть создана при посредстве ЛСД, которое будет использовано в качестве научного инструмента. Так что мы стоим на разных полюсах этого ребуса.

Но я люблю тебя.

И прощай.

ВКРАТЦЕ
Уильям С. Берроуз

Тим Лири изменил мир и с холодным бесстрашием встречал нападки противников, которые часто доходили до истерии. Он ни разу не потерял самообладания и достоинства, благодаря полной уверенности в том, что делал.

Он был одной из наиболее влиятельных фигур века. Может быть, какой-нибудь другой век оценит по достоинству все его значение. И посмотрим тогда, где будут его противники через несколько столетий.

Я горжусь тем, что был другом Тима Лири на протяжении многих лет.

Уильям Берроуз - писатель и коллекционер оружия, ушедший от нас в 1997 году. Он с самого начала был наставником Тимоти Лири и оставался его другом и вдохновителем.

**АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИЗЫВАНИЕ
ДУХА ТИМОТИ ЛИРИ
Кэролайн У. Кэйси**

**Песня Бытия
(Из ирландского барда Амайрджина)**

Я ветер над морем,
Я волна над океаном,
Я шум моря,
Я олень с семью рогами,
Я бык семи битв,
Я ястреб над утесом,
Я слеза на солнце,
Я прекраснейший из цветов,
Я облезлый кабан,

Призванием Кэролайн Кэйси является воссоздание мифологической словесности в культуре. Ее программу «Шоу активного визионера» можно услышать по Pacifica Radio, и ее астрологически-политически-духовно-учебно-ритуальный театр выступает с представлениями по всему миру во время солнцестояний и равноденствий. Она является автором книги «Заставь богов работать на тебя - Астрологический язык души» и вскоре выходящей «Агенты гармонии: Явление героического и сострадательного трикстера как отверженного игрока в эволюционной истории». Дополнительная информация на ее Web-сайте www.spiritualintrigue.com.

Я лосось в бассейне,
Я озеро на равнине,
Я дерево на холме,
Я холм поэзии,
Я бог, что разжигает пламя в голове,
Я то, что образует форму,
Я сам образован,
Я то, что видит сны,
Я сновидец сам,
Я все существа,
Я то, чем становятся все существа.

Я Тим Лири.

Текучесть форм, эта визионерская идея кельтского барда, напоминает нам, во-первых, о бесконечном богатстве жизненных возможностей и нашей счастливой ответственности осваивать их и, во-вторых, о нашей очевидной идентичности всей жизни.

Тим Лири был ирландцем и Весами по знаку, и поэтому воплотился в обаятельного кельтского многоликого героя. Традиционные периоды безумия в лесу необходимы для баланса между экстравертным обаянием и предпосылками к статусу пророка/сказителя.

Обаяние - это благодать/проклятье и ирландцев и Весов. Слово само по себе лукаво: обаяние - это колдовство, которое накладывает чары и на обаятеля и на обаяемого. Освобождение может быть трудным, можно успокоиться, поверив в свою временную неуязвимость, наподобие того, как индейцы поверили в Пляску Духа, которая сделает их неуязвимыми для пуль бледнолицых солдат. Можно вспомнить Оскара Уайльда, еще одного ирландского барда, рожденного под знаком Весов, который недооценил мощь репрессивного закона и лишённую чувства юмора реакцию ветхого режима на его обаяние. Быть священным клоуном, который эпатирует власть напором своего юмора, демонстрировать всем

свою храбрость и быть готовым выдержать все издержки такого поведения, протеевская магическая многоликость - все это определяется Нептуном. Я была с самого начала удивлена, что по таблицам Тимоти Лири оказался под знаком Урана, а не Нептуна - технологический, интуитивный, экспериментирующий, протеевского плана трикстер-ловкач, отнюдь не нептунианский визионер-мистик. Склонный более к эксперименту, чем к экстазу. Совмещать в своем воплощении обаяние кельтского ирландского барда с протеевской сущностью ловкого трикстера - это отважное призвание и дар для всего творения в целом. Прометей похищает огонь у ворчливых богов, отнимая у них элитарные привилегии, и отдает его людям, и в наказание за это его приковывают к скале, где каждый день его печень клюет гигантский орел, но наутро она опять цела, и казнь возобновляется. Очень часто у тех, чье уранически-протеевское начало преобладает над нептунической мифологичностью, символика архетипа проявляется буквально. Печень Тима была ослаблена гепатитом С, что, согласно его жене Розмари, и явилось, первопричиной его физической кончины.

Не так широко известна более оптимистическая концовка мифа о Прометее. Прометей мог видеть свое будущее и знал, что будет освобожден Гераклом, героическим воплощением Марса, одухотворенным его собственной внутренней силой. Этот искупительный Пятый акт вселяет надежду в бунтарскую часть нашей души, отрицая всевластие богов. Сила, которую дает нам наш альянс с Марсом, определяет срок нашего пребывания в цепях. Радикальный и традиционный в одно и то же время, Тимоти получал доступ к Марсу через женщин. Проходило время, и женщина опять спасала его. Он был знаменитостью. И ирландцем. Ион вполне соответствовал наследственному типу традиционного ирландского

мужчины, о котором он сам говорил: «Изумительные говоруны, изумительные балбесы». Пока он развлекается в пабе, он - галантный поэт, поющий дивные песни о жизни и женщинах, но, пропившись, вынужденный возвращаться в холодную и грязную лачугу к жене и детям, он принимает обиженную позу из-за необходимости быть консервативным и ответственным, «тягловой скотиной» (см. «Пепел Анджелы», Фрэнка МакКорта и т. д.). Как сказал сам Тим: «Только умная женщина может спасти мир», - адресуя эти слова Мэри Мейер утонченной любовнице своего кельтского соплеменника Джона Кеннеди.

Жизнь и смерть Тима должны напомнить нам: тень, которую отбрасывает позиция трикстера и бунтаря, это тоже ярмо. «Съеден тенью» - вот эпитафия высокодуховного экстравертного идеализма. Аутентичная внутренняя мифология и равные по уровню личности в роли друзей - вот что нужно любому, кто стремится к влиянию на окружающих. Шестидесятые (протянувшиеся и до наших дней) были полны антиавторитаристами, ставшими авторитаристами. Слишком много мы видели этих «Сейчас-я-тебе-все-объясню», для которых любой, кто их не слушал, становился врагом.

Как нам напоминает «Песня Бытия», текучесть форм - это противоположность определенности, она предлагает нам дар сочувственной идентификации со всем и всеми и убеждает нас, что у нас нет врагов в танце жизни.

Когда Тим умер, вскоре после полуночи 31 мая 1996 года, Плутон был в зените, что говорит о том, что Тим был успешен в алхимии. Все условия сложились для смерти того, чье наследие сможет быть понято и оценено не раньше, чем через несколько лет после миллениума. Юпитер, Нептун и Уран всходили на востоке. Связь его ухода с ними определялась радостной необходимостью слияния с теми началами, которые эти боги

представляют в наших душах, а также в нашей культуре. Мятежный дух Тима оставил нам завещание быть священными клоунами, которые могут стать художниками социальных перемен. Алан Уотте оставил нам замечательное высказывание об отношении западного человека к религии: «Они сосут палец вместо того, чтобы идти в том направлении, которое он указывает». Тим сказал: «Смерть полностью освобождает меня от слабостей, присущих знаменитостям. Итак, долой сосание пальца, нам предстоит сыграть серьезную пьесу».

Весы представляют экспериментальную творческую форму сотрудничества - даже после смерти. Астрологические карты остаются чем-то вроде постоянных адресов электронной почты, даже после отбытия аниматора. Дух Тима освободился от своих собственных инкарнационных помех для более эффективного сотрудничества с коллективом.

Уильям Блейк в свое время накрывал стол и приглашал мертвых пророков на чашку чая. Тим дополнил Билли Блейка, сказав: «Пригласите какого-нибудь великого покойника на чай, создайте обстановку, благодаря которой он сможет участвовать в уникальности момента». (Последовав этому совету, я приглашала мертвых в качестве гостей в свое радиошоу, с ними это гораздо проще, чем с живыми, они всегда доступны и готовы к сотрудничеству с живущими. Тим Лири и Поль Робсон приходили вместе на мое шоу и продемонстрировали слушателям, что если мы и не можем общаться с мертвыми, то мертвые могут общаться с нами.) Вспоминая знаменитое высказывание Тима «каждый получает того Тима Лири, которого заслуживает», можно сказать, что мы вызываем того Тима Лири, в котором мы наиболее нуждаемся сейчас.

Писать о Тиме или читать о нем равносильно вызыванию его духа. Я путешествовала по моему досье Тима

Лири не один месяц, до тех пор пока не поняла, что я больше не в состоянии писать о нем из-за моей собственной кельтской лени (не говоря уже о том, что я тоже Весы), трикстерской медлительности, магических препятствий и прочих курьезных обстоятельств. Это продолжалось до тех пор, пока однажды, когда мы ехали в аэропорт с Бобом Форте, он не заметил, что мне было бы хорошо познакомиться с женой Тима, Розмари. Мы замешкались, пропустили поворот к ее дому, случайно свернули к супермаркету, где я направилась в туалет в баре, а Боб пошел позвонить Розмари. Когда я вышла из бара, подошел Боб, покачал головой и сказал: «Я позвонил кое-кому, узнал ее номер, но, увы, ее нет дома, я оставил ей сообщение на автоответчике...», и в этот самый момент Розмари Лири подъехала к супермаркету прямо перед нами. Я обожаю это электрическое ци, космическое время, живую магию: нам нужно встретиться с кем-то, и вот он перед нами. И более того, это сам Тим, которого я не встречала при жизни, продолжает свою деятельность, присущую всем Весам-художникам, он представляет членов своей команды и дает мне разрешение писать о нем. Позже он сообщил мне, что не возражает, если мои заметки будут достаточно кратки.

Астрологические карты живут как вечные голограммы, даже после отбытия аниматора. Юпитер производит результаты, проявляющиеся в переиздании книг, позволяя людям богатеть и после смерти. Уран соединяет траекторию Луны Тима с его Солнцем в 2003 году, сообщая нам, что к этому времени наследие Тима, его шутки, его жертвы и влияние смогут быть оценены обществом.

Астрологический язык говорит, что в XX веке было два великих периода общественных перемен, которые характеризуются появлением в паре любых из планет, называемых «боги перемен»: Плутона, Урана и Непту-

на. Первым было соединение Плутона (смерть, возрождение, сила) и Урана (трикстерский бог Тима, бог метеорологического эксперимента) в 1964-1969 годах. Этот паттерн соединился с Юпитером Тима, богом сказительства, философии и театра, в 9-м доме учения. Его представления о том, чему учиться и как учить, несомненно, претерпело определенные изменения. Он учил в 60-е годы, стал иконой того времени, затем пустился в свободное плавание и достиг на этой коллективной элементной волне подземного мира Плутона. Сабийский символ (ряд образов для каждого знака Зодиака) для его Юпитера - это «жених, срывающий вуаль с невесты; принятие ответственности». Его задача в то время - быть культурным агентом/провокатором. Он был запрограммирован жить в 60-е годы, олицетворять и воплощать дух времени и быть первым рассказчиком историй, присущих его времени.

Второй значительный период духовных изменений в обществе приходится на вторую половину 90-х годов и характеризуется появлением в паре Урана (тот же игрок, что и в 60-е годы, но на этот раз с другим танцевальным партнером) и Нептуна, бога текучих форм, грез, видения и воображения. Тим покинул этот мир, когда эта пара всходила на востоке. Сейчас мы как раз входим в эпоху, когда дары сочувственного изобретательного трикстера будут востребованы обществом. Сейчас время, когда отличные команды собираются вместе для Большой Интриги удачного социального влияния. «Сегодня ночью, верхом на Цирконе, мы переезжаем на Фоппу!»

Таблицы смерти для Тима содержат весьма специфические указания, едва уловимые улики для опытного детектива: сабийский символ для Меркурия - это «палец, указывающий на открытую книгу». Это руководит теми, кто требует немедленного озарения, но закрывает

глаза, стоит им лишь открыть одну из книг Тима (или, может быть, любую книгу, или, может, даже эту книгу), что говорит о необходимости руководства подобными людьми. В ряду своих предков Тим становится агентом божественного света.

Есть три биквинтиля, редкие 144-градусные углы (таланты больше, чем просто талант), которые описывают Тима как потрясающего вдохновителя, бога с трезубцем, который пробуждает эти таланты во всех, кто способен отозваться. Первый биквинтиль проходит от Луны в Скорпионе в 9-м доме до Венеры, возвращающейся в 5-й, артистическая форма игривого неведения смерти и превращения темноты в свет. В своем цикле Венера возвращается в Близнецы, начиная свое нисхождение в подземный мир, сопровождая Тима для того, чтобы воссоздать культуру. Даже в смерти к Тиму на свидание приходит очаровательная властная женщина. Для Луны - два образа - «попугай, передразнивающий разговор» и «женщина, открывающая занавес, скрывающий священную тропу». Священный театр возвращается, и мы видим возможность для поп-культуры стать подмостками для появления мифов родового сознания. «Представление» желает снова стать телепатическим, как это было в 60-е годы, когда реализовывалось коллективное выражение, присущее внутренней жизни коллектива.

Вторая биквинтиль проходит между северной вершиной Луны в Весах в 8-м доме и Меркурием («палец, указывающий на открытую книгу»). Этот образ дарует способность открывать духовные планы, прямую и обратную связь между видимым и невидимым - живущим и отжившим, чтобы ни одно из существ не чувствовало себя одиноким и лишенным поддержки. 8-й дом - это наследственный банковский счет, учрежденный Тимом для поддержания тех, кто продолжает изобретатель-

ные, тонкие и культурные эксперименты. Провозглашен Вечный День Умерших. Операторы всегда наготове.

Последняя биквинтиль проходит между Солнцем в Близнецах в 4-м доме (базовом) и Юпитером, восходящим на востоке. Образ для Солнца - центральная умиротворяющая связь - «Вновь Открытые Земли. Новые Области для Освоения. Проложение Тропы. Девственная Невинность». «Если я могу это делать, можешь и ты!» - уверяет Тим.

Сейчас очень ответственный момент в истории, когда все, что каждый из нас думает, делает или говорит, имеет огромное значение, склоняя баланс в сторону отмирания видов или необходимости прыжка в формообразующее прагматическое сочувствие и эффективное воплощение самого тонкого и изобретательного из всех возможных подходов. Юпитер, бог сказительства и театра, имеющий огромное влияние на процессы рождения и смерти, особенно любит этот искупительный пятый акт: как мы справимся с рассказом своей собственной истории, удастся ли нам закончить ее хеппи-эндом?

Сейчас время предложить самим себе высвободить силы сочувственного авантюризма на мировой сцене. Мы живем в дикие времена, обремененные задачей рождения и реализации глобальной мифологии родового сознания. Понимая всю огромность этой задачи, мы исполнены благодарности ко всем, кто посвятил себя этой цели - и прежде всего нашему ближайшему предшественнику, Тимоти Лири. Мы приветствуем и приглашаем на фестиваль современности любого сочувствующего трикстера, настроенного на ту же волну. Мы не сможем трансформировать апокалипсис в ренессанс без их участия, и, бесспорно, современные проблемы призывают нас экспериментировать со всем спектром возможностей сотрудничества.

Вот послание Тима для нас - знак Урана в момент его смерти: «Совет предков - скрытое руководство». В смерти Тим завершил себя, став мистиком и предлагая нам дар высокого союза, - мы можем дышать одним воздухом, даже с мертвыми. Союз видимого с невидимым - это непобедимый альянс; этот эксперимент ожидает всех, кто любит жизнь и кто служит величайшему эволюционному развитию, ведущему к счастью всех существ во всех мирах. Спасибо тебе, Тим, что ты не теряешь связи с нами. Давай мечтать, вызывать и воплощать самый прекрасный и изобретательный мир, который возможен.

Тим предлагает тем из нас, кто находится по эту сторону сна, задачу продолжать культурный расцвет через развитие воображения, чтобы стать сознательными игроками в команде творения.

Мы холм поэзии,
Мы боги, что разжигают пламя в голове,
Мы то, что образует формы,
Мы сами образовали форму для себя,
Мы то, что видит сны,
Мы сами сны,
Мы все существа,
Мы то, чем становятся все существа.

Мы - Тим Лири.

ТИМ ЛИРИ: ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ

Уолтер Хьюстон Кларк

Многие люди спрашивали меня, что я думаю о Тимоти Лири. Когда я впервые приехал в окрестности Бостона в 1961 году, в Гарварде только и было разговоров, что о профессоре Лири. Он увлеченно рассказывал о возможностях псилоцибина, и поскольку я был настроен несколько скептически по этому поводу, то решил принять участие в его семинарах, которые он организовал для студентов, изучающих религию.

Некоторые люди в Гарварде говорили мне, что его исследования бессмысленны, но я чувствовал, что должен сам пообщаться с теми из его подопытных осужденных, о которых он говорил, что они «вещают, как

Уолтер Хьюстон Кларк получил степень доктора философии Гарвардского университета в 1944 году и стал одним из самых выдающихся специалистов по психологии и религии. Он был профессором Богословской семинарии Эндовера Ньютона и деканом Хартфордской семинарии. Он автор книг «Психология и религия» и «Химический экстаз» и один из основателей Международной федерации внутренней свободы и Лиги духовных открытий. Он ушел от нас в 1994 году. Настоящая статья была впервые опубликована в апреле 1976 года в Journal of Humanistic Psychology.

средневековые мистики». К моему изумлению, я обнаружил, что в его словах была изрядная доля правды. Тюремное начальство в Конкорде и Департаменте исправительных учреждений были настроены с большим энтузиазмом. У меня была возможность побеседовать с шестью осужденными на длительные сроки людьми (пять вооруженных грабителей и один насильник), прямо или косвенно принимавших участие в его исследованиях. Еще недавно неисправимые рецидивисты, теперь они были условно освобождены из тюрьмы, оставив кто пять, а кто и тридцать причитавшихся им лет заключения, что явилось следствием энтузиазма тюремного начальства, пошедшего на беспрецедентный риск этого замечательного эксперимента. (Хотя и не во всех случаях удачного.) Позже я имел свой собственный опыт знакомства с этими веществами и полностью разделил оптимизм Тима по поводу их возможностей, при условии их разумного использования - не *на* заключенных, а с *ними*, в качестве полноценных, равноправных партнеров в эксперименте - для того, чтобы по возможности сократить число Аттік по всей Америке.

В 1963 году, за несколько недель до конца года и окончания срока его контракта, Тим был уволен из Гарварда без всяких предложений к возобновлению сотрудничества. Не было предпринято никаких попыток изучения его исследований, и в течение нескольких лет вся информация, имевшаяся о них в Гарварде, была утеряна. К этому времени общественная истерия по поводу Лири достигла апогея, и всякий, кто поддерживал хотя бы косвенные с ним отношения, подвергался ostracismu. Члены Наблюдательного совета семинарии Эндовера Ньютона запугивали меня увольнением, которого я избежал только благодаря поддержке моих коллег (включая горстку последователей Лири, оставшихся в Гарварде). С большим трудом мне удалось про-

должать читать лекции и жить той жизнью, которая соответствовала моим собственным убеждениям.

Разозленное популярностью, которую приобрел Лири по всей стране в результате огласки истории с его увольнением и всего, что было связано с этим, правительство США арестовало его, когда небольшое количество марихуаны было обнаружено в его машине во время приграничного инцидента, который, как уверял Лири (и я ему верю), был подстроен. Власти Калифорнии приговорили его к десяти годам тюрьмы, и еще пять лет ему добавили за побег. Сейчас он находится в заключении в федеральной тюрьме в Сан-Диего.

The Newsletter предложил мне написать свое мнение о Тимоти Лири, потому что я хорошо его знаю и общался с ним на протяжении нескольких лет. Однако, поскольку Тим весьма сложная личность, читатель должен понимать, что моя оценка далека от истины в последней инстанции.

Соревнуясь с заочным осуждением, которое вынес Тимоти Гарвард, некая группа в Сан-Франциско недавно организовала свой суд, чтобы расследовать «обманы Лири», также в его отсутствие. Я не хочу сказать, что Лири никогда не лгал. Я допускаю, что, если бы его мать пряталась в шкафу от убийцы, он соврал бы ему, сказав, что не знает, где она, так же как сделал бы это в каких-нибудь обстоятельствах, чтобы защитить себя или своих друзей. Но я могу свидетельствовать, что я никогда не подозревал, что он может говорить мне неправду, и даже не допускаю подобной мысли. Напротив, я не раз имел случай убедиться в его абсолютной честности по отношению ко мне и другим людям.

Я также могу сообщить, что с тех пор, как я поступил в Гарвард еще в 1925 году и получил три научные степени, я не встречал более одаренного гарвардского профессора, чем Тимоти Лири. Более того, ключ к разгадке его личности можно найти в выдержке из Уильяма

Джеймса²⁰, которая иллюстрирует его определение святости в «Разнообразии религиозного опыта»:

«1. Ощущение причастности к более великой жизни, чем жизнь этого мира с его эгоистичными, мелочными интересами; и убеждение, не вполне интеллектуальное, но, как правило, чувственное, в существовании Идеальной Силы...

2. Чувство дружеского участия Идеальной Силы в нашей жизни и желание полностью отдаться в ее власть.

3. Чувство огромной радости и свободы по мере растворения личности в Абсолюте.

4. Смещение эмоционального центра в сторону чувства любви и гармонии, по направлению к "да, да", и отдаления от "нет, нет", то есть от областей, где концентрируется негативное эго».

Вышеприведенный пассаж не является массовым стереотипом священного, но он вполне подходит к Тиму. Один из самых опасных массачусетских преступников сказал мне, что Тим был первым человеком в его жизни, которому он смог полностью доверять, когда тот сказал, что он на его стороне. Другой осужденный, не менее опасный, сказал, что Тим был единственным человеком, о котором ни один из осужденных не сказал ни одного слова критики. С подобными признаниями должны посчитаться даже самые ярые враги Тима. Несмотря на то, что он был предан, ограблен и подставлен тысячами людей, я никогда не видел его раздраженным или обиженным, за исключением одного случая, когда один самонадеянный и наглый адвокат привел ему полный дом гостей, которых Тим обнаружил, вернувшись среди ночи домой. Мишель Ошар, его доверенное лицо в Швейцарии, который несет ответственность

²⁰ Уильям Джеймс (1842-1910) - один из наиболее влиятельных американских философов и психологов, основатель прагматизма.

за его арест швейцарской полицией, убедил его подписать долгосрочный контракт с ним как с деловым агентом, благодаря чему получил возможность нагреть Лири на тысячи долларов, удостоился от него только нескольких, написанных с мягкой иронией слов в книге «Confessions of Hope Fiend» («Признания Адепта Надежды»). Многие люди, встречавшие его в жизни, свидетельствовали о его доброте и человечности. И я никогда не замечал никаких проявлений высокомерия с его стороны.

Иисус учил своих учеников «быть мудрыми, как змии, и простыми, как голуби». Тим часто казался мне «мудрым, как змий». Однако, несмотря на неординарные творческие способности, вряд ли кто-нибудь мог бы назвать его чрезмерно хитрым. Он не придавал значения мелочам, тратил деньги - когда они у него случались - только чтобы поскорее истратить их. Кроме того, его «радость и свобода», его поспешность сказать «да, да!» практически всему, что посылала ему жизнь, часто приводила к таким ситуациям, из которых его не всегда удавалось вытащить даже близким и друзьям. Блестящий в творческом плане, он принимает все, кроме системы. Это освобождает его ум для более широкого, чем у прочих, обзора (некоторые называли его грандиозным), и даже друзья (включая меня) не уверены, не дурачит ли он всех в своей «Терра II»²¹. Почти, как Джонатан Свифт, он облакает свои утопические идеи в форму сверхироничной риторики.

²¹ В 1973 году, будучи в Фолсонской тюрьме строгого режима, Лири написал несколько книг. Если «Неврология» касалась проблем эволюции разума, то «Терра II» была посвящена космической миграции, и в то время казалась фантазией о победе из тюрьмы. Позднее Тим вспоминал, что в тюрьме его посещал Карл Саган, чтобы поговорить о межзвездных путешествиях. В настоящее время НАСА, кажется, серьезно рассматривает предложение Джеральда О'Нила о строительстве космической станции (см. журнал *The CoEvolution Quarterly*: Fall 1975, p. 4-28). Тим, как обычно, настолько забежал вперед своего времени, что лишь немногие могут оценить широту его мысли. - *Прим. авт.*

Вдобавок к этим качествам он еще и весьма упрямый человек. Достаточно вспомнить хотя бы историю с его молчанием в течение года в Уэст-Пойнте. Достойное всякого сожаления деспотическое поведение гарвардского начальства могло запугать кого угодно, но только не Тимоти Лири, в результате чего он приобрел у истеблишмента дурную славу гамельнского дудочника, который искушает молодежь веществами типа ЛСД. Это не раз ставилось ему в вину, в том числе даже некоторыми из его приверженцев, поскольку вызванный им скандал явился причиной сворачивания научных исследований психоактивных веществ.

Я и сам в то время был раздосадован на него за это, пока не задал себе вопрос, а действительно ли Гарвард продолжил бы эти исследования, если бы не шум, поднятый из-за Лири. Вскоре после его увольнения все серьезные исследования с психоделиками в Гарвардском медицинском институте были закрыты. После этого я не припомню ни одного гарвардского ученого, который пошел бы на риск продолжить эксперименты на человеке с этими интересными и в минимальной степени опасными веществами.

Если бы я был на месте Лири, я не стал бы действовать подобным образом. Хотя и у меня были моменты, когда я восхищался той смелостью, с которой он открыл молодым и открытым душам достоинства ЛСД. Другие страны не рискнули и, соответственно, не приобрели славы открытия новых горизонтов сознания путем использования психоактивных веществ. Как писала мексиканская газета *Темпо*, Гвидо Бельсассо, выпускник Гарварда периода Лири, поддержал полицейский рейд на Институт психосинтеза. Полицейские, размахивая пистолетами и автоматами, ворвались в институт и арестовали доктора Сальвадора Роке, его ассистентов и двадцать пять пациентов групповой терапии. Роке и его

ассистент Пьер Фавро провели пять месяцев в тюрьме и были освобождены, только когда доказали свою невиновность. Подобные эксцессы имели место в других странах при попытках использования психоделиков для облегчения человеческих страданий, даже несмотря на то, что эти попытки были успешны, как в случае с доктором Роке. Столь же печальные вещи происходили и у нас, я имею в виду изгнание из Гарварда профессора Лири и попытки правительства подорвать то доверие, которым он пользовался у молодежи.

Мы все помним, что потребовалось целое столетие, прежде чем медицинская общественность наконец признала несомненную пользу вакцинации в борьбе с оспой. А сейчас мы становимся свидетелями того, что феномен ЛСД, который был открыт обществу десять лет назад, становится предметом дискуссии в кругах, отвечающих за душевное здоровье. На них мы возлагаем свои надежды на конструктивное использование этих мощных химических инструментов. И, не будь Тимоти Лири, разве мы узнали бы об их неоспоримых достоинствах?

Как знать, на пороге XXI века будет ли Тимоти Лири восприниматься как искуситель молодежи, нанеший вред своими исследованиями психоделиков, или же один из выдающихся мыслителей нашего времени? Он сложная фигура, у него есть свои недостатки, но при этом ему присущи и блестящие интуитивные прозрения. Я не знаю другого человека, который допустил бы столько ошибок. Но я и не знаю другого человека, перед которым я испытываю такое же восхищение и в котором я чувствую такую глубокую цельность, и не важно, как много раз он ошибался. Я не знаю, как история оценит эту привлекательную личность. Но если мне позволительно высказать мое предположение, то я думаю, что не пройдет и двадцати пяти лет, как он займет почетное место одного из самых выдающихся мыслителей

нашего времени, одного из пионеров, создавших интеллектуальную закваску, из которой вырастут многие новации грядущего века.

Если ограничиться только его вкладом в медицинскую науку, можно сказать, что он стоит в одном ряду с такими выдающимися учеными, как Рональд Лэйнг, Станислав Гроф, и особенно Сальвадор Роке, наиболее одаренным, тонким и при этом смелым из всех наших психоделических пионеров. Все эти люди чем-то обязаны Тимоти Лири, и им известно, какие скрытые силы прячутся в психоделических веществах и какую пользу они могут принести при правильном использовании. Землекоп не станет пользоваться киркой, если земля поддается лопате, но это не значит, что кирка бесполезна. Психоделики в умелых и опытных руках - это мощные психотерапевтические лопаты, используя которые можно целить души, когда возможности других инструментов исчерпаны. Эти виды целительства связаны с глубинным опытом, к которому прежде всего подходит термин «религиозный», несмотря на то, что официальные религии его не признают.

Без малого пятнадцать лет я изучал и исследовал эти потрясающие вещества. Я пришел к мнению, что Тимоти Лири вкупе с психотерапевтами, которых я упоминал выше, и многие другие, кто сочетал истины, почерпнутые из психоделиков, с большой личной смелостью, оставили далеко позади официальных психиатров, которые уже выцвели до полной бледности в своих попытках разгадать загадки человеческой природы. Но с самого начала человеческой истории были первооткрыватели, такие, как Сократ и Галилей, которые отказывались от компромиссов, подвергались преследованиям, претерпевали тюрьмы и казни.

РАМ ДАСС ВСПОМИНАЕТ ТИМА

Интервью Рам Дасса, взятое Робертом Форте и Ниной Грабой

Р. Ф.: Когда мы обратились к тебе с просьбой поучаствовать в книге воспоминаний о Тимоти, ты сказал: «Это будет трудно». Что ты имел в виду?

Р. Д.: Дело в том, что Тимоти был одним из самых сложных людей, которых я встречал в своей жизни, и соответственно мое отношение к нему тоже было очень сложным. Так что выразить его в обычной и понятной манере не так-то просто. Подчас отношения между людьми могут быть весьма тонкими и неконцептуальными, и вот именно такими были наши с Тимом отношения. Описать их не очень просто, потому что там и любовь, и уважение, и разочарование, но и огромная признательность, в общем, весь спектр возможных отношений.

Р. Ф.: Тимоти достаточно глубоко повлиял на очень многих людей, но, наверное, ни у кого не было с ним

Рам Дасс (урожденный Ричард Алперт) - автор многочисленных книг, наиболее известные из которых «Психоделический опыт (в соавторстве с Тимоти Лири и Ралфом Метцнедом)», «Будь здесь», «Это только танец», «Зерно на мельницу». В 1960-1963 годах, будучи приглашенным преподавателем педагогического факультета Гарвардского университета, стал одним из основателей Международной федерации внутренней свободы и Лиги духовных открытий.

таких близких отношений, как у тебя в гарвардский период. Можно ли сказать, что ваши отношения, так сказать, сформировали образец для коллективного подражания?

Р. Д.: Сильно сомневаюсь. Наши с ним отношения - это продукт коллективного невроза. Мои неврозы того времени для меня вполне очевидны. Я вряд ли подхожу на роль типичного гражданина в смысле типичной реакции на окружающих. В то время мы были задействованы в невероятно интенсивной психодинамике, протекающей в пропорциях мифов и архетипов. И я не знал, что я был по отношению к Тимоти «самым близким». Конечно, мы проводили много времени вместе и мы были очень близки, но Тим, в некотором смысле, был близок к кому угодно. Тим мог проводить с каким-нибудь человеком больше времени, чем с другими, но я думаю, что люди, которые были по-настоящему близки ему, сами никогда не чувствовали себя такими. Я думаю, мы обычно ожидаем, чтобы люди были нам близки психодинамически, но Тим никогда не интересовался этим планом сознания.

Р. Ф.: А каким планом сознания он интересовался?

Р. Д.: Тимоти всегда почитал Истину, суть, - я имею в виду метафизическую истину, впрочем, так же как и психологическую и социальную истины, и он стремился быть ученым в высшем смысле этого слова. Он хотел добиться понимания вселенной в систематическом плане. Он был настоящий педант. Он много читал и потом словно пропускал все сквозь волшебный фильтр своего сознания, и, когда говорил об этом, казалось, что его мысль идет из самых глубин, у него было мощное сознание, я все время чувствовал эту мощь, когда мы были вместе.

Н. Г.: Была ли его роль духовного революционера аутентичной или это была игра для его «я»?

Р. Д.: Ну, я бы не стал здесь говорить об его «я». Я бы сказал, что он был скорее социоцентричным, чем эгоцентричным. Он играл социальную роль. Я не думаю, что в случае с Тимом можно говорить о самовлюбленном эгоцентристе. Он просто играл разные роли, наполняя их обаятельным содержанием.

Н. Г.: Почему он так провокационно эпатировал истеблишмент?

Р. Д.: Ну, это особая история. Тим - ирландский бунтарь против англичан. Он был подпольным борцом с истеблишментом. Это один из главных мифов его жизни. Если вы дружили с властью, то вы не могли подружиться с Тимоти. Я постоянно должен был беспокоиться о сглаживании углов в его отношениях с властью. Мне не всегда это удавалось, но тем не менее я пытался, а Тимоти постоянно смешивал мне все карты.

Р. Ф.: Я помню, я один раз задал тебе какой-то вопрос о нем и ты сказал: «Тимоти, конечно, великий человек, но у него проблемы с властями». И я подумал, что это как раз то, что в первую очередь делает его великим, потому что авторитаризм - это большая проблема.

Р. Д.: Вне всяких сомнений, мозаика его личности включала и роли, которые он играл в обществе. Все это было необходимо. Именно поэтому антиавторитарная часть его личности ставила под большой вопрос то, что психиатры говорили об ЛСД, в то время как мне - выходцу из благополучной еврейской семьи - и в голову не приходило ставить мнение психиатров под сомнение. Тимоти открыл мне глаза на то, что мнение представителей официоза не обязательно является истиной. Я был воспитан не ставить их под сомнение.

Р. Ф.: Это еще одна из его мистических ролей.

Р. Д.: Да, роль, а с другой стороны, но какой властью он обладал! Он был единственным в те времена, кто позволял себе вести себя подобным образом. Фрэнк

Бэррон тоже мог бы многое сказать, но он не был готов протрубить об этом всему свету. Тимоти боролся за свободу совести, а это была, прежде всего, общественная, политическая позиция.

Р. Ф.: Свобода совести? Что именно ты под этим подразумеваешь?

Р. Д.: Свобода от внешнего контроля над тобой со стороны социальной системы. Другими словами, мы имеем право сами свободно распоряжаться своим сознанием. И он чувствовал, что это одна из наших главных свобод.

Р. Ф.: Ты имеешь в виду, что это что-то выходящее за пределы просто законодательства о наркотиках. Существует бессознательная манипуляция нашим сознанием со стороны истеблишмента, и мы имеем право бороться за свободу от нее.

Р. Д.: Вот именно. Сознание не обязано быть частью истеблишмента. Это истеблишмент может быть частью сознания. Есть что-то вроде заговора, целью которого является определение реальности в одном допустимом ключе, и мы должны от него освободиться, и вот именно об этом говорит буддизм, о необходимости освобождения из этих ловушек сознания. Итак, мы говорим о чем-то очень глубоком, мы говорим о свободе человеческого сознания. Тим видел отношения, существующие между духовным или измененным состоянием сознания и общественно-политической ситуацией, он хотел свободы для изменения сознания, а не просто свободы для сознания, а это неизбежно ведет к постановке вопроса о том, кто контролирует метод.

Р. Ф.: А это как раз разговор, которого ты всегда старался избежать. Ты не хотел обсуждать политику.

Р. Д.: Ну, прежде всего, в те дни Тимоти был политически гораздо более искушен, чем я, гораздо больше. Я был психодинамичен, поэтому после моего пси-

лоцибинового опыта я начал работать с ним на двух уровнях: во-первых, я хотел открыть мистическую сторону псилоцибина, а во-вторых, дать новое определение понятия психодинамики личности. Это меня завораживало и казалось тем путем, по которому стоит идти. Тимоти же более интересовали социально-политические аспекты. Я этого не избегал. Я вспоминаю, что когда я находился в Индии, получил эти вырезки от Аллена Гинзберга, который был на Демократическом съезде, где его избili и всякое такое²². Это был 1968 год. А я сидел в храме, смотрел на эти вырезки и думал: «Он на линии фронта, он говорит: "Я в это верю", и он борется за свои взгляды. А что делаю я? Я убежал от жизни, я прячусь здесь, в этом храме». Но потом я подумал: «Но что я на самом деле делаю в этом храме? Я провожу 15 часов в день, изучая свою собственную душу, может, это тоже передний край?»

Р. Ф.: Как ты думаешь, то, что Тимоти отождествлял наркотики с контркультурой, привело это к тому, что мистические цели, с научной точки зрения, стали более трудно достижимыми? Профессиональные исследователи психоделиков сегодня считают, что его поведение создало много проблем, потому что он создал антагонизм в обществе, поляризовал его, и в результате наркотики были запрещены.

Р. Д.: Ну, в любом случае другого пути не было. В то время мы все здорово загуливали; Кен Кизи принимал участие в экспериментах с кислотой в Сан-Хосе, Лос-Анджелесе и в других местах. Газета San Jose News напечатала на первой полосе статью под названием «Наркотические оргии в Сан-Хосе». Было очевидно, что это

²² В 1968 году в Чикаго во время съезда Демократической партии полиция разогнала агрессивно настроенную демонстрацию молодежи, применив слезоточивый газ. Руководители демонстрации, так называемая «Чикагская семерка», были осуждены.

должно было стать темой горячей политической дискуссии в самое короткое время. Все развивалось слишком стремительно. Если бы у нас были лишние полгода или год для того, чтобы подготовить общество к более лояльному принятию наших исследований. Несомненно, мы должны были быть более политкорректны и уравновешенны. Олдос досадовал на Тима за это, и многие другие тоже. Но мне кажется, Тим был в любом случае слишком далек от приемлемых экспериментальных моделей. Он был увлечен собиранием данных об экспериментах с музыкантами, художниками, писателями, у него была теория естественных медиумов. Было не так просто проводить натуралистические исследования в бихевиористском обществе. Я думаю, мы могли бы продолжать играть в эту игру с университетом еще долго, потому что в университетских кругах была сильна тенденция дать полную академическую свободу ученым, но мы перегнули палку и напугали их.

Р. Ф.: Я вижу эту книгу чем-то вроде ответа на ту книгу, которая недавно вышла в Англии, это протоколы симпозиума, посвященного 50-летию ЛСД, проведенного компанией Sandoz и Швейцарской академией медицины. Президент Швейцарской академии открыл конференцию речью, в которой отметил научные возможности ЛСД, но в конце сказал: «К сожалению, ЛСД не осталось только на научной сцене. Оно попало в руки эзотериков и хиппи и использовалось бесконтрольно». Это, конечно, не факт, что эзотерики и хиппи употребили больше вещества, чем собирались употребить ученые на научные исследования. До сих пор «наука» бьется над разгадкой механизма действия этих веществ. Тим думал, что вещества должны покинуть стены лабораторий для того, чтобы принести какую-то пользу. Он отвечал на важные вопросы, демонстрировал «set and setting» и добился определенных результатов, - если не сказать больше.

Р. Д.: Я думаю, то, что случилось с психоделиками в начале 60-х годов, так основательно изменило это общество, что оно до сих пор еще только пытается осознать, что случилось. Грибы и их исследования, все это распространялось хиппи, менестрелями, рок-н-роллом, вторгалось в коллективное сознание, пока, наконец, не стало его направлять высветив относительную природу реальности. И это огромная, глубокая перемена, которая произошла с нашим обществом.

Р. Ф.: Это потрясающе, но общество до сих пор не поняло, не оценило, чем на самом деле являются эти вещества.

Р. Д.: Нет, не оценило. И пожалуй, это удивительно и прекрасно. Потому что они представляют опасность для людей, заинтересованных в том, чтобы реальность была абсолютной.

Р. Ф.: Как вы отнеслись к тому, что вас выгнали из Гарварда?

Р. Д.: Сейчас я понимаю, что это было для меня неоценимым подарком. Самое главное, что со мной случилось в тот момент, когда я занимался грибами, это то, что, наверное, в первый раз с тех пор, как мне было два года, я слышал самого себя изнутри; я использовал свой внутренний критерий для оценки моего существования больше, чем внешний критерий.

Р. Ф.: То время было ренессансом для многих людей.

Р. Д.: Да, пожалуй... Однажды преодолев страх потери контроля, я впервые смог увидеть вещи такими, какие они есть на самом деле, и испытать восторг на самом краю хаоса, и примерно такой же процесс трансформации происходил и со всем обществом. Это было по-настоящему страшно, потому что иногда казалось, что ситуация выходит из-под контроля.

Р. Ф.: Страх потери контроля?

Р. Д.: Страх чего бы то ни было, что взрывает общество. Большой страх, что психоделическая революция или эволюция отбросит общество назад к тупости и равнодушию.

Р. Ф.: Индуистская космология представляет развитие мира в виде больших циклов, и это стало уже почти клише, что мы находимся сейчас в темном периоде Кали-Юги. Как ты к этому относишься?

Р. Д.: Я не заключаю свое сознание в рамки мифологических структур. Я имею в виду, что я могу представить Армагеддон, Век Водолея, Кали-Югу, которая перейдет даже в Сат-Югу или в Пралайю, когда все растворится и станет ничем. Все это кажется мне вполне реалистичным. И мне все равно, как это назвать, какое дать имя этому сценарию, если главное, что я должен сделать, это успокоить свой ум, открыть свое сердце и постараться помочь страдающему человечеству. Вот и все. И это дает мне чувство радости. Когда вы спрашиваете, что все это значит, вы хотите получить концептуальную структуру, хотите заключить в тюрьму то, что туда не помещается.

Р. Ф.: Возвращаясь к Тимоти, можно вспомнить, что он любил использовать метафоры. Ты, наверное, слышал его изречение о том, что треть всего, что он сказал, это дерьмо собачье, треть - полная лажа и треть - то, к чему можно прислушаться. Это дает средний уровень в 33,3%, вполне достаточно для зала Славы. Что было «дерьмом», а что было - «нормой»?

Р. Д.: Ну, это будет весьма непросто определить. К примеру, его борьба с истеблишментом, с властью, «дерьмо» это или это часть процесса? Я не оцениваю это в бейсбольных терминах, я предпочитаю термины процесса. Тимоти использовал метафоры, он вползал и выползал из них, как улитка, которая прячется в домик. Метафора служит для того, чтобы бросить быст-

рый взгляд на то, что не стало понятием. Так что я не думаю, что буду оценивать их как его «дерьмо». Я отношусь к этому как к чему-то мимолетному; в какой-то момент все служит своей цели, и наконец вы начинаете видеть баланс, гештальт.

Р. Ф.: В книге «Хаос и киберкультура» Тимоти сказал, что главное было - создать хаос. Конечно - это была еще одна его шутка.

Р. Д.: Да, Тимоти был провокатором. А я только учился на него. Я был слишком буржуазен и воспитан. А Тимоти был тем еще мошенником. Он испытывал восторг от хаоса. Но в нем жили две силы. Он был весьма аккуратен. Записи, которые он вел, он хранил в особых папках и в полном порядке. Это был отнюдь не хаос, это его другая черта: как он собирал материалы и как он относился к ним, думал о них, структурировал их! А с другой стороны, с точки зрения социальной, он всегда балансировал на краю и всегда отталкивался от края.

Р. Ф.: Это всегда проблема - отношения между мистицизмом и политикой.

Р. Д.: Тимоти всегда говорил, что мистик и визионер всегда в шаге от тюрьмы, пока класс священников правит миром. У него было чувство истории, чувство, что, хотя он может казаться неуместным сейчас, через две сотни лет он будет выглядеть совсем иначе. Идея «не оставлять следов», пожалуй, чересчур дзеновская для Тима. У него было чувство поколений в истории.

Р. Ф.: В последние годы, особенно после его освобождения из тюрьмы, казалось, что он живет более в физическом, нежели духовном измерении. Это выглядело так, словно он утратил свою духовность. Как ты думаешь?

Р. Д.: Это не так. Он жил духовной жизнью, но он просто не интересовался какими-то планами сознания. Он был увлечен возможностями интеллекта, его пределами

и тем, как далеко их можно раздвинуть. Он любил концептуальные игры, и вопрос в том, играл ли он в них, ист пользуя неконцептуальное пространство чистого духа. Он мог казаться не на пути духа, в том смысле, что это не имело отношения ни к каким мифам или моделям. Возникает вопрос, где же он был? Где его можно поймать? Я чувствую кого-то для чьих поисков мне не нужен гуру, и этот кто-то стоит передо мною. Я знаю, что я сам где-то стою, и я не уверен, что я смогу его увидеть, если он не стоит где-то, понимаешь? Так, сейчас я работаю в тибетском Джогичене, в пространствах чистого сознания, в которых нет никакого астрального содержания, нет дуализма, нет богов и богинь, которые все время превращают формы в бесформенное, наслаждаясь игрой феноменов. И вот это сильно похоже на Тимоти. Я никогда не воспринимал его как учителя Джогичена, но он всегда шел по этому пути. Это было какой-то частью его, и это значит, что он не был полностью пуст. Но в нем была духовность именно этого качества.

Р. Ф.: Он был очень открыт в личном общении, казалось бы он был готов уделить максимум внимания. Когда ты с ним познакомился, он уже был таким?

Р. Д.: Я думаю, он всегда был таким.

Р. Ф.: Он был как ребенок. Он никогда не думал о прошлом или будущем, казалось, он всецело поглощен настоящим.

Р. Д.: И это всегда бесит людей, они всегда озабочены тем, что будет завтра. Ганди говорил: «Моя главная заповедь - это быть правдивым и не быть логичным».

Н. Г.: Тимоти так далеко впереди. Он как человек из будущего, его сознание обогнало всех.

Р. Д.: Сознание - это забавная вещь. Как бы оно ни развивалось, оно никогда не достигает предела. В ту минуту, когда ты осознаешь это и начинаешь пред-

почитать просто быть, вместо того, чтобы знать, ты как раз и переходишь на следующий уровень. Быть далеко впереди - это *cul-de-sac*²³ в определенном смысле.

Р. Ф.: Дело не только в его сознании. Я часто наблюдал эту детскость, это гениальное качество в нем, как он с легкостью мог играть в крокет у себя на заднем дворе или рассуждать на метафизические или научные темы.

Р. Д.: Да, мы с ним в свое время здорово веселились. Отличные были времена. Это было как игра в космосе, как «гигантские шаги». Тимоти пригласил меня в эти пространства, и я был в совершенном восторге от них. Сколько у нас с ним было кислотных трипов вместе, сколько жизни вместе прожито, в Мексике, в Миллбруке, в IFIF. Это незабываемо. Я вспоминаю вечера в Миллбруке, возле горящего камина, с семьей, с Мэйнардом и Фло Фергюсон или с кем-нибудь еще, кто бы там ни оказался. Тим и я, Ралф и Сьюзан, мы сидим в темноте и только огонь освещает наши лица, мы словно играем в космическую игру, у нас одна душа и все эти голоса, сливающиеся в единый хор. Это были прекрасные моменты. После этого я уехал в Индию и там, с максимальной скоростью, принялся жадно впитывать все, что мог. В результате я обрел эту роль гностического посредника, взяв на себя задачу интегрирования восточной метафизики в западную психологию.

Р. Ф.: Повлиял ли как-то Тим на твоё решение ехать на Восток?

Р. Д.: Ну, до меня там уже побывали и Аллен Гинзберг, и сам Тим, и Ралф, и было совершенно ясно, что поехать туда необходимо, потому что руководство к пониманию того, какого же черта мы все делаем, могло прийти только с Востока. Тим предвосхитил события.

²³ Тупик (фран.).

Что особенно потрясает, так это то, что на обратном пути из Альмори в Дели автобус сделал остановку в Канчи, где и находится мой храм - крохотный храм на небольшой дороге. Человек, которому предстояло впоследствии стать моим учителем йоги, вошел в автобус и сел рядом с Тимоти. Он произвел большое впечатление на Тимоти, и когда они приехали в Наниталь, попутчик вышел из автобуса и стал быстро удаляться по дороге. Тимоти импульсивно вышел и пошел за ним. Он уже был на середине площади, когда водитель нажал на клаксон. Автобус ехал в Дели, и Тимоти решил все-таки вернуться. Но, если бы он продолжил свой путь, он познакомился бы с моим гуру, с которым я встретился два года спустя на совершенно другой дороге. Ты чувствуешь, какая потрясающая игра во всем этом...

Р. Ф.: Тим говорил, что одна из вещей, о которых он сожалеет, это то, что он расчистил пути для проникновения различных гуру с Востока.

Р. Д.: Ну, это отдельная история. Я думаю, восточные люди не были готовы к тем искушениям, которые они встретили на Западе. Многие из них, считая себя свободными, выдавали желаемое за действительное. Я думаю, Тим имел это в виду. Они привезли с собой очень глубокую истину, но при этом было вовсе не обязательно, что они сами являлись ее представителями, и проблема была в том, что обучение было не просто работой. Другими словами, это не просто передача. Они могли донести информацию, но были не в состоянии осуществить полную передачу. Но среди них было несколько по-настоящему замечательных людей. Например, Тругпа Ринпоче был ничего и Калу Ринпоче тоже. Было немало интересных людей, но многие из них уклонились в сторону; для них это был процесс созревания. Аллен Гинзберг первым привез Бхактиведанту, ин-

дуизм. Это было еще задолго до того, как Тим отправился в Индию.

Я ощущал что-то из того, что я постиг и должен передать, с такой же уверенностью, как миллионы людей, которые на своем личном опыте тоже что-то попробовали и оценили, и, что бы это ни было, я чувствовал, это то, что надо. Это чувство, это вера в возможность освобождения человека. И это очень глубоко во мне. От грибов, через очарование Тимоти - к мудрости Ним Кароли Баба. Два события определили две стадии моего пути. Первое, это когда я осознал, что я не то, чем себе казался, и я понял относительность всего. И, второе, когда я встретил Махараджи, я постиг все формы и ничто. Я чувствовал, что есть ничто и при этом все.

Р. Ф.: Это настоящая позиция - заявлять, что мы не свободны. Это ренессанс духовности. Осознание себя заключенными?

Р. Д.: Хорошо сказано. Это гурджиевская тема: «Главное - это, даже если ты и сбежал из тюрьмы, ты должен сознавать себя в тюрьме. Если ты чувствуешь себя свободным, побег невозможен».

Р. Ф.: Воспринимаешь ли ты Тимоти как гуру?

Р. Д.: Знаешь, в Индии есть различие между Упагуру и Сатгуру. Упагуру - это гуру на твоём пути, которые открывают перед тобой двери, но сами они не гуру, достигшие освобождения. Разница между Тимоти и Ним Кароли Баба была в том, что, сколько я ни пытался постигнуть Ним Кароли Баба, я не мог его найти. Не было ничего, на чем он стоял, и при этом не было ничего, на чем бы он не стоял. И когда я общался с Ним Кароли Баба, я должен был иметь дело с этой реальностью, а когда с Тимоти - нет, в этом разница. Но Тимоти освободил меня из многих ловушек. Он сделал для меня неоценимо много. Он был очень терпелив, ведь в каких-то сетях я запутался основательно. Он определенно играл на большем числе уровней, чем я.

Р. Ф.: Ты говорил, что, когда ты с ним познакомился, он показался тебе самым творческим из всех людей, которых ты встречал в своей жизни. Что ты имел в виду? Творческий, как ученый мыслитель, или стратег или исследователь?

Р. Д.: Да, тот, кто может организовать сет. Так я определил бы креативность.

Р. Ф.: Давай взглянем на его харизму. Было ли в ней что-либо негативное?

Р. Д.: Я так не думаю. Это неповторимо, это как астральная сила. Вот что это такое, как я думаю. Это действительно свет, но это разновидность астрального света. Это не духовно свободный свет; его суть - это, знаешь, когда ты говоришь о ком-то «блестящий человек», и ты словно одалживаешь у него часть его блеска. Но это не так в случае с духовным озарением. Это скорее как звезды, а не как солнце. Тим как комета, которая прошла по небу. Многие из нас очень ему признательны. Очень многие ему обязаны.

Р. Ф.: И все равно есть какой-то элемент трюкачества в игре Тимоти...

Р. Д.: В духовных традициях было много плутов, много таких, кто использовал разные трюки для освобождения людей.

Н. Г.: Я думаю, в нем было нечто большее, чем харизма. В 60-е годы люди говорили, что чувствуют его ауру на расстоянии многих миль. Помню эту его фотографию с цветком за ухом.

Р. Д.: Да, я знаю эту фотографию, это на одном из Ве-ин (хеппининг. - *Примеч. пер.*) Да, у него была аура юности, он словно излучал свет и энергию, и у него была аура сексуальности, и аура «царя горы» в его игре. Всем этим жизнь одарила его.

Вопрос заключается в том, человек создает ситуацию или ситуация - человека? Тимоти играл свою роль

не в вакууме. Он был в одной команде с Аланом Уоттсом, Олдосом Хаксли, Фрэнком Бэрроном и со многими другими неординарными людьми. Хьюстон Смит, Уолтер Кларк. Это была великая сцена; это была целая сеть, которая поддерживала процесс.

Я смотрю на культурное изобилие, на век информации, социальную мобильность, психоделики, пробуждение этнического и политического сознания. Был момент, когда много всего случилось одновременно. И просто взять и сказать, что причиной всему были психоделики, или век информации, или постиндустриальное сознание, это значит слишком все упрощать. Я просто вижу, что много разных факторов словно нарочно собрались вместе, когда назрел момент, чтобы сдвинуть всю сцену. 60-е годы до одури напугали культуру, потому что они показали другие возможности существования. Это спровоцировало отклонение маятника на двадцать лет республиканства. Это все качания гигантского маятника: Тим на одной стороне, Нэнси Рейган - на другой.

Р. Ф.: И теперь они практически соседи. Существует ли что-нибудь сравнимое с ЛСД? Что-нибудь, что могло стимулировать общество снова так же, или больше, или довести предыдущую стимуляцию до плодотворного результата?

Р. Д.: Я не знаю. Синтез может решить эти проблемы. Мы должны обратиться к слиянию, а не разделению. Объединение изменит экономику мира. Оно произведет неограниченную энергию, оно изменит все.

Р. Ф.: Подобные возможности стали темой для разговоров миллионов людей, благодаря Тимоти и тебе.

Р. Д.: Когда ты говоришь: «Тимоти и тебе», ты несколько преувеличиваешь. Тимоти играл в то время гораздо более значительную роль, чем я. Я был неофитом, учеником. У нас бывали вечеринки в Лос-Анджелесе, и я

сидел у ног Олдоса Хаксли и Джералда Хёрда и слушал их разговоры о лабиринтах в церквях Испании и девятиконечных звездах. Я просто сидел там, среди этих высоких умов, а Тимоти вплывал в их диалоги и выплывал из них, чувствуя себя как рыба в воде, и при этом брал и меня с собой. Это было как катиться верхом на волне. Я чувствовал себя маленькой волной, катящейся перед большой, и испытывал от этого возбуждение. Это было потрясающе. Это как вначале общество не принимает тебя всерьез, потому что ты вроде как неуместен. Потом ты понимаешь, в чем твоя ошибка. И потом тебя принимают в игру, ты социализирован. И вотты уже член общества.

Р. Ф.: Мне хотелось бы прочесть эту книгу лет через сто. Или быть в комнате, где будут вспоминать Тимоти. Неужели общество так и не оценит по достоинству его достижений?

Р. Д.: Я не могу сказать, что меня очень волнуют исторические воспоминания. Я просто думаю, что мы сыграли определенную роль и это изменило что-то, и это изменение ведет к следующей трансформации. Это просто как маленький блик на сцене, залитой светом.

Р. Ф.: Маленький блик, большое пробуждение. Эти вещества были скрыты от людей на протяжении тысяч лет. Мы не знаем, когда их наконец-то оценят по-настоящему, но то, что они уже стали известны, это величайшее событие в истории человечества.

Р. Д.: Я уверен, что это семя еще принесет плоды. Уже сейчас мы имеем гораздо менее однородное общество, чем раньше, более хаотичное. И в нем есть огромные возможности для роста и перемен. Все идет прекрасно.

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА МОИМ ДРУГОМ И ГЕРОЕМ

Том Дэвис

Номер 1: Тим пригласил меня на первый в моей жизни концерт группы Nine Inch Nails. Мы стоим в вестибюле и перекуриваем, давая некоторый отдых ушам после очень громкой музыки. Один из пришедших на концерт тинейджеров с изумлением смотрит на Тима; не потому, что он его узнал, а потому что не ожидал увидеть на этом шоу такого старика: «Эй, дядя, ну и как тебе музыка?» Тим: «Это лучший концерт в моей жизни». - «Да ну? Здорово! Ну давай, наслаждайся!»

Номер 2: я разговариваю с Тимом по телефону.

Тим: Так... что ты сейчас читаешь?

Я: Я пытаюсь читать Библию с самого начала.

Тим: О, Боже, еще один!

Я: Не волнуйся, Тим, навряд ли я осилю даже книгу Левит.

Тим: Конечно, не осилишь. Тебе что больше нечем заняться?

Том Дэвис - автор комедийных сценариев для кино и телевидения, близкий друг Тимоти Лири с 1980 года до самой смерти Тима.

Номер 3: мы смотрим новости, и там говорят о Тиме как об иконе шестидесятых и рассказывают, что он призывал молодежь употреблять наркотики.

Тим: Обожаю, когда меня обвиняют в том, какими оказались 60-е годы. Хотел бы я, чтоб так было!

Номер 4; Тим встречает меня на пороге своего дома. Он обнимает меня, затем внезапно отстраняется, делает шаг назад, упирает руки в боки, изображая крутого мачо, и рычит: «Я люблю тебя больше, чем ты меня!» И он смотрит на меня с вызовом, как боксер на своего соперника перед боем, пока судья объясняет им правила.

Номер 5: встреча друзей вокруг любимого кухонного стола Тима, расписанного яркими рисунками Кита Хэринга, - симпозиум! В какой-то момент разговора Тим вскидывает руки вверх и восклицает: «Разве это не прекрасно, что мы все здесь и живем в один из самых замечательных и волнующих моментов в истории!»

Я решил поспорить: Погоди, не слишком ли это субъективно? Разве не у каждого времени свои герои? Разве было в истории какое-то время, которое не было бы чем-то замечательным и интересным?

Тим: Да! - пятидесятые!

Номер 6: я покидаю дом Тима, побывав у него в гостях.

Тим: Скажи, Том, в моем доме есть какая-то вещь, которая тебе нравится?

Я: Ну, вообще-то есть одна старинная книга - вон там, на полке.

Тим: Ну так возьми ее себе. Я хочу раздать все это барахло перед своей... деанимацией.

Номер 7: Тим: «Ты замечал, что все живые существа стремятся к свету?»

Номер 8: Новый гость в доме Тима спрашивает его, удобно ли здесь забить косяк.

Тим: «Ну, не знаю. Это может подорвать мою репутацию».

И другой случай, когда моя жена заметила, что среди его гостей никто не пьет и не курит марихуану. Тим: «Это может подорвать мою репутацию».

Номер 9: идет разговор на тему Древнего Египта, и я говорю о том, какие роскошные могилы оставила эта великая цивилизация.

Тим: «Ну, они стремились к бессмертию и были достаточно мудры для того, чтобы разложить вокруг своих тел кучи золота и драгоценностей. Воры хватают золото, но не трогают эти дерьмовые тряпки, в которые завернуты их мумии. В один прекрасный день наука реплицирует фараонов из их ДНК, вот они и получают свое бессмертие».

ЧЕЛОВЕК ДОРОГИ
Мэйнард Фергюсон

Одна из самых моих любимых историй про Тима Лири - это когда он приехал на открытие моего шоу в Театр Аполло в Гарлеме. Он всегда был в своих «интерперсональных отношениях», расширяя ваше сознание и уча, как «играть роль кого-то другого». Когда он приехал, я сказал ему, что мы потеряли одного из наших постановщиков сцены, и он тут же вызвался его заменить. Тим знал, что никто из группы не знает его в лицо. Никто не знал знаменитого Тимоти Лири. Весь вечер он проработал на сцене, а после шоу сказал: «Может, кто-нибудь хочет бутерброды или еще чего-нибудь?» Делал свою работу!

И так было после каждого шоу. Тим просто работал как новый постановщик. Это было замечательно¹

Спасибо за трип, Тим!

С любовью,
Мэйнард.

Мэйнард Фергюсон - джазовый музыкант и многолетний друг и герой Тимоти Лири.

**ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ
ДЛЯ ДОКТОРА ТИМОТИ ЛИРИ
Аллен Гинзберг**

4 июля 1971 года
Проект Положения в Защиту Личной
Свободы Философа
Предложенный Фалангой Поэтов Прозы
Района Залива Сан-Франциско

Фаланга Поэтов Прозы Района Залива Сан-Франциско призывает всех, кто по роду своей деятельности связан с проблемой свободы самовыражения, поддержать наши усилия по освобождению из тюремного заключения

Аллен Гинзберг был главным защитником предложенного Лири в не-академического использования психоделических веществ в другом Лири в течение очень долгого времени. Публикуемый текст первоначально был продиктован в июле 1971 года Майклу Горовицу. Текст ходил по рукам в виде петиции после побега Лири из тюрьмы и отъезда в Европу. Президент Ричард Никсон назвал Лири «самым опасным человеком в мире» и направил в Европу Генерального прокурора Джона Митчела добиваться выдачи Лири. И тогда Гинзберг опубликовал эту «декларацию». Швейцария предоставила Лири кратковременное убежище, в котором, однако, ему вскоре было отказано, после того, как США подняли шум, выдвинув дополнительные обвинения и объявив Лири «крестным отцом крупнейшей сети наркоторговцев» - Братства вечной любви. Швейцария удовлетворила требования США. Лири сбежал. Выдвинутые обвинения позднее были сняты за отсутствием доказательств.

доктора Тимоти Лири, который за свои философские и научные взгляды, отраженные в его публикациях и речах, подвергается многолетнему судебному преследованию, арестам, тюремным заключениям, отказу от освобождения под залог и, в конечном счете, вынужденной эмиграции из Соединенных Штатов.

В настоящий момент этот доктор философии, изгнанный из родной страны, арестован в Швейцарии и без всякого предъявления обвинений ожидает экстрадиции в Калифорнию, куда его затребовал Департамент исправительных учреждений. Агрессивное продолжение нудного скандала и травли доктора Лири государственными бюрократами и теперешнее заключение его в швейцарскую тюрьму вынуждает нас сделать следующее заявление.

Фаланга Поэтов Прозы Района Залива Сан-Франциско призывает швейцарское правительство во имя всего лучшего, что есть в свободомыслящей западной традиции, предоставить доктору Лири постоянный статус политического эмигранта. Мы рекомендуем Международному ПЕН-клубу, через его швейцарское отделение, обратиться к правительству Швейцарии и предоставить в его распоряжение следующую информацию, доказывающую, что доктор Лири имеет право претендовать на статус политического беженца, преследуемого государством за свои взгляды и публикации:

1. Федеральные обвинители приговорили его к 30 годам тюрьмы за микроскопическое количество марихуаны, обнаруженное у него, основываясь на том, что его публицистическая деятельность - эссе, речи и выступления по теории употребления наркотиков - такова, что, «находясь на свободе, доктор Лири представляет опасность для общества».

2. Несмотря на то, что этот приговор был отменен Верховным судом, федеральная полицейская бюрократия Америки продолжает преследование доктора Лири

за его «публицистическую деятельность» (а именно эссе, речи и публичные выступления по теории употребления наркотиков) и вновь, за то же незначительное преступление, добилась для него приговора на срок в 10 лет тюремного заключения.

3. Государственные обвинители от штата Калифорния инициировали это судебное преследование Философии, выразившееся в непомерном и несоответствующем составу преступления сроке в 10 лет тюрьмы, отказе обсуждать возможности освобождения под залог, открыто назвав в суде истинные причины преследования доктора Лири, а именно за опубликованные им статьи: «Дело в реальности» (*East Village Other*, New York, №3, 24 сентября 1969 года, и *Los Angeles Free Press*) и «Эпизод и постскрипtum» (*Playboy*, № 12, декабрь 1969 года), - которые были названы: «коварным и вредным влиянием на общество», а сам он был characterized как «ищущий удовольствий, безответственный защитник свободного употребления ЛСД и марихуаны с Мэдисон-авеню»²⁴. У судьи МакМиллана, который произнес вышеприведенные слова по адресу Лири, на столе лежал номер журнала «*Playboy*» в качестве доказательства правомерности отказа в освобождении под залог и нового приговора в виде 10-летнего срока тюремного заключения, который автор книги «Тюремные заметки» (Нью-Йорк, 1970); к счастью, избежал 12 сентября 1970 года, предпочтя ему тяготы изгнания.

Вне зависимости от того, какие могут быть мнения, национальные или естественные предпочтения среди наркоманов, Писаний, религий и политических или

²⁴ Следует особо отметить, что суд над доктором Лири был не по поводу его мнений об ЛСД, а за обычное хранение небольшого количества марихуаны, что противоречит американскому закону о правонарушениях среднего класса, которые подразумевают наказания того же уровня, что и за нарушения правил дорожного движения. - Прим. авт.

экологических теорий, Фаланга Поэтов Прозы Района Залива утверждает, что доктор Лири несомненно имеет право на публикацию своих теорий; что в данном случае раз и навсегда утверждается право доктора Лири выражать свои мысли в форме стихов, психологических комментариев, диалогов, литературных эссе и знакомить с ними более молодое поколение, которое уже имеет опыт знакомства с машинами, политикой и наркотиками, что, собственно, и является предметом работ Лири, включая сюда также значительное по числу меньшинство (и, может быть, большинство на его малой родине), которое желает доктору Лири всего наилучшего и молится за его благополучие, безопасность и защиту от преследований, которым он подвергается со стороны государственной полицейской бюрократии.

Стоит отметить, что в глазах современных интеллектуалов доктор Лири является классическим примером «человека без страны». Ему отказано в визе большинством правительств, и он не может посещать другие страны, поскольку ему угрожает насильственная экстрадиция в США, где ему грозит теперь немислимый срок в 20 лет тюремного заключения. Фаланга Поэтов Прозы хочет отметить, что это уготованное ему непомерное наказание проистекает из разных взглядов на проблему использования наркотических веществ и в данный момент это является предметом научного обсуждения в профессиональных кругах. (Этим вопросом занимаются психология, искусство, религия, поэзия, нейрхимия.)

Мы также хотим напомнить, что предыдущее групповое обращение соотечественников доктора Лири, выражающее протест против войны, объявленной ему государством, имело место и было опубликовано 10 мая 1966 года. И его подписали: доктор философии Ховард

С. Бейкер, Арнольд Байхман, Эрик Бентли, Джордж Боуринг, Джо Брейнард, Харви Браун, доктор философии Роберт Крили, Роберт С. Де Ропп, Дианади Прима, Джейсон Эпстайн, Жюль Файффер, Лесли Фейдлер, Питер фонда, доктор медицины Джоэл Форт, Джек Гелбер, Нэт Хентофф, Лора Хаксли, Кеннет Кох, Ирвинг Кристол, Стивен Кох, Лоуренс Липтон, Роберт Лоуэлл, Норман Мейлер, Йонас Мекас, Анаис Нин, Чарлз Олсон, Норман Подгорец, Нэд Польски, Эд Райнхарт, рабби Залман Шахтер, Ричард Сивер, Роберт Силверс, Гэри Снайдер, Съюзан Зонтаг, Алан Уотте, Филипп Уолен и многие другие. Документ, который они подписали, гласит:

«1. Нарушение конституционных прав личности, вмешательство в религиозную и научную деятельность, чрезмерное насилие со стороны властей и общественное беспокойство по поводу этого дела достигли критической точки - благодаря применению иррациональных законов о марихуане.

2. Длительное тюремное заключение, к которому приговорен психолог-исследователь Тимоти Лири за хранение 1,5 унции марихуаны, иллюстрирует иррациональность современных законов о марихуане и является жестоким и несправедливым наказанием, противоречащим Конституции США».

Фаланга Поэтов Прозы Района Залива также отмечает, что полицейские бюрократы США, которые преследуют доктора Лири за его профессиональные взгляды, это то самое Бюро наркотиков, которое в своей исторической «войне с врачами», включая запрещение медицинских исследований, и породило своими действиями «национальную чуму», как называют героиновою наркоманию. Многие из сотрудников этих Бюро наркотиков сами замешаны в контрабанде наркотиков.

Фаланга Поэтов Прозы Района Залива также хочет обратить внимание на недавно ставшие известными

факты, раскрывающие глаза на участие ЦРУ и других разведывательных и военных организаций в субсидировании ведущих контрабандистов опиума в Индокитае (поименно: генерал Уан Ратикун в Лаосе, маршал Ки в Южном Вьетнаме, армия КМТ в Северном Таиланде).

В свете сумятицы, возрастающей из-за развития современных технологий и подорванного кредита доверия общества к американскому правительству, так же, как общеизвестной темы «разрыва поколений», запрос Департамента исправительных учреждений штата Калифорния, сделанный через Госдепартамент США швейцарскому правительству об экстрадиции доктора Тимоти Лири, представляется нижеподписавшимся поэтам, эссеистам и прозаикам продолжением неподобающе нетерпимой затянувшейся вендетты, ведущейся против этого одаренного человека. Доктор Лири, вне всяких сомнений, «Первосвященник» в своей узкой научной сфере, который вполне имеет право на свое мнение, могущее не совпадать с другими.

Случай доктора Лири выходит за пределы преследования за идеи или тексты - это преследование самой философии. Хотя он был арестован за траву, приговорен он именно за философию. Посаженный за траву, он сидел в тюрьме за Мнение. Ему было отказано в освобождении под залог потому, что он был посажен за идеологическую ересь.

Фаланга Поэтов Прозы Района Залива призывает власти США пересмотреть свое враждебное отношение и избрать более толерантный стиль поведения, который считался бы с естественными противоречиями и общественным мнением, и признать, что в случае с осуждением доктора Лири они оказались вовлечены в неудачную «государственную политику».

Фаланга Поэтов Прозы Района Залива хочет довести до сознания общественности формулировку, предложенную современным поэтом Чарлзом Олсоном, другом Тимоти Лири, что теперь «личное - это общественное, и общественное - это то, как мы себя ведем». Мы подтверждаем, что доктор Лири имеет буквальное право доводить свои личные убеждения до сведения общественности и участвовать в публичной литературной деятельности. Поэт Олсон, выпускник Кембриджа 1961 года, сказал доктору Лири: «Если полиция будет искать тебя, ты можешь спрятаться в моем доме».

Фаланга Поэтов Прозы Района Залива особенно рекомендует Госдепартаменту США перестать тратить свое время, деньги и нервы на преследование доктора Лири. Это было бы самым лучшим выходом для американского правительства в данном случае. Мы также рекомендуем швейцарскому правительству расценивать доктора Лири в качестве образца традиционного политического, культурного, литературного или философского эмигранта и предоставить ему персональное политическое убежище. Как коллеги-писатели, мы рекомендуем всем странам, развитым и развивающимся, находящимся по обе стороны так называемой Холодной Войны, относиться к доктору Лири как к выдающемуся изгнаннику, преследуемому Международной Полицией Бюрократией, чьим исполнительным и идеологическим центром является в данном случае коррумпированное американское Бюро наркотиков и его пропагандистское лобби, Международная Ассоциация наркотической полиции (tNEOA, Олбани, Нью-Йорк, Почетный президент - Гарри Энслингер, бывший шеф Наркотического Бюро США).

Фаланга Поэтов Прозы Района Залива хочет обратить внимание, что вышеупомянутая бюрократия

прославилась арестами и преследованиями художественной интеллигенции и радикальных газет во многих странах. Поводом для этих арестов, как правило, служили те же самые небольшие количества конопли, а причиной - та же самая политическая враждебность и ксенофобия. Преследованию с их стороны подвергались такие известные писатели, как Уильям Берроуз, Аллен Гинзберг, некоторые защитники по «Чикагскому делу о заговоре», а также черные и белые политические интеллектуалы, такие, как Мартин Состре и Джон Синклер, с обвинениями того же рода, что использовались для третирования доктора Лири уже почти на протяжении десятилетия. Эти скомпрометировавшие себя в финансовом отношении люди, эта антиинтеллектуальная, полукриминальная бюрократия, состоящая из профессиональных коррупционеров, это давно пользующееся дурной славой на всех уровнях (федеральном, штатном и местном) Бюро наркотиков США создали для доктора Лири ужасающую реальность из юридических уловок, подобную паутине, из которой невозможно выбраться.

И в конце мы, нижеподписавшиеся, хотим обратить внимание на обвинения доктора Лири в дурном влиянии, которое он оказывает на «студентов и прочих представителей молодежи», за которые он объявлен «угрозой обществу». Доктор Лири неоднократно выступал против войны во Вьетнаме, и его опубликованные диалоги с Эддриджем Кливером обсуждают ту же самую тему. Мы понимаем, что его просьба к швейцарскому правительству о предоставлении ему политического убежища базируется как раз на оппозиции, в которой он находится по отношению к американскому правительству по вопросу о войне во Вьетнаме, и, учитывая преступный характер этой войны, его обращение имеет в этой ситуации совершенно легитимный характер.

Суммируя все вышесказанное, Фаланга Поэтов Прозы Района Залива и другие лица, поддерживающие нашу инициативу, просят швейцарское правительство освободить доктора Лири от ареста, которому он подвергнут, и не предпринимать его экстрадиции в США. Мы рекомендуем швейцарскому и другим правительствам предоставить нашему коллеге-философу политическое убежище, с тем чтобы он мог завершить свою работу - исследования собственного сознания и литературную реализацию его уникальной индивидуальной Личности, которая в глазах всех мыслящих и гуманных наций должна занять место, подобное тому, которое занимают Уитмен и Торо в Америке.

Нижеподписавшиеся
поэты, эссеисты и прозаики:

Кен Кизи
Филипп Ламантиа
Майкл Олдрич
Лоуренс Ферлингетти
Дон Аллен
Ян Херман
Майкл МакКлюр
Билл Берксон
Эндрю Хойем
Аллен Гинзберг
Том Вейтч
Филипп Уолен
Ховард Беккер
Тэд Берриган
Херберт Голд
Ленор Кандел
Марго Паттерсон Досс
Лора Хаксли
Анаис Нин
доктор медицины Джон Досс
Том Кларк
Алан Уотте
Льюис МакАдамс

Джон Торп
Кеннет Рекстрот
Гэвин Артур
Льюис Уорш
Диана ди Прима
Пол Красснер

ИЗМЕНЯЯ СВОЕ СОЗНАНИЕ

Нина Грабой

Моя дружба с Тимоти Лири началась в 1966-м, когда я дала ему почитать свою неопубликованную работу под названием «Эволюция в поисках новой человеческой расы». «Мы видим вещи в одинаковом свете», - сказал он, возвращая ее мне. Мы оба видели, что человечество в настоящий момент совершает гигантский скачок в эволюции и что духовный элемент играет в этом ведущую роль. Также как и я, Тимоти серьезно интересовался восточными религиями, такими, как индуизм и буддизм.-

В то время, в шестидесятые, Тимоти, «Первосвященник» психоделиков, был окружен аурой почти святого. Хиппи видели в нем своего пророка - пророка Новой Эры, которая должна покончить с войнами, лицемерием, жестокостью и ложью, и вдохновлялись

Нина Грабой, незаметный, но авторитетный деятель движения «Эра Водолея», была директором Центра Лиги Духовных открытий на Манхэттенне и долгое время другом Тимоти Лири (см. ее автобиографию «В шаге от будущего»). В конце 1970 годов она обнаружила, что Тимоти отошел от тех идей, которые они разделяли в шестидесятые годы.

сиянием его духа. Когда он появился на сцене, его фигура в белом одеянии вызвала благоговение, любовь и уважение среди молодежной аудитории, которую он призывал думать о себе и игнорировать власть. Им казалось, что его голос исходит от самого Господа Бога.

В его позиции был элемент героизма. Он, несомненно, знал, что играет с огнем, но был уверен в правоте своего дела.

Вскоре после того, как я познакомилась с ним, я стала регулярно, каждую неделю, бывать в Миллбруке. До тех пор пока я разделяла его оптимизм по поводу будущего, у меня было двойственное отношение к широкой пропаганде употребления ЛСД. Хотя сам он никогда не упоминал о возможных негативных последствиях, я была напугана некоторыми известными мне случаями серьезных нервных срывов, имевших место в результате употребления психоделиков. Сама я больше склонялась к мнению Хаксли, Хёрда и Осмонда, которые считали, что использование психоделиков должно ограничиться элитарным кругом художников, писателей, ученых и теологов. Но если, как верил Тимоти, ЛСД - инструмент эволюции, то возможные жертвы были оправданы, хотя и достойны сожаления. Поэтому, когда Тимоти предложил мне возглавить нью-йоркский Центр Лиги духовных открытий, я согласилась, так как полагала, что, предлагая информацию о том, как надо и как не надо использовать психоделики, Центр снижает вероятность вредных последствий их применения.

Тимоти принимал живейшее участие в работе Центра и вел бесплатные еженедельные семинары с заинтересованной аудиторией. У нас установились приятные рабочие отношения, и мы стали хорошими друзьями.

Вскоре после того, как весной 1967 года Миллбрукское сообщество распалось, Центр закрылся по причине недостатка финансирования. Я переехала в Вудсток и потеряла контакт с Тимоти и его милой женой Розмари.

После того как мы переехали в Калифорнию в конце семидесятых, я несколько раз эпизодически встречалась с Тимоти. К тому времени он отошел от своего увлечения буддизмом и индуизмом и вновь склонился к научному взгляду на вещи. Он говорил о космической миграции, компьютерах, криогенике и нанотехнологии, но его основной страстью был человеческий мозг. Несмотря на то, что я была несогласна с ним в том, что мозг из плоти и крови может являться центром всей мыслительной деятельности и считала его простым инструментом нематериального сознания, наши взаимные приязнь, уважение и внимание всегда оставались прежними.

Письмо, которое я привожу ниже, выражает мои мысли по поводу его идей о духовных проблемах.

«29 апреля 1978 года.

Дорогой Тим, поняв, что я не согласна с некоторыми из положений, которые ты высказал на предыдущей лекции, я решила, что должна написать тебе.

Ты говоришь, что все оккультные и духовные метафоры донаучны, и полагаешь, что интеллект статичен. Но "путь", как мне представляется - это постоянно раскручивающаяся спираль, которая ведет ко все большему и большему пониманию и овладению материальным и нематериальным миром (отличие произвольное, поскольку они проникают друг в друга). Если это не возрастание интеллектуального восприятия, то я не знаю, что это. Хотя, может быть, у нас разные определения того, что такое интеллект.

Ты считаешь, что стремление к утопии инфантильно, но я думаю, что оно заложено в человеческой душе и всегда будет проявлять себя - здесь или в космосе. С таким же успехом можно назвать инфантильным и прорыв в космос. Архетипическое стремление к гармонии с самим собой, другими существами и всем окружающим миром, как мне кажется, было генетически запрограммировано в нас, или, если выразиться не так механично, относится к реальности, которую мы знали раньше и забыли.

Я восхищаюсь храбростью и интуицией, благодаря которым ты предвидишь следующий этап эволюции. Но твоё определение всего, что ты называешь "донаучным", представляется мне таким же узким, как обращение Рам Дасса исключительно к традиционной восточной философии. И мне кажется странным, что ты не придаешь никакого значения тому, что сегодняшняя передовая наука во многом совпадает с древней мудростью. Окультизм, мистицизм и физика разными путями приходят к одним и тем же открытиям. Для меня кажется очевидным, что для нашей эры присущ синтез между Востоком и Западом, левым полушарием мозга и правым, мужским началом и женским, прошлым и будущим, сердцем и умом, и смещение в сторону одной из противоположностей приводит к дисбалансу. Когда мы виделись в последний раз, ты со смехом отказался говорить на тему Апокалипсиса. На мой взгляд, признаки приближающейся глобальной катастрофы настолько очевидны, что трудно их не заметить. И это необязательно означает пессимистичный взгляд на вещи, так как для меня, например, очевидна связь между концом света и твоим генетически запрограммированным прорывом в космос. Куда делась надежда освободиться от уподобляющих нас роботам свойств психики, надежда, которой мы жили в шестидесятые? Или мы станем луч-

шими роботами в Дивном Новом Космическом Мире²⁵, который ты провидишь?

Я с огромным уважением отношусь к твоему уму. И если я берусь оспаривать твои столь устоявшиеся мнения, то это потому, что я не могу поверить в твоё полное отрицание истины, заключающейся в "наивных" метафорах мистицизма. Сможет ли наука выдвинуть когда-нибудь более простое и элегантное, чем КАК НА ВЕРХУ, ТАК И ВНИЗУ.

Трудно не заметить влияние психоделических шестидесятых на современную культуру. Йога, медитация, вегетарианство, экология - эти и многие другие элементы субкультуры хиппи шестидесятых стали мейнстримом девяностых. Я уверена, что Тимоти Лири и Ричард Алперт, он же Рам Дасс, были двумя самыми важными людьми двадцатого века, так же как шестидесятые были его самым важным десятилетием. Благодаря Тимоти беспрецедентное число людей по всему миру познали на собственном опыте необыкновенную реальность и ощутили прикосновение вечности. А потом Рам Дасс привез с Востока древнюю истину, которой он научился у своего гуру. Они широко открыли двери восприятия, которые были так долго закрыты. Я верю, что они были провозвестниками, посланниками, авангардом высшей, лучшей, доброй, более развитой человеческой расы.

²⁵ Явная ссылка на роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Ниже Грабой неявно упоминает и другую книгу Хаксли, «Двери восприятия».

ВОСПОМИНАНИЯ О ТИМЕ

Анита Хоффман

Я помню Тима как будто на цветной фотографии. Год 1967, наверное. Какое-то вечернее мероприятие в Вест-Вилледже. Он был одет в белую куртку из бычьей кожи с бахромой. Высокий, загорелый, красивый, полный жизни. Он был великолепен. Но я совершенно не верила ни ему, ни его последователям. Несмотря на то, что мне понравился психоделический опыт, я не верила религиям, тем более новым религиям, даже сатирическим, и Лига Духовных Открытий представлялась мне культом, возникшим и растущим вокруг Тимоти Лири. Одновременно Тимоти Лири казался мне живым воплощением Валентайна Майкла Смита, прототипа героя книги Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране».

Анита Хоффман была основателем движения иппии и является автором двух книг: «Избавление от мусора» (под псевдонимом Энн Феттамин) и «Америке с любовью: Письма из подполья». Она работала в Голливуде редактором сценария для Иона Войта, продюсером CD-ROMов для компании Voyager, а незадолго перед смертью - букинистом в графстве Сонома, Калифорния. В 90-е Анита была близким и верным другом Тимоти Лири. Она скончалась в конце 1998 года.

За год до того, как мы с Эбби²⁶ имели честь видеть Тима в белой бахrome в Вест-Вилледже, я присутствовала на представлении Лири в театре на Второй авеню (который впоследствии превратился в Филлмор-Ист) и была неприятно поражена тем, что увидела. Тимоти тогда представлял серию программ, посвященную мировым религиям. Мне было 24 года, и я пришла туда с двумя подругами, которые работали в журнале *New Yorker*. К моему ужасу и изумлению, Тим выступал на сцене в роли Иисуса Христа! Хотя я не христианка, мне показалось это крайне глупым. Что за дерзость изображать из себя Божество! Насколько я помню, представление завершилось Тимом на кресте, с раскинутыми руками. Стыдоба-то какая! Лидер культа! Самозванный гуру!

В конце 60-х мы с Эбби поняли, что Тим - это наш гениальный соавтор в создании контркультурного видения мира. Но у нас, йиппи²⁷, были некоторые несовпадения с Тимом. Мы не призывали людей «отпасть», мы, наоборот, хотели, чтобы они «впали», то есть включились в жизнь мира, протекающую мимо, чтобы добиться конкретных изменений в обществе. Это предполагало борьбу против бессмысленной войны во Вьетнаме и гонки вооружений и борьбу с расизмом тоже. Это также подразумевало надежду на построение нового, свободного общества, базирующегося на любви, а не на вражде, мира, в котором будут учитываться жизненные потребности всех без исключения людей. Лири, конечно, относился критически к «политикосам» из антивоенного движения, критикуя их за недостаток чув-

²⁶ Эбби Хоффман, один из руководителей «Чикагской семерки», возглавивший демонстрацию 1968 года в Чикаго, приведшую к массовым беспорядкам (см. выше).

²⁷ Йиппи - члены политической радикальной Международной партии молодежи. Движение принимало активное участие в кампаниях гражданского неповиновения и протестах против войны во Вьетнаме.

ства юмора, догматизм и пуританский стиль (хотя-некоторые из обвинений, которые предъявляли нам, йиппи, которые были «политикосами», можно было с равным успехом переадресовать самим «кислотникам»).

Позже он никогда не упускал случая напомнить мне о тех двух неделях, когда он сначала согласился участвовать в Фестивале жизни, в 1968-м, в Чикаго, а потом отказался, не желая влиять на молодых людей, чтобы они приехали в Чикаго и были подвергнуты избиениям и газовой атаке со стороны полиции.

В 1970-м, в Алжире, я наконец-то смогла лучше узнать Тима. Я приехала туда с делегацией активистов движения, чтобы поздравить Тима с его 50-летним юбилеем и заодно продемонстрировать миру дружественную коалицию Черных Пантер, йиппи, *Weather Underground* и Тимоти и Розмари Лири, настоящих лидеров контркультуры. Общаться с Тимом мы смогли только эпизодически (это регламентировалось Пантерами), но зато весьма интенсивно.

Тим и несколько человек из Черных Пантер встретили нас в аэропорту. Из аэропорта мы поехали на двух машинах, Тим вел одну из них. Я ехала с ним, на заднем сиденье вместе с Розмари, Дарубой (из Пантер), Дженнифер Дорн и Ионой Рэскином. Даруба, член нью-йоркского отделения Черных Пантер, бежал из тюрьмы Томбс в Манхэттене и нашел убежище в Алжире у «правительства-в-изгнании» Черных Пантер, возглавляемого Элдриджем Кливером. Дженнифер, которая работала менеджером на фабрике, была младшей сестрой Бернадин Дорн, харизматического лидера *Weather Underground*. Иона был писателем, ученым и радикальным активистом антивоенного движения. Была поздняя ночь. Мы ехали по темной пустынной улице, кое-где освещенной случайными лампочками. Внезапно большой камень разбил стекло рядом с Дженнифер, засыпав

осколками все заднее сиденье. Дженнифер не пострадала, но была, вполне понятно, напугана. Я сидела с другой стороны, и меня тоже не задело. Тим сидел невозмутимо, как будто ничего не произошло. Мы быстро развернулись и уехали из этого места и вскоре доехали до маленькой деревеньки возле моря, в которой жили Тим и Розмари.

На следующее утро вновь прибывшие американцы и Тим встретились за ланчем в маленьком кафе на берегу. Пожалуй, именно с этой встречи и начиналось мое настоящее знакомство с Тимом. Он был обаятельнейшим из ирландцев, взрывчатым, остроумным, жизнерадостным. Мы подняли тост за успешный побег Тима из-под стражи (из мужской колонии Сан-Луис-Обиспо, с помощью Weather Underground) и за следующую главу его приключений.

Потом мы были в гостях у Тима и Розмари на террасе, расположенной на крыше их маленького дома. Оба они были одеты в арабские джеллабы и выглядели в них так, словно всю жизнь их носили. Розмари показала нам свое фото на паспорте, который она использовала, чтобы путешествовать инкогнито. И я не знаю, может, это ложная память, но мне кажется, что Тим демонстрировал нам тогда маленький серебряный флакончик с самой чистой на свете кислотой, с которым он уже объездил полмира. Я прямо вижу его перед глазами, но не знаю, было так на самом деле или я только придумала это. Надо спросить у Розмари, помнит ли она этот момент.

Несколько дней спустя мы отмечали день рождения Тима с большим тортом, который мы с Ионой привезли с собой. Это был единственный раз, когда мы были наедине с четой Лири. Все остальное время мы провели под надзором в квартире любовницы Элдриджа Кливера.

На следующий день после дня рождения (или вскоре после него) Тим, Дженнифер и Ди-Си, глава службы безопасности Пантер, отправились в путешествие по Ливану и Сирии. Это был политический трип. После их отъезда я взбунтовалась против диктаторских замашек правления Элдриджа Кливера и очень удивилась, не найдя союзников среди убежденных леваков, которые сопровождали меня. В конце концов я сбежала через окно, приехала в аэропорт и прямо там оформила свой выезд из страны. (Поскольку Пантеры были гостями алжирского правительства, а мы - гостями Пантер, алжирское правительство хотело, чтобы Пантеры дали добро на наш отъезд. Так они и не узнали, что я уезжаю.) Я первым же самолетом улетела в Париж, где встретила с Эбби. После этого я не видела Тима двадцать лет.

В следующий раз мы общались в 1987 году, когда он узнал от одного нашего общего друга, что я переехала обратно в Лос-Анджелес. Он позвонил, чтобы сказать мне, что слышал о моих приключениях в Алжире после того, как вернулся тогда из своей поездки по арабским странам, и что он аплодировал им. У меня было впечатление, что он долго ждал возможности сказать мне об этом. Для меня это было важно, потому что, когда в 1970-м случилась эта история, у меня не было союзников или хоть кого-нибудь, кто одобрил бы мои действия, кроме Эбби.

В девяностых, после того как Барбара ушла от Тима, мы стали почти друзьями и проводили много времени вместе. Мы оба проявляли интерес к компьютерной революции и развивающейся киберкультуре. Тим был чрезвычайно общителен. Он часто бывал в свете, а также устраивал замечательные собрания в своем доме в Беверли-Хиллз по воскресеньям. Здесь разные его друзья знакомились друг с другом.

Некоторые из этих голливудских вечеринок бывали скучотищей, особенно для такого аутсайдера шоу-бизнеса, как я. На одной такой вялотекущей вечеринке играло трио музыкантов, но только одна одинокая пара танцевала в холле на первом этаже. Большинство знаменитых, богатых или влиятельных гостей были наверху. Мы с Тимом потягивали белое вино за маленьким коктейльным столиком внизу, когда он вдруг внезапно поднялся, вышел в холл и принялся лихо отплясывать, вскидывая руки, вращаясь и подпрыгивая. Несколько гостей, подпивавших стены, уставились на старого чудака, вихляющегося и прыгающего в разные стороны. Я было подумала, что он здорово пьян и просто юродствует, кривляется. Но тут сначала Марио Ван Пиблз принялся тоже танцевать, к нему присоединилась одна пара, потом другая... и вот уже вся комната оживилась. Будучи сама от природы полным интровертом, я не знала, как к этому относиться... пока внезапно не осознала, что это же мой любимый образ Тима - танцующего с дионисииским бесстыдством на семьдесят пятом году жизни!

Самые приятные времена с Тимом, которые я запомнила, это когда мы сидели с ним вдвоем в его патио под звездным небом или в его студии поздно ночью, слушая Билли Холлидей или Джеймса Джойса.

Он сидит за своим Макинтошем, пишет что-то, я растянулась на диване рядом, читаю. Время от времени он делает перерыв, мы разговариваем, курим или едим что-нибудь.

Мы не раз спорили с ним, обсуждая какие-нибудь идеи или цитаты. Однажды он по-настоящему вышел из себя, когда я употребила выражение «объединять людей». Я тоже вышла из себя из-за того, что он вышел из себя. У него вызывало отвращение все, что было как-то связано с политическими движениями левых.

Со временем я начала все более интересоваться странным феноменом НЛО и кругов на полях, но когда я заговаривала об этом с Тимом, он сразу приходил в ярость и просил меня никогда с ним не обсуждать подобные вещи. Он не позволял мне выяснить его взгляды на эти явления, но у меня сложилось впечатление, что он считал их антинаучными выдумками. А он прежде всего был ученый. Хотя он сам (в его тюремный период) как-то страстно увлекся проблемой освоения космоса, но, конечно, его нисколько не интересовали такие причудливые темы, как НЛО, и он не хотел, чтобы его имя было хоть как-то связано еще и с этим. Уже и так было достаточно всяких странностей, которые ассоциировались с ним или с его местом в американской культуре.

Он был настоящим коллекционером точных определений слов и особенно интересовался невербальными элементами общения: «Ты машешь руками». «Ты хмуришься». Хм-м-м. Не я одна это замечала, другие тоже. Он как-то сказал, что мне стоит начать рассказывать анекдоты. (Не сомневаюсь, это был полезный совет.) Я ответила, что не знаю никаких анекдотов, и он подарил мне один. Сам он любил анекдоты и отлично умел их рассказывать. Он все-таки был изумительный человек, и я нежно любила его.

Однажды он описывал свой арест в Афганистане, путешествие с федеральным конвоем в Штаты и последующее заключение в тюрьму особого режима. Он сказал, что его содержали под специальной охраной (он ведь однажды уже бежал из федеральной тюрьмы). Охранники вели его все ниже и ниже по уровням тюремного здания, которое на несколько этажей уходило под землю. Где-то там содержался Чарлз Мэнсон²⁸. Тимоти

²⁸ В августе 1969 года актриса Шэрон Тейт, жена кинорежиссера Романа Полански, находившаяся на восьмом месяце беременности, была зверски убита вместе с несколькими своими гостями, тремя девушками-хиппи, членами «семьи» Чарлза Мэнсона, самозваного гуру с уголовным прошлым. Кровью своих жертв убилицы, действовавшие по

посадили в маленькую темную одиночку. Он не знал, как долго ему придется в ней находиться.

Я спросила его, затаив дыхание: «И что ты сделал?»
«Я рассмеялся», - ответил он.

МОИ ВСТРЕЧИ С ТИМОТИ ЛИРИ

Альберт Хофманн

Тимоти Лири после своего побега из тюрьмы Сан-Луис-Обиспо в Калифорнии в сентябре 1970 года приехал в Швейцарию и попросил политического убежища. Он

Это был день Варшавского восстания, первого организованного сопротивления немецкой оккупации, когда Альберт Хофманн, в ходе своих фармакологических исследований, синтезировал ЛСД. В пятницу 16 апреля 1943 года (день, получивший впоследствии в некоторых кругах название «Лучшая пятница») он случайно принял внутрь некоторое количество этого вещества и испытал «не самые неприятные ощущения». В понедельник, 19 апреля, доктор Хофманн принял еще некоторое количество этого препарата (как он считал, очень небольшую дозу - 1/250-миллионную грамма) и совершил свое знаменитое путешествие на велосипеде, с которого и началась современная психоделическая эра.

В течение последующих двадцати лет ЛСД распространилось в психиатрических и психологических кругах, породив тысячи исследовательских работ. В 1963 году, к вящей досаде швейцарского истеблишмента, его стали употреблять и в художественных, мистических и контркультурных кругах. Доктор Хофманн был директором исследовательского института Департамента натуральных продуктов в компании Sandoz Pharmaceutical Ltd. в Базеле, Швейцария. Он член Всемирной академии наук, член Комитета по присуждению Нобелевских премий, Американского общества изучения растений и Американского общества Фармакогнозии. Он автор нескольких книг: «Ботаника и химия галлюциногенов», «Растения богов» в соавторстве с Ричардом Шульцем, «Дорога в Элевсин» в соавторстве с Р. Гордоном Уоссоном, Карлом Рукми и Дэнни Стэплэом, «ЛСД - мой трудный ребенок» и «Внутрь/Вовне».

наущению Мэнсона, написали на стене дома различные лозунги. Как убийцы, так и их жертвы в ту ночь были под действием ЛСД. Мэнсон был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

жил в курортном городке Виллар-сюр-Олон в Западной Швейцарии.

Мы познакомились при посредстве адвоката доктора Лири, доктора Мастронарди. 3 сентября 1971 года мы встретились с доктором Лири в кафе железнодорожной станции в Лозанне. Встреча была сердечной, ведь наши судьбы скрестились под знаком ЛСД. Лири был среднего роста, стройный, энергичный, с яркими, смеющимися глазами на загорелом лице, обрамленном слегка вьющимися с проседью волосами. Он скорее походил на экс-чемпиона по теннису, чем на отставного гарвардского профессора. Мы поехали на машине в Бушийон, где за столиком, сервированным белым вином и рыбой, наконец состоялся диалог между отцом ЛСД и его апостолом.

Я высказал свои сожаления по поводу того, что исследования ЛСД и псилоцибина, которые имели столь многообещающее начало, породили такую ситуацию, при которой их продолжение в академических кругах сделалось невозможным. Я также высказал свое несогласие с позицией доктора Лири о допустимости пропаганды ЛСД среди молодежи. Лири отрицал некоторую опасность ЛСД для молодежи. Он сказал, однако, что я не совсем справедлив, обвиняя его в соращении несовершеннолетних, так как тинейджеры в Соединенных Штатах, благодаря информации и жизненному опыту вполне сравнимы со взрослыми европейцами. Взросление, наряду с пресыщением и интеллектуальной стагнацией, наступает в Соединенных Штатах слишком рано. По этой причине он считает ЛСД-опыт важным, полезным и допустимым даже для людей, еще не достигших зрелого возраста. В этом разговоре я также высказал сожаление по поводу широкой огласки, которую Лири придал своим исследованиям ЛСД и псилоцибина, когда он приглашал на свои эксперименты репор-

теров из журналов и газет и даже мобилизовал радио и телевидение. Лири защищал свою политику гласности, мотивируя это тем, что он чувствовал свою личную историческую роль в том, чтобы сделать ЛСД всемирно известным. Несомненный положительный результат его распространения среди молодого поколения Америки делает любые негативные последствия, имевшие место в результате неправильного использования ЛСД, слишком малой ценой за это.

В ходе этого разговора я удостоверился в несправедливости тех людей, которые считают Лири апостолом наркотиков. Он резко различал психоделические наркотики (ЛСД, псилоцибин, мескалин, гашиш), в благотворном действии которых он был убежден, и наркотики, вызывающие привыкание - морфин, героин и т. д., против употребления которых он не переставал агитировать.

В моей памяти доктор Лири остался обаятельным человеком, убежденным в своей миссии, который защищает свои убеждения с юмором, но бескомпромиссно, который действительно верит в чудодейственные свойства психоделических наркотиков и с оптимизмом смотрит в будущее, и при этом готов выдержать любые практические трудности, неприятности и опасности, стоящие на его пути. Он выказывал полнейшее безразличие к тяготам и опасностям, могущим грозить ему лично, что и подтвердила его дальнейшая судьба.

Я имел еще один случай встретиться с доктором Лири в течение его пребывания в Швейцарии. Это было в феврале 1972 года, в Базеле, в связи с приездом Майкла Горовица, куратора Мемориальной библиотеки имени Фитца Хью Ладлоу в Сан-Франциско, библиотеки, специализирующейся на литературе о наркотиках. Мы поехали в мой деревенский дом, рядом с Бургом, где завершили наш сентябрьский разговор. Лири в этот раз

выглядел нервным и отстраненным, возможно, плохо себя чувствовал. Из-за этого разговор был не таким продуктивным, как в предыдущий раз. Он покинул Швейцарию в конце года, расставшись со своей женой Розмари, теперь в компании с Джоанной Харкорт-Смит.

В следующий раз мы встретились только шестнадцать лет спустя. Стояла осень 1988-го, и я приехал в Калифорнию с циклом лекций в связи с основанием фонда Альберта Хофманна. Мы встретились на вечеринке в доме Джона Лилли в Малибу 1 октября и виделись еще на следующий день, на приеме в честь открытия фонда, в элегантном Сент-Джон-Клубе в Лос-Анджелесе. Наша встреча была опять очень сердечной. Мы согласились с тем, что история психофармакопии по преимуществу только начинается и что ее истинное значение для эволюции человеческого сознания определится в грядущем духовном Веке Водолея.

Наша следующая и последняя встреча состоялась в Гамбурге, в Германии, куда мы с Тимом были приглашены на ток-шоу, посвященное 50-летию открытия ЛСД. Программа вышла 16 июля 1993 года, в серии передач под общим названием «Премьера». В течение сорока минут нас интервьюировала молодая женщина, иногда обоим вместе, иногда порознь. Вопросы в основном были самые обычные. Самым необычным в этом интервью была, пожалуй, крайняя степень интереса юной леди к одному из заявлений Тима, которое он сделал много лет назад в интервью журналу *Playboy*, - о том, что ЛСД - это самый сильный из всех открытых человечеством афродизиаков, что женщина якобы может испытать более ста оргазмов в течение одного любовного ЛСД-сеанса. Дама непременно хотела узнать, правда ли это и был ли сам Тим свидетелем этого явления. Меня она тоже спрашивала об этом. Тим искусно увернулся от прямого ответа, сказав, что естественно говорить о

сексе в интервью журналу *Playboy*. Это он, дескать, и делал и, конечно, слегка утрировал шутки ради. Он часто в своей жизни шутя говорил всякие глупости и будет продолжать это делать, сказал он. Репортерша была заметно разочарована. Тим был шутник, самоироничный «хозяин своему слову».

Тем же вечером мы были приглашены в гости в дом наших общих друзей в Гамбурге. Тим был центром веселой компании. Он был оживлен, в отличном настроении и рассказывал веселые истории, от которых все покатывались со смеху. Было далеко за полночь, когда мы обнялись и распрощались. Это была наша последняя встреча.

ПРОРОК В БЕГАХ

Майкл Горовиц

Первый раз я познакомился с Тимоти летом 1970 года, навестив его в калифорнийской мужской колонии Сан-Луис-Обиспо, где он уже несколько месяцев как начал отбывать десятилетний срок за хранение двух «пяток» марихуаны, подложенных в пепельницу его автомобиля расторопным полицейским в Лагуна Бич. Этот коп несколько недель висел у него на хвосте, выжидая момент. Количество криминала равнялось 0,025 грамма. Судья, отклонивший прошение об освобождении под залог и потом давший ему этот драконовский срок, исполнял заказ Рональда Рейгана, соперником которого на предстоящих выборах в губернаторы Калифорнии собирался быть Тимоти.

Его дерзкий побег, состоявшийся через несколько месяцев, ошеломил меня, да и не меня одного. Трудно

Майкл Горовиц, архивариус Тимоти, один из основателей Мемориальной библиотеки имени Фитца Хью Ладлоу и серии «Flashback Books». Он специалист по редким книгам, посвященным истории наркотиков. Вместе с Синтией Палмер он был редактором книг «Мокша. Сочинения Олдоса Хаксли о психоделиках и визионерском опыте», «Женщина, шаман и леди-наркоманка. Сочинения женщин о наркотиках». Кроме того, он (вместе с Карен Уолси и Билли Смитом) является составителем «Аннотированной библиографии Тимоти Лири».

было ожидать чего-то подобного от доктора философии, бывшего гарвардского профессора, мученика идеи расширяющих сознание наркотиков. Но мы все торжествовали вместе с ним, мы приветствовали не просто сам его побег, но его символическое значение: Тимоти сделал «козу» всей никсоновской Америке.

Последовали потрясающие подробности. Организация Weather Underground взяла на себя ответственность за организацию его побега. Партия Черные Пантеры, возглавляемая Эддриджем Кливером и нашедшая приют в Алжире под крылом алжирского правительства, предоставила убежище ему и его жене Розмари. Тим писал письма и давал интервью в подпольной прессе, в которых он присоединялся к революционным силам, призывающим к свержению американского правительства. Это уже было далеко от «peace-and-love» и «live-and-tet-live» («мир-и-любовь», «живи-и-давай-жить-другим») и прочих ненасильственных призывов. Многолетнее ожесточенное преследование со стороны властей сделало свое дело. Теперь мы читали: «Smoke it... and blow it up!» («Затянь... и взрывай!»).

Розмари передала часть архива Тима, ту, в которой отражалась его роль как основателя психоделического движения, мне и моему коллеге Роберту Бейкеру еще за несколько месяцев до его побега на случай, если до него захотят добраться спецслужбы. (Это, разумеется, и случилось позднее, в 1975-м, и при весьма непростых обстоятельствах, но это слишком длинная история для того, чтобы ее здесь рассказывать.) Мы общались с имеющими международную известность беглецами через абонентский ящик почтового отделения в Беркли, зарегистрированный на имя Бодхисатва. По фальшивым паспортам они

были теперь супружеской четой Мак-Нелли, а в своих алжирских инкарнациях стали Нино и Майя Барака. Постоянно озираясь по сторонам, мы забирали их письма на станции Сазер-Гейт и были главными связными Лири в Штатах. Мы были литературными агентами и издателями его контрабандных рукописей, посылали ему скрепки и нить для чистки зубов, помогали Аллену Гинзбергу распространять «Декларацию Независимости», составленную, чтобы вызвать Тимоти из швейцарской тюрьмы в Лозанне - что и было достигнуто при содействии американского ПЕН-клуба.

Тимоти торопил нас приехать и присоединиться к революции против империалистических свиней. Нельзя сказать, что это было осторожно с его стороны - все мы, в конце концов, были неопытными революционерами - и вскоре Тим уже был под домашним арестом у Черных Пантер, а потом оказался в швейцарской тюрьме, и банда Никсона добивалась его экстрадиции в Америку. Но в феврале 1972 года, месяцев через шесть после его дерзкого побега из тюрьмы, мы с Баркером отправились в Базель, где за тридцать лет до того и было открыто ЛСД - причина всех этих событий.

Вот что я записал в своем дневнике после:

«Странствующие граждане имели обыкновение представляться местным князьям, преподнося им дар собственного чистого света». («Книга перемен». «Чистым светом» называли ЛСД в виде геля - технология, изобретенная во время описываемых событий).

«Успех в любом деле - это только вопрос установки».

Уильям С. Берроуз.

Чем быстрее ты двигаешься, тем больше контролируешь ситуацию

Обстановка все время меняется. Новый дом каждые несколько дней... каждую неделю новый город, каждые пару месяцев новая страна или континент. Все новые и новые действующие лица появляются на сцене, исчезают, опять появляются. Свободный электрон переходит в протон; притягивается, сталкивается, поляризуется и попадает в центр... затем уносится прочь. Новые сущности появляются в старом облике. Карасе - это созвездия настоящих и будущих архангелов. Одетые в маски, они снимают фильм о происходящем - параллельно критикуя его и планируя сиквел. Первое, что вы ищете, попадая в новую обстановку, - киоск с холодной газировкой.

Аллен Гинзберг назвал Лири «прекрасным в своем одиночестве образчиком человека-без-страны», хотя в возрасте пятидесяти одного года он наконец обрел статус гражданина. Он должен был иметь дипломатические отношения с любой страной, в которую въезжал. В одной он играл роль ученого-шоумена и баллотировался в губернаторы, пока его не посадили в тюрьму (10 лет за два косяка), из которой он бежал в другую страну, где стал революционером и оказался в заложниках у другого революционера, который обвинил его в том, что у него «жареные мозги»; и вновь он совершает побег. Еще одна страна поила его превосходным вином и кормила самой лучшей тюремной едой, которую он пробовал за свою жизнь. Он был освобожден только после того, как международное писательское сообщество смогло доказать швейцарским властям, что он является политическим заключенным и американское правительство несправедливо к нему.

Адвокаты, литературные агенты, издатели, газеты и телевидение, а также сотня швейцарских хиппи гоня-

лись за ним (но настигли его, в конце концов, копы), и он был рад познакомиться со всеми, постоянно отслеживая появление новых инкарнаций на экране своего радара. Живя жизнью путешественника во времени на общественной сцене, он понял, что самая лучшая йога - это *тайминг*. Чем быстрее двигаешься, тем лучше контролируешь ситуацию. *Должен* контролировать. Эта модель работает с кислотой. Твои гиды - Герман Гессе, который жил здесь в изгнании, и Парацельс, который из Базеля отправился в изгнание.

Тимоти Лири, которого сам лидер свободного мира недавно назвал «самым опасным из ныне живущих на земле людей», смеется и со своим обычным оптимизмом оценивает ситуацию. «Ты знаешь, иметь дело с разными культурами, разными временными периодами и космическими зонами - все-таки гораздо легче, чем проехать по мосту Бэй-Бридж в час пик».

Наркотики так же относятся ко времени, как машины к пространству

Ключи от времени имеют природу фармакологическую, биохимическую. Он поясняет: поскольку использование священных растений развивалось на фоне истории и географии определенных регионов, ЛСД было производным лабораторного синтеза данного времени и данного места, и было открыто совершенно случайно 16 апреля 1943 года, буквально за углом от того места, где мы сейчас сидим. Это то, что создано человеком, и таким образом, мы обладаем редкой привилегией быть свидетелями эволюции священного снадобья, открытого во время нашей жизни.

Базельский химик, явившийся медиумом этой космической лихорадки, был участником швейцарского

подобия пасхального карнавала Марди-Гра - фестиваля Фасснахт. Незнакомые друг другу Альберт Хофманн и Тимоти Лири фланировали всю ночь напролет в праздничной толпе, одетые в карнавальные костюмы и маски. На следующий день они вместе ужинали в великолепном доме алхимика на швейцарско-французской границе.

Наркотики относятся ко времени также, как машины к пространству, согласились они, плавая во внутреннем бассейне дома, в то время как ацтекские резные статуи, явившиеся плодом вдохновения резчиков, вкусивших священных грибов, внимали им, застыв в своем бесконечном блаженстве. Архивариус первосвященника, вернувшись в Сан-Франциско, создал документальный фильм о происходившем для Библиотеки имени Фитца Хью Ладлоу.

«Ты знаешь, - сказал Беженец-Гедонист Уважаемому Химику Компании Sandoz, плескаясь в бассейне рядом с ним, - я был любимым актом Олдоса Хаксли».

Заставить себя выжить

«Любимый акт» Олдоса Хаксли (а чьим, кстати, любимым актом был сам Олдос? - Ах, нуда, Дэвида Герберта Лоуренса, конечно!) объясняет, как мутанты должны научиться выживать. Выживаемость - это тест для любого вновь появившегося мутанта; они находятся под постоянным прессингом «нормальных» особей, напуганных появлением чужака, поскольку сами они не совершили эволюционный скачок.

То, что началось когда-то как неврологическое освобождение с псилоцибина и ЛСД, за десять лет прошло и через шесть других уровней. Освобождение в плане духовном, сексуальном, культурном, экономическом, политическом и экзистенциальном было просто

неизбежным. Открывшийся разум понимал, что выбор есть только между сопротивлением и освобождением... Воспоминание о пребывании в роли узника рисует колючую проволоку вдоль тюремной стены и броневик с пулеметом, нарезающий круги вдоль нее в тридцати футах снаружи. Узник добегают до стены, перепрыгивает через нее навстречу свободе, начав свою одиссею в качестве «Уильяма Мак-Нелли» и продолжив ее как «Нино Барака».

Выживание, секс и синтетическое блаженство были лазерными лучами, которые пронизывали его знаменитый, ошельмованный, цензурированный, переправленный, порванный и до сих пор не опубликованный манускрипт («Признания адепта надежды», семнадцатая версия которого была опубликована в 1973 году), который Тимоти писал, чтобы оплатить своего высококлассного адвоката, своего «теневого защитника» и свою привычку к швейцарскому шоколаду. Это история его побега из тюрьмы, эмиграции, «революционного заключения» у лидера Черных Пантер, после того как он проиграл (или выиграл) спор о роли психоделических наркотиков в революции, а также рассуждения о несомненных преимуществах швейцарской тюремной еды перед американской. Подпольные изгнанники Тимоти и Розмари обнаружили, что поскольку пространственные игры - это выживание, власть и контроль, то, соответственно, временные игры - это секс, наркотики и магия.

Они придумали настольную игру для всех своих тайных связных, настоящих и будущих. Игровое поле разделялось на семь рядов и семь колонок. Каждая клетка представляла ту или иную позицию в пространственно-временном танце. Получается сорок девять клеток, или ролей, так же как в младшем аркане таро. Четыре основные роли - это Воин, Волшебник, Инквизитор и

Алхимик, Поле также разделяется на две половины Племенным Крестом. Пространство и Время встречаются в Племени, которое обеспечивает убежище для путешественников во времени изгнанников. В Алжире жив дух Хассана-и-Саббаха, основателя секты хашишинов и первого упоминаемого в истории человека, использовавшего эйфорические наркотики для контроля над сознанием. В Сахаре, во время кислотного трипа, появляется персона Алистера Кроули. Но необходимость выживания диктует другие пространственно-временные координаты и чета Лири смывается в Швейцарию.

В стране диэтиламина

Вскоре после прибытия в Швейцарию Тимоти был арестован и заключен в тюрьму, где ожидал экстрадиции в США. Это было следствием личного запроса Генерального прокурора США Джона Митчелла. Когда он находился в Лозаннской тюрьме, туда неожиданно явился с визитом молодой швейцарец, который был дальним родственником Германа Гессе, «поэта внутренних странствий». Кристоф Венгер, как звали молодого человека, подарил Тиму прекрасную овальную акварель работы автора «Степного волка» (было также объявлено о планах по экранизации этого произведения с Тимом в роли Гарри Галлера). Это был хороший знак. В то же самое время, в «Вавилоне», заработал *deux ex machina*²⁹, созданный Алленом Гинзбергом, - Фаланга Поэтов Прозы Района Залива Сан-Франциско мобилизовала передовой отряд поэтов, эссеистов и новеллистов, который обратился с воззванием к швейцарскому правительству, призвав его «считать доктора Лири образцом традиционного политического, культурного,

²⁹ «Бог из машины» {лат} - неожиданно появляющаяся постоянная сила, способная изменять ход событий

литературного и философского эмигранта и предоставить ему политическое убежище».

Что и было сделано. «Как магически это все работает», - сказал Тим после своего освобождения, улыбаясь перед объективом фотоаппарата вместе со своей храброй, красивой и много пережившей женой. Его делом занялся самый крупный, специализирующийся на наркотиках швейцарский адвокат, по совместительству отец троих сыновей-хиппи. В его защиту также выступили Альберт Хофманн и голландский писатель-активист Симон Винкенуг. Уильям Берроуз нагрелся проездом, оставив Лири в подарок свою последнюю книгу «Улыбка Али». Изгнанники в очередной раз получили свободу. «Эти швейцарцы когда-нибудь начнут что-нибудь понимать?» - ворчало ЦРУ, в то время как Али улыбался.

Сколько удовольствия ты сможешь вынести?

Внутри этого прелестного дома на озере на стене висела гигантская карта Швейцарии. Лебеди скользили по озерной глади, снежные вершины гор высились в отдалении. Изгнанники отметили красным маркером траекторию своего недавнего пути. Цюрихский аэропорт, где они проскользнули мимо таможи... шале в Виаларе.. Лозаннская тюрьма... курортная деревенька Кране, где он учился кататься на лыжах, но решил, что слишком стар, чтобы в присутствии других получать от этого удовольствие. И начал обдумывать - не заняться ли ему катанием на космической доске.

Немного раньше в тот же день он ехал за рулем забавного фургона «фольксваген» с изображением черной пантеры на капоте до станции Иммензее, где должен

был встретиться со своим архивариусом из Сан-Франциско. Здесь они купили в киоске номер *Sonntags Journal*, швейцарского аналога *Time*, с фотографией Лири на обложке и с надписью: «Prophet auf der Flucht» («Пророк в бегах»). Это страна Вильгельма Телля, и мы в гостях в доме Бобби Дрейфуса, праправнука знаменитого Альфреда Дрейфуса, которого объявили предателем и судили на известном процессе 1894 года. По пути заезжаем на телестудию, где Тимоти дает короткое интервью Швейцарскому национальному телевидению, в котором утверждает, что базовый вопрос - это «сколько удовольствия ты можешь вынести?»

Один день из жизни изгнанника

Дома он говорит по телефону со своим адвокатом в Берне; он меняет пеленку своей внучке Дейдре; он курит гашиш с какими-то швейцарскими хиппи, которые решили проверить, умеет ли он это делать; он включает восьмой уровень в повествование о своем побеге из тюрьмы; он соглашается стать крестным отцом девочки по имени Вайнона, недавно родившейся в Миннесоте; ему звонит таинственный международный литературный агент, который предлагает ему аванс в четверть миллиона долларов за его тюремную повесть. (Деньги действительно уплачены, но не Тимоти, а некоему посреднику, выступавшему от его лица. Тимоти получает желтый «порше» за свои литературные достижения, что является неплохой заменой «фольксвагену».)

Каждый уровень сознания предполагает свои художественные формы

История с плагиатом «Клиффорд Ирвинг - Говард Хьюз» чрезвычайно занимает его, потому что «плагиат - это

литературная форма будущего. Человек, который пишет свою собственную книгу, это абсурд. Что за эгоцентризм! Фу!»

Он объясняет, что визионерский опыт отныне не будет больше невыразимым, неопишным. Сознание базируется на физической и физиологической структуре. Каждый уровень сознания определяет свои собственные художественные формы. Семь изящных искусств будущего будут таковы:

1. Генетический Цирк: Танец Мутантов,
2. Библиотека Неврологических Фильмов,
3. Упоительная Всечувственная Порнография,
4. Романтический Юношеский Уличный Театр,
5. Интеллектуальные Творения,
6. Политические Эмоциональные Драмы,
7. Анастетики (эскапистские уловки: револьвер и игла наркомана), а также «психоделические президенты, переплавляющие оружие в гигантских Будд».

Жилое пространство для времени

«Чтобы быть человеком знания, надо быть светом и жидкостью одновременно», - говорит дон Хуан. «И никогда не отказываться от возможности озарения», - добавляют Мак-Нелли-Барака-Лири. В то время, как призванные архивариусы яростно собирают материалы, два колдуна хлопают в ладоши и индеец яки растворяется в прозрачном воздухе. «Пресс-конференции - это ужасное занудство», - смеется Лауреат Убежища перед объективами телекамер и микрофонами.

- Продолжайте! - кричит репортер из Marijuana Review.

- Путешествуйте легко. Путешествуйте далеко. Научитесь космической ловкости, которая не ограничивается никаким космосом. Никогда не забывайте, что вы

принадлежите времени и являетесь пришельцами в этом пространстве. Всегда находитесь поблизости от ключей времени. Ключи от путешествия во времени имеют фармакологическую природу. Никогда не отказывайтесь от возможности совершить путешествие во времени.

Есть еще вопросы?

Джаз № 7 для Тима Лири Роберт Хантер

Увы, я плавать не умел
И потерял я Клементину...

Гете

Галилео сказал: «Каждую минуту рождается один дурак
И еще двое, чтобы руководить им».

Марк Твен заявлял:
«Дайте мне достаточно длинный рычаг,
Точку опоры, место, где встать,
И тогда я поговорю с луной».

Потребовался Тимоти Лири для того,
Чтобы продемонстрировать внутреннее
Озарение, которое собирает воедино эти
Расходящиеся мысли:

*Воздержание в одной области
Приводит
К излишеству в других¹.*

Роберт Хантер - поэт, один из авторов текстов группы Grateful Dead.

Высокие лодки, мягкие весла,
Расшитые паруса и ровный ветер,
Мы шли над волнами,
В то время как Тим,
В облачены причин,
По ветру летел, побеждая его,
«ОК, твоя очередь вей», -
сказал ему ветер.

Поскольку кто-то должен был
Сбивать нас с пути,
Предлагая толстый лед
И тонкие коньки,
Тим был лучшим выбором
Со своим ведром крови,
Лучше тех, кто учил нас, что
Изсвободыоружья
Выходятстволы.

Лири вел нас к понимаю того,
Что свобода у нас прямо в носках
Потому, что они к нам ближе,
Чем наша обувь.

Сейчас и навсегда
Бессмертие зовет
Всегда тем же голосом,
Если действительно зовет,
И оно может заставить нас
Поверить, что это так,
Поскольку судьба одного -
Это судьба всех,
Или же мы заблуждались
Насчет всего, включая
Верное свидетельство
Наших ощущений,
Находящихся на стеблях,
Колеблющихся на ветрах,
Поющих свою песню,
Шестнадцатилетняя дева
Во флюоресцентных генах,
Несущая снопы колосьев

Из рога изобилия,
Русалки в бикини,
Верхом на волнах,
Поющие свои песни,
Тим с ними вместе.

Те, кто избрал
Все опасности свободы,
Предпочтя им
Прочность камня,
Только тот слышит их.

Мелодии их многообразны,
Переводы противоречивы,
Повторяются речитативом
В одной и той же песне.

Врата, о врата,
Войти во врата,
И выйти из врат,
Отправляйсявплаванье, брат!

ПИСЬМА
Олдос Хаксли и
Джералд Хёрд

10.05.1961

Мистеру Олдосу Хаксли
3276 Деронда Драйв
Лос-Анджелес, Калифорния

Дорогой Олдос, наша работа движется вперед. Мы пытаемся воплотить в жизнь некоторые идеи Грея Уолтера. Спасибо за помощь. Работа в тюрьме идет прекрасно. Заключение очень воодушевлены и препаратом и перспективами, которые перед ними открываются.

Мы завершаем наш первый эксперимент, в котором участвовали 114 человек, с общим числом приема препарата 413 раз. Все, кроме одного из них, хотят продолжать сотрудничество. Результаты весьма положительны. Я пошлю отчет о результатах в Копенгаген.

Олдос Хаксли - выдающийся писатель XX века и один из первых участников Псилоцибинового проекта Джеральд Херд - философ и ученый, вдохновивший и подтолкнувший многих людей к исследованию религиозного опыта.

Для того, чтобы сделать результаты более объективными, мы завели специальные вопросники по каждому делу. Если у тебя есть несколько минут, чтобы завершить эту работу, я буду тебе очень признателен. Я знаю, что ты понимаешь, какое на нас оказывается давление.

У нас есть осужденные, которые читают D. P. и H. H и учебники по криминалистике³⁰.

Надеюсь вскоре встретиться с тобой в Дании.

*Наилучшие пожелания,
Тимоти Лири*

Плаза,
угол 5-й Авеню и 59-й улицы,
Нью-Йорк

13.06.1961

Дорогой Тим, в следующий раз, когда будешь в Нью-Йорке, сходи и посмотри выставку Макса Эрнста в Музее современного искусства. Некоторые картины - удивительные примеры мира, увиденного с точки зрения ЛСД или грибов. Эрнст смотрит на мир как визионер, и еще он первоклассный художник, способный выразить то, что он видит, в своих картинах, которые, из всех мною виденных, наверное, наиболее адекватны визионерскому опыту. Было бы интересно с ним познакомиться, посмотреть, каков он в нормальном состоянии, а потом дать ему попробовать грибов или ЛСД и сравнить его нормальное состояние с состоянием под наркотиками. Присущее ему сочетание психологического склада и огромного таланта делает его случай абсолютно бесценным.

Твой Олдос

³⁰ Лири, видимо, имеет в виду книги Хаксли «Двери восприятия» (Doors of Perception) и «Рай и Ад» (Heaven and Hell).

06.02.1961

Дорогой Тим,

спасибо за письмо от 23 января, которое пришло в мое отсутствие. Я был сначала на Гавайях, а потом в Сан-Франциско, где у нас была хорошая конференция по теме «Контроль сознания».

Увы, но я *не имею* сейчас возможности писать для «Харперс» - отчаянно пытаюсь закончить книгу.

В Сан-Франциско я встретил доктора Янигера, которого до того не видел семь лет. Он рассказал, что давал ЛСД ста художникам, которые делали рисунки до, во время и после приема наркотика. Их результаты комментировались целым рядом художественных критиков. Это может быть интересно. Я дал ему твой адрес и думаю, что он скоро с тобой свяжется.

Я также говорил с доктором Жоли Вест (профессор психиатрии из Оклахомского медицинского института), которая рассказала мне, что много работала в области сенсорной депривации, пользуясь испытанными методами техники Джона Лилли. Интересные визионерские результаты, - но у меня не было времени вдаваться в детали.

Ты прав в своей оценке беспомощности «научного метода». Эти идиоты хотят быть Павловыми, но не Лоренцами. Павлов никогда не видел животное в его естественной среде, всегда только в лаборатории. Ученые «элзсдэшники» точно так же поступают со своими подопытными. Неудивительно, что в результате они получают психозы.

Твой Олдос

19.04.1961

Дорогой доктор Лири, большое спасибо за Ваше письмо от 10 апреля. Я только что вернулся из Санта-Моники после недельного отсутствия, и оно ждало меня здесь.

Я с удовольствием встречу с вашей исследовательской группой в Кембридже. Я планирую прибыть из Лос-Анджелеса прямо в Бостон 15 мая и провести там как минимум два, а может быть, и три дня, в зависимости от того, каким будет у меня расписание встреч в Нью-Йорке.

Вы очень добры, гостеприимно предлагая мне остановиться в Вашем доме, но я боюсь, что это будет связано с излишними для Вас неудобствами по ряду причин, и первая из них та, что есть только один самолет в день из Лос-Анджелеса в Бостон, и он прибывает в 23:25. Учитывая, что они всегда опаздывают, это вполне уже может быть и полночь, если не позднее. Кроме того, мне будет уже 72 в этом году, и поскольку мне трудно одному справляться со всеми тяготами путешествия, меня сопровождает мой ассистент Майкл Бэрри. Таким образом, нас уже двое. И наконец, у меня есть привычка устраивать тихий час после полудня, для того чтобы быть в форме для встреч с людьми вечером, когда наступает мое оптимальное время.

Так что, я думаю, будет лучше, если мы с мистером Бэрри остановимся в отеле, в Кембридже. В противном случае я буду чувствовать, что мы стесняем Вас и злоупотребляем Вашим гостеприимством.

Я очень заинтересовался Вашими словами о том, что «создание обстановки и условий всегда в наших руках», и хотел бы обсудить это с Вами более подробно. Как Вы знаете, некоторые исследователи после многолетних экспериментов стали задумываться о том, что если так много зависит от предварительной подготовки, создания подходящей обстановки, условий и т. п., то нельзя ли добиться достижения этих высших состояний сознания без всяких медикаментов. Знакомы ли Вы с экспериментами эколога Алистера

Харди, который пытался изучать степени религиозного опыта? Он считает, что, помимо анализа данных непосредственно после эксперимента, нужно также уделять внимание последующей жизни испытуемого.

Не буду более злоупотреблять Вашим временем и надеюсь, что благодаря Вашему любезному приглашению нас ждет впереди интересный разговор.

*Искренне Ваш,
Джералд Хёрд*

Беркли 4,
Калифорния

02.02.1962

Дорогой Тим, я забыл в своем последнем письме задать тебе вопрос по поводу тантры. Есть потрясающие книги на эту тему, написанные Артуром Авалоном (сэр Джон Вудрафф), в которых можно найти много интересного. Кроме того, в книге Генриха Зиммера «Философии Индии» есть одна глава об этом. Самый полный научный разбор на эту тему можно найти в разных книгах Мирчи Элиаде о йоге. Смотри также «Буддистские тексты» Конзе. Насколько можно понять, тантра похожа на странную смесь из суеверий и магии, с возвышенной философией и пронизательными философскими инсайтами. В ней бесконечное количество ритуальной и словесной магии.

Но ее основной идеал представляется мне высочайшим из возможных - достижение просветления путем постоянного контроля. Это высшая йога - постоянный контроль сознания, сохранение сознания даже в бессознательном состоянии - на всех уровнях, от психологического до духовного. В этом контексте обрати внимание на список 112 упражнений по самоконтролю,

заимствованный из текста тантры и помещенный в конце книги «Плоть дзена, кровь дзена» (недавно вышла и в мягкой обложке. Вся гештальт-терапия отражена в этих упражнениях - и весь мир). Руководство рассчитано на ведантистов и адептов Нирваны буддистской школы хинаян. Но все в мире, через мир, имея в виду обычные жизненные процессы. Тантра учит йоге секса, йоге приема пищи (включая даже запретную пищу и запретные напитки). Обычная жизнь сакрализуется, так что каждое событие приобретает значение благодаря просветлению, способы достижения которого изучены; и это терапия не для ненормальных, это, прежде всего, терапия для тех равнодушных и бесчувственных людей, состояние сознания которых определяется терминами «нормальность» и «душевное здоровье».

ЛСД и грибы следует использовать, как мне кажется, в контексте этой основной тантрической идеи Йоги постоянного контроля, ведущей к просветлению в мире обыденности, который, разумеется, в результате, становится миром чуда, красоты и божественной тайны, если опыт протекает должным образом.

Твой Олдос

17.07.1962

Дорогой Тим, был очень рад получить твоё письмо из Сихуатанехо. Мне очень понравился тот вечер в твоей компании. Надеюсь, отель «Каталина» подойдет для твоих целей.

Как ты сказал, троица Полицейского, Священника и Банкира будет всегда выступать против путешествия души, но поток сознания против этих троих. Что лучше и что хуже: лучше, если победишь ты и твои единомышленники, хуже - если политики преуспеют в своих темных делах и победа будет за полицейским-священником-банкиром. Видел ты это

интервью с Гленом Сибергом, главой Комиссии по атомной энергии³¹, где ему задали вопрос •* что будет самым большим прорывом в ближайшие тридцать лет, и он ответил - изменяющие сознание наркотики.

Мы собираемся посетить Sandoz через неделю. Хофманн прислал письмо, пишет, что собирается в Мексику по грибы. Полагаю, вы должны с ним переписаться.

Майкл присоединяется к моим пламенным приветам и наилучшим пожеланиям.

*Слюбовью,
Джералд*

545 Сполето Драйв
Санта-Моника, Калиф.

09.02.1963

Дорогой Тим, очень был рад новостям о тебе. Это прекрасно, что твои дела в Сихуатанехо налаживаются. Это отличное местечко. Рад был также узнать, что ты будешь в наших краях в апреле. Дай знать, когда ты будешь, как только определишься с датой. У нас намечается некоторая работа в Биг Суре на Пасху (где-то 14 апреля и на недельку), но мы можем и остаться здесь, в зависимости от того, как мы договоримся.

С наилучшими пожеланиями,
к которым присоединяется и Майкл,
Джералд

³¹ Глен Сиберг - выдающийся радиохимик, лауреат Нобелевской премии по химии за открытие трансураниевых элементов, был председателем Комиссии по атомной энергии США и участником Манхэттенского проекта.

6233 Малхолланд
ЛА 28 / Кал.

20.07.1963

Дорогой Тим, спасибо тебе за твои письма. Я думаю, насчет школы это прекрасная идея, но, чтобы ее осуществить, требуется, помимо всего прочего, разумное сочетание того, что Вордсворт называл «мудрое бездействие» с мудрым действием - восприимчивость и быстрое формирование концептов в сочетании с правильной оценкой опыта. Делаем ли мы сейчас все от нас зависящее для обоих миров, описанных у Вордсворта в его «Увещевании и Ответе» и «Столах опрокинутых»? Вот что нужно выяснить. Также необходимо использовать все возможные ресурсы - лучшие методы формального обучения плюс ЛСД, гипноз (используемый, помимо всего прочего для того, чтобы помогать людям возвращаться в ЛСД-состояние без использования самого химического агента), изменение времени (чтобы ускорить процесс обучения), авторегулировка для контроля за автоматическими процессами, а также измерение уровня физического и психологического сопротивления болезням и травмам и т. д. и т. п.

*Всегда твой,
Олдос*

3276 Деронда
Ла 28 / Кал.

07.05.1961

Дорогой Тим, спасибо за твое письмо. Ты наверное слышал или читал, что у нас был пожар. Ничего - буквально ничего - не сохранилось, и я теперь человек без прошлого, также, как и Лаура. Никаких старых писем,

дневников, набросков, заметок, записных книжек и, конечно, никаких подарков.

Среди того, что исчезло, бутылек с псилоцибиновыми таблетками, которые ты мне дал. Если у тебя есть лишние, я был бы очень благодарен за новую посылку. Полагаю, что встретиться с тобой мне не удастся, во всяком случае, до середины апреля в Копенгагене.

До встречи.

Твой Олдос

P.S. Ты сможешь найти меня по этому адресу, через него же мне пересылают и письма, где бы я не находился.

6233 Малхолланд
ЛА 28 / Кал.

27.06.1963

Дорогой Тим, Алан Уотте дал мне твой теперешний адрес, и я пишу, во-первых, чтобы сказать, что я надеюсь, что твои проекты продвигаются успешно, вопреки препятствующим мексиканским обстоятельствам, а во-вторых, чтобы спросить, известно ли тебе что-либо о теперешних намерениях и будущих планах мистера Пэйна и его коллег из *Playboy*. Я послал им статью около трех недель назад (копия одновременно была послана тебе в Сихуатанехо, но, возможно, ты уехал еще до того, как она дошла); я не уведомлял тебя заранее. Я написал им десять дней спустя, и в ответ получил телеграмму, что она до них дошла и что «мистер Пэйн попробует написать завтра». С тех пор прошла уже неделя, но я так и не получил ни слова ни от мистера Пэйна, ни от кого бы то ни было. Это очень странное, безответственное и неделовое поведение, и я буду очень тебе благодарен, если ты подействуешь на этих людей, чтобы они наконец сообщили мне: 1) собираются ли они

использовать мой материал; 2) что они хотят за это заплатить. Алан Уотте поселил в моей душе серьезные сомнения в порядочности *Playboy*, и я хочу определиться, что же на самом деле происходит и что будет дальше с моим эссе.

*Всегда твоей,
Олдос*

6233 Малхолланд
ЛА28/Кал.

03.06.1963

Дорогой Тим, вот рукопись моего эссе-предисловия, которое является не столько обсуждением психоделиков, сколько более широким обзором всей проблемы отношения индивидуума и культуры - проблемы, в разрешении которой психоделики могут, вне всяких сомнений, сыграть не последнюю роль. Прости, пишу на бегу.

*Всегда твоей,
Олдос*

ЗАКОН ЛЮБВИ **Майкл Кан**

Когда Тим пришел в Гарвард в шестидесятых, переворот, который он совершил, касался не только наркотиков. Главным было то, что он своим приходом изменил положение, которое господствовало там на протяжении многих лет. Ведь раньше кафедра в Гарварде (или же в Йеле или Беркли) всегда была предметом вождения. Кроме того, очень ценилась репутация по стране. Такая репутация завоевывалась при помощи престижных публикаций и членства в различных обществах и клубах. Помимо всего прочего было необходимо привлечь и удерживать значительную аудиторию студентов-дипломников. Существовал только один критерий для выбора темы научных исследований - сможет ли она содействовать успешной карьере.

Тим открыл всем глаза на ту вопиющую социальную и человеческую безответственность, которая заключалась в таком подходе к науке, и он сделал это очень

Майкл Кан, в прошлом актер и летчик, долгое время был преподавателем психологии. В 1961 году в Гарварде Тимоти Лири изменил безвозвратно его жизнь, за что Кан ему бесконечно признателен.

убедительно. Коллеги Тима по факультету видели, как он проповедует академический социализм в обществе, где торжествовал академический капитализм. Это было примерно то же самое, что проповедовать фабианский социализм британскому истеблишменту 1920-х годов. Наркотики тут были ни при чем, они были просто поводом, чтобы избавиться от Лири.

Увольнение Тима из Гарварда в 1963 году заставило сделать некоторые важные выводы. В том же году Эйб Маслоу опубликовал «Навстречу психологии бытия» и основал Ассоциацию гуманистической психологии. Майкл Мёрфи и Дик Прайс основали Эсаленский институт. Что-то новое и важное нарождалось в американской психологии и американской культуре. Тим был главной силой этой революции; уволив его, Гарвард показал, что этому новому движению нет места в стенах университета, или, что то же самое - в американском истеблишменте. То, что это было предсказуемо, не делает его менее значимым.

Гуманистическое движение имело много голосов и не все из них были привлекательны. Но в центре была одна главная тема. Если мы хотим спастись, то к этому есть только один путь: *закон любви должен стать на место закона эгоизма*. Я слышал эту весть и раньше. Думаю, что слышал ее уже давно. Но я услышал ее от Тима в таком виде, что она дошла до моей подкорки и изменила мою жизнь. Думаю, что то же самое могут сказать множество людей. И мы обязаны помнить эту весть.

СВЯТОЙ ТИМОТИ НА ШОССЕ

Кен Кизи

Святость всю дорогу шла вместе с политикой, Безумие, наоборот, пряталось по углам.

Улицы по обе стороны заполнены рекламой учителей карате (ЗАЩИТИТЕ СЕБЯ!). Густопсовое вранье на протяжении всех окрестных улиц. Лазы, ведущие в Элизиум без всякой предоплаты. К кому бы набиться в попутчики слиться из этого города, плачу за бензин, готов даже сам порулить. Местные радиостанции перекрывают друг друга, соревнуясь в идиотизме (ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ОТСЮДОВА, ЗАЩИЩАЯ СЕБЯ! *всю дорожку нудя, клянча, клянча, вымогаю все, что у вас есть, клянча, ноя, клянча. требуя все, что у вас есть*) там, где фашисты рыгают друг на друга, сидя за кофейными столиками, рыгая очень значительно.

Ты не станешь спорить с семидорожными перекладными, полностью сегрегированными школьными автобусами, и ты катишь автостопом подальше вперед, к черту отсюда.

Кен Кизи - веселый проказник, автор книг «Пролетая над гнездом кукушки», «Порою нестерпимо хочется» и других, ставших уже классикой.

«Почему они со мной так обращаюца?» - кричишь ты, выставив вверх оба своих больших пальца; но в твоём положении не спорят. «Куда я еду-та? И когда я приеду-та?» И ты знаешь, что ты сядешь в первый попавшийся школьный автобус, который согласится остановиться.

«Да что это за люди в этом городе?» - вопишь ты, заглядывая внутрь.

«Не бери в голову, парень, ты садишься или нет?»

«Могу я спросить, куда вы направляетесь?»

«Слушай, парень, тебе что, не нравится наш автобус? Может, ты хочешь провести остаток жизни, оглядываясь через плечо на то, как другие получают образование?»

«Ладно. Везде лучше, чем в этом городе, но посмотри на этих людей, ведь они сами превращают себя в уродов с бегающими глазками».

«Короче, я поехал, парень». Вжжжрррууу.

«Подожди! Стой! Не-е-т! Подожди!»

На улицах за твоей спиной учителя карате выглядывают из своих лазов в надежде легкой поживы, визгливые радиоголоса пытаются перекричать друг друга. *(Без тени юмора, клянчат по всем дорогам, целый день напролет, всю дорогу клянчат, клянчат, клянчат, преисполненные идиотского оптимизма.)*

Я лучше буду настоящим, чем правильным, прямо сегодня вечером, здесь на дороге, шум машин постепенно стихает... капывает мелкий дождик... классы карате погружены в темноту... лазы закрыты... ооооооооо... оооооооооо... оооооооууу.

Ты великий человек, Тимоти, что я еще могу сказать? Нам недостает тебя в этой стране, но не могли же мы запереть тебя здесь.

ПИСЬМО ТИМОТИ Кэролин Клифельд

Дорогой высокотехнологичный электронный эльф Тимоти!

Ты достиг вершины «человеческой технологии» в твоём доблестном, героическом, блестящем, высокотехнологическом обращении с так называемой смертью (может быть, то, что они называют жизнью, это на самом деле смерть, а смерть - это освобождение к истинной жизни). Как всегда, ты стал источником вдохновения. Никто, кроме тебя, не мог бы сделать переход от жизни к смерти не только интересным, но и глубоко значимым событием. Ты продемонстрировал всем и каждому, что возможно с точки зрения самой развитой философской высокотехнологичной юмористической перспективы.

Как всегда, ты наш самый любимый лидер с самым стойким духом и ты останешься жить в истории

Кэролин Мэри Клифельд - известный поэт, философ, художник, чьи поэтические сборники по всему миру используют для самосовершенствования. Её последняя книга, «Алхимия возможности», кульминация десяти лет творческого выражения, сплетает богатое полотно из визионерской живописи, философских рефлексий и поэзии. Узнать о Кэролин больше вы можете, посетив её web-сайт www.carolynmarykleefeld.com

и в наших сердцах как вечный сияющий огонь вдохновения.

P.S. МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ.

ИГРА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТЕННИС С ТИМОТИ ЛИРИ Пол Красснер

«Итак, Тим, у меня год за тридцать лет нашей дружбы».

«Длительная и по сей день. Мы играем в интеллектуальный теннис уже тридцать лет, разве это не замечательно?»

«Из всех наших бесчисленных разговоров мне особенно запомнился один, когда ты сказал, что когда-нибудь ученые наконец раскодируют ДНК, один слой за другим, но когда они закончат и поставят последнюю точку, за ней все равно останется какая-то тайна. И мне понравилось играть с этой тайной. Стал ли ты ближе к пониманию тайны или, наоборот, отдалился от нее?»

«Я изучаю слова, Пол. Это просто как наваждение. Я научился этому у Маршалла Маклюэна³². Ужасный порок. У меня это уже много лет, я просто никому не

Пол Красснер - редактор журнала The Realist

³² Херберт Маршалл Маклюэн - канадский ученый, социолог, изучавший массовые коммуникации. Разработал теорию изменения социума под влиянием электронных СМИ. Считается провозвестником Интернета, автор афоризмов «Средство есть сообщение» и «глобальная деревня»

рассказывал об этом. Медиум - это послание, помнишь? Мозг создает реальности, какие захочет. Когда мы смотрим на слова сквозь призму, мы начинаем понимать. Но понимаю ли я тайну?»

«Я думаю, что конечная тайна не поддается определению. Но смог ли ты хотя бы стать ближе к пониманию ее?»

«Ближе к по? Ближе к ни? Ближе к мании? Я весь ни по, ни ни, ни ма, я по-ни-ма-ю».

«Чем старше я становлюсь, тем глубже становится тайна».

«Быстрее».

«Давай обратимся к специфической тайне. К твоей тайне. Потому что каждый видит сквозь призму своего восприятия. Как ты полагаешь, когда ты сильнее всего заблуждался?»

«Ты знаешь, Пол, у каждого тот Тимоти Лири, которого он заслужил. У каждого своя точка зрения. И точка зрения каждого представляет абсолютную ценность для него самого. Чтобы проследить за мной, ты должен все время двигаться со своей камерой, в противном случае ты увидишь меня только через один туннель. Увеличь угол зрения. Не зацикливайся на своей точке зрения».

«Некоторые знают о тебе по лозунгу шестидесятых - "Turn on, tune in, drop out" ("Врубись, настройся, выпади"). Я думаю, большинство из них не очень понимает, что ты имел в виду под «выпади».

«Все понимают. Гляди в корень».

«Ладно, это все слова. Пятнадцать лет назад на футурологической конференции ты назвал себя "неотехнологическим язычником". Что ты имел в виду?»

«Нео имеет весь спектр значений в сфере футурологии. Технологический подразумевает использование машин, пользование электричеством или светом для

создания реальности. Есть два вида технологии. Машинная - дизели, нефть, металл, индустриальная технология. И неотехнология, которая использует свет. Электричество, фотоны, электроны. А язычник - это здорово. Я обожаю это слово. Язычник - это прежде всего гуманист. Я вырос в католической среде, и слово язычник было там худшим ругательством. Конечно я ни разу не встречал живого язычника в Спрингфилде, Массачусетс, посещая католическую школу, "(де эти язычники обитают? Я хочу быть язычником)".

«Было ли что-то конкретное, что оттолкнуло тебя от католицизма?»

«Да, Пол, это был определенный период, я могу точно сказать, мне было 15-16 лет. Я тогда учился в средней школе, был сексуально озабочен и дико влюблен в чудесную, очень сексуальную девушку, гораздо более опытную, чем я. И это случилось! Она открыла мне великую тайну секса. Вау! А в то время я регулярно, каждую субботу вечером, ходил на исповедь. В тот вечер у меня было свидание с Розмари. Сидя там с ней, в темноте, я думал, как будет лицемерно потом исповедоваться. Они хотят, чтобы я исповедовался и каялся в том, что кажется мне самым прекрасным на свете, когда каждая клетка моего существа только и мечтает о том, чтобы эта девушка совратила меня!»

«Железы победили философию».

«Железы? Бог мой, Пол, это слишком механистично».

«Я выздоравливающий романтик».

«Потому что ты используешь слово «железы»? Железы - это очень интересно. Люди не так часто говорят про железы».

«Ладно, давай поговорим тогда о машинах. Какие отношения между кислотой и технологией?»

«Ну, ЛСД - это один из многих наркотиков, основанный на нейроактивных растениях. Пейот и грибок на

ржи. Помнишь эти безумные истории из средних веков, как бишь они это называли? Целые деревни впадали в безумие, нажевавшись каких-то растений. Дело в том, что человеческий мозг имеет специальные рецепторы, реагирующие на определенные виды растений, воздействующих на сознание. Наш мозг развивается уже свыше 50 миллионов лет, используя эти рецепторы. Причина, по которой часть людей принимает наркотики, состоит в том, что эти рецепторы активируют центры удовольствия в их мозгу. И это не было ошибкой. ДНК не обманешь. И дьявол здесь ни при чем. Несомненно, есть какие-то объективные причины, по которым пейот или псилоцибин включают определенные рецепторы. И существует еще много каких-то рецепторов и веществ, которые на них воздействуют, о которых мы еще ничего не знаем».

«В меняющейся контркультуре видишь ли ты преемственность между психоактивными наркотиками и киберпространством?»

«Конечно! Это факт. Каждое поколение создает новую контркультуру. В "ревуших двадцатых" это джаз и алкоголь. В шестидесятые - хиппи с психоделиками».

«Контркультура сегодня - это не только наркотики и компьютеры или необязательно только они. Я не сомневаюсь, что некоторые используют и то и другое одновременно. Но как ты думаешь, можно ли сказать, что наркотический опыт повлиял на компьютерный опыт?»

«Я не отрицаю, что можно использовать и то и другое. Мозг устроен так, чтобы задействовать эти рецепторы. И мы видим, как эти рецепторные центры перекрывают обычное сознание. Текстовый редактор. Потом внезапно ты можешь начать употреблять психоделические растения, которые отправят тебя в другое пространство. Пожалуй, я чересчур техничен. Но есть несомненная аналогия между тем, как рецепторные центры

марихуаны и ЛСД или опиума, активируют определенные участки мозга, и тем, как мы загружаем какие-то программы в компьютер. Тогда, в шестидесятые, мы не так много знали о том, как устроен мозг. Я говорил в 1968-м: "Нужно выйти из своего сознания, чтобы начать пользоваться головой". Но "голова" - это просто старомодное название мозга. Мы ничего не знали тогда о рецепторных центрах. Но теперь мы можем использовать биохимпрепараты, для того чтобы попадать в различные реальности, которые существуют в твоём мозгу. И ты куришь марихуану, потому что она дает тебе приятное ощущение. Трава также хорошо действует на аппетит. Так работает твой мозг. Но теперь это звучит по-другому: "Пользуйся головой, чтобы оперировать мозгом". Это новая концепция. Пользуйся головой! Это круто. Оперировать своим мозгом, потому что мозг создает различные реальности».

«Видишь ли ты связь между войной с наркотиками и попытками наложить цензуру на Интернет?»

«О, совершенно верно, Пол. Цензоры хотят контролировать все. У нас должны быть чиновники для того, чтобы общество нормально функционировало. Я не отрицаю правила и ритуалы. Но они цензурят все, что может изменить реальность индивидуума. И это недопустимо».

«Ты знаешь, у меня есть теория, что все эти истории про НЛО, все эти люди, утверждающие, что они были похищены инопланетянами, все это не что иное, как прикрытие для секретных государственных экспериментов по контролю над сознанием».

«Это очень популярная теория, Пол. Я каждый день получаю как минимум десять писем на тему НЛО и правительства. Конечно, люди в правительстве делают все, что могут, чтобы контролировать наше сознание».

«А эти "голубые каски" в Боснии ждут не дождутся, чтобы прилететь в Штаты на своих черных вертолетах и напасть на Мичиган и Аризону».

«Мне нравятся все эти слухи про НЛО. Мне нравится, что с людьми хоть что-то происходит. Шестидесятилетняя жена фермера из Дакоты думает, что была похищена и несколько раз изнасилована существами из НЛО! Вау! Они проделали путь с другой планеты 8 тысячи световых лет только для того, чтобы устроить оргию с этой милой бабулей и подергать ее за титки. Вау!»

«Или, на худой конец, взять пробы у нее из задницы. Но все-таки, как ты думаешь, проводит ли государство какие-то эксперименты по контролю над сознанием? Были же все эти программы типа MKULTRA и тому подобное. Как ты думаешь, может, они до сих пор про*должаются? Я не верю, чтобы они могли остановиться».

«Чем сейчас занимается ЦРУ, может рассказать Дж. Гордон Лидди. Он говорит: "Да, это правда. Когда мы узнали, что китайские коммунисты используют ЛСД, ЦРУ закрыло весь мировой рынок от Sandoz. Они не понимают, что одна доза ЛСД - это одна миллионная грамма. ЦРУ считает, что эксперименты с ЛСД могут иметь непредсказуемые последствия". Что за чушь, Гордон! Ты можешь назвать хоть одно предсказание ЦРУ, которое сбылось? Падение шаха? Возвышение аятоллы?»

«Как тебе понравилось, что Лидди получил премию за свободную речь от Национальной ассоциации токшоу после того, как сказал, что, когда за тобой придут люди из ATF³³, они всегда одеты в бронежилеты, поэтому надо целиться им в голову или в пах?»

«Это типичный Лидди. Он по натуре романтический комик».

«Когда ты дебатировал с ним, то, если бы послушался его совета задним числом, тогда ты оказался бы на сцене один, ведь он возглавил тот рейд на Миллбрук и

³³ ATF - Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия

кто-нибудь обязательно выстрелил бы ему в голову или в пах».

«Да, он был правительственным агентом, который ворвался в нашу спальню среди ночи. У нас было полное право пристрелить его. Но у меня никогда не было никакого оружия. И не было никакого желания приобрести его, хотя у меня и был в свое время разряд по стрельбе из «гаранда», винтовки Спрингфилда и пулемета, когда я учился в Уэст-Пойнте. Я был экспертом по системе Ховитцера. Я знаю, как обращаться с этими убийственными штучками, но у меня никогда в доме их не было и не будет».

«Но когда ты сбежал из тюрьмы, ты сказал: "Защитайте себя и сражайтесь за свою жизнь. Пристрелить робота-полицейского, защищая свою жизнь, - это ваше святое право"».

«Да, я еще сказал¹ "Я вооружен и опасен". Я позавидовал это у Анджелы Дэвис. Я думал, что будет кстати сказать что-нибудь в этом роде».

«Я думал, это было партийной программой Weather Underground».

«Ну, на самом деле я много спорил с Бернадин Дорн».

«У них была своя линия. Она даже восхваляла Чарли Мэнсона».

«О, это были забавные ребята. Изумительные Еврейские детишки из Чикаго. У них была и программа, и диорама, и панорама. Бернадин восхищалась Чарли Мэнсоном за вилку, воткнутую в живот жертвы. Она была весьма кровожадна».

«Она несомненно хотела отменить все табу. Какие еще остались табу, которые до сих пор не отменены?»

«Есть одно табу - самое старинное и могущественное, - я пишу о нем уже на протяжении тридцати лет. Тема смерти - это то, что люди не любят обсуждать».

Врачи, священники и политики превратили это во что-то ужасное, ужасное, ужасное. Вы - жертва. Если вы приняли представление смерти, вы признали себя жертвой».

«И поэтому ты предал огласке тот факт, что у тебя неоперабельный рак простаты? Друзья знали об этом, но...»

«Я на самом деле планирую вечеринку по поводу своего окончательного перехода уже двадцать лет. Я последователь Сократа, который был величайшим контркультурным комическим философом в истории. Он принял цикуту».

«Да, "Общество цикуты" названо в честь этого события».

«Я был его членом много лет. Их главная тема - это "самодоставка". Это самое главное решение, которое ты можешь принять. Ты ведь не можешь выбрать, как, когда и от кого тебе родиться».

«Хотя есть люди, которые утверждают обратное».

«Ну да, это зависит от системы взглядов. Но те из нас, которые так не считают...»

«Рам Дасс однажды сказал, что зародыш, который подвергся аборт, знал, что не хочет рождаться, поэтому выбрал родителей, которые не хотят его рождения».

«Ричард такой политически корректный. Разве это не замечательно?»

«Не планируешь ли ты сделать то, что сделал Олдос Хаксли, предпринять это путешествие под кислотой?»

«Что ж, это вариант».

«Верить ли ты в тот или иной вид загробной жизни?»

«Я собрал огромный архив, охватывающий шестьдесят лет писательства, около трех сотен аудио- и видеокассет. Все это хранится в надежном месте. И я яв-

ляюсь членом двух криогенных групп, у меня есть намерение заморозить свой мозг».

«Но я имею в виду под загробной жизнью не продукты твоего сознания, а твое сознание как таковое».

«Мое сознание есть продукт моего мозга. Какя могу узнать о своем сознании, если у меня нет мыслей?»

«Но есть люди, которые верят в традиционные Рай, Ад и Чистилище. Неужели ты совсем не веришь в такие формы загробной жизни?»

«Ну, это только расхожие метафоры. Я, должно быть, в Чистилище сейчас, а? На меня тут поступил запрос с Небес. Это неплохая метафора. Также и Ад - это то, что мы сами создаем».

«Ты имеешь в виду здесь, на земле?»

«Где бы ты ни находился. А ты что думаешь обо всем этом? Верить ты в жизнь после смерти и всякое такое? У тебя есть какая-нибудь теория на этот счет?»

«Что тебя пожирают черви и ты исчезаешь или тебя кремируют и твой пепел...»

«Погоди, Пол, это в твоей власти выбирать быть съеденным червями или чтобы тебя поджарили на барбекю. Или ты можешь быть заморожен. Необязательно быть съеденным червями или зажаренным в микроволновке. Я хочу оставить капли своей крови, которые содержат мою ДНК, в разных местах. Я оставлю и свой мозг. Почему бы не воспользоваться этим шансом? Не потому, что я так озабочен этим, Пол, нет, поверь мне. У меня нет такого отчаянного желания непременно вернуться на планету Земля. Я думаю, что я прожил одну из самых интересных, забавных, неповторимых жизней. И мне ужасно интересно, что будет дальше. Но у меня нет особого желания вернуться обратно. Многие из не имеющих отношения к науке людей не представляют себе, что в научных экспериментах ты учишься в основном на своих ошибках. Так что, я надеюсь оставить длинный список

своих ошибок, включая и семью важные вещи в жизни, сохранив свою ДНК. Надеюсь, что кто-нибудь научится на моих ошибках».

«Жалеешь ли ты о чем-нибудь? Хотел бы иметь возможность что-то переделать, зная то, что ты знаешь теперь?»

«Я сыграл бы всю игру иначе. Примерно треть из моих действий была абсолютно тупой, вульгарной, грубой. Другая треть просто банальной. Но одна треть была гениальной. Как в бейсболе, ты имеешь один аут из трех и возглавляешь лигу. НЦФ. Наиболее Ценный Философ».

«Когда мы впервые встретились в 1965-м, ты говорил о бейсболе - и играх вообще - в качестве метафор. Как бы ты описал игру своей жизни? Это была сознательная игра. Ты не просто попадаешь как шарик в пинбол-машину и она выстреливает тебя куда-то. Хотя случилось и такое».

«Знаешь, я начал отождествлять себя с Сократом еще в совсем юном возрасте. Смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы познать самого себя и узнать, кто ты такой. Цель жизни¹ - это открыть себя». *

«Как ты думаешь, как личность может бороться с этими медиагигантами, всякими там Уорнер-Тернер, Дисней-АВС и, т. д.?»

«А зачем с ними бороться? Ну, Южная железная дорога сливается с Пенсильванской железной дорогой, ну и что с того?»

«Но ты сам говорил раньше, что они пытаются контролировать информацию».

«Невозможно контролировать информацию, если она упакована в свет, в фотоны и электроны. Это просто невозможно контролировать цифровую информацию. Вжжжк** и готово. Я могу зайти на свой сайт и поместить туда иову©^ информацию. МОИ информация

немедленно может быть получена людьми по всему свету. А если не сразу, так чуть позже. Самое замечательное в киберкультуре - это то, что контркультурные философы, которые в ладах с технологией, могут работать сообща, идти впереди разных комитетов, политиканов и т. п. Так что я вполне уверен в себе. Я обучен играть в их игру. Для этого я и пошел в Уэст-Пойш, и поэтому я ходил в школу к иезуитам, и я научился ебать мозги. Я все понял и двинулся дальше».

«Ты хочешь сказать, что еще до того, как пойти в Уэст-Пойнт и к иезуитам, ты хотел обучиться работе с их инструментарием?»

«Я не хотел идти ни туда, ни туда. Мои родители настояли на этом».

«Так ты пошел туда с такими намерениями?»

«Да. Они возил меня в десять разных католических учебных заведений в Новой Англии. Ни одно из них не соглашалось принимать меня из-за моей характеристики из средней школы. Я был редактором школьной газеты и выпустил номер, где изобразил воспитателя в неприглядном свете. Был охандал. Но у меня был замечательный дядя, который был шишкой в католических кругах. У нег©^ыли связи в Ватикане, он нажал на какие-то кнопки, и мен» приняли к иезуитам. Я просто плыл по течению, надеясь все-таки миновать эту школу, и был удивлен, оказавшись там»

«Я не верю в реинкарнацию, но если бы верил, я бы сказал, что мы уже встречались с тобой в предыдущей жизни. Но это только метафора, я, конечно, не верю в это. А ты веришь в эту теорию?»

«Во времена Эмерсона, в 1630-е, была контркультура, очень похожая на нашу. Обращенность к себе, индивидуализации. Эмерсон принимал наркотики вместе с Дэвидом Торо. Маргарет Фуллер ездил в **талию и принимала наркотики. Позже Уильям Джеймс основал

еще одну контркультуру в Гарварде. Те же дела. Закись азота. Гашиш. "Многообразие религиозного опыта".

«Скажи, врачи сказали тебе, сколько еще тебе отмерено земной жизни?»

«Мне сейчас семьдесят пять, я всю жизнь курил и вел весьма активный образ жизни, хотя при этом и не совсем здоровый. Полагаю, что я должен прожить еще где-то от трех до пяти лет. Стало быть, мне будет где-то восемьдесят».

«Есть какие-то конкретные вещи, которые ты хотел бы успеть завершить до того времени?»

«Наша Всемирная сеть - это великая вещь. Мы можем публиковать в ней книги для всемирного обзора. Можно ставить театральные постановки по моим книгам. Можно вносить изменения в текст. Мы называем это - живые книги. Есть люди, которые хотят делать "книги" с моим участием. Это настоящая свобода печати».

«Как ты думаешь, это судьба или случайность, когда кто-то становится лидером, "агентом перемен", как ты это называешь?»

«Ну, судьба подразумевает, что ты был создан для этого. Нет, я думаю, очень много здесь зависит от человека. Тысячи решений, которые ты принимаешь, начиная со школы и потом в колледже, ведут тебя к той точке реальности, которую ты сам создаешь для себя. Ты можешь быть судьей или...»

«Защитником».

«Я думаю, самым лучшим результатом дела Симпсона для общества было то, что люди осознали все зло, каким является наша юриспруденция».

«Ты имеешь в виду и прокуроров, и адвокатов?»

«Да».

«Один мой друг как-то раз принимал участие в судебном заседании в качестве присяжного, и, когда его спросили, что он думает о прокурорах, он ответил:

"Копы в мантиях". Можешь ли ты с оптимизмом смотреть в будущее, невзирая на этот ползучий фашизм?»

«Будущее может измеряться в терминах личного освобождения. Есть политики. Есть военные, которые по-прежнему озабочены тем, чтобы причинять вред людям. Все они хотят власти. Им нужно изобретать причины, оправдывающие то зло, которое они приносят людям. Новое поколение растет, пользуясь средствами электронной связи. Двенадцатилетняя девчонка в Париже, Токио или здесь может сгрузить целую кучу всего к себе на экран монитора. У нее есть доступ к гораздо большей РВМ (Реальности В Минуту), чем у ее бабушки, в тысячи раз большей. И грядут еще большие перемены. Всемирная Паутина - это потрясающая вещь. Вжик - и ты на другом континенте. Связь через телефонную линию. Модем - это сообщение! Ты можешь быть везде. Если ты левша, немой, литовская лесбиянка, ты можешь связаться с людьми в Югославии или Китае, которые тоже левши, немые, лесбиянки. Это же гениально! Это сметает все границы, создает новый язык! Все больше и больше графических языков. Неоновая грамматика. Все, что может быть напечатано, теперь будет и в неоне».

«Да, это действительно полный цикл. Мы начали с разговора о словах, и вот теперь они светятся неоновом».

«Представь, Пол, умереть с достоинством, элегантно. Это будет незабываемое зрелище! Я имею в виду оркестровку, организацию и направление своей смерти как празднование чудесной жизни! Это сможет тронуть массу людей. Они будут говорить: "Мой отец умер по полной программе. Он хотел умереть". Изумительно!»

«Ты имеешь в виду, что люди будут рады, что они не одиноки в своих мыслях о смерти».

«Да. Люди всегда думают о том, чтобы умереть достойно, но все боятся говорить об этом».

«Какую ты хотел бы для себя эпитафию?»

«А ты что скажешь? Ты напиши ее».

«Здесь покоится Тимоти Лири. Пионер внутреннего пространства. И ирландский гном до конца своих дней».

«Ирландский гном? Да ты расист! А не могу я быть еврейским гномом? Что это за херня - ирландский гном?»

«О-кей. Здесь покоится Тимоти Лири - еврейский эльф».

ПОСТСКРИПТУМ. Хотя Тимоти Лири в 1988 году принял решение подвергнуть свою голову посмертной заморозке, незадолго до своей смерти он разочаровался в представителях криогеники и передумал.

«У них нет чувства юмора, - сказал он, - я стал опасаться, вдруг я проснусь через пятьдесят лет, а вокруг меня люди со встроенными панелями управления».

Вместо этого он велел подвергнуть свое тело кремации и запустить часть своего пепла на околоземную орбиту. Я спросил его, не хочет ли он оставшуюся часть смешать с марихуаной и закрутить из этой смеси косяки, чтобы его друзья и родственники смогли покурить его.

«Да, - сказал он. - Только не затягивайтесь мной очень глубоко».

СЛОВО ОТ КОНТРОЛЬНОЙ ГРУППЫ

Интервью, взятое Робертом Форте у Джейрона Ланьера

Р. Ф. : О-кей, Джейрон, прежде всего я хотел бы попросить тебя прокомментировать слова Тима о том, что компьютеры станут кислотой восьмидесятых.

Д. Л. : Я думаю, что смогу объяснить, что Тим имел в виду, хотя должен сказать, что никогда не разделял этого мнения. Я не раз спорил с ним на эту тему. Это не очень удачная метафора. На самом деле, первым, кто высказал эту мысль, был Уильям Берроуз. Но Тим, как всегда в своей обаятельной манере, высказал эту мысль в одном из своих интервью. Я думаю, он надеялся, что компьютерная технология прежде всего поможет людям общаться друг с другом, и, кроме того, позволит

Джейрон Ланьер - ученый, специалист по компьютерам, композитор, визуальный художник, известный автор публикаций на тему виртуальной реальности. Он придумал термин «виртуальная реальность» и основал VR-индустрию. В настоящий момент преподает на факультете компьютерной науки Колумбийского университета, участник Интерактивной телекоммуникационной программы в Художественной школе Тиша Нью-Йоркского университета и член-основатель Международного института эволюции и мозга, который имеет отделения в Нью-Йоркском университете, Гарварде и университете Парижа.

им в большей степени осознать себя личностями, а не представителями различных социальных институтов. Я думаю, что компьютерные сети - Интернет и прочие - в этом действительно преуспели. Это вполне соответствует словам Тима о прогрессе в осознании людей себя личностями, прекрасными и гармоничными существами, а не просто винтиками социальной и государственной машины. Тим считал, что этому должны были помочь психоделические наркотики, и в этом смысле компьютеры несомненно с ними схожи.

Но теперь мы подходим к более интересной области, которая имеет дело с реализацией воображения, и здесь психоделики могут иметь отношение к моей работе с виртуальной реальностью. Меня уже тысячи раз спрашивали, имея в виду характер моей работы, что я думаю о связи между психоделиками и виртуальной реальностью, и я обычно отвечаю, что они на самом деле противоположны по сути - наркотики действуют на субъективные аспекты, человеческой психики, другими словами, на нейроны, в то время как виртуальная реальность создает альтернативные объективные мифы за пределами человеческих органов чувств. Так что в этом смысле они действуют совершенно по-разному. Кроме того, виртуальная реальность создается людьми. Существует интенциональное, ожидающее осознание состояние, которое предшествует и на самом деле проявляется во время переживания виртуальной реальности, в то время как в психоделическом опыте события и ощущения непредсказуемы и развиваются по своему сценарию. Не полностью, конечно, содержание зависит от личности, но тем не менее в психоделиках есть большой момент непредсказуемости. Так что, я думаю, все-таки между этими двумя реальностями есть большая разница.

Так или иначе, но Тим видел параллель между ними, и, конечно, его слова о сходстве между массовым ув-

лечением компьютерной культурой в восьмидесятые и девяностые и массовым увлечением психоделиками в шестидесятые были доминирующей метафорой компьютерной культуры в то время. Это очевидно. Иногда это начинало меня раздражать, потому что порождало ту же самую реакцию страха, знакомую нам по шестидесятым, и я думал, неужели мы должны опять пройти через это? Я думал, может быть, у нас сейчас все-таки время созидания, а не бунта? Но, так или иначе, Тим иногда говорил очень интересные вещи на эту тему, и я думаю, он отчасти вдохновил все переходное движение, породившее такие явления, как журнал *Mondo 2000*, т. е. тех людей, которые интересовались в равной мере и психоделической культурой, и компьютерами; это влияние просматривается также, например, в графическом дизайне журнала *Wired*, и вообще на весь взывающий к трансцендентному характер метафор, употребляющихся в компьютерном мире, в его рекламе и риторике, Тим Лири и психоделическая культура оказали несомненное влияние.

На самом деле, почти поименно все основатели компьютерной индустрии - экс-хиппи психоделического стиля. Единственный, кто, может быть, является исключением - это Билл Гейтс, хотя и он тусовался с хиппи, но с самого начала несколько отличался от них. Вне всяких вопросов, влияние психоделиков было огромным. Митч Капур, Стив Джобе и многие, многие другие. И с научной стороны тоже. Внутри научного компьютерного мира существует очень сильная связь с психоделической традицией шестидесятых, это вне всяких вопросов.

Р. Ф.: Но ты не относишься к этой «семье», поскольку твои взгляды не являются плодом непосредственного психоделического вдохновения?

Д. Л.: Да, это так. Но я думаю, что я почетный член этого семейства, хотя я, наверное, единственный из

моего поколения, кто не употреблял наркотики. Я несколько раз входил в состав контрольной группы. Один раз Тимоти сказал, что хотел бы сделать себе переливание моей крови, поскольку, как ему кажется, в ней есть что-то, что ему хотелось бы попробовать. Я воспринял это как комплимент. Но сам я никогда не думал, что психоделики - это то, что непременно стоит попробовать. В этом я всегда был некоей аномалией? и мне приходилось неоднократно обсуждать эту тему с ребятами, и даже спорить.

Р. Ф. : Как ты впервые встретился с Тимоти?

Д. Л. : Я познакомился с Тимом, когда он заинтересовался компьютерной наукой в начале восьмидесятых, а я тогда вращался в Массачусетском Технологическом Институте (MIT). Я не входил в состав его сотрудников, но работал тогда в лаборатории, которую Элис Кэй создала для Atari. Тим хотел встретиться с кем-нибудь из нас. И я пошел ему навстречу и навестил его в его доме в Лос-Анджелесе, где мы чудесно провели время. Тим - это один из самых обаятельных и красивых людей на свете. А в следующий раз мы встретились вообще замечательным образом. Я был приглашен в Эсален, где он должен был проводить семинар. Когда мы там встретились, Тим сказал мне, что семинар - лажа, студенты - лажа, Эсален, похоже, окончательно сдох, и спросил, не согласился ли бы я помочь ему смыться отсюда незаметно. Мы уложили Тима на заднее сиденье, накрыли одеялами и незаметно вывезли его через охраняемые ворота. Вот как это было. Совсем недавно - то есть уже тринадцать лет спустя - я рассказал эту историю Майклу Мёрфи, и он был в совершенном восторге от нее. «Это было клево!» - сказал он.

Р. Ф. : Давай попробуем на минуту взглянуть на эволюционный толчок, который дала виртуальная реальность. Я не готов говорить о его значении в терминах

типа привнесения истины в нашу культуру или каких-то социальных изменений, которую несут эти технологии. С индуистской или буддистской точки зрения, реальность уже виртуальна. Люди так и не научились этому, не научились процессу создания реальности. Смогут ли эти технологии помочь в этом вопросе?

Д. Л. : Ну, здесь надо обозначить один момент, я думаю, очевидный, что ценность любого обучающего инструмента определяется в рамках специфической культуры, которой он принадлежит. У него не может быть абсолютной ценности, потому что люди все время меняются. В другой культуре, в другое время виртуальная реальность могла бы быть не только бесполезной, но ее вообще бы не было, поскольку ее ценность определяется ее субъективными качествами. Ценность и качества этого феномена, на любом уровне, полностью этноцентричны. Так случилось, что мы являемся культурой, которая поклоняется технологии. Технология - это наш талисман. С точки зрения нашей мифологии, технология - это не только орудие власти, но и средство трансцендирования для большинства людей, находящихся в мейнстриме. И виртуальная реальность производит переворот в традиционных передовых технологиях несколькими путями. Во-первых, виртуальная реальность на самом деле не увеличивает человеческую власть. Вместо этого она фокусирует опыт человека. И это на самом деле экстраординарное отличие. Когда она только появилась, были энтузиасты, которые бегали и кричали: «Вот это да! Это потрясающий опыт! Значит, можно сделать что-то еще круче». А другие, наоборот, говорили: «Я получил больше власти. Я стал быстрее, сильнее, больше, чем раньше». Эти разные взгляды - внутренний и внешний, оба вполне применимы в области персонального развития, но есть и опасность сделаться более могущественными при помощи технологии,

близкой уже к деструктивному уровню, поскольку мы уже и так достаточно могущественны, чтобы совершить что-то великое.

Р. Ф. : Хорошо, подойдем к этому по другому. В 60-е мы наблюдали ренессанс духовности, возврат к природе, обращение к внутренним духовным измерениям человека. Тим говорил о древней битве, которая идет между людьми цветов (flower people) и людьми металла (metal people). Может быть, мы думаем о технологии как о пути к трансцендентному, но вместо этого мы обнаруживаем себя ее рабами. И удивительно, как случилось так, что виртуальная реальность и все эти компьютерные технологии возвращают нас обратно к гуманистической доминанте...

Д. Л. : Ну, есть большая разница между метафорой металла, как ее понимали в девятнадцатом веке, и новейшими технологиями, которые имеют дело преимущественно информацией. И нет абсолютно никакой гарантии, что эти машины дадут нам положительный опыт. Я думаю, нет ничего в человеческих делах простого или гарантированного. Не думаю, что есть хоть один абсолютно верный путь. Но я думаю, что виртуальная реальность действительно весьма значительным образом восполняет воображение. И делает она это при помощи нашего особого талисмана - технологии.

Если совсем упрощенно: до виртуальной реальности мы стояли перед необходимостью выбирать одну из двух фундаментальных реальностей. Первая - это практический мир, населенный другими людьми, где ты не один и где ты должен есть и работать, чтобы выжить и т. д. А вторая - это внутренний мир твоего воображения, где ты сталкиваешься с бесконечностью своего воображения и его разнообразием, но при этом ты совершенно один в своих снах и грезах и в твоём психоделическом путешествии. Хотя, конечно, я знаю много

людей, которые тут припомнят индейцев яки и скажут: «Разве это не общий психоделический опыт?» Но давай пока оставим их в стороне, поскольку они все-таки не входят в ту палитру мейнстрима, с которой нам приходится работать. Таким образом, находясь между реальным миром, который груб и материален, и внутренним миром, исполненным жизни и красоты, виртуальная реальность предлагает нам третий вариант: мир, который так же объективен, как физический мир, и при этом так же, как и он, принадлежит всем людям, но в тоже время является не материей, а потоком воображения и относится к сфере воображаемого в гораздо большей степени, чем мир реальный. И что самое потрясающее в нем - это возможность делать сны и грезы реальными, делать их объективными. Вот почему дети так увлекаются виртуальной реальностью. Виртуальная реальность стала столь же популярной среди детей, как динозавры. Динозавры покоряют их своими размерами и мощью, а виртуальная реальность привлекает их своей способностью делать мечты реальными, восполняя те, что исчезают по мере их взросления. И мне нравится, что это заслуга технологии. Это очень мило со стороны технологии, что она создает игру.

Р. Ф. : Случалось тебе наблюдать в твоей собственной работе, за двадцать или около того лет, что ты ею занимаешься, какой-то целительный эффект от технологии, создающей виртуальную реальность? Видел ли ты, чтобы люди становились менее агрессивными, более мудрыми?

Д. Л. : Да, есть такие примеры. Поспешу добавить, что видел и прямо противоположные результаты. Поэтому пока трудно оценивать объективно. Однако если вернуться к примерам, которые я упоминал, то должен сказать, что внутри военно-промышленного комплекса компьютерная революция принесла некоторую

умиротворяющую тенденцию. Иногда миллиарды и миллиарды долларов тратятся на какие-то новые технологии, которые делают мир все менее безопасным местом для существования, только потому, что люди нервничают и не знают, что хорошо, а что плохо. Это происходит очень часто, гораздо чаще, чем люди осознают. Виртуальная реальность - это очень мирная технология, во многих смыслах самая мирная из всех, поскольку она имеет дело с чистым опытом и просто призвана создавать чистый опыт в большей степени, чем другие технологии, которые могут создавать опыт опосредованно. Благодаря этому она побуждает многих творческих людей обращаться к работе в технологиях, основанных на субъективном опыте. Одним из таких примеров является Том Фернесс, который вначале занимался разработкой стимуляторов для ВВС, а кончил работой в области виртуальной реальности на самом гуманистическом факультете университета. Я могу назвать и многих других. Еще один пример - это использование виртуальной реальности людьми с физическими недостатками. Эта область уже достаточно развилась, и на эту тему уже проводятся конференции, где люди не только получают доступ к виртуальному опыту, но также могут разделять этот опыт с другими, получают возможность общения, которой они были лишены раньше из-за своих физических недостатков.

Но я должен также упомянуть и весьма уродливые примеры использования виртуальной реальности - тупые, исполненные насилия виртуальные видеоигры, в которые играют в торговых центрах и тому подобных местах. Человеческая психика - это сложная вещь. Нам хотелось бы понимать самих себя в простых терминах мелодрамы и определять все как плохое и хорошее, но главное - это стараться лучше понимать другого, а са-

мому работать над собой и быть максимально честным пред самим собой. Лично я стараюсь так поступать.

Р. Ф.: За что ты больше всего благодарен Тимоти?

Д. Л.: Тимоти вывел замечательное положение: вселенная, по сути, дружелюбна по отношению к человеку, вселенная всегда настроена на поддержку и помощь. Он был убежден в этом. И это очень тонкий момент в отношении к миру. Кроме того, Тим открыл способ синтеза личного духовного развития с общественной жизнью. Для тех людей, у которых незначительная часть жизни проходит в социуме, он действительно пример для подражания. И он остался верным себе, недавно сделав публичным даже процесс своего умирания. Вынести этот фундаментальный вопрос на всеобщее обозрение - это было нечто необычное и шокирующее. Но Тим сделал это в присущей одному ему прямой и откровенной манере.

Однажды я был участником семинара с Тимом, на котором один очень возбужденный парень начал задавать ему безумные вопросы, просто на грани паранойи. Парень был явно нездоров, и все были напуганы. Мне очень понравилось, как Тимоти повел себя с ним. Он был очень мягок, очень открыт, совершенно бесстрашен, попросил его выйти вперед, чтобы мы все могли его видеть, и, в конце концов, полностью разрядил всю напряженность этой ситуации. Этот пример хорошо характеризует Тима. Он имел дело со многими, совершенно разными людьми, в разных ситуациях и всегда справлялся с ними с хладнокровием, которому многие могли бы позавидовать.

Я могу сказать и больше: Тим при общении с людьми влиял на них, как гуру, но он никогда не злоупотреблял этим, что само по себе большая редкость. Я ни разу не видел, чтобы он как-то пользовался в своих интересах тем восхищением, которое он вызывал у молодых

людей. Он всегда был окружен людьми, которые помогли ему, но он никогда не строил из себя лидера культа или гуру, хотя с легкостью мог бы так поступить. Обладать властью и не пользоваться ею - это один из самых глубоко моральных поступков, на который способен человек.

Р. Ф.: Ты говорил о частной духовной жизни Тимоти, но в последнее время он избегал слова «духовный», отказывался от его употребления. Он говорил, что нет ничего «духовного», что вселенная материальна по сути и что мозг - это орган связи с ней. Когда приходит смерть, это конец, никакой загробной жизни нет.

Д. Л.: Ну, это две разные темы. Я имею в виду, что и духовность есть, и что существование нашей личности кончается с нашей смертью. Я знаю, что Тим придерживался этого мнения. Сейчас в моде философия, возникшая под влиянием компьютеров, которая исповедует новое издание материализма и редукционизма, который лично я не приемлю. И вот почему. Компьютеры не могут опознавать другие компьютеры, и, к примеру, если мы пошлем зонд на другую планету и этот зонд должен будет определить, есть ли на ней компьютеры, то он не сможет этого сделать, если эти компьютеры будут отличаться от наших. Это теоретическая проблема - нет компьютера, который может произвести полный анализ другого компьютера. Это проблема исчисляемости. Вы сталкиваетесь с проблемой, у которой нет границ. Если компьютеры не могут распознавать друг друга, то что делает их существующими? Как мы можем определить, с каким видом компьютеров мы имеем дело? Я считаю, что компьютеры - это субъективные объекты, можно сказать, что их существование видно только через призму культурной относительности. Инопланетяне могут не заметить наших Макинтошей, но могут увидеть компьютеры в наших дорожных раз-

вязках или в наших прическах. Ты можешь пытаться избавиться от сознания, ты можешь говорить, что нет ничего магического, но оно все равно будет выскакивать вновь и вновь. Компьютеры могут создавать иллюзию, что они преодолели это, но на самом деле нет, потому что без нас, существ способных распознавать их, компьютеры вообще не существуют.

Р. Ф.: Говорили ли вы когда-нибудь с Тимом на эти темы?

Д. Л.: Нет. На самом деле я сформулировал этот аргумент только в прошлом году, и у меня так и не было случая обсудить его с ним.

Р. Ф.: Может быть, это и есть философский камень? Вот именно это - индивидуальная реализация творческой силы своего воображения, именно таким образом индивидуум создает реальность.

Д. Л.: Точно. Но можно сказать, что легче избавиться от реальности, чем отказаться от индивидуальности в философии. Многие философы-редукционисты скажут, что все материально, что все дело в мозге и тому подобное, так что есть только мир, а людей нет. Есть еще масса народу, которые скажут, ладно, раз мы и создаем реальность, значит, есть только люди, а мира нет. Я полагаю, философия должна иметь дело и с миром и с людьми. Вот над этим я и работаю, но это уже выходит за рамки нашего разговора.

Р. Ф.: Ну, я в этом не уверен. Тим писал в книге «Флэшбэки», что с самого первого раза, когда он попробовал ЛСД, он начал смотреть на мир с юмором, потому что теперь знал, что, что бы он ни испытывал, он только участвует в пьесе собственного сочинения, которая играет только в его мозгу. Реальность стала относительной благодаря его ЛСД-опытам.

Д. Л.: Как я сказал, люди и мир существуют одновременно. И одно не исключает другое. Хотя трудно

создать философию, которая познавала бы и то и другое, очень трудно. Я думаю, это и есть главная задача философии.

Р. Ф. : В книге есть статьи нескольких человек, которые подчеркивают, что с того момента, как Тимоти начал свои первые клинические и диагностические исследования, его жизнь приобрела одно конкретное направление. Он работал над способами лечения душевных болезней в течение долгого времени. Его назначению в Гарвард предшествовали его исследования, доказывающие, что психотерапия помогает ничуть не лучше, чем естественное течение времени. Благодаря пониманию этого, ему удалось создать инновационную модель лечения психических патологий.

Д. Л. : Тим однажды сказал мне, что, если бы Фрейд был жив сегодня, он показался бы кем-то вроде психарейвера, и я бы испугался его. Не знаю, так это или нет.

Р. Ф. : Ну, кстати, масса народу были напуганы самим Тимом.

Д. Л. : Масса народу использовали его как козла отпущения за все проблемы с наркотиками, с которыми столкнулась Америка, и это абсолютно иррационально. У Америки были проблемы с наркотиками задолго до появления Тимоти Лири. Но, конечно, Тим пробудил интерес к различным типам наркотиков у молодежи из высших классов, и в определенной степени был во главе этого движения. И это пугало определенную часть общества. Интересно другое: крайне агрессивная реакция на то, что ведет к свободе, удовольствию, радости и воображению; если массы получили доступ к этим вещам, то их необходимо контролировать.

И это происходит снова и снова. Несколько недель назад я опубликовал статью в *New York Times* на тему свободы слова, и после этого мой почтовый ящик ломился от того, что я называю hate mail (письма ненави-

сти). Это была почта от людей, которым не понравилось, что я написал, только потому, что они учуяли в этом дух шестидесятых. И я думаю, вот что происходит: после падения Советского Союза, когда больше не стало этого верного врага, масса враждебно настроенного народа переключилась на все, что хоть немного отдает духом шестидесятых, что хоть чуть отдает либерализмом и свободой. В результате мы боремся сами с собой, и я очень надеюсь, что этот период пройдет, не достигнув фазы насилия.

Я думаю, Тим останется в истории больше как поэт и философ, чем как политический деятель. Кроме того, до сих пор еще никто по-настоящему не осознал, каким хорошим писателем он был. «What does woman want» («Чего хочет женщина») - это потрясающий, прекрасно написанный роман.

Р. Ф. : В книге «The Politics of Ecstasy» («Политика экстаза») есть эссе, которые наиболее ясно - на фоне всего написанного на эту тему - обсуждают проблему, привнося духовные мотивы в секулярное общество.

Д. Л. : Да... Но грустно, что характер современной мейнстрим-наркокультуры сильно отличается от того, на что Тим надеялся в начале. Он надеялся, что возникнет культура, которая будет интеллигентно использовать психоделики для экстаза и самореализации.

Интересно, что одни из самых консервативных голосов в Вашингтоне сейчас вдруг вплотную подошли к теме легализации наркотиков, но если это действительно произойдет, то, скорее всего, будут легализованы самые худшие из них, как ты, наверное, догадываешься. Это вполне предсказуемо. Ты знаешь, много лет назад у Тимоти был спор с Олдосом Хаксли, можно ли нести эзотерическое знание в массы, пользуясь для этого всеми медиасредствами. Олдос стоял на консервативной позиции и считал, что нельзя. Тимоти не только считал,

что можно и нужно, но и активно этим занимался. И это стало поворотным пунктом его карьеры. Это серьезный вопрос, и я до сих пор не знаю на него ответа. Вопрос в том, готовы ли люди взглянуть на себя честно или нет, и, возможно, на самом деле не готовы. Возможно, действия Тима по внедрению эзотерического знания в общество были преждевременны. Я думаю, что нам еще рано судить об этом.

Другой вопрос, который преследует меня - откуда вообще взялись шестидесятые? Ведь шестидесятые происходили одновременно по всему миру, в местах, весьма удаленных друг от друга. И, разумеется, все эти места не могли одновременно иметь доступа к психоделическим наркотикам, но везде, по всему миру наблюдался этот невероятный взрыв духовности и творческой энергии. Опять и опять становятся популярными какие-то идеи, родиной которых являются шестидесятые. Первая система виртуальной реальности - 1969-й, первая теория суперструн - 1969-й; все эти вещи, которые кажутся нам открытиями восьмидесятых, на самом деле относятся к концу шестидесятых. То же самое можно сказать и об искусстве. Для культуры это было чем-то вроде кембрийского взрыва.

Как можно понять все это? Что это, демографический эффект? Или это послевоенные дети достигли таким образом половой зрелости? Есть такая теория. Но мне она не кажется достаточно адекватной всем шестидесятым. Лично я не верю и в то, что виной всему были только психоделики и что причина всего в том, что психоделики имеют много измерений. Я не думаю, что измерение чего бы то ни было может быть фиксировано, не говоря уже о том, что есть люди, которые используют психоделики во зло, для контроля над сознанием, и есть люди, которые используют их для развлечения, способом не то что банальным, а просто тупым. Мне бы

хотелось понять, что именно создает это культурное наполнение, что производит этот радостный эксперимент, это ощущение истины и отсутствие страха. Я не верю, что это просто химия, просто вещества, я уверен, это что-то еще, что пока не определено.

Р. Ф.: Да, но все-таки вещества тоже принимали участие во всем этом, вне зависимости от того, было ли это простым совпадением. Однажды появившись, они прочно утвердились на этой сцене.

Д. Л.: Другая анекдотичная вещь, это, что всякие тупицы типа Раша Лимбо, Айн Рэнд и прочих фанатиков в наши дни избираются в республиканский конгресс, а в шестидесятые употребляли ЛСД.

Я упоминал о тех людях, которые прислали мне ругательные письма после моей публикации, так вот, я уверен, что все они тоже в свое время употребляли ЛСД; и это отнюдь-не делает чести этому веществу. Я имею в виду, что нет никаких фиксированных значений, что все зависит от культуры, и люди могут иметь совершенно разный психоделический опыт и интерпретировать его совершенно по-разному. Я не хочу сказать, что эти люди представляют большинство кислотников или что-то в этом роде. Все, что я хочу сказать, это то, что ситуация совсем непростая. Нельзя сказать, что все люди, которые употребляли ЛСД, потом шли в мир и распространяли мир, красоту и любовь просто автоматически. Все не так просто.

Надеюсь, что книга, которую мы делаем сейчас, в первую очередь, хотя бы создаст сбалансированную картину отношений Тимоти Лири и психоделического движения, более реалистичную, чем та фальшивка, что в ходу сейчас. Я был в контрольной группе, когда принимал ЛСД Ричард Фейнман, великий физик - просто наблюдал, сам я никогда его не принимал. Я упоминаю сейчас об этом потому, что в доминирующей культуре

сложилось мнение об ЛСД как о каком-то кошмаре, который губит людей, в то время как многие интеллигентные, творческие люди нашли его весьма интересным и полезным для себя. Очень многие из них относились к Тиму серьезно, невзирая на то, что общественное мнение рисовало его опасной и противоречивой фигурой.

Я думаю, что сейчас, в отсутствие внешнего врага, наша культура обратилась против себя самой и определила часть себя как ложную, неправильную и уродливую. Таким образом создается искаженная картина реальности. Я очень надеюсь, что мы преодолеем это и все-таки придем к более реалистичной и сбалансированной картине нашего прошлого. Ну вот, я защищаю шестидесятые, и это забавно, потому что сам я родился только в 1960-м году. Я думаю, что в шестидесятых было много хорошего - невероятный взрыв творческих сил, радость жизни и вера, много искреннего. Это очень грустно, что мы обращаемся сами против себя. Это как аутоиммунная реакция или что-то в этом роде, когда культура обращается против лучшей своей части.

АРХАИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Интервью, взятое у Теренса Маккены Робертом Форте и Ниной Грабой

Р. Ф. : Привет, Теренс, рад видеть тебя здесь, в Эсалене, этой знойной весной.

Т. М. : Вы собираетесь задать мне какие-то вопросы?

Р. Ф. : Ну, не так много, Теренс. Я надеюсь, что мы просто слегка наведем тебя на тему... Ты ведь слышал о нашем проекте. Давай поговорим о тех переменах, которым способствовал Тим в шестидесятые, имея в виду демократизацию наркотиков и перенос обсуждения их свойств из исследовательских лабораторий на общественную сцену. Это повлекло за собой некоторые немаловажные последствия, о которых я и хотел бы поговорить с тобой.

Теренс Маккена - писатель и исследователь, который последние двадцать пять лет изучал онтологические предпосылки шаманизма и этнофармакологию духовной трансформации. Он много путешествовал по азиатским и южноамериканским тропикам, став специалистом в области шаманизма и этномедицины Амазонского бассейна. Он является автором книг «Псилоцибин. Руководство для выращивающих магические грибы» (в соавторстве с Деннисом Маккеной), «Пища богов», «Архаическое возрождение», «Истинные галлюцинации».

Т. М.: Я думаю, что, конечно, это было бы большой ошибкой, если бы ЛСД осталось только в руках психологов-бихевиористов и швейцарских фармакологических компаний. Мне трудно представить, что кто-нибудь будет оспаривать тот факт, что основной общественный тон того десятилетия формировался под влиянием ЛСД. Я большой энтузиаст психоделиков всех видов и я думаю, что они катализируют творческие, социальные процессы и воображение. То, что случилось в шестидесятые, когда ЛСД оказалось доступно для огромного количества людей в течение короткого периода времени, не имеет аналогов в человеческой истории. Если бы Тим оказался более консервативным, более ориентированным на карьеру человеком, этого могло и не произойти. Плюс к тому еще, ЛСД является продуктом, который можно производить в миллионах доз. Это невозможно было бы сделать ни с одним из веществ, дозы которого измеряются миллиграммной шкалой. Например, для того чтобы произвести миллион доз псилоцибина, потребовались бы объединенные усилия нескольких фармацевтических компаний. Так что я думаю, Лири оказался нужным человеком в нужный момент истории. Я не понимаю людей, которые критикуют его роль. Я думаю, с течением времени он, как и многие в шестидесятые, сделал какие-то новые выводы и занял позицию, которая не охватывает полной картины событий. Я помню... Не знаю, где я был тогда, когда он сделал это заявление из Алжира, что ЛСД и динамит это одно и то же, я, однако, и тогда не разделял, и сейчас не разделяю этого мнения. Мы объясняем одни и те же вещи разными терминами.

Я помню время, когда Лири ушел из Гарварда в 1963-м. Мне было тогда пятнадцать, и я узнавал о событиях из журналов *Evergreen Review* и *The Village Voice*, подписчиком которых я по какому-то божественному

предопределению оказался в маленьком фермерском городке в Колорадо, где я тогда жил. Я прочел историю про исключение Тимоти Лири и статью про семена «утренней славы», которые используют для опьянения, что их химический состав тождествен ЛСД, что является правдой, хотя и алкалоиды эти содержатся в семенах в гораздо меньших количествах. Узнав об этом, тем летом я совершил свой первый трип. Мне не было тогда и шестнадцати, и я находился под сильным впечатлением от Лири. Я знал про этот их проект в Мексике - IFIF, как я помню, это называлось. Где-то, если оно еще существует, должно быть письмо от пятнадцатилетнего Теренса Маккены к Ралфу Метцнеру, где он умоляет взять его в кибитку их цирка, но, наверное, они были слишком заняты, чтобы ответить. Хотя, в конце концов, я встретился с Ралфом, но гораздо позднее. И я не встречался с Лири, пока однажды не оказался на его выступлении. Я был на Human Be-In и несколько раз слушал, как он выступал в Беркли. Но у меня ни разу не было случая посидеть и поговорить с ним, пока у него был период колонизации космоса, который завершился после многих перипетий, после его тюремного заключения и последующего побега к Элдриджу Кливеру в Алжир.

Позже мы не раз встречались в Европе, куда оба были приглашены для выступлений. И что мне больше всего нравилось в Тиме - это его неумная энергия и отличное чувство юмора. Представьте - четыре часа утра в каком-нибудь немецком промышленном городе, мы всю ночь пили, курили, говорили, а он все как ни в чем не бывало и готов продолжать. Неизменное чувство юмора делало его неотразимым для многих людей и лишало их способности к сопротивлению. Ну как вы можете ненавидеть человека, который каждое предложение заканчивает смехом?

Н. Г.: Как ты относишься к тому, что тебя называют «новым Лири»?

Т. М. (смеется): Меня еще называли «Коперником сознания». Я не знаю, в каком смысле я «новый Лири». Мне кажется, что Тим гораздо более общительный и славный парень, чем я. Я - это что-то среднее между Тимом Лири и Уильямом Берроузом. И я могу играть то одного, то другого. Во мне есть сарказм и язвительность, чего я никогда не замечал в Тиме. Но это большая честь для меня быть названным «Тимом Лири девяностых». Кто бы ни сказал это, он мне польстил. Да. Он рассказал мне историю - я имею в виду Лири, историю, которая имеет некоторое отношение к этому вопросу. Это было в Германии, в Мангейме, промышленном городке к северу от Штутгарта. Лири должен был выступать там, и я приехал его послушать. Но он нашел меня за час до шоу, когда я был в ресторане с моими друзьями. Он сказал мне: «Мы должны быть вместе на сцене сегодня. Мы будем вместе выступать». Он был очень настойчив, и я согласился. И вот мы на сцене. Знаешь, если в Штатах какой-нибудь пьяный бузит в общественном месте, его берут и выкидывают оттуда. В Германии ему расчищают дорогу к сцене. Так вот, там был один парень в задних рядах, который орал: «Тим Лири спас меня! Тим Лири - это Христос!» и всякое в таком роде, и его провели к сцене. Мы решили дать ему сказать, что он хочет, и он забрался на сцену. Он в самом деле был сильно пьян. В конце концов мы ушли со сцены и полностью предоставили ее ему, и он продолжил свою речь перед двухтысячной аудиторией. А мы сидели на полу, прислонившись спинами к кирпичной стене, и просто наблюдали за происходящим. И Тим сказал мне: «Знаешь, почему я хотел, чтобы ты участвовал в этом?» - «Нет, Тим, я не знаю, почему ты хотел, чтобы я участвовал в этом». - «Вот так всегда с ирландцами!»

Нет, он очень упорный человек, и единственный во всем наркоистеблишменте, кто сочетает в себе видение и смелость. Все остальные относились к своей работе узкопрофессионально. Альберт Хофманн действовал как блестящий аналитический химик. Уоссон функционировал как замечательный исследователь с независимым финансированием. Но они не были готовы к риску. Лири увидел возможность изменений, и теперь мы уже забыли, каким закрытым и консервативным было американское общество в начале шестидесятых. В том же году, когда закрутилась вся эта психоделическая революция, произошло убийство Кеннеди, и я думаю, что общество навсегда останется в огромном долгу перед людьми, которые не боятся репрессий властей и ускоряют перемены, и я вижу Лири в одном ряду с Торо и Уитменом, и всем американским трансцендентальным импульсом. Это был импульс Новой Англии, импульс Гарварда, вот откуда он вышел.

И все же это очень противоречивый человек. К примеру - только не подумайте, что я критикую его, но, в некотором смысле, в нем нет ни на йоту духовности. Я много раз слышал, как он говорит: «Бог? К черту Бога!» Или - «Никакой метафизики!» И при этом сколько народу было в результате вовлечено в метафизические проблемы, не без участия некоторых веществ и техники их употребления, которые предложили Лири и его команда. Не знаю, может быть, во всех главных исторических фигурах должен быть элемент парадокса. Психолог-бихевиорист, атеист-редукционист и ко всему еще безумный мечтатель-визионер, человек, перенесший невероятно много личной боли в своей жизни еще до того, как пришли слава и признание, и при этом еще человек, который сделал счастливыми больше людей, чем кто бы то ни было в истории. И плюс к тому еще, и гражданское неповиновение, политическая активность - когда

это все будет оценено по достоинству, он будет одной из самых интересных и значительных фигур последней половины двадцатого века.

Р. Ф.: Со всем уважением к его духовности, я думаю, роль, которую он играл, заключалась в том, чтобы непременно отстаивать противоположное, что бы ни было сказано. Он отвечает на догматизм непроверенными идеями. Нина, ты не согласна?

Н. Г.: Нет, это неправда, хотя временами он так делал. Его самые ненавистные слова были «душа» и «дух». Он по-настоящему выходил из себя, когда кто-нибудь говорил о духе или душе. Для него это все - мозг, физический мозг в качестве носителя.

Р. Ф.: Есть что-то и весьма прагматичное в его философии, как вам кажется?

Т. М.: Это бихевиоризм. Он с него начинал.

Н. Г.: Но, знаешь, когда он первый раз попробовал грибы, он сказал после этого: «Это было самое сильное религиозное переживание в моей жизни». И он ходил после этого и говорил о себе, что он «Богом опьяненный». Когда я первый раз встретила его в шестидесятых, он был в этих белых одеждах и сказал: «Я - Богом опьяненный».

Т. М.: Это поднимает интересную тему, которая имеет некоторое отношение к вопросу, о котором я уже упоминал ранее, - ЛСД стало выбором шестидесятых потому, что это вещество можно было производить со скоростью, достаточной для совершения социальных перемен. Не было никакой возможности сделать псилоцибин доступным для десятков миллионов людей. И Майкл Холлингшед, сыгравший очень темную роль во всем этом, переключил их интерес с религиозного, по сути, эксперимента с грибами, в котором они участвовали, на менее холистический, но более социально и политически эффективный эксперимент с ЛСД. И это

интересное перепутье в истории психоделиков, Я думаю, предпочтение было отдано ЛСД из-за его физических возможностей. Сыграла свою роль его транспортабельность, факт, что микрограммы - это более удобные дозы и т. д.

Р. Ф.: Что ты имеешь в виду, когда говоришь о холистических аспектах псилоцибина? Ты имеешь в виду, что поскольку он содержится в грибе, то идет из самой земли и ближе к природе? Или речь о самом опыте?

Т. М.: Нет, скорее об опыте. Однажды у меня была возможность обсудить это с Альбертом Хофманном, и я сказал ему: «Вы открыли ЛСД. Вы описали псилоцибин. Вы принимали и то и другое. Что вам больше понравилось?» И он сказал: «О, конечно я предпочитаю ЛСД». И я спросил: «Почему?» И он ответил: «Потому что он не такой одушевленный». Я спросил: «Вы имеете в виду, что когда вы принимаете псилоцибин, в нем есть кто-то еще?» И он ответил: «Да, и это выбивает меня из колеи». И вот как я сам все это всегда видел. Если вы никогда раньше не принимали психоделики, то ЛСД окажется для вас чем-то, что вы примерно ожидали: внезапное осознание вашего прошлого, растворяющиеся образы, трансформация объектов, внезапное осознание какой-то сложной ситуации, психоделика, одним словом. Псилоцибин, с другой стороны, имеет другие измерения, которые перекрывают сенсорные и информационные трансформации, и дает вам ощущение, что вы общаетесь с чем-то, что присутствует и имеет сознание. И здесь мы встаем перед вопросом, что же это такое и что оно делает. Я слышал, некоторые люди говорят, что ЛСД имеет в себе пустоту, которую ты заполняешь своим собственным содержанием, что, практически, это как линза, через которую ты заполняешь своим собственным существованием разные уровни, но что в псилоцибине есть система, что-то вроде программного

обеспечения, которое готово быть вам полезным. И глядя на вещи в историческом плане, наверное... это хорошо, что ЛСД появился раньше псилоцибина. За исключением нескольких привилегированных исследователей, о псилоцибине никто не знал до семидесятых. Он стал широко известен, только когда стало возможным выращивание грибов в домашних условиях.

Р. Ф.: Ты поддерживал теорию, разработанную Уоссонем, что псилоцибин и другие психоделические грибы были чем-то вроде недостающего звена в эволюции. Считаешь ли ты, что шестидесятые были своего рода восполнением этого провала? Что это был эволюционный скачок?

Т. М.: Да, пожалуй, можно сказать, что шестидесятые были чем-то вроде архаического возрождения. Я писал об этом феномене. Когда культура в смятении, она хочет вернуться в те времена, когда ей было более комфортно. И в шестидесятых, ты знаешь, сексуальная вседозволенность, тяжелый рок-н-ролл, опьянения психоделическими наркотиками, все эти явления связаны с другими импульсами в двадцатом столетии, такими, как джаз и абстрактный экспрессионизм, сюрреализм и дадаизм. Я вижу это все как ностальгию по архаике. И это возникло после того, как на сцене появились психоделики, которые оказались эффективным инструментом для того, чтобы сделать ощущение архаической цельности реально достижимым для людей. А такими пугающими их сделало сообщество хиппи. Любые сообщества пугающи для истеблишмента. Коммуны, коммунизм, все это очень и очень пугающе. Аналогичная ситуация в наше время - расцвет Интернета и Всемирной паутины, что создает громадные возможности прежде всего для маргинальных сообществ. Это не было революцией для корпоративной элиты. У нее была суперсвязь, всегда была самая лучшая связь. А вот для мар-

гинальных социальных групп, гомосексуалистов, энтузиастов психоделических наркотиков, борцов за охрану природы - всех, кто придерживается точки зрения меньшинства, - это была настоящая революция. И так же, как с ЛСД, я не верю, что эта технология возникла, чтобы затеряться, уже успев стать такой доступной для обычных людей и по разумным ценам. Интересно, что значительная часть этой технологии создана теми людьми, которые сформировались в шестидесятые годы. Я имею в виду тех людей, которые пишут программы, проектируют машины, организуют эти системы, собирают их и управляют ими. Корпоративная элита не знает даже как включить свою собственную машину. Им приходится нанимать парней с «конскими хвостами», которые делают это за них.

Р. Ф.: Но технология зависит от инфраструктуры, которая контролируется корпоративной элитой. Все в руках телефонной компании - захочет и отключит телефон.

Т. М.: Да, но это важно для них, а не для нас - иными словами, они заинтересованы в том, чтобы подключать телефоны, а не отключать их. Вот как я вижу все это: сейчас, в девяностые, после падения Советского Союза возникли два властных блока - национальные правительства и мировое корпоративное государство. Национальные правительства напуганы Интернетом. Национальные правительства привыкли к игре, в которой информация оберегается, засекречивается и контролируется. Технология тоже строго оберегается, засекречивается и контролируется. Но игра, в которую играют корпорации, это совершенно другая игра. Строго охраняемые технологии бесполезны. Там, наоборот, стремятся к тому, чтобы самые передовые технологии как можно скорее попали на потребительский рынок. И информация - это живая кровь мирового корпоративного

государства. И оно создает и поддерживает эти всемирные сети, не консультируясь особо по этому поводу с национальными правительствами. Это транснациональный феномен. Телекоммуникационная компания AT&T собирается создать систему спутников, которая подключит каждую точку планеты к Интернету со скоростью выделенной линии. И это нельзя назвать хорошей новостью для национальных правительств, а для местных политических фракций и подавно. На удивление странное совпадение - для двух групп, для мирового капитализма и для маргинализованного андеграунда - это хорошо. Мы видим трансформацию культурного ландшафта под воздействием технологии. И я не за корпорации и не за национальные правительства. Я думаю, свобода индивидуума подвергается опасности во всех этих ситуациях и мы должны быть очень бдительны. Но в том, что происходит, национальные правительства во многом не у дел. Они хотят, чтобы им разрешили оставить за собой хотя бы уборку мусора, контроль за школами и больницами, но все, где замешаны деньги, является сферой интересов мирового корпоративного государства. И куда это приведет, я не знаю, потому что, хотя в данный момент мировое корпоративное государство располагает огромной властью, но она основана на полностью ложных посылах: уверенности в неисчерпаемости ресурсов и уверенности в постоянной доступности дешевой рабочей силы. Когда эти лимиты будут в конце концов исчерпаны, мировое корпоративное государство претерпит что-то вроде катастрофического сокращения. Но когда это произойдет, я не знаю. Но я не думаю, что ждать этого придется долее, чем несколько десятилетий.

Р. Ф.: Тим больше известен в качестве контркультурного агента перемен - репутация, которая часто заслоняет его научные и литературные достижения.

Т. М.: Экзопсихология и Нейрополитика Лири были серьезным вкладом в американскую социальную теорию. А его концепция *set and setting* (обстановка и установка) открыла для миллионов людей возможность найти свой путь. Лири сделал легитимным освоение сознания эффективными средствами, которые можно хранить в ореховой скорлупке. Раньше это было всегда под запретом, хотя и на расстоянии вытянутой руки, но воспринималось как нечто патологическое. Я помню, люди говорили: «Состояния сознания? Ну есть состояние сна, а есть состояние бодрствования, правильно?» Весьма упрощенный взгляд на вещи, не правда ли? Лири сделал сознание предметом науки, легитимным объектом изучения. И, осмелюсь сказать, это, возможно, та область, где в грядущие несколько десятилетий наука столкнется с глубочайшими проблемами, но и с величайшими результатами тоже. Сознание уже было описано как базовая принадлежность природы в журнале *Scientific American* пару номеров назад. Вот что сделал Лири. Я не хочу сказать, что другие философы и психологи не обсуждали сознание, но Лири привнес инструмент, эквивалентный атомной пушке или циклотрону. А также он обосновал невероятно важное положение о том, что исследователь сознания должен исследовать прежде всего самого себя. То есть, речь не о том, чтобы дать что-то крысам, заключенным или студентам. Исследователь должен принять, что его собственное сознание есть тот сосуд, то поле, та территория, на которой исследование должно проводиться. И эта способность преодолеть предубеждения редукционизма и аналитической европейской мысли была очень американской по сути и это очень важно. На мой взгляд, это было его главным вкладом и его жертвой. Он легитимировал изучение сознания. И все последующие исследователи являются производным от него.

Гроф вытекает из Лири. И все трансперсональные школы из него вытекают. И все школы «Встречи и действия» из него вытекают. Они, может, не знают о своих долгах, но это их не отменяет.

Я думаю, очень важно, что он убрал тему патологии из темы исследования сознания и ментальных состояний и показал, что обычное сознание комплексно, трансцендентно, и он отнес все необычные состояния не к патологии, а к традициям мистицизма. Он не был первым, кто указал на то, что путь к мистическому знанию потенциально лежит через нейробиологию, но он первый сделал это принципом. И это был грандиозный прорыв, сделавший возможным секуляризацию тех религиозных представлений, которыми до этого обладали какие-нибудь мумбо-юмбо.

Р. Ф.: Подчинение психоделических исследований религиозной парадигме происходило с огромным сопротивлением, равно как и введение психоделиков в культуру. Лири писал об этом в книге «Политика экстаза». Ты знаешь, что он происходит из католической семьи. Религия была для него ругательным словом, вот в академической среде и забеспокоились, не было ли это как-то связано. И вот он приходит с предложением отречься от слов «душа» и «дух» - я думаю, он подверг некоей ревизии свой ранний слоган «turn on, tune in, drop out» («врубись, настройся, выпади»), и делает все, чтобы люди «настроились» по его примеру.

Т. М.: Я думаю, что «turn on, tune in, drop out» - это более ясный и радикальный лозунг, чем любые более поздние формулировки, потому что он более радикален в смысле полного отказа от ценностей истеблишмента. И я полагаю, Лири, как и все мы, когда понял, что нам не удастся построить утопию к семидесятым, был вынужден произвести переоценку своих взглядов и корректировку терминов. Хотя мы произвели великие

социальные перемены, мы не оценили по достоинству укрепления противника, Ричард Никсон же это сделал. Так что мы остались с моральным убеждением в правоте своего дела, но историческим фактом является триумф совершенно другой точки зрения, и парадокс, что мы вынуждены жить с этим, так разителен, что с трудом вмещается в контекст нашей жизни.

Р. Ф.: Я не знаю, парадокс это или, может быть, несовместимость, но я заметил кое-что в развивающихся технологиях Всемирной паутины, что заставляет меня думать, что она все-таки не является продолжением 60-х, с их антиавторитарной направленностью, я вижу, что много энергии вокруг Паутины носит откровенно стяжательский характер, мне неприятно это говорить, но это потребительский тип культуры. Желание получать все больше и больше информации, и совершенно не обязательно, чтобы она хоть на шаг приближала вас к истине...

Т. М.: Нет, я понимаю. Но представь, что мы ведем эту дискуссию в шестидесятые и говорим о кислотном бизнесе. Потому что мы произвели ЛСД-революцию во многом благодаря каким-то упертым людям, которые не танцевали в парке, не проводили время с девушками, но вместо этого превратили ЛСД в предмет потребления, строили криминальные пирамиды и подпольные синдикаты, хотя некоторых очень расстраивало, что ЛСД делается предметом потребления. Но я уверен, что торговля трансцендентным может осквернить и причинить вред только очень немногим людям, а именно тем, кто ею занимается. Но зато она приносит пользу всем нам. Я думаю, истинное значение Интернета еще не оценено по достоинству и что если проводить параллель с ЛСД, то мы сейчас годов 1961-м, но с Интернетом. Через восемь-девять лет мы будем пожинать плоды невероятного усиления маргиналов. Но это все в будущем.

Р. Ф.: А что ты скажешь по поводу мысли, которая у меня возникла, что все эти технологии компенсаторные по сути? Когда я слышу, как люди говорят о возможностях Интернета и Всемирной паутины, это звучит для меня так, словно они говорят о приобретении йогической сидхи - быть везде в один и тот же момент, все знать, постигнуть психическую паутину, что соединяет всех нас, - все эти мистические способности. И мне интересно, действительно ли эти развивающиеся технологии сделают для нас проще достижение этих измерений психики, или же они только компенсаторные по сути.

Т. М.: Я думаю, там есть элемент и того и другого, но поскольку мы в своих технологиях все более и более копируем природу, они становятся все более и более ближе к ней. И я думаю, в конце концов, подключен ты к Интернету или владеешь сидхи, будет уже равнозначно, поскольку, если мы создаем наши технологии по образцу природы, они будут делаться все более и более приближенными к ней, более соотносимыми с ее шкалой, все более и более строиться на базе ДНК-подобных полимеров, все меньше и меньше работая на мощном электричестве и мощной радиации, и те сами собою исчезнут. Я думаю, что век громоздких, видимых машин, вторгающихся в человеческую среду обитания, это только наносекунда человеческой истории, а машины будущего будут больше напоминать грибы, споры, цветы и червей, и совсем не будут походить на бульдозеры и аэропланы.

Н. Г.: С другой стороны, в шестидесятых мы чувствовали себя в процессе продвижения к все более высоким уровням сознания, и я помню, спорила с Тимоти на тему космических путешествий. Я сказала: «Зачем нужен прогресс? Мы можем делать это и без прогресса». То же самое относится к харду или даже софту Ин-

тернета. Действительно, разве мы все не можем вступать в коммуникацию друг с другом и без дополнительного оборудования?

Т. М.: Вопрос может стать спорным. Что лучше - Интернет или телепатия? Мы уже моделируем значительные части собственного тела. Общество - это продолжение тела. Я не вижу здесь проблем. Для меня это конвергенция. Обещание нанотехнологии, что мы будем строить из атомов, как Бог строит из воздуха, из воды, из души, - все это почти реализовано. Так что идея, что машины и технологии искусственны, не натуральны, это только этап человеческой культуры, и если мы будем держаться того луча, который нас направляет, то возможен не только духовный союз с природой, но и физический, и технологический. И тогда вопросы типа: является ли город искусственным образованием, а джунгли естественным, будут заботить только философов. Я свято верю, что если мы возьмем Природу себе в учителя, то мы сможем достигнуть трансцендентного во всех измерениях. Природа - это образец для подражания, и мы должны быть мудрыми, как природа, мы должны строить, как природа, и мы должны организовывать наше общество, как природа организует свои. Природа не дарвиновская по сути - соревновательная и разрушающая. Природа настроена на сотрудничество, контакт, взаимопомощь и т. д.

К примеру, взгляни на грибы. Грибы существуют за счет первичного разложения. Они занимают такую нишу в пищевой цепочке, где не питаются ничем живым. У них нет кармы. Если мы будем следовать буддистской этике и высоким технологиям, мы, возможно, сможем «запрограммировать» и пересоздать себя в такую же часть органической природы, которая сможет занять безкарменную нишу среди хаоса дарвинистской борьбы за существование. Сознание всегда ведет нас к более

высоким уровням саморефлексии в порядке бытия. Это психоделическая вера. И ты можешь подписаться под этим, все равно, ученый ты или мистик. На самом деле то, о чем мы здесь говорим, - это природный порядок и все ему следует. Конец речи.

Р. Ф.: Что сделало ЛСД конкретно для тебя?

Т. М.: Я помню, мне было девятнадцать лет и я провел двенадцать часов под ЛСД. Я сидел под деревом и рыдал. Я видел справедливость родительских упреков и собственную бессердечность и незрелость - я сидел и рыдал целый час, пока не выплакал все из себя. И я встал на ноги лучшим человеком. И до сего дня мне все ясно по этим пунктам, и я могу позвонить своим родителям и сказать им, что люблю их и могу принять их католицизм, и их консерватизм, и все их отличия от меня. Все равно что десять лет психотерапии за один час. И все это было по-настоящему. Уже это оправдывает все. Вот так я вижу ЛСД. Это было для меня чем-то вроде глубоких инсайтов в метафизику - это было как встать на ноги.

Н. Г.: У нас у всех бывают такие острые личные реакции, и я, например, всегда спорю с теми, кто утверждает, что ЛСД делает то-то, а грибы то-то, потому что мой первый опыт с ЛСД был таким, что я просто полностью покинула тело и попала в какое-то другое измерение, и все, что я помню, это мои попытки вернуться обратно на землю, которая была так далеко, я знала, что мне надо как-то встать на нее, но я не знала, как ее достичь, и позже я поняла, что мое тело было подвешено на чем-то, но я не знаю, что это было. Вот таким было для меня ЛСД. И я больше никогда не предпринимала персональных ЛСД-трипов.

Т. М.: Я помню свой первый ЛСД-трип очень ясно, и у меня не было такого ни до, ни после. Я имею в виду, это было так странно...

Р. Ф.: Это тот раз, о котором ты говорил?

Т. М.: Нет-нет. Первый ЛСД-трип, который у меня был, это был мир... сначала я ничего не чувствовал долгое время, и со мной был приятель, который пытался руководить моим трипом, а потом вдруг мир разделился на два концепта. Один концепт был подобен Богу - глубокий, темный, большой, внушающий страх, выразительный и он звался Йостек - оно само пришло ко мне, это имя, да вокруг этого имени и крутился весь трип - Йостек. А другой концепт был маленький, ярких цветов, смешной, успокаивающий, теплый, глупый и он назывался Пинкэстэйрс. И где-то на протяжении часов четырех я произносил только одно из этих слов. Я говорил: «Йостек» и эта штука вдруг появлялась, необыкновенно разрастаясь до тех пор, пока я был уже не в состоянии ее выносить. Тогда я произносил: «Пинкэстэйрс!» и тут просто растворялся в истерическом смехе. В конце концов мой друг выставил меня на крыльцо и сказал: «Позвони мне, когда это кончится».

Р. Ф.: Спасибо, Теренс. Это прекрасно суммирует весь наш разговор.

Т. М.: Вы, ребята, может, хотите теперь принять душ?

ИЗ ГАРВАРДА В СИХУАТАНЕХО Ралф Метцнер

Первый раз я встретил Тимоти Лири осенью 1959 года, когда был на втором году аспирантуры по психологии в Гарвардском университете. Я слышал, что он полностью разочарован результатами своих исследований эффективности психотерапии (они показали, что психотерапия действует не лучше, чем простое течение времени), что его жена совершила самоубийство, что из-за всех этих событий у него личный кризис, заставивший его уйти с должности руководителя исследований в Больнице фонда Кайзера в Окленде, где он разработал широко используемые тесты межличностного поведения. Потом он переехал с двумя детьми в Италию, во Флоренцию, где встретил профессора Дэвида Макклелланда, директора Центра исследований личности

Ралф Метцнер, доктор философии, психотерапевт и профессор психологии в Калифорнийском институте интегральных исследований. Один из пионеров в области исследования необычных состояний сознания, он был соавтором Тимоти Лири и Ричарда Алперта в книге «Психоделический опыт». Он автор книг «Карты сознания», «Наука Воспоминаний», «Раскрывающееся Я» и вскоре выходящей книги об аяхуаске. Его «Зеленая Психология» опубликована в издательстве Inner Traditions в 1999 году.

в Гарварде, который предложил ему преподавательскую должность в Гарвардском университете.

Тим Лири внешне выглядел как классический профессор - седеющие волосы, массивные очки, слуховой аппарат, несколько отстраненный и слегка насмешливый вид. Его личный стиль был гениален, очень эффектен и популярен среди студентов. Затем, летом 1960 года, когда он проводил отпуск в Мексике, его друг-антрополог Лотар Кнаут познакомил его со «священными грибами», и этот опыт полностью изменил его жизнь. В своей автобиографической книге «Первосвященник»³⁴ он описывает свой путь назад в эволюционном процессе до одноклеточной жизни и затем опять наверх, через пласты океанической жизни, до амфибий и первых наземных животных. Поскольку ранее опыты с психоактивными растениями традиционно описывались в мистических или мифических терминах, Лири, возможно, был первым, кто распознал и идентифицировал свои видения как эволюционные этапы или генетические воспоминания. Он решил тогда посвятить остаток жизни изучению мощных способностей психоактивных растений на сознание человека.

Когда он вернулся в Гарвард, он не мог говорить ни о чем другом. Вскоре он узнал, что «священные грибы» были известны ацтекам под названием *теонанакатль*, «плоть богов», и были объявлены дьявольским снадобьем Испанской Церковью во время завоевания Мексики. На протяжении нескольких столетий они считались несуществующими, мифическими или символическими атрибутами, пока не были вновь открыты в 1950 году Р. Гордоном Уоссоном. Уоссон был преуспевающий банкир, чей интерес к микологии подогревала его обожающая грибы русская жена Валентина. После несколь-

³⁴ Timoti Leary, *High Priest* (New York: New American Library, 1968; Berkeley, CA: Ronin Publishing, 1995).

ких лет поисков в Мексике они встретили Марию Сабину, знаменитую мазатекскую *curandera*, и женщина-магница инициировала их во время ночной церемонии в заброшенной, нищей горной деревушке в горах Оахака. Уоссоны были потрясены опытом и претерпели некую трансформацию сознания³⁵.

Вскоре после этого Р. Гордон Уоссон начал дружбу и сотрудничество с Альбертом Хофманном, гениальным химиком-исследователем. Примерно десятью годами ранее, в 1943-м, Хофманн обнаружил поразительные эффекты диэтиламида лизергиновой кислоты (ЛСД), вещества, которое он синтезировал в 1938 году в ходе своей исследовательской работы на фармацевтическую компанию Sandoz, в Базеле, Швейцария. После этого у Хофманна развился личный и профессиональный интерес к веществам этого типа. Взяв у Уоссона образцы мексиканских грибов, Хофманн смог идентифицировать и затем синтезировать психоактивный ингредиент, который он назвал *псилоцибином*, от гриба *psilocybe*.

Таким образом появился псилоцибин, активный ингредиент мексиканского галлюциногенного гриба, который потом был выпущен в таблетках фирмой Sandoz, имевшей отделение в Нью-Джерси. Фирма предложила доктору Гарвардского университета Тимоти Лири снабдить его любым количеством этого вещества бесплатно, для исследовательских целей.

Гарвардский Псилоцибиновый проект был начат с целью исследовать с психологической точки зрения поразительные свойства этого вещества. С самого начала Тим Лири принял то, что он назвал «экзистенциально-

³⁵ R. Gordon Wasson, *The Wondrous Mushroom: Mycolatry in Mesoamerica* (New York: McGraw-Hill, 1980). Уоссон указывает на то, что перевод «плоть богов» неправильный и служил для обоснования церковных обвинений культа грибов в богохульстве: «Теонанакатль - это божественный или внушающий страх гриб, не больше и не меньше» (р. 44).

трансактивным» подходом к эксперименту. Он отказался от безличной клинической атмосферы традиционных психиатрических экспериментов. Помня, что сам он принимал вещество в особой атмосфере, он знал, как важно иметь теплую, ободряющую обстановку в ходе опыта сотрясающих «я» откровений священного гриба.

Олдос Хаксли был тогда в МПТ, и он немедленно стал советником в гарвардском Псилоцибиновом проекте. В 1953-м и в 1955-м Хаксли опубликовал две широко известные книги о своих мистических опытах с мескалином, «Двери восприятия» и «Рай и Ад».

Хаксли описал свой опыт как «красоту красот», открывающую доступ к тому, что он назвал «Большое сознание», которое скрывается за «редукционным клапаном» обычного эгоистического сознания. Олдос и Тим составили дружный дуэт и принимали вместе псилоцибин в течение этого периода, работая вместе в неклинической, дружеской, но от того не менее объективной и безопасной атмосфере.

Эксперименты в основном проходили в доме Тима Лири. Вначале в них принимал участие и доктор Фрэнк Бэррон, видный исследователь психологии творчества, который был единственным, кроме Лири, сотрудником Гарварда, принимавшим участие в этих экспериментах. Через некоторое время Фрэнк Бэррон вернулся в Беркли и прекратил непосредственное участие в проекте. Впоследствии другой профессор психологии, доктор Ричард Алперт, стал участником Псилоцибинового проекта. Он стал ближайшим сотрудником Лири на все остальное время психоделических исследований в Гарварде и потом в Миллбруке. Их близкая дружба и партнерство дали основание для Лири сравнить их дуэт с архетипическими американскими бунтарями и искателями приключений Томом Сойером и Геком Финном.

Некоторые из моих аспирантов в Центре исследований личности стали участниками Псилоцибинового проекта и рассказывали о сессиях в доме Лири. Слушая их разговоры, я заметил, что что-то изменилось в тоне их голосов - появилось какое-то новое качество, новая интенсивность чувств. Они говорили об экстазе, любви, о чем-то личном и одновременно объединяющем их. Это было весьма необычно слышать в строгой и циничной атмосфере Центра исследований личности.

Я был заинтригован. Но я остерегался наркотиков и зависимости от них. Я проэкзаменовал все, что мог, по литературе на эту тему и обнаружил, к своему удивлению, что они не вызывают никакого привыкания и, кроме того, нет никаких свидетельств о психическом ущербе вследствие их употребления. Я решил попробовать. Возможность представилась, когда Тим решил, что наступило время выяснить возможность применения этих наркотиков для коррекции поведения. Он хотел дать их заключенным в виде реабилитационной терапии, основанной на самопознании. «Давай посмотрим, удастся ли нам превратить уголовников в Будд», - как сказал он в узком кругу. Научные участники эксперимента тоже должны были принимать наркотик, что меня вполне устраивало.

Таким образом, 13 марта 1961 года я пережил свой первый психоделический опыт. Был прохладный воскресный день, когда я пришел в дом Тима. В сессии также участвовали два других дипломника, Понтер Вейль и Лин К., а также жена Понтера, Карин, тюремный психиатр, доктор Мэдисон Преснелл и его жена. После того как мы расположились в комнате, Тим дал каждому по шесть маленьких розовых таблеток, каждая из которых содержала по 2 мг псилоцибина. Сам он, возможно, принял меньшую дозу. У него уже выработалась политика не акцентировать роль гида или учителя, а работать

сообща, как партнеры-исследователи. Тем «в менее на всех сессиях, в которых мы принимали участие, Тим в основном задавал общий тон эксперимента.

Моя первая реакция была довольно апатичной... Я лежал на полу и выжидал, чувствуя себя очень расслабленно, но при этом и настороженно. Тим говорил, что вначале будет период некоторой дезориентации. Какое-то время я чувствовал свое тело словно подвешенным в каком-то лимбе... Внезапно я обнаружил себя в совершенно новом магическом мире. Маленькие зеленые нити грубого ковра плясали и извивались, словно масса червей, но смотреть на это было приятно. Огни, отражающиеся в стеклянной поверхности кофейного столика, сияли влажным свечением. Мебель, стены, пол - все пульсировало и извивалось в медленных волнах, словно вся комната дышала. Я чувствовал себя словно внутри какой-то живой структуры, огромной клетки. При этом ритм волновых движений комнаты совпадал с ритмом моего дыхания.

В этих экстраординарных изменениях восприятия не было ничего пугающего, наоборот, это было очень приятно. Подспудно сохранялась уверенность, что все-таки эта комната имеет твердые стены и пол из лит. д. Обычный мир не был отменен, он был расширен, продлен, оживлен и сделался бесконечно более интересным. К примеру, я был полностью поглощен разглядыванием мерцающих граней предметов и удивительно красивых световых узоров. Энергия пульсировала и вилась по краям предметов и изливалась из них. Телефон был подлинным чудом, кристаллической скульптурой, инкрустированной бриллиантами и жемчугом, и при этом он дышал, двигался, видоизменялся, словно живой.

Одновременно с этим необыкновенным праздником чувств Понтер и я включились в какое-то вербальное взаимодействие, серьезно-шутливый обмен фило-

софскими' репликами, от которого нас сотрясали приступы смеха. Слова и идеи взрывались в мозгу, рождая многоуровневые волны значений, вызывая каскады чувств и физических ощущений. Глубокие философские вопросы рождались и растворялись в потоках парадоксов и абсурдных загадок, сопровождаясь конвульсивным смехом...

Когда я закрывал глаза, фантастически прекрасные и сложные геометрические узоры переплетались за моими веками, разворачиваясь, переплетаясь, двигаясь с большой скоростью. Время от времени появлялись образы прекрасных камней или каких-то частей тел, но ни один из образов не существовал достаточно долго, чтобы стать чем-то определенным. Я чувствовал, будто мои глаза излучают белый горячий свет; мой рот, органы чувств на лице и на всем теле светились, вспыхивали, сверкали жидким светом, мои нервные окончания потрескивали белым свечением; кровь в моих венах кипела, как потоки лавы. Моя кожа обнимала меня, оборачивала меня, будучи при этом сухой и влажной одновременно, горячей и холодной, это было почти невыносимо приятное ощущение.

Момент паники, который я вскоре испытал, иллюстрирует мощную способность психоделика усиливать чувства. Когда я взглянул на лица окружающих, они были светлы, и сильны, и чисты. «Вот так, наверное, выглядят архангелы», - подумал я. Все были словно обнажены, лишены оболочки из притворства, недомолвок и лицемерия. Каждый был честен перед самим собой и не испытывал стыда. Я смотрел на них без смущения и с искренним восхищением. В этот момент все лица были подсвечены мягким зеленоватым светом. Я посмотрел на Карин через комнату и сказал ей, что она прекрасна и что я люблю ее. Она только молча взглянула на меня в ответ. Потом она встала, намереваясь выйти

из комнаты (возможно, в туалет). Я начал паниковать. Я стал умолять ее не уходить, убеждая, что могут случиться ужасные вещи, если она уйдет. Лин, которая сидела рядом со мной, сказала, что все будет в порядке, но я все больше и больше расстраивался, уговаривая Карин не выходить из комнаты. Карин сказала, что она сейчас вернется, но я сказал: «Нет, нет, не уходи!» Она спросила: «Что случится, если я уйду?» Я ответил голосом, полным отчаяния: «Случится что-то ужасное, я не знаю... музыка останавливается». Тут она вышла из комнаты, и этот момент идентифицировался в моем сознании с сильнейшим чувством потерянности, которое я когда-либо испытывал — это был момент острой муки. Но когда она вышла, я внезапно успокоился и почувствовал себя прекрасно, сам этому удивившись. Я сказал Лин: «Она вышла, и все в порядке». И Лин ответила: «Да, все в порядке».

Затем, крепко обняв Лин, я почувствовал, что резко уменьшаюсь в размерах... Я быстро двигался назад во времени, к детскому сознанию.

Я действительно на какой-то момент почувствовал себя ребенком, вплоть до ощущения детской бутылочки у себя во рту. И потом также быстро я вернулся во взрослое состояние настороженности.

В какой-то момент я заметил, что интенсивность переживаний идет на убыль, словно медленно сглаживается. Мое тело чувствовало приятное тепло и успокоенность. Я понял, что мое нормальное восприятие мира было задушено многими запретами, которые я каким-то образом принял. Например, я вышел на крыльцо и увидел там коробку. Я заглянул внутрь, обнаружил в ней мусор и немедленно отвернулся. Затем я понял, что не должен был отворачиваться, что это было нормально смотреть на ее содержимое, что у меня всегда есть выбор, что я не связан системой правил и запретов, определяющих, что можно, а что нельзя делать.

Это, возможно, было самое значимое откровение во всем этом опыте: открытие, что я был связан внутренними запретами, что то, что можно, а что нельзя, определялось не внешними силами и что свобода выбора остается за мной. Чтобы опробовать свою вновь обретенную свободу, я принялся лепить снежки и бросать их в занавешенное окно комнаты, в которой находилась вся группа. Мне было очень весело. Тим, очевидно, понял мое настроение, он ухмыльнулся и принялся кидать какие-то маленькие оранжевые подушечки в окно, отвечая на мои снежки. Эта игра родила во мне ощущение свежести и внезапной чистоты, я чувствовал себя невероятно счастливым.

Этот первый опыт с псилоцибином оказал огромное влияние на мою жизнь. Я никогда раньше не испытывал ничего подобного, никогда не был ближе к своему истинному я и никогда раньше не испытывал такую остроту мыслей и чувств. Одновременно я внимательно наблюдал за людьми и предметами вокруг себя и не терял связи с той реальностью, которой является наш обычный мир. Наоборот, обыкновенное восприятие тоже усилилось и ожило. Это была полная чушь — называть эти наркотики «галлюциногенными», в том смысле, что галлюцинация это что-то, чего на самом деле нет.

Теперь я увидел, как сенсорный феномен может зависеть от временного смещения констант восприятия — нервных механизмов, которые сохраняют видимые формы и размеры вещей постоянными, даже когда оптический образ определенно меняется. Вот иллюстрация: во время сеанса я лежал на полу, а Понтер играл с мячом на другом конце комнаты. Вот он упустил его, и мяч покотился ко мне. Когда мяч приблизился, он невероятно вырос в размерах, заняв всю сетчатку глаза. Так же, как и волнение и «дыхание» объектов, за

которыми я мог следить движением глаз, легкие ритмические сокращения благодаря наркотику многократно усиливаются. Все процессы, которые фильтруют и регулируют восприятие, были подавлены. Как выразился Хаксли, «редукционный клапан сознания» был отключен.

Неделю спустя после моей инициации мы начали тюремный проект. Мой второй наркотический опыт проходил за тюремными стенами. Мы хотели избежать того, чтобы заключенные чувствовали себя подопытными кроликами в эксперименте безумного профессора, и мы решили, что некоторые участники проекта примут наркотик вместе с ними. Мое первое путешествие в тюремной обстановке, среди заключенных, было посещением ада. Беспокойство возрастало до размеров ужаса, одиночество - до заброшенности в недра земли, дискомфорт становился агонизирующим отчаянием, и все это сопровождалось ужасными видениями жадных машин-монстров. Ко всему этому добавлялось чувство, что ты пойман в ловушку и изолирован от мира...

Откуда-то очень издалека я услышал слабый голос, который тихо произнес: «У меня чувство полного одиночества во вселенной, только я». Человеческий голос. Здесь были другие! Осторожно и недоверчиво я открыл глаза. Сцена, исполненная невероятного покоя, предстала моим взорам. Понтер и двое заключенных сидели у окна, тихо беседуя, освещенные лучами послеполуденного солнца. Один заключенный умиротворенно лежал на кровати, читая газету и покуривая. Двое других тихо сидели за шахматами. Меня обдало волной покоя и мира. Тюремные стены показались иллюзией: весь мир был широко распахнут. Объекты опять приобрели необычно глубокое измерение, словно воздух между мной и ними стал кристаллическим. У людей были спелые зеленоватые лица и сияющие глаза. Кто-

то сказал; «Одно во всем», - и каким-то странным образом это единство всего стало самой сутью, сутью всех чувств - одна радость, одна печаль, один ужас, одно удовольствие.

Внезапно возник хаос. Психиатр сказал: «Все возвращаются к тюремному распорядку, смена караула, всем выйти из камеры». Было что-то безумное в том, как все принялись собирать свои вещи, сгребать в кучу одежду, пытаясь собрать воедино свои размытые индивидуальности, чтобы сделать их вновь пригодными для тюремного режима. Когда мы пересекали тюремный двор, я заметил, что охранники наблюдают за нами. «Спокойно, веди себя нормально», - сказал я себе. Когда за нами с лязгом и звоном ключей захлопнулись тяжелые двери, зловещая странность происходящего накрыла тенью все наши мысли.

Откровения этого опыта были, возможно, даже более глубокими, чем во время первого сеанса. Я начал видеть, как работает фактор внушаемости: чувства страха, вины или гнева могли быть вызваны случайными замечаниями, и эти негативные эмоции могли радикально изменить ход эксперимента. Напротив, теплое слово или ободряющая рука на плече могли вызвать чувство настоящего комфорта у кого-то, страдающего от внутренней боли.

Мы вошли в контакт со всеми осужденными, согласившимися принять участие в эксперименте. Мы рассказали им о том, как мало мы пока знаем об этом лекарстве, о наших собственных опытах, и сформулировали цель: добиться инсайта, который позволит им выработать некриминальный взгляд на мир за стенами тюрьмы. Соглашение также подразумевало психиатрические интервью и психологические тесты до и после сеансов, а также письменные отчеты по каждому отдельному опыту.

Результаты этой работы с тридцатью заключенными были опубликованы³⁶. Хотя не было особого снижения количества рецидивов преступности, тем не менее имели место значительные изменения личности. Примечательно, что сами осужденные всегда оценивали сеансы как полезные, даже в тех случаях, когда они бывали болезненными. Несмотря на ужасные предостережения многих профессионалов, не было ни одного проявления насилия. На самом деле в ходе наших экспериментов мы выяснили, что субъектами, наиболее склонными к насилию, являются сами психиатры и теологи, которые управляют массовой репрессивной системой.

(Год или около того спустя сила фактора внушения была вновь продемонстрирована мне, на этот раз в ироническом ключе. Мой приятель-психиатр позвонил мне из Нью-Йорка, находясь в середине своего ЛСД-трипа, прося у меня помощи и поддержки. Незадолго до того вышла статья в медицинском журнале, предупреждающая о возможных «неблагоприятных реакциях» на ЛСД, в ней приводилось девять таких случаев. Мой друг, находясь под действием наркотика, уже представил себе следующий номер журнала, где его опыт должен был описываться как десятый.

Психиатры, ориентированные на патологические психические состояния, особенно опасались «негативного национального программирования» психоделиков, как назвал это Джон Лилли.)

В ходе моей работы в тюрьме некоторые заключенные вызвали у меня чувства симпатии и уважения. Эл

³⁶ Timothy Leary et al. "A New Behavior Change Program Using Psilocybin", *Psychotherapy: Theory, Research and Practice* 2(2), 1965, p. 61-72. Отчет Лири см.: *High Priest*, p. 191-211. См. также статьи Rick Doblin, "Dr. Leary's Concord Prison Experiment: A 34-year Follow-Up Study" и Ralph Metzner, "Reflections on the Concord Prison Project and the Follow-Up Study", опубликованные в спецвыпуске журнала *Hallucinogen: The Journal of Psychoactive Drugs*.

был человеком с угрюмым лицом и мускулатурой штангиста. Во время одного сеанса вся группа была растрогана, наблюдая, как он полностью впал в сознание маленького мальчика с сияющими глазами, невинно удивляясь и восхищаясь фотографиями в книге «Семья человека» или подставив руку под струю из крана и наблюдая, как вода протекает сквозь пальцы.

Дональд было за пятьдесят, он отбывал 20-летний срок за вооруженное ограбление. Во время одного из сеансов он видел линии и узоры, за которыми он очень пристально наблюдал, так как увидел в них лабиринты своей жизни. «Что это может значить?» - спросил он, и после долгого молчания сам ответил на свой вопрос, медленно, запинаясь, но тщательно подбирая слова. «Неужели это - это наш бог? Мы только все время пытаемся хорошо выглядеть в собственных глазах». Мы долго с ним разговаривали. Осужденные с большими сроками заключения, которые остались в тюрьме после окончания проекта, организовали учебную группу. Они продолжали регулярно встречаться еще многие годы, работая над самопознанием и самопомощью, становясь гидами и помощниками для более молодых заключенных. Такова была сила первоначального откровения.

Кроме работы в тюрьме, мы продолжали и свои личные эксперименты. Тим открыл для студентов-выпускников, участвовавших в Псилоцибиновом проекте, свободный доступ к наркотику, поставив условием, что сеансы будут структурированы и организованы и что по каждому из них будут представлены письменные отчеты. Мы честно заполняли длинные опросники после каждого сеанса, писали отчеты и заполняли тесты. Я особенно интересовался потрясающими изменениями в восприятии времени, вызываемыми наркотиком, и составил несколько экспериментальных тестов, которые во время

сеансов всегда начинали казаться невыносимо смешными. Так или иначе, результаты опросников были изучены и проанализированы и впоследствии опубликованы в психологических журналах³⁷.

Тем временем стало ясно, что наш обычный исследовательский подход в этих экспериментах нуждается в чем-то еще, возможно, самом главном. Реально значимые аспекты эксперимента были полностью невербальными и неконцептуальными и проскальзывали сквозь наши категории, как вода через сито.

Эти эксперименты убедили нас, что содержание наркотического опыта - это только частично, даже минимально, функция самого наркотика. Более важными факторами были внутренние установки, ожидания и чувства, также как внешняя атмосфера и эмоциональный настрой. Тим назвал это *set and setting* и годы спустя это было широко принято в профессиональных кругах, занимающихся изучением психоделиков. В противовес этому существует прямо противоположная теория, отстаиваемая представителями власти и закона, объявившими «войну наркотикам», что только наркотик сам по себе вызывает все эти видения и путешествия.

Интересно рассмотреть интерпретационные модели, применяемые разными группами нашего общества для истолкования изменений в сознании, вызываемых наркотиками. Самой первой была *психомиметическая* психиатрическо-фармакологическая модель, утверждавшая, что наркотический опыт моделирует психоз, и соответственно к нему и относившаяся.

Конкурировал с этой моделью интерес, который про- являли ЦРУ и армия к возможному использованию этих веществ как оружия для промывки мозгов и контроля над

³⁷ Timothy Leary, George Lrtwin, and Ralph Metzner, "Reactionsto Psitocybirt Administered in a Supportive Environment", *Journal of Nervours and Mental Disease* 137 (6), 1963, p. 561-573.

сознанием. В шестидесятые многие исследователи подозревали, что такие работы ведутся, и только в семидеся- тые они стали достоянием гласности³⁸. Интерес военных к ЛСД пошел на убыль, когда стала ясной непредсказуемость наркотика: невозможно предсказать, не станут ли одурма- ненные им солдаты медитирующими пацифистами, безум- цами-агитаторами или атавистическими троглодитами.

Кроме того, была *галлюциногенная* модель, кото- рая рассматривала наркотики как инструменты для изу- чения мозговых механизмов визуального восприятия и ассоциированных ментальных состояний. Этот подход был предложен работой немецкого исследователя Ген- риха Клувера в 1920-х годах и американским психофар- макологом Рональдом Зигелем в 1980-х годах³⁹.

Затем, однако, было обнаружено, что те самые нар- котики, которые вызывают у некоторых людей психозы, на душевнобольных, алкоголиков или наркоманов ока- зывают благотворное влияние. Были разработаны две модели психотерапии с применением этих наркотиков. В европейской литературе вещества были определены как *психолитические* (растворяющие сознание); этот подход подразумевал использование этих веществ в до- полнение к психоанализу. Вторая модель была разрабо- тана в Северной Америке, особенно благодаря работам Абрама Хоффера и Хэмфри Осмонда, которые успешно использовали разовые сеансы с высокими дозами для лечения алкоголизма и других зависимостей. Осмонд, познакомивший Олдоса Хаксли с мескалином, и избр- рел термин *психоделики* («открывающие душу»)⁴⁰.

³⁸ Martin Lee and Bruce Shlain, *Acid Dreams: The CIA, LSD and the Sixties Rebellion* (New York: GrovePress, 1985).

³⁹ Heinrich Kluever, *Mescal and Mechanisms of Hallucinations* (Chicago: University of Chicago Press, 1966); Ronald K. Siegel, *Intoxication: Life in Pursuit of Artificial Paradise* (New York: ER Outton, 1989).

⁴⁰ Lester Grinspoon and James Bakalar, *Psychedelic Drugs Reconsidered* (New York: Basic Books, 1979).

Эта модель была близка к той, которую мы применяли в Гарварде, за исключением того, что мы были меньше заняты индивидуальной психотерапией с использованием психоделиков. Мы использовали термин «расширяющий сознание» для наркотика и опыта, эхом этого термина стал «пробуждающий сознание» язык групп за женское освобождение в 1970-х годах. Эта модель предлагала: обеспечить безопасный, поддерживающий set and setting с небольшим числом равноправных участников, и эксперимент почти наверняка будет радостным и продуктивным. Тем временем другая группа исследователей в Менло-Парк, Калифорния, включавшая Уиллиса Хармана, Майрона Столароффа, Роберта Могара, Джеймса Фэйдимэна и других, разработала концепцию *креативности* для наркотического опыта, предлагая архитекторам, художникам, дизайнерам и ученым работать над решением новой проблемы во время сеанса⁴¹.

Религиозно-мистический подход к психоделикам, который с самого начала был сильно выражен в работах Лири, вне всяких сомнений, был стимулирован его разговорами и сотрудничеством с такими людьми, как Олдос Хаксли, Алан Уотте и Хьюстон Смит, которые принимали участие в проекте. Этот подход возник еще во время гарвардского периода в эпохальном эксперименте Уолтера Панке «Страстная пятница», тщательно контролируемом научном изучении религиозного опыта, вызванного наркотиками (описан ниже). Этот опыт лег в основу духовно ориентированной ЛСД-терапии с неизлечимыми раковыми больными в госпитале Спринг Гроув в Балтиморе, которая была организована и описана чехословацким психотерапевтом Станиславом Грефом⁴². Религиозно-мистическая парадигма,

⁴¹ *Стивене Дж. Штурмуя небеса: ЛСД и американская мечта.* М.: Ультра.Культура, 2003.

⁴² *Гроф С, Хэлифанс Дж.* Человек перед лицом смерти. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996.

конечно, присутствует и в сделанной Лири адаптации «Тибетской книги мертвых» и «Дао дэ цзин» как путеводителей в психоделическом эксперименте. Здесь мы видим древние тексты, в которых специально усиленные опыты рассматриваются как *инициации* - прообразы состояний и уровней сознания, позже усвоенные йогическими, магическими или духовными практиками. В своем потрясающем исследовании Уоссон, Хофманн и античник Карл Рук представили свидетельства того, что элевсинские мистерии могли вдохновляться спорыньей, содержащей ЛСД-подобные алкалоиды⁴³.

Сеансы, которые мы проводили, довольно быстро привели нас к глубокому конфликту с нашими собственными взглядами. Те из нас, кто практиковал традиционную психотерапию, обнаружили, что межличностные взаимодействия оставались почти полностью на ментальном уровне. Они даже близко не достигали духовной интенсивности и эмоциональной силы псилоцибинового опыта. В особых состояниях сознания, вызванных наркотиком, вы могли видеть собственные психологические проекции воплотившимися (видимыми): ваши чувства и мысли могли появиться на стене перед вами или на лице друга, представленными в живых цветах, как в цветном кино. Если в группе возникали какие-то страхи или паранойя, вы могли ощущать их физически, как липкие щупальца, наощупь пробирающиеся от одного человека к другому, окутывая его болотными миазмами подозрительности и недоверия.

Экспериментальный сеанс высокими дозами псилоцибина, который мы провели в 1963 году, высветил некоторые из этих сложных процессов и связанных с ними рисков. Тим Лири при этом продемонстрировал свой свободный, юмористический, но тем не менее

⁴³ Timothy Leary and Richard Alpert, "The Politics of Consciousness Expansion", *Harvard Review*, 1 (4), 1963, p. 33-37.

заботливый стиль проведения наших опытов. Тим дал нам большую свободу в сеттинге сеансов. Несколько человек из нашей группы, имеющие двухлетний опыт знакомства с псилоцибином, решили провести сеанс с повышенными дозами, для того чтобы проверить, можно ли сравнить эффект с действием ЛСД, который мы тоже начали применять в последнее время. Некоторые приняли по 40 мг, я - 60 мг, а Джордж Литвин с его духом пионера-первопроходца решил принять 80 мг. Эти дозы, самые высокие из всех, которые мы ранее применяли, все равно были ниже токсического уровня. На этом сеансе, однако, я был наиболее близок к самоубийству за все годы работы с психоделиками.

Когда наркотик начал действовать, Джорджа жестоко затрясло. Я смотрел на него и видел, что его лицо странным образом исказилось, словно состояло из отдельных плоскостей, как на какой-нибудь причудливой картине Мориса Эшера. Когда он заговорил, его голос был каким-то нечеловеческим, словно его рот был набит металлом. Он говорил, что обнаружил кнопку, которая включает и выключает его сердце.

Когда я оглядел комнату, я увидел движущиеся потоки энергетических частиц, пронизывающие всю комнату, циркулируя между мною и другими людьми. Мы все были частью этого движения, обмениваясь потоками энергии. Они были знакомы мне по сеансам с грибами, когда я видел их как светящиеся, вибрирующие филигранные сети. Но на этот раз их интенсивность напугала меня. Когда страх усилился, энергетические потоки перестали двигаться и застыли, образовав решетку, наподобие тюремной. Внезапно я почувствовал себя пойманным в ловушку, как муха в гигантской металлической паутине. Я не мог произнести ни слова, чтобы рассказать о том, что со мной случилось, мой голос был словно парализован. Все в комнате, вклю-

чая Джорджа (который больше не трясся), были словно заморожены до неподвижности этой металлической сетью-клеткой.

Я чувствовал, что мое сознание тоже парализовано. Я не мог заставить себя думать, чтобы понять, что же на самом деле происходило. Я не мог понять, было ли происходящее реальным или это было галлюцинацией, вызванной наркотиком (экспериментальная психиатрия называет это «дереализацией»). Я решил, что надо постараться заставить себя позвонить по телефону Тиму и попросить его о помощи. Гюнтер Вейль, чувствуя мои затруднения, вызвался помочь мне набрать номер.

Телефонный аппарат вибрировал и трясся, словно безумное рыбное желе. Каким-то образом мы дозвонились до Тима. Я хотел, чтобы он помог мне разобраться с «реальностью»: «Скажи мне что-нибудь реальное, Тим. Что у вас там происходит?»

Тим немедленно все понял и ответил: «Ну, Джек сидит на столе и ест гамбургер, Съюзи смотрит телевизор, с бигудями в голове, Майкл пьет пиво». Мне стало чуть легче. Это были послания от «реальности». Тем не менее я сказал ему, что нам нужна помощь, и спросил его, не сможет ли он прийти.

В ожидании Тима я боролся с паникой, убеждая себя, что, когда он придет, он освободит нас из этой ужасной паучьей сети, в которую мы попали. Я чувствовал себя так, словно я ничего не слышу и не понимаю. Как будто из меня вынули душу, и я не то что биологический организм, нет - я просто механическая кукла или машина.

Я так обрадовался, когда увидел, что Тим наконец пришел. Сквозь липкую металлическую паутину, которая меня опутывала, я увидел, как он входит в дом. Но тут я с ужасом увидел, что его движения слабеют, становятся

механическими, роботоподобными, голос его делается тоньше, и я опять впал в полное отчаяние, когда понял, что он тоже попался в эту паутину. Это было задолго до того, как мы научились помогать людям, попавшим в состояние острого психоза, устанавливать с ними контакты и выводить их из него. Тим с друзьями просто уложили меня на диван, надеясь на лучшее. Корки Литвин присела на край дивана и гладила меня по плечу, ободряя и успокаивая.

Через несколько часов объективного времени и адскую вечность времени субъективного, интенсивность опыта пошла постепенно на спад. Я помнил, что принял наркотик, и понимал, что действие его начинает проходить. Я опять чувствовал себя живым человеком, хотя меня еще потрясывало, когда я вспоминал о том, что мне пришлось испытать. Нам надо было научиться вытаскивать человека из психотического ада так же, как мы научились подготавливать его к экзистенциальным переживаниям небесного блаженства.

По мере продвижения наших экспериментов, по-прежнему под эгидой Псилоцибинового исследовательского проекта Гарвардского университета, мы неуклонно приближались к использованию религиозных и мистических концепций и образов для истолкования нашего опыта. Несмотря на то, что эти идеи были чуждыми нашей первоначальной гуманистической психологической ориентации, сама природа наших экспериментов подталкивала нас к ним. Иногда, когда Тим обсуждал с группой наши опыты, он казался одухотворенным почти мессианским пылом, что производило сильное впечатление на его слушателей. В то же время тема лидерства, с ее сложным комплексом идеализации и разочарования, постепенно поднимала свою уродливую голову.

Один странный, но поучительный сеанс, состоявшийся холодной ноябрьской ночью 1961 года, с этой точки зрения, был особо запоминающимся. Нас было шестеро, собравшихся в квартире Дика Алперта: Дик, Тим, Майкл Кан, Джордж Литвин, его жена Корки и я. Позже должны были прийти Гюнтер Вейль и музыкант Мэйнард Фергюсон со своей женой Фло. Все были в отличном расположении духа. Мы никогда раньше не употребляли вместе психоделики и сейчас собрались, чтобы сделать это.

Наши мысли стали серьезными, почти мрачными. По дороге сюда мы с Майклом говорили об идее греха против Святого Духа - что может быть признано грехом, которому нет прощения. Мы говорили об этом как о чем-то, вроде универсального проекционного теста для Средневековья - что именно человек мог расценивать как свой величайший грех в те времена. Теологически это было прерогативой дьявола - заставить человека сделать нечто, что навсегда отсечет его от источника красоты и спасения.

Во время сеанса Майкл вернулся к этой теме и вновь начал обсуждать ее. Джордж, у которого был великий талант к практическим деталям, очень заинтересовался тем, где именно пролегает та граница, после которой грех становится смертным грехом. Он спросил Тима как единственного представителя католичества: «Что делает Церковь, когда сталкивается с теми редкими случаями, которые выходят за рамки существующих правил? Что она делает, когда встречает совершенно новые явления или события? Например, приходит крестьянин к священнику и говорит: "Я вчера принял эти таблетки и встретил Христа, мы пожали друг другу руки и отлично провели вечер, но все почему-то говорят мне, что я сделал что-то неправильное". Как Церковь к этому отнесется? Что скажет священник?»

Когда все успокоились от конвульсивного смеха, Джордж вновь обратился к Тиму: «Я серьезно».

Я почувствовал волну симпатии к Джорджу и взглянул на Тима. Тот молчал. Я пристально посмотрел на него и повторил вопрос Джорджа: «Что скажет священник в этом случае, Тим?»

Тим очень сконфузился. Казалось, что он не слышит вопроса. Я повторил вопрос. Тим долго смотрел на меня, ничего не отвечая. Я сам удивился тому, каким важным этот вопрос мне начал казаться. Он имел отношение и к сегодняшнему вечеру, и к нашей работе, и ко всей нашей жизни, которая привела нас к такому серьезному увлечению этими веществами - хорошо это или плохо?

Этот вопрос оказался фундаментальным вопросом о бытии и личном долге, это был вопрос, на который каждый из нас должен был найти свой ответ. Я почувствовал, что Тим именно это имеет в виду своим молчанием - что каждый из нас должен самостоятельно решить этот вопрос. Когда я это понял, то почувствовал, что по моим щекам катятся слезы - и это не были слезы печали.

Некоторое время спустя Тим начал рассказывать историю об одном своем знакомом католике, который осуждал некоего парня с обычными сексуальными пристрастиями, делая из него какого-то монстра. Я понял, что это было ответом священника на вопрос Джорджа о том, как определять грех; в основе католической концепции греха лежит глубокое отвращение к сексуальности.

Когда я пытался рассказать Майклу, как я понял эти два «ответа» - один человеческий, а другой католический, - я сообразил, что Тим сказал это все ненамеренно. Таким образом он выразил протест против того, что не слышал и половины нашего разговора, и должен теперь иметь дело с «фикцией воображения Джорджа».

Когда мы вышли на улицу, в холодную, снежную ноябрьскую ночь, Майкл, Тим и я, Тим сказал, что мы очень озадачили его своим вопросом. Он сказал, что уже давно относился к нам как к равным и почувствовал себя преданным, когда его стали вынуждать отвечать на религиозные вопросы. «Чем вы, ребята, занимались все эти месяцы?»

Майкл стал говорить учителям дзен, Будде и Христе, и главное, что он хотел сказать - что Тим должен смириться с ролью учителя, для того чтобы мы могли чему-то у него научиться. Речь его была очень быстрой. Все лидеры должны пройти через процесс осознания того факта, что они предназначены к своей миссии лидера, хотя бы им и хотелось быть просто ровней своим ученикам.

Когда мы вернулись в дом, Понтер говорил о том, что, может быть, наступит время, когда он решит уйти от Тима, потому что он не согласен с ним и не хочет, чтобы эта чистота была осквернена. Он понял, что Тим был втянут в порочную игру, поскольку был очень наивен.

«Тебе ведь нравится твоя работа в тюрьме, разве нет? Разве ты не хочешь ее продолжить?» - сказал Тим. Голос его звучал тихо и примирительно.

Комната погрузилась почти в полную темноту. Долгое время мы все сидели молча. Потом Гюнтер сказал: «Знаешь, Тим, только еврей и католик могут вести подобную дискуссию».

«Ну и что же мне остается делать?» - спросил Тим. Потом он сказал, что всегда расценивал всех нас как равноправных партнеров, как группу единомышленников, работающих сообща ради общих целей.

«Да, теперь я это понимаю. Но было время, когда превозносил тебя, смотрел на тебя снизу вверх, поклонялся тебе - теперь ты опустился до уровня обычного человека».

Джордж Литвин издал протестующий вопль. «Погоди минутку, погоди-ка... Я не еврей и не католик, так что я могу быть беспристрастным. Было такое время, когда евреи перевозили одного человека и обожествляли его, а потом прибили его гвоздями ко кресту, когда обнаружили, что все-таки он был человеком. Было это на самом деле или нет, но это неприемлемо; это традиция, которую мы должны изжить. Это в еврейской традиции, одни люди ближе к Богу, чем другие. Но есть и другая, традиция Декларации Независимости, когда люди с(ь)брались, чтобы написать закон равенства».

Джордж был великолепен. Он защищал новые ценности, несовместимые со старыми, когда люди сначала перевозили других людей, а потом побивали камнями или прибивали к кресту, он говорил о всеобщем равенстве, и общих целях, и общей ответственности. Нам всем сразу стало гораздо легче. Мэйнард и Фло обнялись.

Напряжение было снято. Когда Джордж кончил свою речь, Тим резко встал и не говоря ни слова, прошел в кухню, оставив дверь открытой. Яркий луч света ворвался в комнату. Мрачный туман зарождавшегося было религиозного анатизма был рассеян. Тенденция сверхидеализации потенциального лидера была в корне пресечена, во всяком случае для той группы в то время.

Во время наших дискуссий мы иногда полушутливо отмечали, что Тим был самым далеким от трюппы - в своем отношении к психоделикам он был на том конце шкалы, куда мы не собирались идти. «Нудо такого экстрима мы не дойдем, мы не такие сумасшедшие, как Тим». Но тем не менее, следуя внутренней логике наших опытов, мы все чаще замечали, что след в след идем за ним и в конце концов начинали разделять его мнения. Во всяком случае на какое-то время.

Наша работа продолжалась всю зиму и весну 1961—1962 годов. После экспериментов, призванных выработать методы достижения положительных, значимых результатов в тюремном проекте, которые смогли бы привести к терапевтическим изменениям, Тим продолжил работу по исследованию творческих аспектов наркотика. Для того чтобы найти представителей творческих профессий, он начал общаться с литературно-художественными кругами Нью-Йорка. Как только те слышали слово «псилоцибин», они тут же изъявляли желание попробовать его. Результаты опытов должны были быть описаны. Наши папки стали заполняться отчетами писателей, джазовых музыкантов, поэтов, художников и философов.

Наркотик попробовали Аллен Гинзберг, Питер Орловски, Джек Керуак и Чарлз Олсен. Аллен проникся таким энтузиазмом после приема наркотика, что хотел позвонить Хрущеву и Кеннеди, чтобы убедить их тоже попробовать. Какое-то время в доме Тима в Кембридже гостил Уильям Берроуз. Вначале он относился к его деятельности положительно и принял участие в психологической конвенции в Нью-Йорке, где собрались толпы народа. Он представил исследовательский отчет о своих личных опытах с разными наркотиками, которые он пробовал. Позже он разочаровался в проекте и писал о нем в тоне развивающейся паранойи в одной из своих книг: «Держись подальше от их Сада Наслаждений, это сточная яма... они предлагают тебе любовь, любовь, любовь в корзинах старьевщика... их бессмертное космическое сознание - это бывшее в употреблении второсортное дерьмо...» и т. д.

Джералд Херд, рафинированный английский философ, друг Олдоса Хаксли и автор нескольких книг по истории религии и мифологии, посетил проект в самом начале и очень оптимистично оценивал возможности псилоцибина. Он рассказал нам потрясающие вещи о

роли психоделических наркотиков в древности. Он посоветовал нам не предавать огласке наши открытия, остаться в подполье, последовав примеру эзотерических групп и тайных обществ прошлого. Стоит ли говорить, что его совет остался без внимания, не таким человеком был Тим.

Все последующие годы меня преследовала мысль, что было бы, если бы мы последовали совету Джералда Хёрда и психоделические наркотики остались бы известны узкому кругу исследователей и визионеров. Но тогда это не казалось нам тем сценарием, которому мы были призваны следовать. Наши опыты были достаточно позитивны для того, чтобы предложить всем испытать их. Мы полагали, что наступило время, когда этот вид опыта должен стать доступен для всех желающих, чтобы «двери восприятия» открылись и расширенное сознание перестало быть привилегией редких одиночек. Те, в ком горел исследовательский дух, могли отправляться в путешествие с ясным сознанием цели.

Тем временем мир академической психологии становился все более странным. Весной того года я сосредоточился на завершении моей докторской диссертации, потому что знал, что это будет мой последний компромисс с ценностями и стимулами этого мира. Время, когда в подвальном этаже Гарварда я занимался экспериментами с крысами, бегающими по лабиринтам, казалось далеким, как мезозой. Преподавание вводного курса психологии с целью продвижения вверх по лестнице карьерного успеха казалось столь же далеким. Один из моих профессоров, доктор Брендан Майер, сказал, что он не может понять, почему я отказываюсь от возможности сделать прекрасную карьеру в академической психологии. Я не мог ему объяснить.

Псилоцибиновый проект вызывал все большее сопротивление со стороны университетского сообщества.

Одной из причин неприязни по отношению к Лири и Алперту со стороны их университетских коллег было то, что несколько ассистентов-аспирантов покинули их ради работы в интригующем и захватывающем проекте с наркотиками.

Профессор Макклелланд, глава факультета, выступил со зловещими предостережениями об угрозе, которую представляют наркотики для общества. Он привел в пример Индию, где общество якобы деградировало в результате злоупотребления расширяющими сознание наркотиками - теория, вызывающая массу вопросов, начиная со сравнения каннабиса с псилоцибином.

Наш эксперимент критиковали за недостаточную научную строгость, говорили, что наши методы бесконтрольны, а результаты неопределенны. Эти упреки были необоснованны, наоборот, в ходе эксперимента было сделано и опубликовано несколько обширных статистических и опросных исследований по результатам опытов. Каждый из тех, кто участвовал в эксперименте, должен был пройти психиатрическое обследование в медицинском отделении университета. Никто не принимал наркотик без добровольного согласия, без полной предварительной подготовки и поддержки в ходе эксперимента. На всякий случай под рукой всегда были наготове антидоты-транквилизаторы, но никто ни разу не захотел ими воспользоваться.

Среди утвержденных в университете правил было одно, которое гласило, что нельзя использовать студентов, не защитивших дипломов, в каких бы то ни было экспериментах. Мы никогда не нарушали этого правила, все участники эксперимента были выпускниками или людьми старшего возраста из внеуниверситетских кругов. Тем не менее наши занятия, несомненно, стимулировали рост интереса к психоделикам среди гарвардских студентов, в результате чего многие из них прошли

через эксперименты с наркотиками. Мескалин, пейот и другие вещества можно было в то время достать без особого труда.

Наблюдательный совет пытался ввести правила, запрещающие использование наркотиков в личных целях и за стенами университета. В те времена не было государственных или федеральных законов, регулирующих их употребление. Дик Алперт, Овен по гороскопу, считал эти попытки покушением на свою свободу и частную жизнь. Тим Лири, будучи Весами, подчинился правилам, чтобы не ссориться с начальством, и продолжал делать, что делал.

Стоит также отметить, что среди кипы исследовательских отчетов, докладных записок и заявлений, которыми Лири и Алперт заваливали университетское сообщество, некоторые носили характер мессианских посланий, что многих отталкивало. Тим постоянно изобретал все новые лозунги типа «ты должен выйти из себя и начать пользоваться головой», что вызывало антагонизм у многих интеллектуалов. Типичным для того времени является такой, например, пассаж из статьи, которую Лири написал для *Harvard Review*: «Должны ли мы продолжать преследовать наших визионеров, заключать их в тюрьмы, казнить, изгонять, а назавтра называть героями и увековечивать?.. Общество нуждается в образованных священниках-преподавателях, чтобы поддерживать свою структуру - они должны быть его интеллектуальным мускулом, скелетом и кожей... Нервная система может быть изменена, интегрирована, перепрограммирована, расширена в своих функциях. Эти возможности, естественно, пугают любую ветвь истеблишмента... Наши излюбленные концепции стоят на пути гигантского потопа, который готовится уже два миллиарда лет. Вербальная дамба рухнет под его напором. Бегите в горы или приготовьтесь к тому, что ваш

интеллектуальный механизм будет унесен этим мощным потоком»⁴³.

Испытывая все большее давление, мы начали думать о том, чтобы вынести нашу работу за пределы университетского контекста. Тим сказал, что «ожидать, что университет станет спонсором исследований визионерского опыта, так же бессмысленно, как ожидать, что Ватикан будет поддерживать исследования, ставящие целью найти эффективные афродизиаки». И, таким образом, летом 1962 года около двадцати членов Псилоцибинового проекта сняли гостиницу в маленькой мексиканской рыбацкой деревушке Сихуатанехо (которая с тех пор превратилась в главный тамошний курорт) стем, чтобы продолжить эксперименты с наркотиками вдали от общественного и политического давления Кембриджа.

Мексиканские сессии были совсем не похожи на гарвардские психодрамы. Здесь было другое окружение: пышное цветение тропической флоры и фауны, бесконечные ритмические удары о берег океанских волн, упитительно прекрасные закаты, грозы с бесшумными молниями над Тихим океаном, насыщенная благовонными ароматами жара, загадочные звуки ночных насекомых и сладкие запахи экзотических цветов.

Во время сеансов мальчик, играющий на флейте, превращался в Кришну, очаровывающего Гопи. Женщины часто превращались в морских нимф или русалок; мужчины в ацтекских воинов или шаманов джунглей.

⁴³ Timothy Leary, Ralph Metzner, and Richard Alpert, *The Psychedelic Experience: A Manual Based on the Tibetan Book of the Dead* (New Hyde Park, NY: University Books, 1964); Timothy Leary, *Psychedelic Prayers: Adapted from the Tao Te Ching* (New Hyde Park, NY: University Books, 1966; Rev. ed. Berkeley, CA: Ronin Publishing, 1997); R. Gordon Wasson, Carl Ruck, and Albert Hofmann, *The Road to Eleusis* (Los Angeles: Hermes Press, 1998). См. также сборник эссе под редакцией Роберта Форте «Entheogens and the Future of Religion» (San Francisco, CA: Council on Spiritual Practices, 1997).

По совету Олдоса Хаксли и Джералда Хёрда мы стали использовать «Бардо Тодол» («Тибетскую книгу мертвых») в качестве гида-путеводителя в психоделических путешествиях. Тибетские буддисты рассказывают о трех фазах посмертного опыта души, которая проходит через «промежуточные планы» (бардо) на своем пути от смерти к перерождению. Мы толковали это как смерть и возрождение эго, личности. Тибетский символизм, приложенный к западным концептам, породил замечательные параллели с нашими открытиями.

«Бардо Тодол» описывает первую фазу, первое бардо, как состояние полной трансцендентности, чистого сияющего света, который появляется немедленно после смерти; книга говорит, что проникнуть туда могут только те, кто достиг высших ступеней в занятиях йогой, кто может хранить ум нерассеянным. Эта первая фаза обычно быстро переходит во второе бардо, долгую фазу галлюцинаций и видений дружелюбных или гневных божеств, райских или адских переживаний. Третье бардо - фаза возрождения, или возвращения, как мы это называли, когда человек возвращается к своей обычной индивидуальности.

Главный принцип тибетской йоги всегда один - хранить ум нерассеянным и концентрироваться внутри себя, а не увлекаться приятными видениями или страдать из-за болезненных. Помни, что все они происходят только внутри твоего сознания. Принимай их и плыви по течению. Во время возрождения, или возвращения, не спеши, оставайся спокойным, старайся удерживать свет как можно дольше. На самом деле можно достичь состояния полностью трансцендентного сознания даже войдя во вторую или третью фазу, если вы сможете следовать за светом внутри себя.

Этот древний текст, который до нашего знакомства с психоделиками казался таким сумбурным, содержал

в сверхъестественных деталях описания многих аспектов трипов, которые мы предпринимали. Конечно, мы знали, что методом буддистских монахов были не психоделические наркотики, а медитация. Как бы то ни было, полное описание внутренних состояний в их текстах убеждало нас, что эти пространства вполне реальны. Внезапно мы перестали быть кучкой свихнувшихся психологов, ныряющих в абсолютно не отмеченные на картах территории. Здесь и раньше бывали люди. У этого опыта были история, традиция. Существуют карты и путеводители. Несмотря на то, что Лири был воспитан в западных научных традициях, узнав эти древние манускрипты, он почувствовал (так же, как и все мы), что был прав в своей концепции духовного подхода к психоделическим экспериментам. Наша начальная работа с этой книгой впоследствии была описана и опубликована под названием «Психоделический опыт».

Мы также «открыли», к нашему радостному удивлению, западных авторов, которые прошли через эти странные внутренние миры и без наркотиков. Герман Гессе в своем «Степном волке» дал прекрасное описание психоделического «магического театра» сознания; а в «Путешествии на Восток» рассказал о паломничестве группы исследователей к призрачному дому внутри себя, о тайной лиге посвященных странников, объединенных общим видением. Французский ученик Гурджиева Рене Домаль в своей книге «Аналогия Горы», загадочной незаконченной аллегории, рассказывает про экспедицию на внутреннюю гору, описывая ловушки и опасности этого мистического путешествия.

Мы решили провести индивидуальный сеанс для того, чтобы «проверить» тибетскую буддистскую модель, над которой мы работали. Я должен был стать странником, а Тим - гидом. Предполагалось использовать умеренную дозу ЛСД. Мы расположились в нашей

«сессионной комнате». Ее балкон выходил прямо на джунгли, снизу доносился шум океанских волн. Мы договорились, что, если я почувствую страх, я расскажу об этом, а не буду стараться преодолеть его в одиночку.

Мы начали в тишине. Тим прочел кое-какие пассажи из нашего «руководства». Где-то в течение часа ничего не происходило. Я был на взводе и досадовал на самого себя за то, что не могу ничего сделать, чтобы ускорить процесс. В голове роилось много мыслей. Тим сказал, что обнаружил, - если сосредоточиться на чувственном восприятии, то можно избавиться от роения мыслей. Он зажег свечу, открыл холодную бутылку пива (которое я только слегка пригубил) и призвал меня сфокусироваться на чистом чувственном восприятии. Когда я сделал это, сенсорика прошла сквозь ментальность, как нож сквозь масло. Внезапно я почувствовал себя полностью освобожденным от тяжелого тумана беспокойных мыслей.

Я посмотрел на Тима и, к своему изумлению, увидел, что его лицо стало лицом богоподобного существа, излучающим свет. Я продолжал смотреть на него и вдруг заметил, что одна половина его лица стала уродливой и демонической. Одновременно с этими визуальными впечатлениями я вдруг почувствовал себя куском протоплазменного желе, втиснутым в скалу. Одна часть меня свободно плавала в океане, видя лицо Тима лучащимся и божественным, а другая часть застряла в скале и видела его лицо мерзким и холодным. Какое-то время моя душа чувствовала себя покоящейся в прекрасном, чистом, пустом пространстве, но постепенно я начал соскальзывать в страх и дискомфорт.

«Я теряю это».

«Как ты теряешь это? Со своим сознанием?»

Молчание.

«Как ты обретаешь это?»

«Оно само приходит. Я вижу божественность в одной половине твоего лица, но при этом другая превращается во что-то ужасное».

«Помни, и та, и другая - это продукты твоего сознания, и скоро ты сможешь увидеть божественность всего лица, или света свечи, или сигареты, или всего дня, если ты будешь достоин этого».

Тим встал и пересел ближе к двери, а я лег на пол, закрыл глаза и стал снова пытаться достичь состояния экзотической невесомости, стараясь для этого опустошить свое сознание. У меня ничего не получалось, и я начал расстраиваться. Я стал думать, что мне удастся достичь этого состояния сознания только с помощью Тима или кого-нибудь еще. Я начал галлюцинировать - это были умиротворяющие и устрашающие видения второй фазы бардо. Когда я увидел устрашающие образы, я вспомнил увещание «Бардо Тодол» о том, что они существуют только в моем сознании, и велел им убираться. К моему огромному удивлению, они так и сделали. Затем, словно удар током, меня пронзила мысль, что я могу так сделать не только с этими относительно тривиальными демонами, но вообще со всеми своими страхами. Я вспомнил своего друга, чье поведение иногда пугало меня. Я подумал о том, как абсурдно, что я позволил примешаться чувству страха к отношениям с другим человеком. Вся моя голова открылась сферически во всех направлениях одновременно, и я почувствовал себя так ясно и весело, как никогда раньше в своей жизни.

Я сел и посмотрел на Тима. Он взглянул на меня и сказал: «Ты сделал это».

Я рассказал ему о своем инсайте, и он заметил: «Не только страх по отношению к этому человеку, но и любовь к нему и другим находятся внутри тебя. Штука состоит в том, что ты должен знать механизмы своего

сознания, иначе твои страхи могут запугать тебя дочертиков».

Мы немного поговорили о возможных способах достижения состояния, при котором все, на что ты смотришь, пульсирует и светится божественным сиянием, и о невозможности постоянно находиться на этом уровне сознания. В конце концов, мы пришли к выводу, что для того, чтобы «жить на этом уровне... нужно жить на этом уровне».

В течение этого времени, где-то на протяжении двух часов, хотя субъективно время отсутствовало, у меня не было проблем с достижением этого состояния сферической открытости.

Это давалось безо всяких усилий. Я знал, что нахожусь в своем теле, и мог настроиться на любую его часть, но при этом я не идентифицировал себя с ним. Моя личность, казалось, разбросана по всей комнате и даже в лесу за ее пределами. Это означало, что, когда кто-нибудь входил в комнату, он входил прямо в «меня». Входящие в комнату люди воспринимались как мысли, приходящие в мою голову. Я мог совершенно хладнокровно изучать различные отношения, которые «Ралф» имел с разными людьми: родителями, друзьями, частями самого себя и т. д.

Я чувствовал себя свободней, чем когда бы то ни было раньше. Постепенно и мягко, в течение долгого времени, «я» вернулся к своей обычной индивидуальности и физической идентичности. Память о состоянии сознания, в котором я побывал, осталась чрезвычайно ясной.

После той первой весны в Сихуатанехо произошло много событий. Мы преисполнились еще большего энтузиазма по поводу использования наркотического опыта для достижения новых уровней сознания и коррекции личности и поведения, которая оказалась быстрее и эффек-

тивней, чем любой другой из известных нам методов. Мы также серьезно задумались о необходимости поделиться тем, что мы уже узнали, с нашими коллегами в академическом мире и с широкой общественностью.

Некоторые люди пытались наклеить на нас ярлыки миссионеров, прозелитов или распространителей наркотиков, однако мы относились к этому совсем по-другому. Мы чувствовали себя как люди, которые случайно открыли возможное лекарство от вирулентной чумы, которая бичевала страну. Вне всяких сомнений, это была «эмоциональная чума», которую диагностировал другой непонятый пионер, Вильгельм Райх. Хотя большинство ее носителей сами не подозревали о своей болезни. И любой, кто стал бы предлагать им средство для исцеления от нее, неизбежно будет казаться им религиозным маньяком или извращенным безумцем, или и тем и другим. Тем не менее мы решили сделать все возможное для популяризации наших открытий.

Лири и Алперт вернулись на свои преподавательские должности в Гарвард. Я защитил диссертацию и получил докторскую степень по психофармакологии. В течение второго года курса фармакологии в Медицинской школе Гарварда я читал все, что мог найти об этих странных наркотиках, все, что смогло бы помочь объяснить их экстраординарное действие на человеческий мозг. Я прочел тысячи исследований, но ни одно из них не добавило света во мрак этой тайны. Ни у кого не было даже слабой идеи о том, как работают эти наркотики. К своему удивлению, я обнаружил, что это распространяется также и на все лекарства, использующиеся в психиатрии, а если продолжить, то и вообще на все обычные лекарства, например аспирин. Их используют, потому что они действуют, вот и все.

Мы начали издавать журнал *Psychedellic Review* и публиковать в нем научные и литературные статьи в этой

области. Алан Уотте, который был в то время в Гарварде и принимал псилоцибин с Тимом, написал об этом в своей «Радостной космологии». Он также помогал нам с выпуском первого номера журнала. Пол Ли, Рольф фон Экартсберг и я стали его редакторами. Пол получил диплом по философии религии и был близким знакомым Пауля Тиллиха; Рольф получил диплом по психологии и интересовался экзистенциализмом и феноменологией. Мы проработали вместе весь первый год, а когда они уехали, я продолжал издавать журнал, по меньшей мере раз в квартал, еще на протяжении шести лет.

Мы также решили попробовать жить коммуной. Это пришло как-то само собой. Мы проводили почти все время вместе, обсуждая наш исследовательский проект и при этом тратя массу времени на дорогу туда и обратно. Стало казаться логичным поселиться вместе. В первом доме, который мы сняли в Ньютон-Сентер, поселились Тим со своими детьми Сьюзан и Джеком, Дик Алперт, Фостер Данлэп со своей женой Барбарой и ребенком и моя жена Сьюзан и я. Мы со Сьюзан познакомились несколькими месяцами ранее, и я сделал ей предложение во время мескалинового сеанса в Сихуатанехо.

После того как мы прожили в этом доме несколько месяцев, город Ньютон-Сентер возбудил против нас дело в суде, по заявлению наших соседей. Нас обвиняли в том, что мы живем в доме, предназначенном для одной семьи. Дик попросил своего отца, известного бостонского адвоката, защищать нас в суде. Мы выиграли, потому что закон определял «семью» не только как людей, связанных кровными узами.

Одна комната в доме была предназначена для медитаций и сессий. Для этих целей мы переоборудовали большой чулан, попасть в который можно было только спустившись в подвал и оттуда по лестнице вверх.

Стены и потолок там были завешены индийскими тканями, а пол устлан шикарными цветными подушками.

Ньютоновская коммуна, при всех ее недостатках, была ареной многих новых видов психоделических исследований. Мы ставили эксперименты, в которых создавали жесткие проблемные ситуации для индивидуума, который находился в расширенном состоянии сознания. Мы также ставили эксперименты по изучению языков, в которых человек под психоделиками слушал записи на иностранном языке на протяжении нескольких часов, для того чтобы в его мозгу отпечатались звучание и модуляции этого языка.

Тим, будучи творчески мыслящим психологом-исследователем (во всяком случае, в тот период своей жизни), начал совместный проект с Огденом Линдсли, ученым-бихевиористом, который был знакомым Б.Ф. Скиннера. Линдсли занимался объективным наблюдением за поведением душевнобольных в психбольнице, регулярно заносил результаты в дневник. По просьбе Тима он сконструировал устройство, которое выглядело как печатная машинка с несколькими клавишами, которые включали различные зоны записи, каждая из которых представляла категорию опыта. Тим назвал ее «опытная печатная машинка». Идея состояла в том, что поскольку испытуемый во время сеанса не всегда был в состоянии говорить достаточно быстро, чтобы описать свои постоянно меняющиеся ощущения, он мог передавать их, нажимая клавишу одной из нескольких базовых категорий, таких, как «телесные ощущения», «клеточная память», «мысленные модели»⁴⁴.

Мы использовали это устройство в экспериментах с диметилтриптамином (ДМТ), новым мощным психоделиком, который открыл венгерский ученый Стефан

⁴⁴ Timothy Leary, *High Priest*, p. 264-279.

Шара. Наркотик не был орально активен, и принимать его надо было при помощи инъекций (позже исследователи-любители изобрели вариант, который можно было курить). ДМТ вызывал глубокий трансцендентный опыт, длившийся 30 минут. В одном эксперименте, описанном в «Первосвященнике», испытуемым был Тим, и каждые две минуты я просил его указать, какая из клавиш соответствует его состоянию сознания. Это изобретение было замечательно эффективно в попытке объективировать внутренние состояния.

В общем, в течение того года мы чаще всего использовали ЛСД и иногда псилоцибин. ЛСД сильно отличался от псилоцибина. Псилоцибин был «наркотиком любви». ЛСД никогда не был «наркотиком любви»; это был трип «смерти и возрождения». Я помню, как Тим рассказывал мне о своем первом ЛСД-сеансе, который у него был накануне. Он стал другим человеком. Он утверждал о «мире пластмассовой куклы», о полной смерти эго. Что-то пугающее было в его рассказе.

С ЛСД нас познакомил Майкл Холлингшед, эксцентрический англичанин, у которого была какая-то загадочная, туманная работа в области англо-американского «культурного обмена» в Нью-Йорке. В один прекрасный день он объявился в офисе Гарвардского проекта, находясь при этом в полном безденежье и суицидальной депрессии. Несмотря на это, его не оставляло свойственное ему замечательное чувство юмора, он был непревзойденный рассказчик и добрейший по натуре человек. Вопросы о его профессии и занятиях всегда получали весьма уклончивые ответы и порождали абсолютно невероятные, гомерически смешные истории. Мы навели о нем некоторые справки и узнали, что какие-то криминальные элементы в Нью-Йорке считают его мошенником, которого надо изо всех сил остерегаться. Сам он постоянно утверждал о том, что боит-

ся, что его избыют или даже убьют гангстеры. Через своего друга, доктора-терапевта Джона Бересфорда, он смог получить ЛСД от Sandoz для изучения его действия на разные формы бактерий. Для начала два друга решили попробовать его на себе и, судя по рассказу, здорово передозировались. Они были выведены из строя на многие недели, как две мухи, пойманные в сети внутреннего космоса, из которых не в состоянии были выбраться. Майкл пришел к нам в поисках помощи, и в результате у них с Тимом возникли долговременные и странные отношения. Тим называл его «божественным мошенником»⁴⁵.

Описания Майклом его психоделических опытов всегда казались мне абсолютным сумбуром. Я не мог понять, что он описывает. Его рассказы совершенно не соответствовали сложившимся у нас представлениям. То, что описывал Майкл, не имело никакого отношения к открытости, доверию, участию и уверенности, знакомым нам по нашим опытам. Майкл описывал устрашающие способности ЛСД создавать состояния смятения, страха, потрясения, обостряя при этом восприятие. Но когда мы усомнились в этом и стали спорить с ним, он упорно отстаивал свою позицию, делая это в такой бесхитростной, юмористической и дружелюбной манере, что вы не могли не симпатизировать ему.

При этом Майкл ежедневно принимал большую дозу ЛСД, до тех пор пока продукт не иссяк. Он смешал его с какой-то пастой, что-то вроде арахисового масла, и ел его ложками из банки. Он относился к нему как к чему-то вроде ежедневного витамина для мозга. Частенько находясь под кислотой, он мог смешать себе крепкий алкогольный коктейль и усесться с ним перед

⁴⁵ См.: High Priest, p. 233-261; а также автобиографическую книгу Майкла Холлингшеда «The Man Who Turned On the World» (New York. Abelard-Schuman, 1973)

телевизором. Тим предложил ему поселиться у него в доме и следить за детьми, с чем он прекрасно справлялся, что свидетельствовало о том, что его система работала вполне нормально.

Отношения Майкла с психоделиками были близки к поддохиппи-кислотников, типа Кена Кизи и его «Веселых проказников», путешествие которых описано в книге Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест» - ни духовного роста, никаких откровений-инсайтов, никакого обучения, а просто наркотизация и бесцельное путешествие до пределов возможного и дальше, полная обдолбанность и при этом сохранение контроля над ситуацией и продолжение игры.

Прием ЛСД делал неизбежным встречу с религиозными измерениями психоделического опыта. Вы попадали в пространства, в которых все ранее принятые системы верований и представлений зависали в неопределенности, и все, что называлось «я», растворялось в жемчужных потоках жидкого цвета или пульсирующих волнах экстаза или тихо превращалось в совершенные, симметрические кристаллические решетки или мерцающие сети, образованные траекториями летящих электронов. Когда вы возвращались обратно из этого пространства чистой бессодержательной энергии, мир образов и категорий, в котором мы жили нашей обычной жизнью, действительно казался «миром пластмассовой куклы».

Люди возвращались из этих путешествий ошеломленные опытом единения с Богом и всеми живыми существами, потрясенные до глубины души величием и мощью божественных жизненных энергий, протекающих внутри их собственного сознания.

Мы обратились за помощью к профессионалам от религии. Хьюстон Смит, профессор философии из MIT, друг Олдоса Хаксли и автор нашумевшей книги «Рели-

гии человека», был одним из первых, кто присоединился к нашему проекту. Он отметил, что наши опыты подтвердили то, о чем он писал на протяжении многих лет. К проекту также присоединились некоторые из его студентов. Уолтер Хьюстон Кларк, декан Теологической семинарии в Эндове-Ньютоне, добрый, изысканный пожилой джентльмен, сделался, к нашему вящему удовольствию, энергичным защитником возможностей психоделиков.

Мы провели серии сеансов со священниками, раввинами и студентами-теологами. Некоторые из этих сессий были гораздо более драматичны и агрессивны, чем те, которые мы проводили в тюрьме с самыми закоренелыми уголовниками. Некоторые из участников испытывали переживания адского пламени и Страшного суда; другие хотели немедленно заставить всех вокруг обратиться, покаяться и прийти ко Христу; некоторые сняли после этого опыта с себя священнический сан; другие глубоко утвердились в своем призвании.

Один только что получивший диплом теолог, с которым я проводил сеанс, огромный, рыжий, похожий на медведя парень на протяжении многих часов боролся с какими-то безымянными монстрами, но в конце концов обрел мир и покой. Тем не менее на следующий день он заявил, что никакой пользы это ему не принесло, что это не поможет ему писать его диссертацию, не поможет Америке побить русских и поэтому он больше не хочет повторять этот опыт. Эта оценка показалась мне весьма странной.

Потом приехал Уолтер Панке и начал свою знаменитую «Страстную пятницу», первый и до сегодняшнего дня единственный полностью контролируемый, чистый эксперимент по изучению мистического опыта. Уолтер был доктором медицины со Среднего Запада и рукоположенным священником. Он собирался защитить

диссертацию на степень доктора философии по истории религии в Гарварде. Его идея состояла в том, чтобы дать псилоцибин студентам-теологам во время церковной службы в часовне, в Страстную пятницу. Он понял теорию «set and setting» и хотел максимизировать все факторы для достижения религиозного опыта. Контрольная группа должна была получить плацебо в то же время, в том же месте, и ни один из участников эксперимента не должен был знать, кто получил наркотик, а кто пустышку.

Это даже для нас казалось безумной и экстравагантной идеей, и мы не думали, что из этого выйдет что-то путное. Но Уолтер был положительный, преуспевающий, чистый и аккуратный мужчина бойскаутского типа, с прекрасными рекомендациями и солидным положением в обществе. Дьякон Ховард Турман из Школы богословия Бостонского университета согласился предоставить свою часовню для службы. Уолтер Кларк договорился с Семинарией Эндоваера-Ньютона, что она предоставит добровольцев из числа своих проверенных и идеалистически настроенных студентов. Гарвардский университет должен был предоставить опытных руководителей из числа участников Псилоцибинового проекта, которые будут работать с двадцатью добровольцами, разбитыми на малые группы.

Хьюстон Смит из MIT будет осуществлять врачебный контроль. Уолтер Панке не хотел внимать нашим настоятельным рекомендациям сначала попробовать наркотик самому. Он считал, что если он не соблюдет свою психоделическую невинность до эксперимента, его смогут обвинить в предвзятости, а эксперимент не сможет считаться чистым.

Эксперимент оказался полностью успешным. Уолтер выбрал девять критериев из литературы, посвященной религиозному опыту, преимущественно из работ У. Т. Стэй-

са. В рамках этих критериев псилоцибиновые состояния и уровни сознания, которых достигли участники эксперимента, были практически неотличимы от классических мистических опытов. В то же время контрольная группа не испытала ничего экстраординарного.

Эксперимент стал широко известен в медицинских и религиозных кругах и широко освещался в прессе. Уолтер получил степень доктора философии⁴⁶.

Несмотря на успех этого эксперимента, политическое давление администрации Гарварда усиливалось. Профессор Макклелланд заявил, что студенты, которые участвуют в наркотическом проекте, будут исключены из числа соискателей степени доктора философии. Газеты способствовали раздуванию скандала заголовками типа: «Странные наркотические опыты в Гарварде», «Гарвард ест священные грибы», «Наркотическое безумие охватило кампус» и т. п.

Для того чтобы прекратить нарастающий скандал, мы решили полностью вынести наркотические исследования за пределы университета. Была основана некоммерческая корпорация под названием Международная федерация внутренней свободы (IFIF) со штаб-квартирой в Кембридже. В Совет директоров вошли Лири, Алперт, я, Уолтер Кларк, Хьюстон Смит, Алан Уотте, Пол Ли, Рольф фон Экартсберг, Гюнтер Вейль и Джордж Литвин. Цель - спонсировать и поддерживать исследования в области расширения сознания.

В наши планы входило поставлять информацию и наркотики (по-прежнему легальные в то время) небольшим группам, созданным для исследований расширенных состояний сознания по всей стране. Большая часть

⁴⁶ Walter Pahnke and William Richards, "Implications of LSD and Experimental Mysticism", *Journal of Religion and Health*, 5(3) 1966. См. также: Rock Doblin, "Pahnke's Good Friday Experiment: A Long-Term Follow-Up and Methodological Critique", *Journal of Transpersonal Psychology*, 23(1), 1991, p. 1-28.

участников этих групп были психологами, священника* ми, преподавателями и представителями других профессий. Мы предполагали действовать как исследовательский центр, собирающий и распространяющий информацию. Запросы уже исчислялись сотнями.

Но благодаря скандальной активности гонящихся за сенсациями журналистов, IFIF с самого начала столкнулся с трудностями. Сначала мы пытались арендовать офис в престижном медицинском здании на другом берегу Чарлз-ривер, в Бостоне. Мы уже почти перевезли туда мебель и коробки, но даже не успели их разобрать, как из-за давления, которое стали оказывать на владельцев медицинские работники, арендующие офисы в этом здании, те вдруг передумали и отказали нам в аренде. После этого мы сняли офис в Кембридже.

Другой серьезной проблемой стало снабжение наркотиками. Мы больше не могли получать псилоцибин бесплатно от фирмы Sandoz, как это было раньше на протяжении нескольких лет, через медицинскую администрацию Гарвардского университета. Мы решили сами связаться напрямую с Sandoz и с доктором Альбертом Хофманном лично.

Мы знали, что время подгоняет нас. Наркотики по-прежнему не были запрещены, но было очевидно, что запрет не за горами. Мы решили рискнуть и послали в Sandoz, в Базель, заказ на миллион доз ЛСД, по цене один цент за дозу. Заказ был отпечатан на официальном бланке Гарвардского университета и сопровождался чеком на десять тысяч долларов.

Но было уже слишком поздно. Фирма связалась с администрацией Гарварда и обнаружила, что та понятия не имеет об этом заказе. Кроме того, фонды, на которые мы рассчитывали, чтобы подтвердить чек, так и не материализовались.

Таким образом, наша попытка организовать легальную, открытую систему поставки наркотиков для исследовательских, непсихиатрических целей провалилась. Тогда мы стали искать другие пути получения психоделических наркотиков. Основных было два: первый - через психиатрические исследовательские центры при больницах, которые стали контролировать и проверять более строго. Второй путь вел в андеграунд: подпольные химики производили ЛСД и другие наркотики в подвалах, в очень небольших количествах, причем качество их варьировалось в пределах от очень хорошего до очень плохого и опасного.

Давление обстоятельств на нашу группу достигало критического уровня. Тим изменил расписание своих лекций в университете таким образом, чтобы освободиться от них на весенний семестр, и уехал в Мексику. Дик Алперт в статье, опубликованной в студенческой газете Harvard Crimson, был публично обвинен в том, что дал ЛСД студенту, не защитившему диплом, нарушив тем самым соглашение с администрацией. Тот факт, что психоделический опыт, приобретенный студентом, был самым значительным и полезным событием в его жизни, не принимался во внимание. Этот инцидент предоставил администрации ожидаемый повод, и Алперт был уволен. Предлогом для увольнения Лири стало его отсутствие, и приказ не заставил себя ждать. Это был первый случай увольнения преподавателей Гарварда за последние сто лет, и об этом писали все национальные газеты. Это вывело ЛСД на национальную сцену и сделало его символом страха и опасности. В течение десяти лет, вплоть до начала семидесятых, психоделики почти постоянно оставались темой газетных заголовков.

Макклелланд заявил, что опыты с наркотиками делают людей бесчувственными к окружающим. Участники

Гарвардского проекта никак не могли с ним согласиться. Мы, наоборот, очень бережно относились к эмоциональным реакциям других на нашу работу - трудно было не заметить этого. И мы чувствовали, что наша работа слишком важна, чтобы можно было прекратить или хотя бы замедлить ее из-за опасений тех, кто не только не хочет знать сам, что такое психоделический опыт, но и препятствует другим сделать это.

Сам я чувствую, что это была задача нашей группы, наше предназначение, так сказать, исследовать возможности этихинструментов сознания, которые внезапно были открыты заново, и распространить наш опыт в научных и академических кругах и в обществе в целом. Однако остается фактом, что представители профессий, связанных с оказанием помощи людям, - врачи, психологи, священники, - были не в состоянии принять эти методы и развить их в структуры, использующие их для блага человека. Наше технологическое общество было (и остается) слишком закостенелым в старых, идущих из девятнадцатого века рационально-материалистических парадигмах, для того чтобы быть способным относиться к этим экскурсиям в другие реальности без страха и нервной дрожи.

С социологической точки зрения, поучительно сравнить этот процесс с тем, как реагировали культуры коренных американцев на пейот, когда он стал им известен в конце девятнадцатого века. Многие племена по всему Американскому континенту адаптировали психоделический кактус и создали социальные и легально освященные религиозные институты для его употребления⁴⁷.

По контрасту с этим в нашей культуре неспособность профессионалов дать адекватный ответ на зап-

⁴⁷ Ralf Metzner, "Molecular Mysticism- The Role of Psychoactive Substances in Shamanic Transformations of Consciousness", *Shaman's Drum* 12, весна 1988. Опубликовано также в сборнике С Raetsch (ed.), *The Gateway to Inner Space* (Avery Publishing, 1989)

росы века открыла двери для бесконтрольной деятельности подпольных лабораторий и воротил черного рынка, продукты которых химически небезопасны, а само использование - бездуховно. Конечно, были и исключения - честные и гуманные терапевты и исследователи, - но последняя психоделическая терапевтическая программа в Соединенных Штатах, в больнице Спринг Гроув в Балтиморе, закрылась в середине семидесятых.

В результате гарвардских увольнений и невероятно яростной оппозиции и обвинений со стороны как академических, так и медицинских кругов, наша группа решила перевести всю работу обратно в Сихуатанехо. К тому времени мы многому научились и теперь знали, как организовывать set and setting психоделического сеанса таким образом, чтобы максимизировать возможность благотворного, обучающего и способствующего духовному росту опыта. Мы решили открыть в Сихуатанехо психоделический тренировочный центр, где люди могли бы обучаться правильному использованию этих веществ, учиться тому, что мы уже знаем сами, и потом, вернувшись в свои сообщества, использовать их в своих профессиональных, терапевтических и творческих занятиях. Наша версия «Тибетской книги мертвых» в качестве руководства для сессии может быть использована как концептуальный путеводитель. Трудно представить более совершенный учебник для этих занятий.

Мы снова арендовали отель «Каталина» и послали наши брошюры по адресам, имевшимся в почтовом списке IFIF. Ответ был ошеломляющим, поскольку и предложение было уникальным. За 200 долларов желающие могли провести месяц в одном из самых идиллических тропических мест планеты, обучаясь расширять свое сознание при помощи новых мощных средств, в дружеской и ободряющей обстановке Заявки

приходили сотнями и рассматривались и оформлялись Диком Алпертом и его помощниками, которые оставались пока в кембриджском офисе. Они занимались выпуском первого номера *Psyhedelic Review*, который представлял наше научное кредо.

В Сихуатанехо мы превратили одну из хижин в сейшен-рум, украсили ее индийскими тканями, положили на пол цветные подушки, расставили подсвечники со свечами и благовониями. Частенько, однако, значительная часть трипа проходила на пляже или в воде. Отличным способом провести новичка через трудную часть трипа оказались морские купания. Просто лежать на мелководье, позволяя волнам омыwać твоё тело, покачивая и поворачивая тебя на песке, отдавшись во власть вечного союза океана, воздуха и солнца, оказалось отличным способом прогонять прочь страхи, подозрения, расстройства и прочих негативный эмоциональный багаж.

Как правило, в сеансе принимали участие три или четыре человека. Например, группа могла состоять из психолога, актрисы телевидения, бизнесмена и опытного гида. Часто в роли гида выступали моя жена Сюзан или я. У нас было очень плотное расписание; сеансы начинались каждое утро и каждый вечер. Минимум от трех до четырех дней должно было пройти между сеансами для всех участников, для того чтобы снизить эффект толерантности. Таким образом, как только закончился сеанс у одной группы, тут же начинался следующий. Иногда мы со Сюзан работали несколько дней и ночей подряд, без перерыва. Мы научились спать «на крыле», как говорится.

Атмосфера была экстраординарной. Доктор Джозеф («Джек») Даунинг, преуспевающий психиатр из Сан-Франциско, ранее экспериментировавший с психоделиками, приехал в качестве наблюдателя. В главе,

которую он позже включил в книгу «Утопиаты», он описывает наш проект и рассказывает о весьма необычном случае: в один прекрасный день в Сихуатанехо приехала молодая женщина, находившаяся в состоянии острого психоза. Она получила очень теплый прием и поддержку, благодаря которым ее приступы ужаса и паранойя значительно сократились без помощи психиатра⁴⁸.

Иногда в роли гида выступал Тим, но большую часть времени он проводил в Мехико-сити политическую и дипломатическую работу, необходимую для того, чтобы проект мог беспрепятственно продолжаться. Он привез бумагу о нашей работе на встречу с мексиканскими психиатрами. Реакция была холодно-враждебной, и вскоре была инициирована компания по прекращению нашей работы. Фальсификации и передергивание фактов журналистами добавляли масла в огонь. Например, прямо перед нашим приездом в округе был убит топором человек, и сверххрабный шеф полиции незамедлительно связал его с *gringos*⁴⁹ и их наркотическими забавами. Распространялась и клевета, авторами которой были некоторые лица, заявки которых на приезд были нами отклонены, - но анонимные обвинения, однажды появившиеся в газетах, потом очень трудно опровергнуть. Кроме того наш проект, вопреки нашему желанию, привлек немалое число американских курильщиков марихуаны, которые расположились лагерем недалеко от нас, породив еще одну волну подозрений и дурных слухов.

Учитывая существование местной традиции употребления расширяющих сознание растений и грибов,

⁴⁸ Joseph J. Downing, "Zihuatanejo: An Experiment in Transpersonative Living" в книге Richard Blum (ed.) et al., *Utopiates: The Use and Users of LSD-25* (New York: Atherton Press, 1964).

⁴⁹ Американцы (исп.). «Гринго» в странах Латинской Америки - уничижительный термин для обозначения американцев.

мы полагали, что Мексика в этом смысле будет более либеральной, чем Соединенные Штаты. Эти предположения были, конечно, весьма наивны. Кроме того, оказываясь, мы совершили ошибку, не поставив в известность мексиканские медицинские власти и не обратившись к ним за одобрением. (Мы не считали психоделический опыт медицинской процедурой, требующей контроля с их стороны.) Мы породили в местном медицинском сообществе страхи конкуренции со стороны иностранцев, несмотря на то, что весь наш проект был до смешного дешев и абсолютно бездоходен. Как бы то ни было, в течение примерно шести недель мы работали согласно плану, который подразумевал от тридцати до сорока участников - первой волны из нескольких сот человек, с которыми мы заключили соглашения. Почти все из них были потрясающе позитивны в оценках эксперимента. Результаты превзошли наши самые смелые ожидания.

Одной из творческих идей Тима было построить на берегу платформу высотой в десять футов, выходящую на море башню стражи. На ней все время будет находиться один человек в процессе психоделического путешествия. Это будет что-то вроде постоянного маяка внутреннего космоса, сигнального огня, символизирующего высшее состояние сознания; любой мог настроиться на волну этого «высокого свидетеля», для того чтобы восстановить свет внутри себя, если его одолевает земная рутина или если он потерялся в адских бардах. Каждое утро и каждый вечер кто-то следующий заступает на этот пост и происходит церемония смены караула, и новый человек становится небесным стражем, космическим наблюдателем дня и ночи.

Я провел незабываемую ночь на башне, наблюдая, как восходит и путешествует по небосклону луна, как ее серебряное сияние отражается в шелестящих волнах. Я наблюдал, как она садится за горы, заливая море

оранжево-розовым светом. Купаясь ночью в море, можно было видеть свою руку под водой и наблюдать, как струны, образуемые фосфоресцирующими жемчужными частицами, каскадами следуют за каждым из пальцев. Длющиеся часами бесшумные электрические грозы рассекали небо на желтые, бирюзовые и фиолетовые слои.

В течение дня вы могли сидеть на пляже и по полемому телефону заказывать напитки в баре, которые вскоре прибывали на подносе по канатной дороге. Погружая пальцы ног в песок и открывая поры солнцу, вы могли отбросить фальшивые маски цивилизации, пробуждая миллионы спящих клеток вечных циклов солнца, моря и земли. Опыт этих дней и ночей врезался в память с исключительной ясностью и точностью.

Я думаю, что в Мексике мы нарушили территориальные инстинкты. Возможно, мексиканцы чувствовали, что мы приехали сюда заниматься тем, что у нас дома считается безумным - и в какой-то мере они были правы. Политические и медицинские власти в Соединенных Штатах изрекали проклятья на наши головы и делали все, чтобы как можно скорее сделать наши занятия противозаконными. Это было, как будто ваш сосед зашел к вам во двор, чтобы постоять на голове. Даже если он не причинил при этом никакого вреда, вы все равно будете удивляться, почему он не делает того же самого на своем дворе, и, естественно, будете испытывать недоверие.

Из Мехико приехали два журналиста с целью написать о нас. Они интересовались нашим проектом и были очень дружелюбны. Они выпивали с нами, рассказывали разные истории и анекдоты. Один из них даже предпринял ЛСД-трип. Проведя с нами несколько дней, они в конце вдруг сообщили нам, что на самом деле они

федеральные агенты и имеют предписание для нас покинуть страну в течение пяти дней. Формальным основанием было то, что мы занимаемся бизнесом, находясь в стране по туристическим визам. Тим пытался дергать за какие-то рычаги, много раз звонил по разным телефонам в Мехико, но все было бесполезно. Пока мы растворялись в раю, наш гусь спекся.

Мирная атмосфера нашего маленького рая была нарушена. Люди начали разъезжаться, в симпатию вкрался элемент разочарования. Некоторые из гостей только что приехали и еще не участвовали ни в одном сеансе. Они упрасивали нас организовать им хотя бы один. Это было ошибкой с нашей стороны, но мы согласились. Хотелось как-то скрасить их разочарование. Но, поскольку вся гармония была разрушена, большинство из этих трипов стали неудачными, а некоторые очень неудачными.

У одного из этих людей возникла религиозная мания, и он принялся во весь голос орать «Отче наш». Голос его разносился над всем заливом Сихуатанехо. Потом он упал на какую-то ступень каменной лестницы и повредил челюсть. Он ударил Тима, сделав ему на ребрах большой синяк. Потребовались усилия четырех человек, чтобы удержать его, пока Джек Даунинг делал ему укол антипсихотического средства (которыми мы обычно никогда не пользовались).

Другой, чьим гидом пришлось с неохотой быть мне, решил в одних трусах и босиком идти пешком в Бостон и направился в сторону деревни. Пока все паковали вещи, мы должны были думать, кого послать, чтобы остановить и вернуть его из его долгого похода домой. Он отказывался воспринимать какие бы то ни было разумные доводы. Когда мы привезли его ночью в аэропорт Мехико, он продолжал вырываться из рук усталых членов команды. Потом он вырвался и, прибежав в кас-

су аэропорта, попросил продать ему билет в бесконецность. Кассир вежливо попросил его прийти завтра утром. В конце концов, разными хитрыми уловками мы усадили его в такси и привезли в гостиницу. Но на этом наши неприятности не закончились. Все уже падали с ног от усталости, когда он вдруг опять вырвался и с маниакальной энергией принялся бегать взад-вперед по улицам, пытаясь поймать такси до Бостона. Мы снова поймали его и привезли в Американский госпиталь, где после еще одной маниакальной выходки он вдруг, к моему удивлению, внял приказанию медсестры, разделся и смиренно лег в постель.

Это было первый раз, когда я понял кое-что, с чем столкнулся лично и потом наблюдал несколько раз: при определенных условиях, когда все внутренние структуры, создающие наше видение реальности, подорваны, человек предпочитает принимать за реальность любую внешнюю структуру, нежели не иметь вообще никакой. Позже мы узнали, что этот человек провел в больнице две недели. Он прислал нам письмо, в котором писал, что, несмотря на всю болезненность этого опыта, он помог ему понять какие-то важные вещи. Одной из причин его исключительной паранойи, как мы узнали, было то, что он приехал в Сихуатанехо вопреки воле своего начальства. Он был участником какого-то секретного государственного проекта и боялся, что может под действием наркотика выдать засекреченную информацию. Этот страх достиг астрономических размеров, когда явились те два федеральных агента.

Мы перегруппировали наши рассеянные и разбитые силы в доме одного друга в Мехико-сити. Приехал Тим, забинтованный и прихрамывающий после схватки с религиозным фанатиком. Из Бостона прилетели Дик Алперт и Пегги Хичкок. Мы долго обсуждали последние

события, решая, что нам делать дальше. У нас были заключены соглашения с несколькими сотнями человек, которые уже внесли авансы. Мы хотели как-то спасти наш проект, памятуя о тех положительных результатах, которые мы получали, пока программа не потерпела окончательное фиаско. В конце концов, мы решили, что немедленно должны передислоцироваться куда-нибудь.

Большая часть участников проекта вернулась в Массачусетс, в наш дом в Ньютон-Сентер. Разведывательная группа, состоящая из Гюнтера Вейля, Дэвида Левина и Фрэнка Фергюсона, была послана на Карибы. Мы получили приглашение от американца, который жил на острове Доминика, в Британской Вест-Индии. Первые данные разведки звучали оптимистично, и Тим отправился туда сам. Очень скоро он прислал полную энтузиазма телеграмму. Он был в полном восторге от места. Мы засобирались в дорогу. Через несколько дней пришла еще одна телеграмма - что-то случилось, группа покидала Доминику. Но они собирались на соседний остров Антигуа, который был гораздо лучше. Мы должны были ехать туда. И привезти с собой семена «утренней славы», которые должны были стать заменителем ЛСД.

Я был последним из группы, кто приехал на Антигуа, где собралась разношерстная команда из пятнадцати человек. В ее числе был теперь Гарри Фишер, психолог из Лос-Анджелеса, который до того занимался экспериментами с ЛСД, пытаясь использовать его для лечения детей, больных аутизмом. С ним были жена и дети. Было еще несколько пар с детьми и Тип* со своими детьми. Атмосфера была семейной и сопровождалась шутками о пиратских приключениях. Однако при этом присутствовала и значительная напряженность в отношениях между Лири, Алпертом и

мною, отчасти вызванная усталостью от наших постоянных странствий, что-то вроде легкой формы мании преследования.

Мы сняли пустовавший отель на берегу, со зловещим названием «Ведро крови». Конечно, это была чья-то шутка на мотивы пиратской романтики, но место излучало какие-то вибрации. Некоторые из сеансов, которые мы провели там, прошли под знаком «бомжей», некоторые были «ужасиками». Так или иначе, но нам удалось выработать стратегию продолжения психоделического проекта. Мы заново переписали «Тибетскую книгу мертвых». Мы познакомились со всеми шестью врачами острова, пытаясь заручиться их поддержкой нашего эксперимента, и в общем-то получили выглядывший теплым прием. Кроме того, когда мы говорили с английским губернатором острова, он показал нам журнал *Time*, содержащий историю нашего мексиканского фиаско. Он не хотел, чтобы нечто подобное ассоциировалось с британским протекторатом, нет, сэр! Прочитав статью в *Time*, мы вполне могли его понять.

К сожалению, события в «Ведре крови» приняли дурной оборот. Чарлз, один из самых одаренных и компетентных членов нашей группы, ветеран многих психоделических путешествий, у которого раньше вообще не было никакого негативного опыта в каком бы то ни было состоянии сознания, во время сеанса попал в такой цейтнот, что это стало последним приемом психоделиков в его жизни. Все были шокированы, наблюдая не кого-нибудь, а именно Чарлза в таком кошмаре. В течение нескольких дней мы не могли понять, что же с ним произошло. Он часами сидел с мрачным видом, почти ничего не говоря и никому не доверяя, кроме своей девушки. Позже, собрав картину по кусочкам, мы поняли, что в своем безумии он решил, что главный противник нашего проекта на Антигуа - это один чернокожий врач-

психиатр, специалист по лоботомии и человек очень консервативных взглядов. Чарлз хотел пожертвовать собой и предложить ему свою кандидатуру для лоботомии в обмен на его разрешение нам остаться на острове, чтобы продолжить работу по проекту. В один прекрасный день он действительно отправился в сторону столицы острова с целью принести свою безумную жертву. Его девушка постоянно находилась рядом с ним на протяжении нескольких недель, стараясь помочь ему прийти в себя. Однако после этого он больше никогда не общался ни с кем из нас на протяжении всех последующих лет. Позже я узнал, что он вернулся в лоно католической церкви - являя очередной пример необходимости для человека ухватиться за любую доступную стабильную структуру, чтобы спастись от максимальной дезинтеграции. Насколько мне известно, он больше никогда и близко не подходил к психоделикам.

Эти события положили конец нашему пребыванию в злосчастном «Ведре крови» на Антигуа и вообще на Карибских островах. Какое-то время мы с Гарри Фишером обсуждали возможность переезда на контролируемый французами остров Гваделупа, но через неделю у нас кончились деньги. Все вернулись в Штаты. Разумеется, нам тогда казалось, что злая судьба навсегда закрыла наш психоделический тренировочный центр. Умножавшиеся политические санкции и законодательные запреты теперь сделали легальные эксперименты с психоделиками невозможными.

Лири, Алперт, я и еще несколько человек переехали в большое поместье в Миллбруке, Нью-Йорк, принадлежавшее братьям Хичкок, где мы организовали исследовательский и учебный центр по расширению сознания без применения наркотиков. Миллбрукский центр, получивший название фонд Касталия, стал чем-

то вроде неофициальной национальной штаб-квартиры психоделического проекта. Он также был центром магии и творчества, и потрясающие истории, случавшиеся там, рассказаны еще далеко не все⁵⁰. Другие члены нашей группы авантюристов рассеялись по стране и занялись своими карьерами и построением нормальной семейной жизни. Необходимость растить и воспитывать детей и выплачивать ссуды, взятые на приобретение жилья, сделали нас всех прагматичными людьми.

Многие бывшие психоделические путешественники, включая меня, продолжили занятия практической медитацией, йогой и психотерапевтическими способами расширения сознания в 1970-х - 1980-х годах и получили инициации в индуистских, буддистских, даосистских, христианских или шаманических традициях. Некоторые прекратили использование ботанических и химических усилителей, оставшись благодарными им за полученный опыт. Другие продолжили свои странствия во множественные измерения сознания, впитывая уроки от растительных учителей, животных-гидов, духов предков, старейшин и гуру, вещей художников, трикстеров и природных божеств. Я включился в десятилетний интенсивный период погружения в западную эзотерическую традицию йоги света и огня (актуализм) и впоследствии увлекся изучением и практикой шаманизма. Что касается Тимоти Лири, то для сотен тысяч его друзей и последователей, он остается одним из выдающихся гениев-визионеров двадцатого века. Для меня он был совершенным примером одного из тех людей, которые в последней из «Психоделических

⁵⁰ Некоторые истории о Миллбруке можно найти в книгах Лири: *What Does Woman?* (Los Angeles: 88 Press, 1977); *Neurophotics* (Los Angeles: Peace Press, 1977) и *Flashbacks* (Los Angeles: J. P. Tarcher, 1983). См. также экстравагантные воспоминания Арта Кленса: *Millbrook* (San Francisco: Bench Press, 1977).

молитв» упомянуты как близкие к Дао - «улыбающиеся люди с дурной репутацией»⁵¹.

**ЭСАЛЕНСКИЙ ИНСТИТУТ,
СВЯЩЕННЫЕ ГРИБЫ И ИГРА В ГОЛЬФ
Интервью с Майклом Мёрфи,
взятое Робертом Форте**

Р. Ф.: Я начну с рассказа о том, что побудило меня составить эту книгу воспоминаний о Тиме. На конференции, посвященной ЛСД, которая проходила в Швейцарии под эгидой Швейцарской академии медицины и компании Sandoz, каждый раз, когда упоминалось имя Тимоти Лири, или дух шестидесятых, или гуманистическая психология, или трансперсональная психология, как правило, и то, и другое, и третье весьма неуважительно определялось как явления вненаучные, как радикальный калифорнийский эзотеризм.

М. М.: Ну, это швейцарский взгляд.

Р. Ф.: Вот для борьбы с такими взглядами я и задумал эту книгу.

М. М.: Это звучит как объявление войны.

Р. Ф.: Есть немного.

М. М.: Я думаю, это не обязательно. Тим Лири, конечно, иконоборец, бунтарь, но не стоит из-за него начинать войну.

Майкл Мёрфи в 1962 году вместе с Ричардом Прайсом основал Эсаленский институт. Он - автор книг «Гольф в королевстве», «Королевство доспехов Шив», «Будущее тела» и (в соавторстве с Джорджем Леонардом) «Жизнь, которая нам дана».

⁵¹ Ralph Metzner, Introduction to *Psychedelic Prayers*, p. 20.

Р. Ф.: Объясни, что ты имеешь в виду?

М. М.: Знаешь, можно быть визионером и без того, чтобы быть революционером, хотя часто бывало и то и другое. Но, как бы то ни было, конечно, тебе определять тон этой книги.

Р. Ф.: Да, пожалуй, мне. Хотя я чувствую, что скорее он определен оппонентами Тима.

М. М.: Да, но для сборника воспоминаний тебе необязательно выбирать именно этот тон. Так что все-таки это ты выбираешь его.

Р. Ф.: Да.

М. М.: Ладно, это твое дело. Я не спорю, я просто обратил на это внимание.

Р. Ф.: Да, это мой взгляд. Эти люди обвиняют Тима в том, что он своими действиями отбросил исследовательскую работу на двадцать лет назад. Но при этом масса народу думает, что он, наоборот, продвинул эту область на двадцать лет вперед.

М. М.: Да, например, как насчет «Битлз»? И многих других великих музыкантов нашей эры? Как насчет Grateful Dead? Как насчет, между прочим, Аллена Гинзберга и компании? А Стэн Гроф? Другими словами, Тим не одинок.

Р. Ф.: Да, далеко не одинок.

М. М.: Да, мощные силы участвовали в пробуждении сознания. Многие из них продвинулись очень далеко. Но культура ассимилировала их достижения, впитала их, и мы с надеждой продолжаем этот путь вверх по спирали. Так что вперед, и с песней!

Р. Ф.: Что ты можешь сказать об ирландском духе - Тима и твоём, - который вызвал к жизни весь этот взрыв тридцать пять лет назад?

М. М.: Мы оба участвовали в обретении нового взгляда на жизнь, нового взгляда на человеческие возможности и, подобно всем таким движениям, нового

взгляда на обновление, мы были вынуждены вступить в противоречие с данной культурой, нарушить баланс социального порядка, пройти через период Sturm und Drang⁵². Когда ты несешь знание о новых возможностях, когда ты несешь энергию, призванную изменить уклад человеческой жизни и, следовательно, радикально изменить способ восприятия людьми действительности, их чувства и их тела, тут волей-неволей приходится спешить, ведь события сами подгоняют тебя. Ирландцы занимаются этим уже около 1500 лет. Это, наверное, уже вошло в их генетику. Полагаю, что да. Англичане до сих пор не могут понять, что, когда ирландцы сохраняют невозмутимый вид, они шутят, а когда они улыбаются, они абсолютно искренни. Они до сих пор этого не поняли.

Р. Ф.: Где-то я слышал, что изначально Эсален задумывался как центр психоделической инициации.

М. М.: Нет, это неправда. Я застал самый ранний этап. Ты знаешь, Роберт, я никогда не считал наркотики своими союзниками. У меня было восемь трипов в период между 62-м и 66-м, и моими попутчиками в них были самые лучшие ребята. Но в мой первый трип с пейотом я был один. Это было волшебно. Потом Олдос Хаксли дал мне немного ЛСД от Sandoz, и Лора, его жена, стала моим гидом в Мексике. Это были два первых трипа, в 62-м, как раз когда мы начинали нашу эсаленовскую программу. Потом в Эсален приехали Тим с Диком Алпертом и устроили мне еще один трип - это был 1964-й. Это в основном было с легкой руки Дика, хотя Тим тоже там был в ту ночь и еще Дик Прайс и я. Это было замечательно. Потом был еще один дивный трип, вместе с Майроном Столароффом и Уиллисом Харманом, в их Институте передовых исследований.

⁵² Буря и натиск (нем.) - лозунг немецких романтиков.

И это было чудесно. Так что у меня были замечательные попутчики и гиды, но на самом деле все-таки каждый новый трип становился все более тяжелым испытанием для меня, был все более болезненным. Это было словно послание для меня, которое гласило - «это не для тебя». Так что мой последний трип был в 66-м, вот и получаются в общей сложности восемь путешествий, с 62-го по 66-й.

Р. Ф.: Так что ты последовал совету Алана Уоттса: «Если ты получил послание, повесь трубку». Это поднимает вопрос, действуют ли психоделики как средство для обретения пути внутрь себя всегда или все-таки они работают лучше в контексте инициации? Даже Джерри Гарсия сказал, что его самое интенсивное и волшебное время с психоделиками длилось не больше одного года.

Можешь ли ты рассказать что-нибудь о влиянии психоделиков на Эсален? Как ты думаешь, были они более или менее последовательны, чем горячие источники, горы или океан?

М. М.: Ну я, признаться, не думаю, что психоделики оказали большое влияние на Эсален. Институт возник в 1962-м. В ходе его развития в 62-м, 63-м, 64-м психоделики никакого участия не принимали. Были какие-то разговоры о них, были эпизодические трипы, как тот, с Лорой Хаксли, о котором я упоминал, но тогда я чувствовал, что просто вынужден поехать в Мексику, чтобы сделать это. Понимаешь, о чем я? Психоделики стали приобретать известность начиная с 65-го, и в 67-м, в «Лето любви», наши каньоны были полны народу, это был взрыв, и на какое-то время мы просто перестали контролировать это место. Да, пожалуй, с 66-го по 70-й было самое анархическое, бесконтрольное время. Это просто чудо, что Эсален уцелел после этого.

Р. Ф.: Да, там гуляли бесконтрольные энергии и иногда весьма опасные. Нельзя сказать, что это всегда был позитивный вариант дионисийского безумия.

М. М.: Да, ведь Чарльз Мэнсон сформировал свой культ совсем рядом, в каньоне Лайм Килн. Там же он и рекрутировал своих последователей. Ангелы Ада⁵³ тоже поблизости околачивались. У нас было серьезное столкновение с ними. Они появились внезапно с очень угрожающим видом, а поблизости и не пахло никакой полицией. Их было человек тридцать, один из их эскадронов, в черной коже, все обдолбанные. Они хотели захватить-все место под свой контроль. Были и другие неприятности. Было по меньшей мере три самоубийства на почве наркотиков среди людей, имевших некоторое отношение к Эсалену. Всякое случалось и в Эсалене и вокруг него в те времена. Институт выжил, потому что мы тогда достаточно много и дружно работали все вместе. Нам всем было слегка за тридцать, все неженаты, без детей, полны энергии. Это было чудное время. Семинары всегда были полны народу, люди были очень заинтересованы. Все это было захватывающе. Но в то же самое время, как ты знаешь, многие из экспериментов того времени провалились. Большинство из коммун распалось ко второй половине семидесятых. В результате я сделал вывод, что для подобных исследований требуется не несколько лет, а вся жизнь.

В процессе нашей работы мы находились под патронажем некоторых организаций, например Управления по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными препаратами (FDA) и других. Я дважды встречался с главой отделения FDA по Северной Калифорнии, чтобы прояснить, что происходит и в чем заключаются наши обязанности. Согласно Биллю о правах, если вы содержатель гостиницы, то вы не имеете права

⁵³ Ангелы Ада - в описываемый период одно из крупных преступных объединений мотоциклистов (байкеров). Основной род занятий - торговля и транспортировка наркотиков, охрана рок-концертов, рэкет. Позже распались на соперничающие группировки.

обыскивать комнаты своих постояльцев. Так что мы были вынуждены, при участии наших адвокатов, объяснять, что мы не обязаны применять методы гестапо по отношению к нашим семинаристам. Но главной причиной, что мы все-таки избежали этого - несмотря на то, что употребление наркотиков все-таки было широко распространено в то время, - было то, что мы запретили любую торговлю наркотиками или их употребление на наших семинарах. Мы сказали, что если поймаем кого-нибудь в процессе употребления наркотиков, они будут немедленно изгнаны. И мы действительно выгоняли некоторых. Ты знаешь, что там все-таки присутствовал некий криминал - я имею в виду, что там имела место торговля наркотиками. Имевшие к ней отношение были изгнаны без права возвращения. Мы специально предавали эти факты огласке, что вполне гармонировало с моим собственным негативным отношением к психоделикам как к средству расширения сознания. Я занимался медитацией с 1950 года, я был в Индии, и это было и остается моим выбором - путь без наркотиков.

Мы никогда не рассматривали наш институт как центр изучения психоделиков. Хотя у нас и были семинары о психоделиках. И конечно, люди говорили о наркотиках на этих семинарах, это вне всяких сомнений. Но мы продолжали настаивать на запрете любой торговли ими. Достаточно было заглянуть кому-нибудь в глаза и сказать, что этот человек под кайфом, но мы не могли заставить его сдать анализ крови и потом, воспользовавшись его результатами, выгнать его.

В то же самое время Дик Прайс пользовался психоделиками, совершая свои личные трипы, но при этом он был солидарен со мной в политике предохранения Эсалена от публичного употребления наркотиков. Другими словами, мы должны были сохранять лояльность к закону. Дик был полностью согласен со мной. Хотя в

отличие от меня сам он пользовался психоделиками, считая их полезными для себя.

Р. Ф.: Я был очень удивлен, когда ты с радостью согласился участвовать в нашей книге о Лири, зная, что твое отношение к психоделикам вполне консервативно. Я имею в виду, что когда в июле я рассказал тебе об этой идее, ты воспринял ее с большим энтузиазмом.

М. М.: Я всегда относился к Тиму с любовью и восхищался им. И дело тут не в психоделиках, а в нем самом. И я не вижу в этом никакого противоречия. Я имею в виду, что то, что мы узнали в Эсалене, заставляет меня думать, что психоделики сами по себе не обеспечивают пути в те измерения человеческой природы, с которыми я действительно хотел бы работать, в чем я вижу задачу своей жизни.

Но я должен сказать также, что при помощи психоделиков люди действительно получали доступ к этим областям сознания. Я просто говорю о том, как это все было в Биг-Суре и о моем собственном прошлом, но я не говорю ничего о внутренней ценности психоделиков - были они или нет действительно полезны для всех, кто ими пользовался.

Тим - это настоящий пионер и герой. Вот и все.

В принципе я за полную свободу исследований и всегда симпатизировал Тиму. Мне нравится его визионерский дух, и его великолепный ирландский шарм, и идеи, за которые он боролся. То же самое можно сказать и про Фрица Перлса. Я имею в виду, что мне не нравится многое из того, чем занимался Фриц Перле, но я уважаю его и верю в его гений и в качестве клинициста и теоретика, хотя он мог частенько бывать суицидным сыном.

Р. Ф.: Считаешь ли ты, что психоделики были главной причиной импорта восточных медитативных систем и философий в начале 60-х?

М. М.: Нет, я не согласен с этим. Я заинтересовался всем этим в Стэнфорде, в 1950-м, когда слушал лекции Фредерика Шпигельберга. Я наблюдал этот подземный огонь в Стэнфорде в течение всех пятидесятих, и наркотики были тут совершенно ни при чем. Просто назрело время для нашей культуры выйти за пределы тех очень тесных рамок, в которые мы все были зажаты в наших церквях и синагогах. Мы были готовы к этому. Я имею в виду, что сотни и тысячи американцев были готовы к прорыву. Я помню лекции Шпигельберга, Бог мой, он мог заполнить любую аудиторию, рассказывая о Ведах, Упанишадах, великих буддистских манускриптах, Рамане Махариши и Шри Ауробиндо. Нельзя приписать это психоделикам. Психоделики, конечно, тоже способствовали пробуждению интереса к этим темам, но отнюдь не были первопричиной.

Р. Ф.: Скорее совпадение, чем причина?

М. М.: Ну можно сказать, что это было одной из причин. Я думаю, что можно назвать по меньшей мере шесть причин, приведших к тому, что случилось в шестидесятых, и психоделики будут только одной из них.

Р. Ф.: О'кей, ты назвал две: удушающие условия пятидесятих и психоделики. Какие еще?

М. М.: Появление на сцене восточных философий и практик, шаманизма, эзотерического иудаизма, христианства и ислама. Все они начали вливаться в общество, неоплатонизм и все остальное. Потом потрясающий прорыв экзистенциальных терапий, гуманистической и трансперсональной психологии... Маслоу, Роджерс... это должно было прорваться. Вспомни пятидесятые, с их психоанализом и бихевиоризмом. Были границы, которые требовали прорыва, и эти тенденции стали очень популярными. Потом весь этот набор соматических практик, начиная с Ролфинга и Фельденкрейса до Шарлотты Сельвер; они тоже толь-

ко возникли на сцене. И все это происходило одновременно. Одновременно сильное разочарование правительством в результате неудачной вьетнамской войны. Потом этот музыкальный взрыв. Сколько музыки вдруг появилось. «Битлз» создали столько новой музыки. Это был второй великий музыкальный взрыв после изобретения джаза. Можно еще продолжать. Было, может быть, восемь или девять главных событий. Но это, несомненно, не было следствием психоделиков. Они просто стали частью процесса. Пришло время, когда культура должна была стать открытой. И все факторы работали на это.

Р. Ф.: Уоссон был первым, кто предположил, что религия могла возникнуть в результате употребления первобытным человечеством психоделических грибов. Теренс Маккена продолжил эту тему, предположив, что психоделики были недостающим звеном эволюции, дав толчок росту мозга человека, развитию культуры, религии и т. д. Считаешь ли ты, что в шестидесятые было повторение этого сценария?

М. М.: Прежде всего, я вообще не верю в эти теории. Они словно не хотят принимать в расчет все прочие факторы. К примеру, Роберт, на протяжении двадцати пяти лет я получал информацию о мистических опытах с *курсов гольфа*. Это было, когда я писал книгу «Гольф в королевстве». Я называю гольф мистической школой для республиканцев. Если можно получить подобный опыт, играя в гольф, то что можно сказать о многих других занятиях человека... Все эти инициации в великих пещерах Ласка и прочих, их связь с охотой и шаманскими ритуалами, Бог мой, купание в холодном море, покорение горных вершин, да мало ли что еще. Нет, я просто не верю во все эти теории.

Р. Ф.: Столкновение с рождением и смертью, сексом и прочими силами.

М. М.: Все это, вместе взятое, способствует в наши дни невероятным открытиям тайн бытия и его изумительных сил и возможностей. Есть редукционистская теория. Но есть и высший редукционизм, и я бы сказал, что Уоссон и Маккена - это представители высшего редукционизма. Но я в него не верю. Психоделики, несомненно, играют свою роль. И иногда ритуализированную роль. Но *только* они? Увольте меня.

Я бы сказал, что способность к саморазвитию заложена в природе нашей вселенной. Мы все в процессе развития. Мы развиваемся до новых уровней сложности и сознания. Это продолжается в нашей вселенной уже пятнадцать миллиардов лет или даже больше. С тех пор как появилась первая жизнь на земле - прошло три-четыре миллиарда лет. В человеческой расе это развивалось с самого начала. Все это один механизм. Открытия нашего века - очередной этап важнейшего процесса продвижения вселенной ко все новым и новым уровням функционирования, более сложным порядкам, экстазам - возвращение скрытой до поры божественности бытия. Сказать, что все зависит от наркотиков по меньшей мере смешно. Прости, что я так разгорячился из-за этого.

Р. Ф.: Твоя книга «Будущее тела» - это наиболее полное собрание доказанных научно мистических или метанормальных опытов. Чарли Тарт назвал ее «самой значительной из всех, когда либо написанных работ о взаимоотношениях между душой и телом». Я не прочел все 785 страниц этой книги, но, по-моему, в ней нет ни одного упоминания о психоделическом опыте. Это удивительно.

М. М.: Да, это так. Я никогда не занимался этим вопросом. Но, может быть, в следующем издании я включу его в книгу. Конечно, в настоящем виде она является плодом моих предпочтений. Я давал ее на про-

смотр разным критикам, каждую главу в отдельности и потом всю книгу целиком. У нас было две конференции по этой книге перед ее публикацией. Я хотел, чтобы она была максимально цельной и при этом выдержанной.

Р. Ф.: И на этих конференциях ни разу не всплыл вопрос об остракизме, которому ты подверг психоделики? Ты просто так немилосердно выкинул их из сферы своих интересов и все?

М. М.: Нет, он возник, но уже ближе к концу. У нас было мало времени, и я не очень был заинтересован в этом. В книге, например, нет также ни слова о тантрическом сексе, и эту тему я, возможно, включу в следующее издание. Психоделики я определенно могу включить. Частично это мои предубеждения, я не могу с этим не согласиться. Но это не является принципиальным политическим вопросом или чем-то в этом роде. Я работал над книгой семь с половиной лет и просто уже было время поспешить с ее публикацией. Не говоря уже об объеме. Нам пришлось сократить ее вдвое. Так что многим пришлось пожертвовать, но это не было политическим решением именно по отношению к психоделикам. Я бы сказал, что это недостаток книги.

Р. Ф.: Можно я скажу? «Будущее тела» и ни слова про секс и наркотики? Ожидается ли второй том?

М. М.: Сомневаюсь. Я пишу продолжение «Гольфа в королевстве», в котором я упоминаю грибы в Мюир-филде.

Р. Ф.: Серьезно?

М. М.: Да.

Р. Ф.: Я должен прислать тебе свою главу об этом.

М. М.: Хорошо, присылай. Я нашел кое-что об этом в манускрипте некоего Мортимера Крэйла, бывшего профессором филологии в Эдинбурге. Книга называлась «Гольф: его корни в Боге и Природе». В ней описывается случай явного демонического одержания во время

парного турнира по гольфу в Мюирфилде. Оно объяснялось по-разному: действием демонов, внутренним кровоизлиянием, породившим фантомы сознания, или грибами, подававшимися к столу на ланч в Мюирфилдском клубе. Я должен поблагодарить и тебя за твою помощь.

Р. Ф.: У меня есть целая часть, посвященная происхождению гольфа, в которой рассказывается о том, что изначально гольф был прикрытием для собирания грибов.

М. М.: Где, в Шотландии?

Р. Ф.: Да, в Шотландии.

М. М.: Это невероятное откровение.

Р. Ф.: Один человек в Мюирфилде рассказал мне, что гольф - это акроним. Он расшифровывается как GO Look For (Пойди поищи) - грибы, конечно, которые были запрещены ортодоксальной религией. Он был изобретен для маскировки охотников за грибами в лугах и полях. Он показал мне старинный манускрипт, который он тайно хранил.

М. М.: Я могу сослаться на твой текст, вне зависимости от того, опубликован он или нет. Слушай, мне это нравится. Я просто упомяну это мимоходом. GO Look For.

Р. Ф.: Да, GO Look For. Знаешь, я нашел грибы в Мюирфилде. Они натурально там растут. Психоделические грибы, я имею в виду.

М. М.: Хорошо, что ты сказал мне об этом.

Р. Ф.: И я играл в гольф под этими грибами.

М. М.: Так вот что вдохновило тебя на твою Историю.

Р. Ф.: Но в результате вышел перебор. К счастью, парень, который дал мне эти грибы, нашел меня на 17-й лужайке, на земле, в состоянии полного экстаза. Он привел меня к себе домой, где ухаживал за мной, пока

я не пришел в себя, и потом рассказал мне о происхождении гольфа.

М. М.: О, Боже мой, Роберт, ты должен опубликовать это. Слушай, могу я... Как называется твоя книга?

Р. Ф.: «Все в одном».

М. М.: Я могу сослаться на нее.

Р. Ф.: Жаль, Тим не знал этого. Если он хотел изменить общество, ему не надо было бросать ему вызов и возбуждать противоречие, как он это сделал. Он мог просто и доступно объяснить, что высшее сознание делает жизнь более значимой, в терминах, которые республиканцы смогли бы понять и не напугались бы. Я полагаю, он пытался сделать что-то в этом роде в своем знаменитом интервью журналу *Playboy*, но гольф для республиканцев важнее секса. Если бы они узнали, что небольшие дозы ЛСД или псилоцибина усиливают концентрацию, четкость зрения, быстроту реакции и соответственно помогают добиться лучших результатов в игре в гольф, среди них могла бы разразиться новая эпидемия.

А ты, Майкл, в настоящий момент зациклен на телесной трансформации?

М. М.: Но речь здесь идет не о криогенике или о чем-то в этом роде. Я имею в виду развитие тела до новых форм воплощения. Это что-то вроде мутации человеческой плоти, одновременно с мутацией или развитием сознания. Ты знаешь, что эту идею мне подкинул Шри Ауробиндо, и чем больше я продвигаюсь в этом направлении, тем более плодотворной она мне кажется. И об этом книга, которую я сейчас пишу.

Р. Ф.: Продолжение «Гольфа в королевстве»?

М. М.: Да. Королевство «доспехов Шивы», имея в виду это метанормальное воплощение, в котором Шива трансцендирует жизнь и смерть одновременно. Другими словами, смерть станет нашим новым делом и жизнь

тоже, если мы сможем жить в этой новой плоти или, если хочешь, можно назвать это в «новом духовном теле». Я действительно верю в это.

Р. Ф.: И что же должно произойти с физическим телом?

М. М.: Я думаю, по мере того, как тело, иногда незаметно, иногда очень явно, развивается, оно трансформируется и, если хочешь, освещается светом Бога - это в потенции тела. И тело начинает изменяться. Вот об этом я и пишу в своей книге «Будущее тела». Весь следующий том будет посвящен этому. Это не будет том II в энциклопедической форме, нет, скорее книга размышлений. Остаток моей жизни я буду работать над этой книгой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭВФОРИОНА

Клаудио Наранхо

Я счастлив принять участие в книге воспоминаний о Тимоти Лири, хотя у нас и были с ним некоторые разногласия в период IFF. Несмотря на то, что часто подобные книги воспоминаний имеют тон прижизненной эпитафии, я думаю, что эта не будет только восхвалять Тима Лири, искателя истины и свободы, льстя его имиджу. Поэтому я надеюсь, что мне позволительно будет, наряду с признанием его заслуг, высказать и некоторую долю критики в его адрес. Однако учитывая, что Тим по-прежнему с нами, я собираюсь писать не только о нем, но и ему⁵⁴.

Я полагаю, что могу одновременно и выразить свою теплую к нему симпатию, и слегка поспорить с ним, поскольку тоже имею некоторое отношение к духу

Клаудио Наранхо, всемирно известный психиатр и учитель трансперсональных дисциплин. Автор книг «Поиск», «Психология медитации» (в соавторстве с Робертом Орнстайном), «Целительное путешествие», «Техники гештальт-терапии», «Агония патриархата», «Энеа-типологические структуры» и других книг и статей.

⁵⁴ Настоящая статья была написана в 1995 г. - Прим. авт

шестидесятых. Я всегда восхищался его талантом и сочувствовал его мечте о «лучшем мире через химию», хотя я думаю, что он слегка перегибал палку в своем эпатаже властей и коллег по медицинской профессии, и я считаю, что его чрезмерно эмоциональное стремление к свободе было ошибкой.

Да, в результате победу одержал консерватизм, а психоделическая революция, сделавшись чересчур революционной, потерпела поражение. И мы не можем винить в этом только истеблишмент и темные силы. Разные позиции приводят к разным результатам, и еще в шестидесятые я думал, что не стоило поднимать такой шум вокруг психоделиков, а предоставить заниматься ими тем, кто был готов правильно использовать их для терапевтических, духовных и, может быть, даже образовательных целей. Я писал об этом Тиму в середине шестидесятых, когда Фрэнк Бэррон интересовался моими взглядами на последние открытия.

Конечно, я не могу всерьез винить Тима, поскольку всем нам свойственно становиться несколько фанатичными в первоначальный период нашего освобождения. Я не раз говорил о том, что это неизбежно - когда дух бросает свой первый луч на нас, принимать это за признак избранничества и говорить только об этом. Мы знаем, что иногда экзальтация одного человека действует на очень многих, ускоряя их вступление на путь перемен; также мы знаем, что в иных случаях «постиллюминационное раздувание» ученика волшебника может быть деструктивно. Я не смею надеяться быть достаточно прозорливым для того, чтобы предсказать, плюсы или минусы перевесят на чаше весов в день окончательной оценки жизни Тима. И я не уверен, можно ли сказать, что это именно его позиция перекрыла в свое время возможность нормального научного исследования этих вновь открытых веществ. Допускаю, что мир

психиатрии был слишком догматичен и что его реакция могла быть менее настроенной и агрессивной.

Конечно, я могу понять анархический импульс одиночки, видевшего заостренность взглядов патриархального мира и мечтавшего об истинной демократии. Хотя на протяжении многих лет я никогда не был солидарен с теми, кто считает, что надо настаивать на демократизации отношения общества к наркотикам. Скорее следовало бы выступить с лозунгом «демократизации психиатрии», и я думаю, что мы должны двигаться в этом направлении, если мы не хотим топтаться на месте. (В свое время я присутствовал на митинге, посвященном легализации МДМА, - и в то время, как все ратовали за свободу, я настаивал, что это должно быть рецептурное средство, с теми же ограничениями в доступе, как амфетамины. Конечно, вскоре МДМА было запрещено полностью и неприимимые радикалы проиграли.)

Я допускаю, что мои слова звучат как слова пожилого человека, а не подростка. Я научился идти на некоторые компромиссы. Хотя я не могу не оценить красоту бескомпромиссной позиции Тима, так же, как той, почти самоубийственной храбрости, с которой он проповедовал свою мечту, бросая вызов мощным силам, противостоявшим ему. Возможно, Юнг сказал бы, что он является носителем архетипа Христа. Позволив себя распять, он, несомненно, привлек внимание к табу на психоделики в обществе, которое опирается на запреты.

Когда я думаю о том, как около двадцати лет назад Тим взял на себя роль козла отпущения, я вспоминаю гетевского Эвфориона, прекрасное существо, родившееся в результате визионерского романа между Фаустом и мифической Еленой Троянской. Хотя Эвфорион как персонаж проходит по внутренней канве драмы, Гете ассоциировал его с Байроном, единственным из

современных ему поэтов, которым он по-настоящему восхищался.

«Хочу подпрыгнуть, /Чтоб ненароком/Небес достигнуть/Одним наскоком!» - восклицает Эвфорион и действительно ведет себя таким образом, что Фауст начинает бояться за его безопасность. «Оставьте руки./Кудрей не гладьте,/Оставьте платье...»⁹⁵ - отвечает Эвфорион и продолжает резвиться, долетая до таких пределов, что его озабоченные родители (сами переступившие все границы) боятся, как бы беспечность и безумие их сына не довели его до гибели. Так же, как у Байрона и байронического Тима, жизненный девиз Эвфориона - пользуясь словами персонажа - «бой и паденье», и он заявляет Фаусту и Елене, что не остановится и пойдет до конца. Когда в последний раз он взмывает ввысь, от головы его исходит сияние и светящийся след тянется за ним, а хор в это время называет его Икаром, напоминая нам еще об одном примере самоубийственного энтузиазма, о герое, который поднялся так высоко и так близко к солнцу, что его скрепленные воском крылья растаяли и он упал в море. Кто может осудить избыток эйфории, который кажется неотделимым от духовной юности? Эвфорион является характером не менее архетипическим, чем ищущий дух Фауста, его позиция - это что-то вроде божественного безумия, привнесенного в человеческую жизнь Провидением.

Я согласен с утверждением, что определенный set and setting психоделических наркотиков имеет огромный потенциал преображения, но, увы, несмотря на мое признание талантов Тима и его интуиции, позволившей ему увидеть, что психоделики могут сделать для преображения общества, я вынужден думать, что мы не

можем осуждать доминирующую идеологию современности за то, что она назвала его безумцем. Может быть, это вопрос перспективы и беспристрастного взгляда. Я думаю, что если и был он безумцем, то таким же, как Дон Кихот, личностью более интересной, чем обыкновенные люди.

Давайте надеяться, что его героизм в шестидесятые годы, как бы ни был он заражен высокомерием, в конце концов, был не напрасен. Давайте надеяться, что придет день, когда, оглянувшись на эти десятилетия, мы увидим торжество гегелевской диалектики и поймем, что слишком агрессивная реакция репрессивного истеблишмента была необходимой для того, чтобы смог осуществиться культурный синтез.

⁹⁵ Перевод Б. Пастернака.

НЕСКОЛЬКО ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ МОМЕНТОВ Мими Рэйли

Я знала доктора Тимоти Лири только шесть лет, но у меня такое чувство, что я знала его всю мою жизнь. Моя мать (выпускница Рэдклиффа 1957 года, носившая фиолетовые очки и хипповые бусы) поклонялась доктору Тиму, в то время как мой отец (преуспевающий бизнесмен) пенял на его и ее «плохое поведение».

Спустя годы, когда я закончила Гарвард и Корнелл, а моя мать умерла, я познакомилась с замечательным парнем - Томом Дэвисом. В один навсегда запомнившийся мне вечер Том пригласил меня отобедать с ним и его другом Тимом. Мы прекрасно проводили время, и в какой-то момент я извинилась и вышла в дамскую комнату. Пока меня не было, Тим сказал Тому: «Женись на этой девушке». К счастью, Том, как всегда, последовал его совету, и слава небу, так получилось. Я больше никогда не говорю «слава Богу» после того, как невин-

Мими Рэйли - выпускница Гарвардского и Корнеллского университетов Работает запасным ветеринаром на севере штата Нью-Йорк, где живет со своим мужем Томом, четырьмя кошками и двумя собаками.

ное «о, Боже мой!» в разговоре с Тимом ввергло нас в шестичасовую, с хлопанием дверьми, дискуссию о католицизме, на которую способен только вдохновленный двумя скотчами ирландский католик.

Год спустя после нашей с Томом свадьбы мы похитили Тима после ТВ-шоу Saturday Night Live и его лекции о криогенике и привезли его в наш дом на севере штата Нью-Йорк. Когда мы проехали Миллбрук, дорогу нам пересек выводок фазанов. Мы все встрепенулись - это был магический момент. Внезапно я ощутила присутствие моей матери рядом со мной, на заднем сиденье. Том с Тимом спорили о чем-то, сидя спереди. Я тихо сказала: «Я знаю, мама, что ты с нами. Я так счастлива». В этот момент Тим протянул руку с переднего сиденья и пожал мою. Он сказал: «Передай привет от меня своей матери». Мои волосы встали дыбом. Это был сильный момент. Чудесный вечер продолжился тем, что Тим, гордо стоя в лучах заходящего солнца, читал мне отрывок из «Улисса».

Однажды, пытаюсь понять природу его счастья и энтузиазма, я спросила его, верит ли он, что люди рождаются счастливыми или приобретают это счастье трудом. Про него я поняла, что он был рожден со своей заразной жаждой жизни и знаний.

Никто никогда не стимулировал меня интеллектуально, духовно, музыкально или эмоционально больше, чем Тим. Я могу только надеяться стать когда-нибудь такой же молодой и энергичной, как Тим. Он мне больше, чем друг, он - член моей семьи.

ТИМОТИ ЛИРИ: ПРОЩАЙ/ПРИВЕТ

Томас Ридлингер

Дорогой Тимоти.

Вчера я снова слышал эту песню, в которой поется, что ты не умер, а только «снаружи смотришь внутрь»⁵⁶. На самом деле тебя нет с нами уже больше года. Насколько я знаю, ты не верил, что твое личное сознание переживет твое тело, и похоже, что игра Тимоти Лири закончилась, не получив дополнительного времени. А я все еще здесь, пишу тебе это письмо, этим прекрасным ясным утром начала декабря 1997 года, Я сижу в одиночестве на пляже недалеко от Олимпии, Вашингтон, опершись спиной о выброшенное на берег бревно. Над головой у меня кричат чайки, за моей спиной вечнозеленый лес. Сейчас теплее, чем обычно бывает

Томас Дж. Ридлингер - писатель и преподаватель, член Линневского общества Лондона и выпускник Гарвардской Школы богословия. Его работы, включая «Искатель Священных грибов: Эссе о Р. Гордоне Уоссоне» и другие статьи публиковались в журналах Journal of Humanistic Psychology, Journal of Psychoactive Drugs, Journal of Transpersonal Psychology, Medical Hypotheses, Gnosis и Shaman's Drum.

⁵⁶ «Outside Looking In» - название этого сборника.

в это время года, светит солнце, веет нежный ветерок. Приятно пахнет мохом, палой листвой и грибами, все эти запахи смешиваются с соленым запахом моря. В этой колыбели мира и покоя я вспоминаю о тебе.

«Давай немного развлечемся», - так ты говорил в начале нового проекта. Я хорошо помню, как мы развлеклись в июле 1993 года, на ежегодной конференции по Гуманистической психологии в Сан-Диего, когда ты, я и два студента, работавшие с тобой в Гарварде, Джордж Литвин и Гюнтер Вейль устроили публичную дискуссию о твоей ранней работе в психологии. Впоследствии я спрашивал тебя, правда ли то, что ты писал в книге «Изменяя и мое сознание», что твоя жизнь - это «верное и последовательное продолжение» работы Густава Теодора Фехнера. Ты ответил «да», потому что Фехнер, профессор физики в Германии девятнадцатого века, был пионером в области научной психофизики и вдохновил твою работу в нейрофизике. Кроме того, у Фехнера, как и у тебя, в середине жизни был мистический опыт, который раз и навсегда изменил его взгляды на мир. Но твой опыт был вдохновлен священными грибами, а его произошел в результате несчастного случая. Почти полностью потеряв зрение в ходе оптического эксперимента, Фехнер провел больше года в затемненной комнате, с повязкой на глазах. Однажды, в октябре 1842 года, он импульсивно сорвал повязку, поднялся с постели и вышел в сад. То, что он увидел там, показалось ему, как он позже писал в своей книге «Наина, или Живая душа растений», «взглядом за пределы человеческого опыта. Каждый цветок лучился с особенной ясностью, словно вносил свой собственный внутренний свет в свет мира. Весь сад виделся мне каким-то преображенным, словно это не я, а сама природа только что пробудилась... Я подумал, что вижу внутренний свет цветов как источник их внешней чистоты, что

возникновение цвета имеет духовную природу, из-за чего цветы кажутся полупрозрачными. Я не сомневался, что вижу сияние, производимое живыми душами растений, и я подумал, что это похоже на сад, находящийся за пределами этого мира; и вся земля, также как и каждое тело на земле, это забор, отделяющий нас от этого сада».

Я поинтересовался, что ты думаешь о самой популярной книге Фехнера «О жизни после смерти». К моему удивлению, ты ответил, что не читал ее. Вернувшись домой, в Бостон, я послал тебе экземпляр этой книги. Но мне так и не довелось услышать твое мнение о ней. Потом, когда мы с моей будущей женой Беверли заехали навестить тебя в ноябре 1995 года, примерно месяцев за шесть до твоей смерти, я заметил, что она стоит вместе с другими книгами на полке над твоим рабочим столом. В письме, которое я послал тебе вместе с этой книгой, я привожу следующий отрывок из предисловия Уильяма Джеймса к английскому изданию «О жизни после смерти», в котором он описывает фехнеровскую теорию: «Движения могут накладываться одно на другое и совмещаться, малое на большое, как малая волна на большую. Это относится как к ментальной, так и физической сферам. Говоря физиологически, мы можем сказать, что основная волна сознания поднимает подсознательный фон, и некоторые части его улавливают главное, как небольшие волны ловят свет. Весь процесс - это сознание, но главные пики волн сознания имеют такой сжатый шаг, что моментально изолируются от прочих. Они могут осознавать свою обособленность, как ветка осознает свою, забывая материнское дерево. Такая обособленная часть опыта остается, когда он проходит, и является собственно памятью. Такое остаточное и вторичное сознание отличается от первичного. С физической стороны мы говорим, что мозговой

процесс, соответствующий ему, постоянно изменяет будущий вид активности мозга.

Таким образом, согласно Фехнеру, наши тела - это только малые волны на поверхности земли. Мы растем на земле, как листья растут на дереве, и наше сознание вырастает из сознания всей земли, и по мере накопления нашего отдельного, личного опыта мы забываем весь основной, глубинный опыт, без которого не было бы и нашего личного. Но при возвращении к основе мы не забываем наш личный опыт. Напротив, мы все помним, и совмещение двух опытов ведет нас к большей свободе, поскольку теперь наш опыт состоит из нашего сознания плюс бесчисленное множество равных сознаний, из которых складывается общий опыт. И даже когда мы умираем, с нами остается вся система нашего прожитого опыта. В течение жизни нашего тела в нашем сознании всегда присутствуют элементы общего земного сознания, даже когда мы их не осознаем. Но после того, как все земное сознание становится нашим опытом, мы более не чувствуем себя в изоляции, мы чувствуем наше единство со всеми живущими и когда-либо жившими на земле людьми, чей опыт воздействует на нас, и мы в свою очередь воздействуем на жизни других людей».

Фехнеровская теория «жизни после жизни» вытекает из его концепции души. Согласно его определению, душа - это «единое существо, которое в нашем случае, так же как и в любом другом, открыто только для себя самого, для всех прочих закрыто, замкнуто на себя, по крайней мере в чувственном восприятии, выше которого, в пропорции возрастания на шкале сознания, развиваются все более и более высокие отношения». (Эти и последующие положения Фехнера взяты из книги «О жизни после смерти».) Душа человеческого существа - это «глава сознания, ограниченная кругом теле-

сных действий, которая... во сне опускается ниже порога, выше которого сияет сознание», а при пробуждении «поднимается выше него». Она не строго идентична сознанию, но скорее проявляет различное сознание выше и ниже порога. Ниже порога она взаимодействует со всеми другими земными душами, включая души растений и животных, так же как и другие человеческие души, объединенные в душе земли. По мнению Фехнера, души человеческих существ после смерти растворяются в земной душе. Проникая сквозь природу в виде некой духовной волны, они вызывают к жизни новые отношения с другими душами живых и мертвых, проходя через них и создавая то, что мы сегодня называем интерференционные паттерны, которые являются компонентом голографии. В этом состоянии, согласно Фехнеру, мы достигаем бессмертия. При жизни человек воспринимает природу «сквозь окна своих чувств и имеет фрагментарное знание ее, словно разлитое в небольшие сосуды». Но после смерти, «когда его телесная оболочка распадется, дух его, не сдерживаемый более ничем, будет странствовать по природе с неограниченной свободой. Он начнет ощущать волны света и звука, не только проникающие в его глаза и уши, а словно скользящие в воздушном океане; он будет чувствовать не только дыхание ветра и ласку морских волн, но сам будет плыть сквозь воздух и море; он будет теперь не идти мимо зеленеющих деревьев и душистых лугов, как бывало раньше, но наполнять своим сознанием поля, и леса, и людей, когда они будут проходить сквозь него».

Собственные мысли Джеймса по этому поводу появляются в книге-эссе «Человеческое бессмертие». В ней он говорит об огромном влиянии, которое оказал на него Фехнер, так же как это сделал ты в своей книге «Изменяя и мое сознание». Прочие не были столь великодушны. Многие фехнеровские концепции появились

в последние годы на научной сцене, безо всяких ссылок на автора, в таких областях, как теория сознания, морфогенетическая теория поля и особенно теория планетарного сознания Гайя. Рано или поздно этот плагиат должен обнаружиться. Я предоставляю другим сделать это, так же как оставляю ученым будущего исследовать и воссоздать фундаментальную связь между фехнеровскими психофизическими идеями и твоей теорией нейросхемы.

Между тем фехнеровские идеи могут слегка утолить мою печаль по поводу твоей смерти. Вот почему я пришел сюда, в это прекрасное место, в этот чудесный день. Мое сердце открыто природе, чтобы ощутить твое присутствие в земной душе, когда она проникает сквозь мою душу. Как сказал Эмерсон в своем печально известном письме Гарвардской школе богословия в 1838 году: «Мы всегда будем помнить те несколько встреч... с душами, которые сделали наши души мудрее; которые звучали согласно нашим мыслям; которые сказали нам то, что мы знали сами; которые помогли нам услышать то, что было скрыто глубоко в нашем сердце».

Итак, прощай, Тимоти - и здравствуй! Наши дороги еще пересекутся, я в этом уверен.

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ Вайнона Райдер

Три месяца спустя после моего рождения мой отец, который был архивариусом Тима, поехал навестить его в Швейцарии, где он жил в эмиграции после побега из тюрьмы. Незадолго до этого Никсон, мечтавший засадить его обратно, назвал его «самым опасным человеком в мире».

Мой отец и Тим приняли кислоту и поехали кататься на лыжах. Во время этой прогулки отец достал мою фотографию - первую в моей жизни фотографию (один день от роду), - показал ее Тиму и спросил, согласится ли он стать моим крестным отцом. Тим сказал: «Конечно».

Мы встретились с ним только через семь лет, после его освобождения из тюрьмы, когда он приехал навестить нас в нашей коммуне в Мендосино. Мы шли по пыльной горной дороге. Садилось солнце, мы с Тимом

Вайнона Райдер - крестная дочь Тимоти Лири, киноактриса, снялась в более, чем двадцати фильмах, некоторые из которых награждались разными престижными призами, в частности «Эпоха невинности», «Маленькие женщины» и «Испытание»

держались за руки. Я подняла к нему голову и сказала: «Говорят, что ты сумасшедший ученый».

Тим улыбнулся и сказал: «Знаю». Мне показалось, что ему нравится, как звучат эти слова.

Со временем я подросла и, когда стала тинейджером, решила, что хочу быть писателем. Это, конечно, впечатлило Тима, и мы постоянно говорили о книгах. Моим любимым литературным героем был Холден Колфилд⁵⁷, его - Гек Финн. Мы говорили о сходстве их характеров - особенно об их отчуждении от общества. Я хотела спасти всех детей, падающих в пропасть, а он хотел сбежать. Я как раз вступила в пору первых юношеских терзаний, и тема отчуждения была мне особенно близка. И разговоры с Тимом были как свет в конце тоннеля.

Он хорошо понимал мое поколение. Он называл нас «свободные агенты века информации».

То, чему я научилась у Тима, не имело никакого отношения к наркотикам, но имело отношение к тому, как получать от жизни кайф. Он был фанатом человеческого мозга и, как я поняла, не столько хотел изменить его, сколько добиться его максимального использования. И он показал нам, что этот процесс - путешествие - имеет огромную для нас ценность. Как бы оно ни проходило, главное, чтобы оно произошло. «Мы - хозяева и операторы нашего мозга», - говорил он.

Тим оказал на меня большое влияние - не столько своими революционными идеями о возможностях человеческого мозга, сколько тем, что читал мне книги, ободрял меня, водил на бейсбольные матчи, в общем делал все то, что должен делать крестный. Он был единственным человеком не из числа моих родственников, которым обычно в детстве мало кто верит, - кто заставил

⁵⁷ Главный герой повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

меня поверить, что я все смогу. У него была потрясающая способность заставить тебя почувствовать себя уверенно и спокойно под его защитой и покровительством.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд как-то писал в одном письме к своей дочери, что его жизнь достигла чего-то вроде «эпической грандиозности». Про жизнь Тима нельзя было сказать, что это «что-то вроде эпической грандиозности». Это была *безразмерная* эпическая грандиозность.

Иногда можно потеряться во всей этой наркотической тематике, которой прославился Тим - все эти «turn on, tune in, drop out», особенно в обществе, которое любит об этом поговорить. Но это не главное достижение Тима. Главное в нем - это его жизненная энергия, энтузиазм, любознательность, юмор и человечность, вот что делает Тима великим человеком - и все это *настоящие* свойства сумасшедшего ученого.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ ИАКОВА

Залман Шахтер-Шалом

Тим,

ты скорее всего не придаешь особого значения мнениям тех людей, которые винят тебя в том, что ты сделал. Но ты на самом деле подорвал здание старомодной космологии и сопутствующую ей власть рационалистической интеллектуально-академической иерархии.

На примере ЛСД и других веществ - и это существенно - ты показал нам, как сакрализовать наше отношение к ним и к их откровениям. Благодаря тебе мы узнали, что наше сознание подвижно и может смотреть на движущуюся панораму с любой перспективы. Я до сих пор слышу твою мантру, на той записи у Герда - «Ты можешь быть всем, чем захочешь».

Залман Шахтер-Шалом - раввин, получивший посвящение от Любавичского Ребе. Он автор книги, по мнению многих, основатель того, что теперь известно как «Еврейское обновление». Ребе Залман - это открытый, подвижный и энергичный, широко образованный в Торе и иудаизме человек. Он преподает в Институте Наропы, на кафедре Мировой мудрости.

Знал ли ты, что тот день, когда был открыт ЛСД, совпал с днем восстания в Варшавском гетто? Я чувствую, что в этом есть какая-то глубинная связь, смысл которой ускользает от меня.

Боги-триктеры сослужили тебе хорошую службу при побеге из тюрьмы. И здесь ты тоже научил нас видеть то, что скрывается за фасадом закона и порядка. Ты много сделал для жизни и здоровья, для гармонии между всеми существами на нашей планете и, кто знает, каких еще форм жизни. Я помню, в ту ночь, когда ты инициировал меня, ты высказывал беспокойство по поводу того, как люди будут использовать этот могущественный «транспорт» и как детям узнать об этом, если им этого не объяснить и не показать.

Те дети сейчас уже готовятся выйти на пенсию. Что они будут делать со своим сознанием? У Маслоу в конце была хорошая идея. Узнать, что впереди и провести какое-то время в этом сознании. О, если бы Касталия была домом отдыха для пенсионеров! Стробоскопы и музыка, цветочные органы, благовония, нежные прикосновения, Терри Маккена в качестве диетолога и интимная обстановка соучастия в волшебной тайне. Мы могли бы гулять по внутренней сети.

Твое фантастическое погружение в себя позволило тебе гулять по информационным хайвеям нервной системы и рассказывать - будучи философом - о путешествии через чакры, древние тексты, символы и мифы, поднимая кундалини.

И ты понял, что мы имеем дело с глобальной колонной станового хребта планеты и начинаем поднимать в нем кундалини. У противников есть основания для беспокойства, и не по поводу порнографии в сети. Это глобальное кундалини только второй чакры. Подождите! Мы поднимаем Лестницу Иакова. Вот это перспектива - до четвертой чакры и дальше!

И ты хотел большего. Ты узнал, что в бесконечно малых величинах скрывается бесконечность и весь космос. Я думаю, ты сгорал от желания наконец встретиться с существом из параллельного пространства.

Спасибо тебе, Тим, за моделирование этого парня в небесном свете - бодхисатвы. Ты помог нам подготовиться к третьему тысячелетию, а сам отправился в пятое или еще дальше.

Кто ты, человек в маске? Долгой тебе жизни и процветания!

Залман обнимает тебя.

ЛСД: ДАВАЙ СПАСЕМ ДЕМОКРАТИЮ?⁵⁸
Интервью с Филиппом Слейтером,
взятое Робертом Форте

Р. Ф.: Этот разговор мог бы стать чем-то вроде пролога к книге о Тимоти Лири. Хотя ты и не был лично знаком с ним, но существуют интересные параллели между твоей жизнью и его. Прежде всего, ты работал в исследовательском проекте по изучению ЛСД, в Гарварде, на семь лет раньше появления там Тима. Добившись заметного положения в академическом мире, ты вдруг бросаешь академическую карьеру в престижном университете. Ты пишешь книгу о современной культуре «Поиски одиночества», которая помогла определить культурное место гуманистического движения шестидесятых и стала бестселлером. Следующая твоя книга «Своенравные врата» обсуждает неудачи человечества в попытках достичь того, что скрывается за пределами

Филипп Слейтер - автор бестселлера «Поиски одиночества» (1970). После окончания Гарварда с 1950 по 1952 год был невольным участником исследовательской ЛСД-программы, проводившейся ЦРУ. Теперь он романист и драматург, живет в северной Калифорнии

⁵⁸ LSD: Let's Save Democracy? - шутивная расшифровка аббревиатуры.

его кругозора; потом ты пишешь «Пристрастие к здоровью». Ты живой пример того лучшего, что было в общественном движении шестидесятых. Давай для начала поговорим о твоей работе с ЛСД в Гарварде, которую спонсировало ЦРУ.

Ф. С.: О'кей. Я проводил кое-какие исследования в больнице, которая теперь называется Массачусетский центр умственного здоровья. Тогда она называлась Бостонская психиатрическая больница. Я узнал, что они получили грант от какого-то фонда для проведения исследований наркотика, о котором никто раньше не слышал. Наркотик воспроизводил что-то вроде временного психоза, сроком на один день, приняв наркотик, вы могли бы понять, каким был бы ваш психоз, если бы вы действительно им страдали. Это был не то чтобы официальный взгляд на этот наркотик, но все вокруг примерно так говорили о нем - все, кто был вовлечен в этот проект и кто позже принимал наркотик. Сплетни об этом ходили по всей больнице. Там была группа людей, которые встречались каждый день в отделении профессиональной терапии. Она состояла из директора, заместителя директора, медсестры, психиатра, рентгенолога, и прочих разных людей попеременно. Мы болтали, иногда выпивали вместе и т. д. И все интересовались этой темой, включая и пару гарвардских выпускников, одним из которых был я. Когда я впервые услышал об этом наркотике, он меня очень заинтересовал и я захотел принять участие в этом проекте. Участники проекта первыми должны были принимать это снадобье, чтобы определить, что это за штука.

Я был участник номер четыре. Установка была вполне клинической - два человека должны были неотступно следовать за вами с блокнотами и записывать каждое ваше слово и наблюдать за вашим поведением. Мы начали в восемь утра. В одиннадцать должно было состояться интервью с психиатром, который должен был по-

ставить диагноз и определить ваш психоз, позже должно было состояться интервью с терапевтом-физиологом. По ходу эксперимента мы проводили различные исследования. Я, например, проводил исследование, имевшее целью выяснить разницу между опытом тех испытуемых, кто принимал наркотик в одиночестве, и теми, кто делал это в группе из трех-четырёх человек. И, как вы можете догадаться, те, кто был в группе, испытывали больше положительных эмоций. Диагнозы, которые они получали, были мании и шизоидные возбуждения, а одиночки все сплошь депрессивные параноики.

Р. Ф.: Как вы набирали участников?

Ф. С.: Они сами вызывались. Все были добровольцами.

Р. Ф.: А им сообщали, что они будут принимать нечто, что вызывает временный психоз?

Ф. С.: Знаешь, я сейчас уже не помню. Но они знали, что будет какое-то воздействие на сознание.

Р. Ф.: Одна из распространенных версий гласит, что Лири был уволен из Гарварда за то, что давал ЛСД младшим студентам, что, конечно, неправда. Начнем с того, что он вообще не проводил никаких экспериментов с ЛСД в Гарварде - там был псилоцибин - и никогда не вовлекал в свою работу додипломников. А вот в твоих студиях они, как я знаю, участвовали.

Ф. С.: Из 150 человек, принимавших участие в эксперименте, я думаю, человек 90 были студенты младших курсов. Я проводил сеансы с группами из 4 человек, это была часть эксперимента с возрастающими дозами, и я думаю, там было 6 или 8 групп. Я думаю, там было по меньшей мере 32, может быть, 40 человек. Они все были додипломники.

Р. Ф.: Возникло ли вследствие этого эксперимента какое-то подобие сообщества людей, которые были соучастниками этого экстраординарного опыта?

Ф. С.: В каждом случае по-разному. Многих из этих людей мы больше не увидели. Они пришли, получили свои двадцать пять, что ли, баксов и пошли домой. Но я думаю, что участники проекта из числа работников больницы образовали небольшую психоделическую группу. И были кое-какие одиночки, тоже весьма проникшиеся этим. Одним из них был, например, Ралф Блум. Я не знаю, ты слышал о нем?

Р. Ф.: Это тот Ралф Блум, который написал «Книгу рун»?

Ф. С.: Да, точно, «Книгу рун», это Ралф ее написал. Он был самым близким к литературе из всех участников. Еще один человек из группы, как я знаю, потом стал психиатром. Но его опыт нельзя было назвать удачным. Были, конечно, и другие люди, весьма заинтересовавшиеся и проникшиеся опытом. Но все это происходило только в узком кругу, об этом не знал никто из посторонних.

Р. Ф.: Это было в 1952 году?

Ф. С.: В 1952-1953-м.

Р. Ф.: Это было до того, как Хаксли написал «Двери восприятия», до того, как Уоссон обнаружил священные грибы в Мексике.

Ф. С.: Ты знаешь, это интересно, потому что «Двери восприятия» были опубликованы в 1954-м, но люди узнали об этом позже. Хайд знал, я говорю об этом, потому что он ссылался на эту книгу- Роберт Хайд был главой этого проекта. Хайд, как тебе известно, был первым в Соединенных Штатах, кто попробовал ЛСД и он был моим учителем. Началось все с того, что я проходил дипломный курс в больнице под его началом. Это был захватывающий курс по психопатологии. Он был прекрасным учителем. Он обладал блестящим, широким умом и знал все - от психологии до культурно-исторических предметов. Большую часть того, что я уз-

нал в Гарварде, я узнал от него. У него был дар общения.

Р. Ф.: Он еще жив?

Ф. С.: Я бы очень удивился, если бы узнал, что он жив. Тогда ему было за пятьдесят, по-моему, и это было сорок лет назад. Он был на пенсии - последний раз, когда я расспрашивал всех о нем, он был на пенсии уже пять, если не десять, лет, так что, может быть, он даже старше, чем мне кажется. В свое время он делал разные вещи. Помню, однажды мы отмечали что-то, кажется. У нас была вечеринка в баре по соседству, и мы подмешали в пунш ЛСД, и через какое-то время вдруг оказалось, что все перебрали и алкоголя, и ЛСД. Позже мы поняли, что эти две субстанции не дружат, а забивают одна другую.

Р. Ф.: Это замечательно, что в начале пятидесятых вы давали ЛСД студентам-додипломникам, и это не вызвало никаких последствий в социальном плане, не вызвало никакого обострения в обществе, не привело к визионерским прозрениям. Тим Лири явился через несколько лет и пошел шум и гам, появилось и стало приобретать форму движение. Ты все еще был в Гарварде, изменилось ли что-то в 1958-1959 годах, по сравнению с 1952-м?

Ф. С.: Я думаю, он создал культуру. Он поймал в ЛСД другую сторону. Наша небольшая группа следовала психомиметическому определению наркотика, и все наши эксперименты не выходили за эти рамки. Некоторые люди становились ближе друг другу после этого, но я не думаю, что мы придавали этому какое бы то ни было духовное значение.

Р. Ф.: А само определение «духовное значение» было в кембриджском словаре к началу пятидесятых?

Ф. С.: Да нет, пожалуй. Все определялось строго клинической терминологией. В мой первый трип я провел пару

часов в буйной палате, среди диких воплей умалишенных. Я занимался исследованиями и т. д. Я чувствовал себя вполне комфортно, я знал всех пациентов и все было в порядке вещей. Такой у нас был подход, полностью клинический.

Р. Ф.: А что насчет сексуальности? Были какие-то изменения в этом направлении среди ваших подопечных?

Ф. С.: Пожалуй что, нет. Конечно, в том, что люди говорили, было и сексуальное содержание, но...

Р. Ф.: Удивительно, что новости об этих «исследованиях» не вышли за пределы кампуса.

Ф. С.: Только один этот курс имел непосредственное отношение к Гарварду больше, чем остальная медшкола и прочие. В то время не было такой связи между Гарвардом и больницей, как это стало позже. Так что в этом нет ничего удивительного. На факультете Лири, несколькими годами позже, все было совсем по-другому, это была совершенно другая часть университета. Но ты знаешь, как это бывает в колледжах и университетах. Люди могут работать через три двери друг от друга и не знать об этом, потому что каждый зациклен на своем эго-трипе. Закон джунглей.

Р. Ф.: Вам было разрешено принимать ЛСД за пределами клиники?

Ф. С.: Ну мы делали это без разрешения, но это было не просто. Вещество было заперто в сейфе, но иногда бывали возможности кое-что отключить. Я помню, мы однажды проводили тесты по толерантности и я принимал каждый раз немного больше, чем в предыдущий, а потом прекратил, и после этого принял сразу большую дозу, потом подождал и принял еще одну, чтобы посмотреть, развилась ли толерантность. Так что у меня был доступ к продукту. Я думаю, это был единственный раз, когда я носил его в кармане, но я знаю, что Хайд

постоянно делал это. У нас были подозрения, что он регулярно пользуется этим веществом, но с виду это не было заметно.

Р. Ф.: А вы знали в то время, что эти исследования финансировались ЦРУ?

Ф. С.: Нет, мы не знали об этом. Там было два исследования. Первое финансировалось Фондом Гешикетера - он был во главе, а второе - Обществом изучения экологии человека. Я ни разу не видел никого из Фонда Гешикетера, но я помню кое-каких людей из Экологии человека. Это была странная группа.

Р. Ф.: Скажи, а Герберт Келман сотрудничал с твоими ребятами?

Ф. С.: Нет, в то время, я не думаю. Он появлялся, но я не думаю, что он имел какое-то отношение к ЛСД. Почему ты спрашиваешь?

Р. Ф.: Потому что, по слухам, он имел какое-то отношение к увольнению Лири и сотрудничал с Фондом экологии человека.

Ф. С.: Действительно. Может быть. Хм, это интересно. Наверно, это было позже. Знаешь, я получил степень доктора философии в 1955 году и после этого уже стал заниматься другим проектом в другой больнице.

Р. Ф.: Как ты думаешь, повлияло ли как-то ЛСД на развитие твоей карьеры, что ты стал писателем и преподавателем?

Ф. С.: Трудно сказать. В моей жизни происходило много разного, и это было довольно обособленное событие. Я женился, у меня родилось трое детей, потом развелся и платил алименты, так что мне пришлось работать на трех работах. Я был слишком занят выживанием, и у меня просто не было времени думать о своей жизни или вообще о чем бы то ни было. Первые шесть лет после получения степени были весьма трудным периодом моей жизни. Опыты с ЛСД остались как-то в

стороне. Я думаю, это было латентное воздействие. Знаешь, во время опытов у нас всегда играла какая-нибудь музыка, например, Дебюсси или Равель, и она до сих пор здорово действует на меня. Один раз группа друзей, каждый из которых принимал в свое время ЛСД, собралась у меня дома. Мы сидели в гостиной и слушали сюиту «Дафнис и Хлоя» Равеля, и у нас у всех начались воспоминания и видения или воспоминания видений. Я думаю, что после того, как моя жизнь вошла в спокойное русло, в начале шестидесятых, у меня опять проснулся интерес к этой теме, я бы сказал, личный, психологический, я начал больше этим заниматься.

Р. Ф.: Чем заниматься? Употреблять психоделики?

Ф. С.: Нет, ходить в разные группы, встречаться с группами и прочее. Я имею в виду, что я начал уделять большее внимание внутреннему процессу. Потом, в конце шестидесятых, я начал курить много марихуаны и т. п., и у меня опять вернулся интерес ко всему этому. Так что какое-то влияние, несомненно, было, но замедленное.

Р. Ф.: Ты когда-нибудь пересекался с Тимом в Гарварде?

Ф. С.: Я был очень заинтригован им. Ирония заключается в том, что было несколько человек, включая меня, которые весьма интересовались его ранними количественными исследованиями по межличностной динамике. Сам он, увлекшись психоделиками, потерял интерес к этой теме. А мы как раз занялись всем этим количественным анализом на компьютерах. Когда мы узнали, что он будет работать в Гарварде, мы с нетерпением ожидали его, чтобы пообщаться с ним на эту тему. Но, когда он появился, он тут же с головой углубился в психоделики, и ничем другим не интересовался. С Диком Алпертом я познакомился ближе. Наши отцы вместе работали на Нью-Хейвенской железной

дороге. Его отец был президентом компании, а мой - председателем правления. С Лири у меня словно была разная полярность - там, где находился один из нас, другого не было. Мы точно существовали в противофазе. Если я хотел с ним встретиться, он не хотел, а когда он хотел, не хотел я, а когда я вновь хотел, не хотел он.

Р. Ф.: Какова была твоя реакция на развитие психоделического движения и выход его за пределы Гарварда в начале шестидесятых?

Ф. С.: Ну что ж, я мог понять это. Я понимал, что происходит. Еще я предчувствовал, что его ждут неприятности. Это было очевидно. Слишком много слухов ходило вокруг.

Р. Ф.: Что ты имеешь в виду под неприятностями? У Тима было много разных неприятностей. Неприятности с администрацией из-за того, что он задирает авторитарную систему? Неприятности в виде размолвок с коллегами, считавшими, что он профанирует священную субстанцию? Какие именно неприятности ты имеешь в виду?

Ф. С.: Я имею в виду неприятности самого первого уровня, с администрацией и, может быть, даже больше с коллегами по факультету, я думаю.

Р. Ф.: Да, многие из них завидовали ему, он был очень популярен среди студентов, и этот его захватывающий исследовательский проект, выпускники просто преклонялись перед ним...

Ф. С.: Я столкнулся с этим в Брандейсе, незадолго до окончания своей работы там. Когда я был членом совета факультета социологии в Брандейсе, мне все время приходилось защищать кого-нибудь, кто вел себя похожим образом. Когда кто-нибудь читал курс йоги или дзена, все это выглядело как нечто радикальное, что шло вразрез с академическими традициями. Мне всегда

было понятно, что так расстраивает академиков в том или ином случае. Первое - это популярность, быть популярным. Они всегда говорили нам, чтобы мы не совращали студентов - не буквально, а эмоционально - или не позволяли им совращать нас. Если мы были популярны, это означало снижение академических стандартов, потому что учение не должно быть развлечением. Все, что было эмоциональным, что выходило за пределы интеллекта, все, что могло расстрогать, вызвать какие-то чувства или что затрагивало духовные темы, все это очень и очень пугало академиков. Конечно, Лири был замечен во всех этих «преступлениях». И это были пятидесятые годы. Когда мы занимались этим в конце шестидесятых, то и тогда люди пугались. Так что нетрудно представить, какую реакцию отторжения вызывал стиль Лири в начале шестидесятых.

Р. Ф.: Считаешь ли ты, что он был беспечным или безответственным в своем поведении? Или ты считаешь, что все было правильно, смело, исторически оправданно - то, как он пытался раздвинуть пределы дозволенного?

Ф. С.: Трудно сказать, потому что сам я не имел близкого отношения ко всему этому, но я думаю, что он сильно рисковал и вовсе не заботился о собственной безопасности. Я видел, что он вызывает огонь на себя. Вы можете отличаться от академических ученых эмоциональностью, духовностью и популярностью, но не стоит это афишировать. Можно все это делать, но при этом сохранять видимость, что играете по их правилам. Я не говорю, что он делал что-то дурное. Я просто имею в виду, что было очевидно, что должно что-то случиться.

Р. Ф.: И теперь вот уже без малого тридцать лет идет эта «война с наркотиками», огонь которой был зажжен тогда. Считаешь ли ты, что, если бы Тим был более осмотрителен и осторожен, мы могли бы избежать такого результата?

Ф. С: Я не думаю. Конечно, он способствовал этому, но если бы не он, то на его месте был бы кто-то другой. Пятидесятые были репрессивны во всех смыслах, это был такой убогий, тупой, нечестный период истории, когда все пытались изображать из себя какую-то норму, которой не существует в природе, на все были наложены запреты, был особый запрет на сексуальность, и на самом деле на любой вид деятельности, который не касался зарабатывания денег и содержания семьи; а женщина должна была сидеть дома и быть опорой своему мужу. И вдруг открыть глаза на все это, и показать, что открывается новый мир - если бы не Лири, на его месте был бы кто-нибудь другой. Было слишком много прессинга в обществе.

Р. Ф.: Разве этого прессинга было меньше, когда вы проводили свои первые эксперименты?

Ф. С: Конечно не меньше, но Лири вынес этот предмет на обозрение. Наши эксперименты оставались в академических, научных, психологических рамках. К тому же это касалось только нашей группы, мы больше никого в наши дела не посвящали. Шестидесятые принесли много изменений в отношении к действительности. Было много разных перемен. Если вспомнить, сколько всего разного случилось в то время, то глупо обвинять или, если угодно, восхвалять одного Лири за все шестидесятые. Мне представляется, что все это было неизбежно, все, что произошло, должно было случиться. Тим был парень с большим эго, который просто поставил себя в центр всего этого и поднял шум вокруг. Такой человек всегда находится, и если не Тим, то это был бы кто-нибудь другой.

Р. Ф.: Когда я был в пятом классе, в 1967-м, мой учитель сказал мне, что LSD расшифровывается как Let's Save Democracy. Конечно, это пролетело мимо ушей одиннадцатилетнего мальчишки, каким я был тогда, но

через несколько лет это наконец дошло до меня. Если мы посмотрим на политический спектр, от авторитаризма до демократии, то увидим, что авторитаризм ориентируется на непробужденные массы, в то время как демократия опирается на народ, состоящий из сознательных, самоопределяющихся личностей. Таким образом, ЛСД, которое активирует пробуждение сознания - анафема авторитаризму. Тим понял это и вынес свои открытия на всеобщее обозрение.

Ф. С.: Да, я думаю, это так, и хочу еще добавить, что он способствовал демократическому процессу, хотя это и дорого ему обошлось и вызвало сильную реакцию. Но всегда так бывает. Этого всегда следует ожидать, вне зависимости от того, кто является виновником начала процесса. И вы можете сказать: «Боже, он сделал еще хуже, чем было раньше». Я всегда говорил, что авторитаризм тоже работает с психологией индивидуума и, когда это авторитарно, оно просто не допускает в мозг лишней информации. Это как репрессивный диктатор, и оно ведет себя как деспот. Как нет различия между деспотом и нацией, так же нет разницы между эго и индивидуальностью. Что хорошо для меня, то хорошо для страны. Что хорошо для эго, то хорошо для организма. Разумеется, это неправда, но послания, приходящие с периферии, игнорируются, гонца казнят. Все эти вещи совершенно эквивалентны по сути. ЛСД - мощная сила в демократизации организма, так сказать, потому что то, что было внутри, становится снаружи, и вы не можете отличить одно от другого. Получив одно, вы получаете и другое.

Р. Ф.: Думаешь ли ты, что власти опасались именно этого и потому немедленно последовала репрессивная реакция? У меня есть подозрение, не знаю, может, это моя персональная параноидальная теория заговоров, что правительство уже давно получило от ЦРУ ин-

формацию о возможностях ЛСД, и... хотя, может быть, я переоцениваю умственные способности властей...

Ф. С.: Полагаю, что да.

Р. Ф.: Но они могли начать опасаться того, что большие дозы ЛСД, принятые в определенных обстоятельствах, могут привести к контакту не только с вашим глубоким подсознанием, но и с другими измерениями реальности, скрытыми за горизонтом основной парадигмы - с внеземным интеллектом, коллективным разумом, интеллектуальным единством жизни, живым Богом, с вещами, которые они не понимают и не могут контролировать, и поэтому не могут допустить, чтобы они оказались на свободе и гуляли сами по себе. И в ход пошла репрессивная реакция. Гарвард думал, что он избавился от Лири, а на самом деле он только дал его карьере наилучшее направление для развития.

Ф. С.: Да, конечно, у тебя правильный ход мыслей, но, на самом деле, я не думаю, чтобы они так глубоко копали. Просто они хотели оградить молодежь от схождения с проторенной тропы, хотели, чтобы она делала то, что ей положено делать, а не занималась невесть чем. Подобному страху не требуется интеллектуальное содержание. То же самое с академиками, когда кто-то делается чересчур популярен. Знаешь, меня пугает, как это обычно происходит. Мне это не нравится. И я могу назвать по меньшей мере двадцать причин, почему это плохо, поскольку я сам ученый и это моя специальность - определять причины. Я думаю, с правительством было то же самое. Был просто страх. Это были наркотики, и это было зло, и это было то, что развращает молодежь. Я не думаю, что они заходили так далеко в своем анализе, до предметов столь мудреных, о которых ты говоришь.

Р. Ф.: Как ты полагаешь шестидесятые принесли пользу? Я имею в виду, было движение, гуманитарное

и экологическое движение против потребительства, против милитаризма, было пробуждение космического и экологического сознания, необходимых для выживания человечества. Считаешь ли ты, что это способствовало прогрессу гуманности в обществе?

Ф. С.: О, разумеется, да. В шестидесятые произошли огромные перемены. Прежде всего сексуальная революция; это была громадная перемена. В пятидесятые, если вы не жили в Нью-Йорке или где-то в похожем месте, вы даже не могли снять квартиру и жить с кем-нибудь вне брака, не камуфлируя это каким-нибудь образом, в самом деле, это было вплоть до шестидесятых. А сейчас, я думаю, процент людей, живущих вне брака, больше, чем процент людей, вступающих в брак к определенному возрасту или в определенных возрастных группах. Не говоря уже о том, что теперь позволительно показывать в кино или по телевизору, или что можно говорить или даже писать в газетах. Основная идея, которая господствовала в пятидесятые, это что женщина не интересуется сексом, что, несомненно является старой авторитарной традицией, подавлением женской сексуальности, потому что мужская сексуальность никогда никем особо не подавлялась. Теперь все давно позади. Так что, я думаю, это одна из самых важных перемен, произошедших за последние несколько тысяч лет. И наряду с этим произошло еще много всяких других вещей. Отношение к войне переменялось полностью. Сейчас совершенно другое отношение к войне. Раньше люди воспринимали войну как стихийное бедствие, как ураган, считали, что это чуть ли не действие самого Бога. А теперь они уверены, что войну можно предотвратить, что ее нельзя допускать. Если где-то кто-то сражается друг с другом, мы должны сделать что-то, чтобы остановить это. Это *абсолютно новая идея*. Раньше ее просто не было.

Р. Ф.: В то же самое время у нас сейчас самый большой военный бюджет, чем когда бы то ни было ранее.

Ф. С.: Да, конечно, но при этом есть и огромное отставание в этих вещах.

Р. Ф.: Материализм?

Ф. С.: Об этом я и пишу в своей книге. Старые системы при загнивании становятся более экстремальными. Они все утрируют. Они становятся более однородными. И это, на самом деле, подрывает их изнутри. Так фашизм был самой чистой формой авторитаризма. Диктатор не имеет никаких обязательств ни перед кем, ни перед кем не должен отчитываться. Король имеет определенные обязательства перед дворянством, перед народом, и его власть была ограничена теми или иными традициями. Диктатор же свободен от подобных предрассудков. Это чистой воды авторитаризм. И это начало конца. Диктаторы падают как мухи, потому что могут существовать только в местах с затхлой атмосферой. Интернационализм вырос невероятно. Теперь очень трудно для тех, кто не жил в пятидесятые, представить себе, каким невероятно наивным, изолированным, рутинным и преклоняющимся перед властью было тогда общество. Если так сказала правительство, значит, это правда. Теперь никто так не думает.

Даже телевидение: если вы посмотрите, что теперь все смотрят, вы увидите грандиозные перемены. Сравните сериал «Seinfeld» с «Father Knows Best», для примера. Это как день и ночь, то, с чем имеют дело персонажи, о чем они говорят, понятно из контекста. Понятно, что Элен хочет трахаться, понятно, что люди пердят и занимаются онанизмом, и обо всем этом говорится открыто. Это огромные перемены.

Р. Ф.: Но в то же самое время мы видим рост глобализма, нового мирового порядка, объемлющего весь мир, включая Китай. Мы потеряли почву под ногами, по

сравнению с шестидесятыми, когда нам казалось, что мы ее обрели.

Ф. С.: Нет, нет, нет. Мы не потеряли почву. Я имею в виду, что надо уметь разбираться во всех этих вещах - это как люди думают, что преступность невероятно выросла, что детей теперь совращают гораздо больше, чем раньше. Надо уметь различать, что происходит на самом деле и что просто стало известно. Люди стали невероятно сознательны экологически, и им не все равно, что происходит. Корпорациям уже не сходит с рук то, что так легко сходило раньше. Конечно, увеличилось число промышленных объектов, отравляющих окружающую среду, но выросло и количество протестов против них. Даже при всем контроле над средствами массовой информации они не могут игнорировать эту тему, потому что знают, что огромное большинство населения всерьез озабочено экологическими проблемами, и это тоже огромная перемена. В шестидесятые была кучка людей, прокладывающих эту дорогу. Но 90 процентов населения были отнюдь не с ними. Я помню, я был в Париже, в 1968 году, во время беспорядков, и помню это впечатление: все вышли на улицы, грандиозное событие. А потом, в воскресенье, состоялся марш правых, и какое это было отрезвляющее открытие. На улицах было в 5 раз больше народу, все в пиджаках и галстуках и т. п. Это заставило меня осознать, что левые отнюдь не были большинством. Так называемые шестидесятые делались очень небольшим числом людей. Чтобы понять это, достаточно было посмотреть на места скопления лояльных граждан, избирательные участки, например.

Р. Ф.: Молчаливое никсоновское большинство.

Ф. С.: Оно было реальностью. Сегодня все по-другому. Огромная разница. Я имею в виду, сейчас очень, очень много, в сотни раз больше людей, выступающих

против войны, против загрязнения окружающей среды, людей, вовлеченных в духовные поиски, тех, кто настроен антиматериалистически. И в этом уже давно нет ничего нового. Другая значительная перемена - органическая пища. Можно представить, что было бы в шестидесятые, если бы была предпринята попытка дать новое определение органики? Никто бы и не думал протестовать против этого. Никто даже не шевельнулся бы. Ну, может, десять человек, при молчании большинства. А альтернативная медицина, большая область сегодня. Все эти вещи пришли из шестидесятых, и теперь навсегда. Никто не собирается назад, в прошлое. Но я могу предсказать, что через пару лет журналы и телевидение вдруг оповестят нас о возврате к традиционной медицине. Я имею в виду, что они делают это регулярно. Это возвращение к традиции. Потому что медиа сами по себе очень консервативны, и, кроме того, им необходимо, чтобы работал маятник новизны. Так что они вновь объявляют старое новым, они хотят перемен без потрясений, в этом заинтересованы медиа и рекламодатели - сенсация без риска. Каждые два года объявляется о кончине феминизма. Раз в два года. Как часы. Медиа представляют себе феминизм как бра на стене, которое то включается, то выключается, в то время как на протяжении последних двадцати лет число убежищ для женщин, подвергающихся побоям, и центров помощи неуклонно растет. При этом массмедиа позволяют себе некоторый цинизм, им кажется, что это прибавляет им интеллигентности.

Есть интересная книга, которую написал парень по имени Элфи Кон, она называется «Светлая сторона человеческой природы», он там говорит о том, что цинизм путают с интеллигентностью и как это происходит. К примеру, идея, что физиологические различия между мужчиной и женщиной являются биологическими и

что мужчина по природе склонен к агрессии и насилию и т. д. Статьи об исследованиях на эту тему регулярно появляются в газетах и журналах, и мнения ученых категорически не совпадают. Темы, которые обсуждаются в журналах, как отмечает Кон, относятся к темной стороне человеческой природы, негативным явлениям, и все это «биологично», это невозможно изменить, это просто дано от природы. Знаешь, «мужчины - это рожденные убийцы» и всякое такое. И это не оптимизм. Это просто взгляд на газетную информацию как на нечто противоположное реальной информации, на все ее отклонения.

Р. Ф.: Я согласен, что медиа отвлекает людей от более глубоких вопросов; к примеру, сегодняшний интерес к платью Моника Левински вместо интереса к реакции Соединенных Штатов на международное давление, оказываемое на них с целью заставить снизить потребление нефти.

Ф. С: Да. Или оппозиция США к мировому сообществу. Мне это больше всего нравится. США сами привели мир к этому положению, и вдруг их осенило: «Боже, другие могут использовать эту ситуацию против нас!»

Р. Ф.: Я тоже не хочу выглядеть циником в твоих глазах, но мы прожили восьмидесятые, двенадцать лет Рейгана и Буша и, на мой взгляд - это было самое коррупционное время в американской истории. Я не читал книгу Кона, но вижу, что американцы не хотят или не могут увидеть, насколько продажна и темна американская политическая сцена. Я верю, что военно-промышленный комплекс был вовлечен в контрабанду наркотиков с самого начала вьетнамской войны, как об этом пишет Алфред МакКой в своей диссертации «Героиновая политика в Юго-Восточной Азии», которую он защитил в Йеле. Об этом сообщают и многие другие источники. Я убежден, что военные спецслужбы имели

отношение к убийствам братьев Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и Малколма Икса. Большинство людей подозревают, что эти убийства были следствием заговора. ЦРУ возникло после Второй Мировой войны, в результате поглощения американской армией нацистской разведки, как описывает Мартин Ли в своей книге «Пробуждение зверя». Слушания по делу «Иран-Контрас» в восьмидесятых не смогли объяснить американскому народу, что делать с очевидной и глубоко укоренившейся коррупцией в демократическом процессе. Соединенные Штаты вели войны в Никарагуа, Сальвадоре, Ираке, Панаме и в других местах. Были кое-какие протесты в обществе, но эти бессмысленные войны продолжались. Саддам Хуссейн пришел к власти при помощи американской армии, так же как и Норьега. А самый ужасный из новых «монстров», Усама Бен Ладен, был героем в глазах Соединенных Штатов, когда Россия вторглась в Афганистан. Ты сказал, что Соединенные Штаты сами построили те тренировочные лагеря для террористов, которые теперь же и бомбят. Люди озабочены этим, но все продолжается. Массы людей озабочены глобальным потеплением, но валовой национальный продукт все равно важнее. Продолжается война с наркотиками - и полмиллиона заключенных сидят только за хранение марихуаны. Это абсолютно бесполезно и только дает работу торговцам наркотиками, полиции и тюремной индустрии, но нисколько не помогает снизить зависимость от наркотиков, которая является основной проблемой здоровья относительного меньшинства - если не включить в нее алкоголь и сигареты, которые всучиваются американскому народу глянцевой рекламой. Но твоя политическая карьера обречена, если ты рискуешь затронуть интересы производителей. На американской политической сцене столько абсурда, но никакого прогресса, похоже, не предвидится.

Ф. С.: Я думаю, что то, о чем ты говоришь, - следствие процесса больших культурных изменений, смещения парадигмы, которое идет на протяжении десятилетий, если не столетий. И в такие времена кажется, что все движется в противоположном направлении и с ускорением. (Сейчас я работаю над книгой, которая как раз об этом.) Таким образом, люди, которые надеются на статус-кво, чувствуют, что мир катится в тартарары, а те, кто хочет фундаментальных перемен, тоже чувствуют, что мир туда катится (назад к варварству). Все стремится к хаосу, но хаос необходим для творения.

Р. Ф.: Да, и это возвращает нас к Тиму, который назвал свою последнюю книгу «Хаос и киберкультура». В ней он объясняет, что его эксцессы шестидесятых были попыткой создать хаос в чрезвычайно подчиненной порядку культуре. Здесь опять фундаментальная разница между авторитарной культурой (или личностью) и демократической. Демократическое общество допускает существование частичного хаоса в мире, поскольку верит в естественный порядок вещей, в то время как авторитарное пытается контролировать всю полноту реальности.

ТИМОТИ ЛИРИ И ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Интервью, взятое Робертом Форте у Хьюстона Смита

Р. Ф.: Хьюстон, мне очень приятно находиться здесь, в твоём чудесном доме, смотреть на залив Сан-Франциско и слушать твои воспоминания о Тиме. И еще я надеюсь, что ты выскажешься более широко о появлении психоделиков в современной жизни. Может быть, ты мог бы сравнить стили Олдоса Хаксли и Тимоти Лири, поскольку ты тесно сотрудничал и с тем, и с другим.

Х. С.: Да, это правда. Я постараюсь ответить на все твои вопросы.

Р. Ф.: Возможно, кое-кто из наших читателей удивится, когда узнает, что ты на самых ранних порах имел отношение к этой теме - психоделикам и религии, - твоё знакомство с ней произошло больше, чем тридцать

Хьюстон Смит является одним из самых выдающихся религиозных деятелей в мире. Его книга «Религии мира» стала бестселлером среди книг на эту тему и была дополнена «Иллюстрированным путеводителем по мировым религиям». Недавно совместно с Ройбеком Снейком он опубликовал книгу «Одна нация под Богом», которая посвящена исконной американской церкви. Он был одним из центральных участников Псилоцибинового проекта в Гарварде, в самом его начале вместе с Олдосом Хаксли.

пять лет назад, начиная с твоего первого опыта в 1961 году. Ты написал немало научных статей о религиозном значении психоделических наркотиков и посвятил этому предмету приложение к своей книге «Забывтая правда». Некоторые из этих работ были собраны в книгу Советом духовных практик. Твоя самая последняя книга, «Одна нация под Богом», о религиозной свободе, завоеванной Исконной американской церковью. Ты широко известен как один из наиболее авторитетных и красноречивых голосов, рассказывающих о религиях мира. Больше тридцати лет ты работал над созданием общего взгляда на религии мира, поставив перед собой благородную задачу попытаться возродить чувство священного в современной жизни. И, несмотря на твой заслуженный статус, тебе по-прежнему надо бороться за то, чтобы быть услышанным в дискуссиях по этому вопросу. Почему?

Х. С.: Потому что психоделики - это такой двусмысленный предмет, как обоюдоострый меч. Они могут помочь прорваться через *сансару* к *нирване* - можно сказать, пробиться сквозь сон и дремоту бессознательного существования и пробудить нас, но, если нам не повезет, могут лишить нас головы. Только на этой неделе, читая книгу Питера Койота, непосредственного участника психоделических шестидесятых, «Спать, где упал», я встретил упоминание об одном индейце, который принял кислоту в неудачный день и стал трехсотым человеком, спрыгнувшим с моста Золотые Ворота. Потенциал этих веществ, как положительный, так и отрицательный, так велик, что было бы просто беспечностью сказать, что мы их знаем.

Р. Ф.: Это послужило поводом для объявления войны наркотикам. Официальная реакция на психоделики во многом была мотивирована бурным антиавторитарным духом шестидесятых, а рвение Тимоти ее только

усиливало; хотя, может быть, эта конфронтация уже существовала на протяжении веков, а Лири словно перемахнул через нее, чтобы разнести свои открытия по миру - как говорится в Ицзин: «Когда дикий гусь находит пищу, он зовет своих друзей». Так что надеюсь, сегодня мы сможем не только поговорить о Тимоти и том, что происходило в то время, но и обсудить более широкий спектр проблем и перспектив интеграции психоделиков или энтеогенов в современное общество.

Х. С.: Ты хочешь, чтобы я с головой погрузился в эту тему?

Р. Ф.: Я принес кое-какие документы, которые я нашел в архивах Лири, они помогут тебе вновь почувствовать настроение тех дней, вспомнить тот оптимизм, тот интеллектуальный и духовный энтузиазм, возникший вокруг первоначальных открытий. Этот вдохновенный энтузиазм со временем выплеснулся из университетов и распространился по миру. Здесь разные письма от медицинских учебных заведений, богословских школ, тюремного начальства, Парапсихологической лаборатории в Дюке, Национального института здоровья. Вот письмо от Уильяма Уилсона, основателя «Анонимных Алкоголиков», написанное Тиму в 1961 году и восхваляющее ЛСД. Другое - от опытного психиатра Абрама Хоффера из Департамента общественного здоровья в Саскатуне, где он использовал ЛСД для лечения. Он отмечает «просто волшебное воздействие на алкоголиков и наркоманов».

Х. С.: Из этого могла бы получиться интересная книга.

Р. Ф.: Блестящие умы, ведущие ученые и художники мира были привлечены к исследованию свойств этих наркотиков и возможностей применения их в разнообразных областях. Потом все это движение выродилось в хаос. Гарвард и Sandoz обвинили Лири и

Алперта в выходе за рамки, в поиске известности в ущерб науке, и они были уволены. Всего через несколько лет Лири был приговорен к сроку от двадцати до тридцати лет тюрьмы за хранение марихуаны. Никсон назвал его «самым опасным человеком на свете». В зависимости от взгляда на вещи это могло быть и комплиментом. Вот письмо от федерального судьи в Техасе, который приговорил его к двадцати годам, в нем он отказывается смягчить приговор, несмотря на то, что Лири сотрудничал с властями.

Думал ли ты когда-нибудь, во что это все выльется, когда впервые познакомился со священными наркотиками?

Х. С.: Перед тем как ответить на твой вопрос, я хочу поправить тебя, когда ты называешь их «священными наркотиками». У них есть сакральные свойства, я не стану этого отрицать. Но Олдос Хаксли был прав, когда назвал их «наркотиками ада и рая», и адская, демоническая их составляющая иногда вытесняет сакральную. Мы возвращаемся к моему тезису об их двойственном характере.

Теперь к твоему вопросу: мог ли я предвидеть, во что это все выльется? Не с самого начала. Как ты сам отметил, настроение в начале было самое оптимистичное, все огни казались зелеными. Ты затронул важные вопросы. Психологически психоделики обещали упростить доступ к подавленному бессознательному материалу, экономя годы психоанализа. В плане коррекции поведения они обещали понизить уровень рецидивизма среди условно освобожденных заключенных. И в сфере моего интереса они, казалось, обещали отбросить назад материалистический взгляд на мир, который принуждает людей видеть только явное, открыть им, что Ницше ошибался, когда заявил, что Бог умер.

Р. Ф.: Было ли вам понятно, что перед вами религиозные святые, когда они впервые появились в Гарварде в 1960 году?

Х. С.: Да, хотя следует учесть, что концепция «set and setting» быстро вмещалась в общую картину - «set» говорил о личной психологической подготовке субъекта, а «setting» - о внешней обстановке, в которой происходил прием этих веществ. Она заставляет меня усомниться в правомерности того, что ты категорически определяешь их как «религиозные святые», что ставит их в прямые, «один на один», взаимоотношения с религией.

Стали открываться разные возможности наркотика. Лири получил назначение в Центр исследований личности, и его главный интерес заключался в возможности использования психоделиков для изменения поведения, в особенности изменения социальных привычек. Один из первых экспериментов, который он провел, заключался в приеме псилоцибина вместе с заключенными в тюрьме строгого режима в Конкорде с целью выяснить, понизится ли уровень криминальных рецидивов после их условно-досрочного освобождения. Эксперименты проходили очень драматично. (Позже я заподозрил, что он мог подтасовать их результаты.) Мне в то время было интересно измененное видение реальности, которое (в названии одной из его книг) Карлос Кастанеда назвал «Отделенная Реальность», то, что психоделики производят раз от раза (хотя и вариабельно). То же самое было главным интересом и Олдоса Хаксли. Он приехал в MIT на семестр в качестве приглашенного профессора гуманитарных наук на той же неделе, когда и Тим заступил на свою должность в Гарварде, и учитывая то, что он написал «Двери восприятия», его присутствие было символично для Гарвардского эксперимента.

Р. Ф. : Продолжаешь ли ты считать, что психоделики являются способом увидеть духовный план реальности?

Х.С. : Да.

Р. Ф. : Будет ли достижение этого плана иметь социальные или политические последствия?

Х.С. : Это далеко ведущий и важный вопрос: могут ли метафизические и религиозные взгляды - мировоззрения - влиять на историю и формировать ее или речь идет о простом трипе. Излишне говорить, что я не стал бы заниматься философией, если бы придерживался последней точки зрения. Я согласен с Уильямом Джеймсом, который говорил, что, когда хозяйка дома знакомится с новым жильцом, ей в первую очередь следует поинтересоваться его философией, а не банковским счетом. Арнольд Тойнби продолжает эту тему, спрашивая, кому из людей прошлого должно быть наиболее благодарно современное человечество. Его ответ - Конфуцию и Лао-цзы, Будде, пророкам Израиля и Иудеи, Иисусу, Магомету и Сократу.

Р. Ф. : Было ли это твоей заслугой - то, что Олдос Хаксли приехал в Кембридж той осенью?

Х.С. : В минимальной степени, Гуманитарный факультет в MIT имел статью в своем бюджете для приглашения каждой осенью в свой кампус выдающихся гуманитариев, и его декан спросил меня, что я думаю о кандидатуре Олдоса Хаксли. Стоит ли говорить, я отнесся к этому с большим энтузиазмом. Когда это было решено, я немедленно вызвался быть его общественным секретарем и стал составлять его расписание, сопровождать на встречи и просто проводить с ним столько времени, сколько было возможно.

Р. Ф. : Был ли вызван твой энтузиазм его книгой «Двери восприятия», опубликованной в 1953 году? Не она ли пробудила твое любопытство по поводу священных наркотиков?

Х.С. : Это было больше, чем просто любопытство. Я был заморожен ею. Это нужно объяснить.

Как тебе известно, в отличие, я думаю, от твоих читателей, я родился в миссионерской семье, в Китае, где и провел детство и юность, пока не приехал в Штаты, чтобы поступить в колледж. Китай был тогда словно другая планета, и я провел мои годы в колледже и институте, приучая себя к Западу и стараясь стать полноценным американцем. Казалось очевидным, что наука и технология - это то, что делает Запад динамичным, в отличие от застойных традиционных обществ, и я очень просто привык к научному взгляду на мир, который теперь представляется мне скорее сциентистским, нежели научным.

Р. Ф. : Не мог бы ты объяснить разницу между ними для наших читателей.

Х.С. : Наука состоит из действительных научных открытий и метода - научного метода, - который и производит эти открытия. Сциентизм добавляет к этому, во-первых, веру в то, что научный метод является если не самым оптимальным способом для постижения истины, то, во всяком случае, самым оптимальным методом; и, во-вторых, веру в то, что предметы, которыми занимается наука - физические, материальные, измеримые, - это самые важные предметы на свете, фундаментальные, из которых все прочее вытекает. Именно наука изобретает теории, далеко не всегда доказательные, которые просто принимаются на веру. Они не больше, чем чьи-то мнения, которые мои учителя научили меня воспринимать как истину - справедливы слова А.К. Кумарасвами о том, что требуется четыре года, чтобы получить образование в колледже, и сорок, чтобы избавиться от него. Надеюсь, что в моем случае потребовалось несколько меньше.

Р. Ф. : Как же тебе удалось вырваться за рамки сциентизма?

Х. С.: Это опять возвращает меня к Олдосу Хаксли. У него был приятель, тоже англичанин по имени Джералд Хёрд. Его имя не очень известно, но это был блестящий человек. Уэллс сказал, что это был единственный радиокomentатор (его предметом была наука), которого он никогда не уставал слушать. Это благодаря Хёрду Хаксли сменил цинизм «Славного нового мира» на мистицизм «Вечной философии». Ты когда-нибудь слышал о нем?

Р. Ф.: Да, конечно. У меня есть письма Джералда Хёрда, адресованные Тиму.

Х.С.: Я не переписывался с ним, но у меня был шанс, если я могу так сказать. Книга «Боль, секс и время», пожалуй, самое важное чтение в моей жизни. Хотя я не уверен, что она покажется столь же важной всем остальным. Воздействие книги зависит от того, кто ее читает и на каком пункте своего жизненного пути в данный момент находится. Мне не хочется ее перечитывать вновь, потому что я думаю, что теперь, возможно, разочаруюсь в ней, поскольку сейчас я в другом месте, но тогда, когда я прочел ее, воздействие было мощным. Это была первая мистическая книга в моей жизни - книга, написанная с точки зрения мистической перспективы. Это был единственный раз в моей жизни, когда я читал всю ночь напролет, не в силах прерваться, и когда я закрыл книгу, вместе с ней была закрыта и тема натуралистической философии в моем мировоззрении. Мистический взгляд на мир показался мне более истинным, и с тех пор я не менял своего мнения.

После этой первой книги Хёрда я заинтересовался и остальными его книгами и, когда прочел все - их было несколько, - решил, что мне надо познакомиться с этим человеком, и я написал ему через его издателя. Он ответил, что не против, но что это может быть непросто, поскольку он сейчас в глуши, занимается медитацией в

каньоне Трабукко, примерно в тридцати пяти милях от Лос-Анджелеса. Я в то время переводился из Денверского университета в Вашингтонский университет, и поскольку Сент-Луис дальше от Лос-Анджелеса, чем Денвер, я поехал автостопом из Денвера в Трабукко. У меня не было машины, и я еще оставался должен университету за обучение, к тому же тогда автостоп был более простым делом, чем теперь. Когда мы прощались с Хёрдом, он спросил меня, не хочу ли я познакомиться с Олдосом Хаксли. «Он интересуется теми же вопросами, что и мы», - сказал он и дал мне адрес Хаксли в Лос-Анджелесе. Хаксли со своей первой женой Марией жил тогда в уединенном доме в пустыне Мохаве, но их горничная соединила меня с ними, и они объяснили мне, как добраться до них на автобусе, что я и сделал в один прекрасный день. В течение последующих пятнадцати лет эти два человека действительно были моими гуру, и антология Хаксли «Вечная философия» стала моей настоящей библией. Я организовал лекции Хаксли в Вашингтонском университете и один семестр преподавания для Хёрда.

Достаточно было одних «Дверей восприятия», чтобы потрясти меня, но это еще было не все. Мистические тексты убедили меня в существовании другого плана реальности, но я хотел убедиться в этом на собственном опыте и в надежде на это всерьез занялся медитацией. Однако, к сожалению, я оказался не достаточно хорош для этого искусства, выражаясь в индуистских терминах, я был джнана, а не раджа-йог. Но я не жалею, что посвятил двенадцать или около того лет медитации, и она до сих пор остается моим духовным путем. Она помогла мне сфокусировать мою жизнь и направить мое внимание, но мне не удалось расширить мое сознание путем медитации. Даже когда, как мне казалось, я приближался к этой цели, как это было во время занятий

дзеном в Японии, все, чего я добивался, было только радикальной перетасовкой компонентов опыта, но не визионерским опытом как таковым. Мне требовалась помощь для понимания того, что мистический опыт все-таки достижим, и мескалин Хаксли дал такую возможность. Так что, когда он приехал в MIT в 1960 году, я заговорил с ним об этом, и он представил меня Лири, который включил Хаксли в список консультантов проекта.

Вот такой длинный ответ на вопрос, что подвигло меня изменить мое натурфилософское мировоззрение.

Р. Ф.: И это привело тебя к Лири. Ты помнишь, как вы в первый раз встретились?

Х. С.: Это была встреча за ланчем в факультетском клубе Гарварда, и он сразу произвел на меня впечатлительное харизматическое впечатление. Он оправдывал свою репутацию блестящего исследователя, посвящая все свое время всему тому, что имело хоть какое-то отношение к теории личности, которой он занимался. Он был до мозга костей вежливым, остроумным и прекрасным рассказчиком. Все эти качества увенчивал стиль. Портной, который обшивал гарвардскую профессуру, заменил его обычный калифорнийский гардероб шикарными, дорогими твидовыми костюмами, локти пиджаков которых были украшены стильными замшевыми заплатками. Весьма характерно для Тима, что он добавил изящный штрих в академический стиль своего дизайнера, завершив его превосходными белыми теннисными туфлями, которые всегда сверкали так, словно были куплены не далее как сегодня утром. Как позже я узнал, он был также прекрасным артистом и умел читать «Поминки по Финнегану» с таким неподражаемым ирландским шармом, что при желании вполне мог бы сделать неплохую карьеру на профессиональной сцене.

Поводом для нашей встречи было внесение моего имени в списки участников его психоделического про-

екта, который на той ранней стадии подразумевал отчеты из первых рук участников о том, что они испытали, приняв мескалин или псилоцибин, и когда наш ланч приблизился к этому вплотную, мы достали наши рабочие блокноты, чтобы записать в них день и время моего первого эксперимента. Первые несколько дат, которые мы обсуждали, не подходили по разным причинам то мне, то ему, и, в конце концов, миновав Рождество, Тим, хитро ухмыльнувшись, взглянул на меня и спросил: «Как насчет Нового года?» Я согласился, и для меня стало судьбоносным это начало шестидесятых годов.

Р. Ф.: В каком качестве ты увидел его, духовной личности или блестящего интеллектуала, хотя, конечно, одно не исключает другого?

Х. С.: Добавь к этому его шарм и оставь последнее. Кроме того, он был очень уверен в себе, что делало его своим собственным начальником. Когда он считал что-то важным для себя, он действовал невзирая на то, что об этом могли думать другие. Но я не помню, чтобы я когда-нибудь видел в нем образец духовной личности, и я не думаю, что он сам видел себя в этой роли.

Я могу сказать, что первые три года, проведенные мною в Гарварде в качестве участника Псилоцибинового проекта, были самым потрясающим временем в моей жизни. Конечно, у Тима были и другие спутники на его орбите, учитывая, что его кипящая энергия была неиссякаемой, - но те двадцать участников проекта, с которыми я работал эти три года, были для меня самым интересным и важным коллективом в моей жизни. Важность эксперимента, в котором мы все участвовали, изолированность нашей группы от остального мира рождали сплоченность, с которой я никогда раньше не встречался ни в академическом мире моих коллег, ни среди прихожан моей церкви. Некоторые из имен членов той группы до сих пор помнят в психоделических

кругах: Дик Алперт, ставший потом Рам Дассом; Уолтер Панке, доктор медицины, организовавший эксперимент «Страстная Пятница», ставший основой его второй докторской диссертации, на этот раз по психологии религии; Уолтер Хьюстон Кларк, профессор психологии религии в Богословской семинарии Эндювера Ньютона; Ралф Метцнер, ставший потом деканом в Калифорнийском институте интегральных исследований; Пол Ли ассистент Пауля Тиллиха, которого я пригласил преподавать в МГТ, и который позже продолжил преподавательскую деятельность в Калифорнийском университете Санта-Круза; Рольф фон Экартсберг, ставший профессором психологии в Университете Дюкесн; и Лиза Биберман, организовавшая снискавший широкую известность журнал *Psychedelic Review*. Это только те, кого я помню лучше других. Мы встречались раз в две недели, иногда на сессиях, длившихся всю ночь, принимая то или иное вещество, иногда просто обсуждая религиозное значение психоделиков. Во время одного из таких ночных бдений от упавшей свечи загорелась кружевная оконная занавеска. Вскоре после этого (было около двух часов ночи) позвонила моя жена Элеанор (позже она стала отзываться на имя Кендра) и спросила, все ли у нас в порядке. Она проснулась от очень реалистического сна, в котором видела, что дом Тима (в котором мы все находились) был охвачен пожаром.

Вскоре ко всему этому примешалась и поднятая в СМИ шумиха. О проекте стали писать газеты, и это привлекло богатых и знаменитых людей, наряду с прочими искателями сенсаций и претендентами на роль морских свинок. Почти все уикенды Тим стал проводить в Нью-Йорке, откуда возвращался с захватывающими рассказами о сеансах с людьми, которых мы знали только по именам. Одним из таких был, например, Джек Ке-

руак. О нем было известно, что по пьянке он ввязывается в драки, но под ЛСД оказался очень смирен. На прощание Тим, в частности, сказал ему: «Мы отлично провели время, а ты за весь уикенд и мухи не обидел».

Во всем этом было много юмора. Майкл Холлингшед прибыл из Лондона в рамках ЛСД-проекта Джона Бересфорда с большой майонезной банкой, наполненной ЛСД, - не забывай, что речь идет о веществе настолько сильном, что достаточно просто лизнуть почтовую марку с его крупинкой, чтобы выйти на орбиту. По сути он был мошенником, но при этом у него были великие планы разбогатеть в Америке, продав Голливуду идею фильма, которую он придумал. История там была про мужчину, который хочет соблазнить молодую женщину, но та не обращает на него никакого внимания. Но у него волевой характер, и он решает, что если научится левитировать, то сможет привлечь ее внимание. Концепция Трансцендентальной Медитации утверждает, что можно развить этот талант, и он тренируется день и ночь и развивает его. Как-то вечером он замечает, что его тело приобрело непривычную легкость, а еще через полчаса он уже приподнимается в позе «лотос» над своим ковриком для медитаций. Потрясенный, он звонит красавице и устремляется к ней. Ему трудно идти, так как ноги с трудом цепляются за тротуар. Когда он добирается до нее, она, конечно, впечатлена, вплоть до того, что согласна следовать к нему домой. По дороге он держит ее за руку, чтобы не оторваться от земли. Когда они добираются таким образом до его дома, она уже настолько впечатлена всем этим, что готова уступить его ухаживаниям. Она идет в ванную комнату принимать душ, но когда возвращается, его процесс левитации достигает апогея, и он оказывается приклеенным к потолку и никак не может опуститься. В финальной сцене она лежит перед ним с томным видом в постели и

говорит: «Как только ты будешь готов, бэби, как только ты будешь готов». Увы, этот фильм так и не материализовался.

Юмор сопровождал гарвардскую одиссею Тима и Дика Алперта до самого конца. На двадцатилетнюю годовщину их увольнения Тим и Рам Дасс вспомнили эпатажный стиль молодости и организовали празднование этого события не где-нибудь, а именно в Гарварде. Холл был битком набит, играла музыка. Аудитория больше всего напоминала концерт Grateful Dead. Два бывших преподавателя были представлены публике Дэвидом Макклелландом, главой факультета социальных отношений, который и уволил их двадцать лет назад. Он раздаривал улыбки и лучился радушием и доброжелательством, что составляло разительный контраст с его же поведением двадцатилетней давности. Но контраст между увольнением и его празднованием был не бóльшим, чем контраст между путями-дорогами Тима и Рам Дасса, которыми они прошли за эти двадцать лет. Рам Дасс нашел в Индии своего гуру, в то время как Тим погрузился в высокотехнологичное киберпространство. В тот год «Оскара» получили фильмы «ЕТ»⁵⁹ и «Ганди», и Тим, в своей естроумной манере, сказал, что герои этих фильмов находятся прямо перед аудиторией. Он сам, причастный киберпространству, представляет собой рекламу для «ЕТ», «в то время как в этом углу, - сказал он, протянув руку в сторону Рам Дасса, который с обритой головой, в усах, сидел, сложив ноги в позе медитации, - мы видим перед собой Ганди».

Подводя итоги всем перипетиям, можно сказать, что главным, что объединяло нас, было чувство того, что мы находимся на переднем крае познания. Мы устремились к достижению важных новых истин и воз-

⁵⁹ «ЕТ» - фильм Стивена Спилберга о маленьком инопланетянине, которому помогают земные подростки.

можностей, которые они открывают. Мы уподобляли себя первым исследователям Африки, в то время когда этот континент был еще неизвестен европейцам. Но с точки зрения моих интересов и темперамента, самым главным была духовная ценность психоделиков. Они не изменили мое мировоззрение, которое еще до знакомства с ними было мистическим. Но они позволили мне узнать их мир - ощутить его гораздо более реальным и осязаемым, чем наш обычный мир, который сузился до игры теней, как у Платона в пещере. И они научили меня, опять-таки опытным путем, тому, что такое благоговейный трепет. В течение более чем десяти лет я говорил своим студентам, что благоговение - это особое религиозное чувство, которое состоит из страха и восхищения, которые обычно (вне их религиозного союза) не дружат между собой. Восхищение влечет нас к объекту, в то время как страх отталкивает нас от него.

Р. Ф.: В книге «Флэшбэки» Тим рассказывает о своей встрече с ламой Говиндой, великим буддистским мудрецом и наставником, который сказал ему: «Ты являешься предсказуемым результатом стратегии, которая разворачивалась в течение более чем пятидесяти лет. Ты сделал то, что хотели бы сделать все философы. Ты был тактично подготовлен несколькими англичанами, которые сами были участниками этого процесса. Ты невольный инструмент великих перемен нашего века». Тридцать пять лет спустя после того, как лама Говинда сделал это заявление, как оно звучит для тебя, Хьюстон?

Х.С.: Основы тибетского мистицизма ламы Говинды оказали такое глубокое влияние на мое понимание агтой традиции, что я решил поехать в Индию, чтобы увидеть его. В начале шестидесятых я провел две недели у него в Алморе. Я никогда не забуду те уроки, которые

он мне давал в своей отшельнической хижине. Мы занимались с раннего утра до тех пор, пока солнце не садилось за Гималаи. Но когда я пытаюсь понять, что он имел в виду своим заявлением, я начинаю задумываться. О какой стратегии он говорил, и что это такое, что хотят все философы? В течение многих лет я был связан с теми или иными философскими факультетами и, наблюдая своих коллег, ни разу не замечал, чтобы они пеклись о том, чего хотел Тим Лири. И самое главное, о каких великих переменах нашего века он говорил? Я думаю, он имел в виду исключительные состояния сознания, те планы реальности, которые благодаря психоделикам стали доступны для всех людей, для тех, которые не могли посвятить всю свою жизнь медитации, чтобы достигнуть их, как это сделал лама Говинда. Это, конечно, внесло какие-то изменения в современность, но можно ли сказать, что это изменило историю? Трудно сказать.

Р. Ф.: Когда пришло твое время расстаться с Тимом и Алпертом, было ли это дружеское расставание?

Х.С.: О да, так же как их расставание с Макклелландом, главой их факультета. Организация, которая выросла из экспериментальной программы Тима, назвала себя Международная федерация внутренней свободы, ее аббревиатура (IFIF) была очень символична, это была самая двусмысленная организация, которую знал Кембридж, - и я был одним из ее учредителей. После трех лет ее существования стали возникать кое-какие недоразумения между Тимом и Диком, с одной стороны, и Уолтером Хьюстоном Кларком и мной - с другой. Они были бунтовщиками против истеблишмента, а мы хотели видеть себя реформаторами. Они были готовы бросить университет и сделали это, а мы осознавали себя его частью. И - может быть, наиболее важная разница - они были холостяками, а мы были

женаты. И однажды наше формальное расставание произошло. Это случилось, когда клан собрался на празднование Дня благодарения в Миллбруке, имени Пегги Хичкок. Обеду предшествовал традиционный матч по регби, который Кендра до сих пор вспоминает Б восторгом, потому что ее регулярно выставляли блокировать противника, а вставать у людей на пути - это то, что дается ей особенно хорошо. Ее звездный час наступил, когда ее послали блокировать Мэйнарда Ферпосона.

Ничего удивительного, что ей понравилось играть: к чаю перед игрой были поданы домашние печенья с марихуаной; но, ближе к теме, то, о чем я рассказываю, произошло ближе к полуночи, когда Тим, Дик, Уолтер Кларк и я решили, что, несмотря на нашу дружбу, противоречия между нами зашли в тупик и мы с Уолтером официально заявили о нашем выходе из IFIF. Поскольку в организации мы были «squares»⁶⁰, то я предложил организовать «IFIF в квадрате» с логотипом IFIF², хотя в реальности мы так и не создали параллельную организацию.

Я помню еще один момент той ночи, это касалось Дика Алперта. В качестве ассистента, только начинающего научную карьеру, он настолько находился в тени славы и положения Лири, что, признаюсь, я не особенно обращал на него внимание в течение тех гарвардских лет. Но после того как наш разговор о «разводе» был завершен, и я направлялся спать, наверх, где ждала меня Кендра, он позвал меня на воздух поговорить. *Между нами состоялся первый (и последний, насколько помню) за все время нашего общения разговор один на один. «Я уверен, что мы останемся друзьями и будем продолжать видеться друг с другом, - сказал он, -

⁶⁰ «Квадраты» (англ.) - конформисты в противоположность хипстерам.

но перед тем, как формально разойдемся в разные стороны, я хочу сказать, что на меня произвела впечатление стойкость, с которой ты маневрировал все эти бурные годы». Может быть, нескромно с моей стороны упоминать об этом, но это был первый раз, когда я узнал великодушие человека, который потом стал Рам Дассом. Могудобавить, что его прогноз на будущее оказался провидческим и в последующие годы я больше сблизился с Рам Дассом, чем с Тимом. Отчасти по причине того, что мы оказались почти соседями - последние пятнадцать лет я живу на одной стороне залива Сан-Франциско, а он на другой, но, кроме того, и наш образ мыслей в чем-то близок.

Р. Ф.: Я заметил, Хьюстон, покаты рассказывал о матче по регби в Миллбруке и о прочем, ты с удовольствием вспоминаешь Тима и те времена. Когда я впервые обратился к тебе с предложением участвовать в книге воспоминаний о Тиме, ты отказался. Ты сказал, что не хочешь оценивать поведение Тима и поэтому не будешь участвовать в этом проекте.

Х.С.: Да, это так.

Р. Ф.: В 1961 году Тим участвовал вместе с Хаксли в конференции на тему «Как изменить поведение». В своем выступлении он был весьма радикален по отношению к своим критикам: «Люди, которые говорят и пишут о жизненных играх, так или иначе ошибаются. Нас изображают фривольными или циничными анархистами, пытающимися подорвать социальные устои. Эти люди совершенно не понимают нас. В действительности только те, кто видит культуру как игру, могут принять эволюционную точку зрения, могут оценить и сохранить то великое, что призваны сделать человеческие существа. Воспринимать все как "серьезную, покоящуюся на твердых основаниях реальность", значит не понимать самого главного, с холодным безраз-

личием игнорировать величие игр, которым мы должны обучиться».

Что ты думаешь об этом?

Х.С.: Я думаю, что подобные высказывания и настаивали их против нас. Вы воспринимаете нас как угрозу обществу, а мы единственные, кто видит величие жизни. Это положение не учитывает нюансов. И это было так же неумно, как когда в других ситуациях он говорил о разрушении социальных структур, словно окатывая публику ушатом холодной воды. И хотя было бы несправедливо обвинять его в цинизме, но он мог быть легкомысленным, даже безрассудным и безответственным.

Р. Ф.: У него была продуманная концепция попытки «ювенилизировать общество». Он цитирует Артура Кестлера: «Биологическая эволюция, в конечном счете, это история бегства из слепой колеи сверхспециализации, эволюция идей - это серия побегов от тирании ментальных привычек и застойной рутины. В биологической эволюции бегство осуществляется путем отступления от взрослой стадии к юной (ювенильной), которая становится точкой отсчета новой линии; в ментальной эволюции путем временной регрессии к более примитивным и сдержанным формам идеации, за которыми следует творческий скачок».

А сам Тим при этом пишет: «Появление гедонистической психологии в шестидесятых было встречено официальным презрением и преследованием. Самодельные политики правильно чувствовали гедонизм. Нейросоматическая перспектива освобождает человека от привязанности к социальному муравейнику, от жизни робота и открывает пути достижения естественного удовлетворения и метасоциального эстетического откровения. Это откровение гласит: "Я могу научиться контролировать внутреннюю, соматическую функцию,

выбирать, управлять, настраивать входящие стимулы не на базе концептов безопасности, власти, успеха или социальной ответственности, но в терминах эстетической и психосоматической истин. Получать удовольствие от жизни. Освободиться от земных пут"» (Info-Psychology, p. 29-30).

Х.С.: Какая-то правда во всем этом есть, но это опять поляризация и отсутствие четких определений. Предположим, мы примем положение Кестлера. Как конкретно мы должны действовать, чтобы организовать общество, если мы хотим «отступить от взрослой к ювенильной стадии как начальной точки новой линии»? Отбросить заботы? Начать играть со спичками? Предполагать, что кто-то будет кормить нас и заботиться о нас?

Р. Ф.: Мне кажется, я заметил схожие мотивы в твоих трудах, там, где ты критикуешь современные умонастроения. В частности, в эссе «После постмодернистского сознания», где ты описываешь умонастроение современного мира как чрезмерно научное, авторитарное, материально ориентированное, контролируемое, вымеренное, «дисквалифицированное», которое, тем не менее, слава Богу, открывает дорогу к перспективе, которая больше ценит внутренние ресурсы индивидуума. «Высшая человеческая возможность заключается в самоуглублении и достижении "священного бессознательного", которое формирует внутреннюю линию нашей самости» (p. 178).

Ты пишешь: «Наш последний противник - это представление о безжизненной вселенной в качестве контекста, в котором возникают жизнь и мышление. Такая вселенная занимает подчиненное по отношению к человеку место и без него не имеет смысла. Если бы нам удалось хоть на мгновение стряхнуть с себя оцепенение, мы бы увидели, что не может быть ничего ужасней положения духов в безжизненной и индифферентной

вселенной - великий ньютоновский механизм времени, пространства и бездушных сил действует автоматически или случайно. Духи в таком контексте как дерева без воды, их листья засыхают... Нам нужна новая блейковская Горящая Золотая Радуга, чтобы помочь, "восстанию духа против интеллекта" (Йетс), поскольку интеллект стал слишком узким» (p. 102).

% Х.С.: Тим был прав, когда призывал к этому восстанию. С позиций сегодняшнего дня я думаю, что согоасен с большей частью его протестов. Реформаторы, каковыми мы себя с Уолтером Хьюстоном Кларком считали, теперь довольны статус-кво не больше, чем бунтовщики. Разница только в том, каким образом изменить положение вещей. Мое отношение к этому, по сути, философское - показать, что ограниченное мировоззрение, которое современность выдает за научное, по меньшей мере неточно. В надежде, что психоделики помогут нам выбраться из этой ловушки интеллекта, я в свое время и начал участвовать в гарвардском проекте Тима. Я обеспокоен и социальными проблемами - перенаселением, загрязнением окружающей среды, растущей пропастью между богатыми и бедными - но у меня нет ответов, как решить эти проблемы. Пожалуй, я не социальный философ.

Р. Ф.: Поскольку Тиму выпала участь психоделического гамельнского дудочника, можно попытаться определить историческую и философскую подоплеку его стремлений. Ты согласен?

Х.С.: Да. Но в чем?

Р. Ф.: Некоторые обвиняют его в противопоставлении психоделического движения обществу.

Х.С.: Эти обвинения преувеличены. Хотя некоторые из них он заслужил. В нем была бунтарская черта, которая почти вынуждала власти реагировать - как говорится, действие рождает противодействие. Но на

вопросы о степени трудно найти ответ - был Цезарь великим или очень великим человеком? Тим пробудил бунтарский элемент в западной молодежи, и это не так уж плохо. Я восхищаюсь Ноамом Хомски, и я не одинок в этом. Но он остался в университете и не потерял свою репутацию. Так что не всегда просто провести черту между бунтовщиком и реформатором.

Р. Ф.: Письма, подобные этому, от Джералда Херда, которое я сейчас хочу процитировать, похоже, провоцировали его на революционное отношение к действительности: «Какты сказал, Триада из Полицейского, Священника и Банкира будет всегда выступать против путешествия души, но поток сознания направлен против этой троицы. Что лучше и что хуже: лучше, если победишь ты и твои единомышленники, хуже, если политики преуспеют в своих темных делах и победа будет за полицейским-священником-банкиром. Видел ли ты это интервью с Гленом Сиборгом, главой АЕС. , где ему задали вопрос - что будет самым большим прорывом в ближайшие тридцать лет, и он ответил - изменяющие сознание наркотики».

Каким образом ваша группа надеялась внедрить в общество психоделические ценности?

Х.С.: Как я уже говорил ранее, IFIF² так и осталось только проектом, так что нельзя говорить только о моей группе. После выхода из первоначального IFIF для меня было главным следование по пути Уильяма Джеймса, Олдоса Хаксли и Гордона Уоссона - и позже Альберта Хофманна и Рэубена Снейка - в попытках понять механизм действия этих веществ и их значение для религиозной жизни.

Р. Ф.: Я пытался последними несколькими вопросами спровоцировать тебя на критику, но ты был предельно сдержан. Что, по-твоему, было теневой стороной Тима?

в, Х.С.: Не судите, да не судимы будете. Он сделал то, что должен был сделать. Но его наследие - это мешоксо всякой всячиной. Он породил массу последова- «гвлей, и с течением времени их становилось все больше и больше - подготовительные группы колонизации иных миров, туристы внутренней системы, как эти комки во главе с Гордоном Лидди - так что в конце уже трудно было понять, в чем его отличие от всех прочих.

Р. Ф.: Цмагическое мышление тоже потерпело крах, взять хотя бы его неудачу в попытке победить рак простаты, который убил его. Он не отягощал себя длительными отношениями и ответственностью, которую они требуют. Сколько раз он был женат? Когда я спросил его о проблеме аддикции к сильным наркотикам, которая затронула и его, он сказал: «Получил аддикцию - исцели себя сам». Это был беспечный ответ. Он ни разу даже не попытался бросить курить. Когда я представлял его на чтении его последней книги в магазине Cody's Books в Беркли - его ранние книги были по-прежнему популярны, но эта требовала какой-то рекламы, - он вынужден был в середине сделать перерыв, потому что захотел покурить. Я смотрю на жизнь, которую он прожил, с благодарностью, но не без печали. С благодарностью не только из-за того, что он помог мне проникнуть в мою собственную душу, но также за дружбу, радость общения и то возбуждение, которое он создавал в те гарвардские годы. И с печалью, потому что его жизнь пошла под откос. Столько талантов и такой печальный конец. Мо дух его так и остался несломленным.

Р. Ф.: Испытываешь ли ты удивление по поводу происходящего теперь? Мог ли ты представить себе в шестидесятые, насколько запрещенными и нелегальными станут эти вещества?

Х.С.: Вначале я был утопистом, как и все прочие. Не знаю, могло ли быть иначе. Конечно, современная

ситуация могла бы быть несколько лучше. Истерия вокруг наркотиков могла бы быть меньшей, если бы Тим с Диком в свое время смогли бы обуздать свои наиболее одиозные причуды. Но для меня остается открытым вопросом - могут ли эти вещества открыто интегрироваться в общество. Я использовал образ, позаимствованный мною у Джералда Херда - о пляжном мячике, попавшем в озеро. Часть его всегда остается под водой. Джералд считал, что так же обстоят дела и с обществом. Никогда не будет общества, в котором все будет открыто, потому что у всех людей разные уровни толерантности. В викторианскую эпоху люди не могли говорить открыто о сексе, но это не мешало им флиртовать. Теперь эти вещи просто поменялись местами.

Р. Ф.: Но мы сейчас больше говорим о душе. Религиозные вопросы, такие, как существование ангелов, жизнь после смерти, духовные законы успеха, в наше время стали очень популярны.

Х.С.: Пожалуй, ты прав. Недавно все опять изменилось. Судя по всему, «душа» снова входит в повестку дня. И, возможно, именно благодаря Тиму.

Р. Ф.: Столько страха и предубеждения, которые окружают мистические свойства психоделиков, вместо этого интереса к религии. Как ты думаешь, это когда-нибудь изменится?

Х.С.: Не знаю, но что-то во мне противится положительному ответу на этот вопрос. Одним из подробных вспышке молнии открытий, которое я сделал во время моего первого психоделического опыта, было, как я рассказывал раньше, внезапное осознание того, что я понятия не имею, что такое благоговение и каким образом оно вызывает одновременно страх и восхищение. Я должен признаться, что для меня страх - составная часть психоделического опыта. Каждый раз, когда я приближаюсь к моменту, за которым может последо-

вать потеря контроля над собой, я испытываю страх. Если это эндемично опыту, страх может препятствовать открытому восприятию психоделика. Так что я не уверен, что неприятие психоделиков непременно ведет к троице Полицейского и т. д. Это может скрываться в самой природе этих веществ.

Р. Ф.: Однажды ты рассказывал мне о том, как в семидесятых годах ты встретился с Тимом в Швейцарии. И он сказал тебе кое-что, что имеет отношение к ЛКашей теме.

Х.С.: Я знаю, о чем ты говоришь, да, это имеет значение. Мы с Кендрой были в числе участников трехнедельного семинара по Юнгу и Казантакису в Швейцарии, 4 я как-то узнал, что Тим тоже был в стране. Я нашел его через отделение IFF, и мы договорились встретиться в городе неподалеку от места проведения семинара. Это было вскоре после его побега из тюрьмы - самая потрясающая история, которую я слышал, - и у него была темная аура разыскиваемого преступника. Он ворвался в город в характерном стиле, на заднем сиденье ревущего Харлей-Дэвидсона, которым управлял его тамошний приятель. Я был очень рад снова увидеть его на свободе, и мне запомнилось, что он сказал в самом начале того нашего разговора. «Никто не меняется, не правда ли, Хьюстон?» Как и многие другие наблюдения Тима, это было достаточно верно. С нами обоими много чего произошло за это время, и вот мы встретились опять, в тысячах милях от Кембриджа, в другой стране. Но я по-прежнему в своем духовном странствии, которое стало главным для меня еще до того, как я познакомился с Тимом и психоделиками. А он по-прежнему в бегах и не в ладах с законом, изгнан отовсюду, так же как раньше из Уэст-Пойнта, Гарварда и Сихуатанехо

Р. Ф.: До сих пор существует конфликт между Материалистическим «научным» видением мира и

«квиеетическим. И его можно разрешить, в каком-тосмыс-«е, при помощи психоделических наркотиков. Можно и в научном ключе увидеть, с точки зрения систематики, что божественное существует, что сакральное реально, что понимание Бога может быть более фундаментальным, чем утверждения материалистов. Можно доказать реальность мистического опыта.

Х.С.: Ее можно доказать для меня, но мне не нужны доказательства - я верил в правоту мистиков еще до своего приобщения к психоделическому опыту. Но я боюсь, что точно так же дела обстоят и с неверующими. Материалисты должны согласиться, что психоделики могут генерировать мистический опыт, но в самих этих экспериментах нет ничего, что заставило бы людей поверить, что они рассказывают нам истину о том, как устроен мир. Когда Бертрана Рассела спросили, был ли у него когда-нибудь мистический опыт, он ответил: «Много раз». - «И что вы с ним сделали?» - «Я отбросил его».

Р. Ф.: Я стараюсь следовать за мыслью Хаксли сейчас. Как он сказал в своем раннем тексте под названием «Визионерский опыт», составленном при участии Лири в Копенгагене: «Биохимические методы, как я полагаю, это наиболее мощное и убедительное средство для транспортировки нас в тот иной мир, который существует в настоящем. Я думаю, как отметил и профессор Лири сегодня, что они открывают огромное поле систематических экспериментов для психологов, поскольку теперь стало возможным осваивать территории сознания с минимальными издержками для здоровья тела, территории, котррые раньше были почти недостижимы, разве что при использовании чрезвычайно опасных наркотиков, если не иметь в виду тех редчайших людей, которые могут попадать в этот иной мир спонтанно. (Конечно, это очень трудно и для них попадать туда наме-

ренно, "дух дышит, где хочет", как правило, люди с этим спонтанным даром не умеют им управлять.) С такими >наркотиками, как псилоцибин, стало возможным для большинства людей попадать в этот иной мир без особых проблем и почти безо всякого вреда для здоровья». t,t Х.С.: Мудрый человек. Я не припомню ничего из того, что я читал у Хаксли, что вызвало бы у меня сочинения в истинности прочитанного. Но обрати внимание на определение в отрывке, который ты привел. В нем говорится, что психоделики - это «наиболее убедительный», но не самый убедительный способ превратить скептиков в мистиков.

Р. Ф.: Я принимаю это различие, но тем не менее, не кажется ли тебе странным, что богословские семинарии и монастыри игнорируют этот «наиболее убедительный» способ достичь божественного откровения? 1*елигиозная тренировка или метафизическое откровение - вот, похоже, идеальный контекст для этих наркотиков.

Х.С.: В этом я с тобой полностью согласен. Хотя, конечно, общество будет продолжать противиться их легализации, и даже в нелегальном их использовании оно должно быть избирательным, так сказать. С тех пор как Уоссон опубликовал свою потрясающую книгу «Россия, грибы и история», так и случилось, что мир разделился на две половины - для одной «грибы» и все, что с этим связано, значит очень много, если не все, в то время как другой половиной воспринимается с опаской, как поганки.

Р. Ф.: На той самой конференции в Копенгагене Хаксли задал вопрос: «Конечно, мы подходим сейчас к философской проблеме: каков метафизический статус этих видений, каков их онтологический статус? Необходимо углубиться в эту проблему, и, я надеюсь, кто-нибудь рано или поздно сделает это». Хотел бы я знать,

сможем ли мы когда-либо сделать это в рамках нашей культуры?

Х.С.: Хаксли сделал это, и Уильям Джеймс, Гордон Уоссон и Альберт Хофманн тоже. Ты углубляешься в эту проблему, и я тоже углубляюсь в нее в своем ключевом эссе «Приносят ли наркотики религию?», которое было включено более чем в двадцать книг, в основном учебников. Так что суть твоего вопроса сводится к тому, начнет ли общество придавать этому вопросу то внимание, которое он заслуживает.

Кто знает? Как поет Боб Дилан: «The answer is blowing in the wind» («ответ знает только ветер»). Хотя я не отчаиваюсь. Я никогда не думал, что доживу до таких времен, когда меня пригласят в ведущий университет читать лекцию на тему «Психоделики и религия», и что потом эта лекция будет широко опубликована. Это было в университете Северного Иллинойса, два года назад. У меня было чувство, что я снова в Гарварде, в те времена, когда эта тема была уважаема. Так что я до сих пор не знаю, куда мы идем. Это как Диззи Гиллеспи, когда его спросили об будущем джаза. Он сказал: «Чувак, если бы я знал, куда идет джаз, я бы уже там был».

ЛИРИ ГЛАЗАМИ ОУСЛИ

Интервью с Оусли Стэнли, взятое Робертом Форте

Р. Ф.: Я сейчас вспомнил, что было 17 апреля, когда мы начали этот разговор - ровно в середине празднования годовщины открытия ЛСД, я имею в виду разговор о Тимоти Лири. Он как раз начал чувствовать себя лучше. Хоть и в инвалидном кресле, но он был полон энергии и юмора, вел себя как шаловливый мальчишка, оказавшийся в теле дряхлого 75-летнего старца. Ты знаешь, он может быть обаятелен и трудно переносим одновременно. Язвительно остроумен. Я рад, что у нас выдался случай поговорить о нем.

Медведь: Я не уверен, смогу ли я сказать о нем что-нибудь, чего еще не сказали другие. Мы с ним зависали вместе на протяжении ряда лет, но у меня всегда было чувство, что он упорно пытается дурачить меня

Август Оусли Стэнли Третий (AOS 3) больше известен как художник, ученый, дизайнер, создатель технологий, расширяющих сознание, и подпольный изготовитель ЛСД. Он построил аудиосистемы для группы Grateful Dead и наращивает потенциал, чтобы сделать это для многих других. «Искусство и музыка - это вершина человеческих устремлений, - пишет он, - все остальное - это только вспомогательная поддержка для них»

то в том, то в другом, так что я так и не знаю его истинное лицо. Прости, но это правда.

Говорят, он собирается устроить показательное Интернет-самоубийство на своем веб-сайте. Если это правда, то он, должно быть, потерял всякие остатки человеческого достоинства в своей погоне за славой. Я прочел в австралийской газете статью Филиппа Адамса, в котором он пишет, что люди, любой ценой старающиеся поддерживать свою известность, неизбежно получают необратимые повреждения мозга. Я вынужден согласиться с этим, и Тим - прекрасное тому подтверждение.

Р. Ф.: Ну, он, конечно, публичная фигура, знаменитость. Это накладывает определенные обязательства. Как там говорится? «Чем выше на дерево залезает обезьяна, тем лучше видна ее задница».

Когда он впервые объявил о том, что собирается подвергнуть свое тело криогенной заморозке, он сказал: «Я оставляю свой выбор свободным и, когда придет до дела, я, может быть, pošлю на хуй этот холодильный бизнес, и закажу себе вместо него хороший миксер». На самом деле, он сейчас все больше в себе, но несколько вышедших один за другим пресс-релизов создают впечатление бесконечного Лири-карнавала.

Медведь: Я рад, что статья про самоубийство в Интернете - фальшивка. Ей-богу, это не к лицу ни одному человеку, хотя бы с небольшими признаками просветления. Единственная вещь, которой человек реально обладает в этом мире, - его честь, и главная часть ее природы - это достоинство. Это работа, и личная задача для каждого из нас. Может быть, величайшая задача искусства, высочайшее призвание художника в этой жизни - работа по созданию самого себя, и тогда честь становится неотъемлемой частью сознания. Я думаю, это изначально бессознательная цель каждого из нас, но некоторые из нас, типа, теряют ее по дороге.

Р. Ф.: Тимоти Лири?

Медведь: На самом деле, он, по моему разумению, был самым деструктивным из всех персонажей, появившихся на сцене, с тех пор как Хэвлок Эллис в 1890-х обнаружил и представил западной цивилизации психоделическое действие пейота.

Р. Ф.: Он был очень шумным и противоречивым. Кажется, что психоделическое движение прежде всего надо вычистить после Лири.

Медведь: Я согласен с этим, помойка была изрядная. Совершенно необязательно было ее устраивать. И мне жаль, что Тим так и не открылся передо мной. Изначально я воспринимаю каждого человека как *tabula rasa* в надежде, что узнаю его лучше. Наверное, в его случае у меня не хватило терпения.

Может быть, я чересчур строг в своей оценке Тима и всего, что он сделал. Не подумай, что я его ненавижу. Я скорее люблю его или, по крайней мере, того, кто он, как я чувствую или надеюсь, есть. Жаль, что я оказался неспособен проникнуть за тумаску, которую он для меня надевал. Я не то что не люблю его как личность, но я испытываю затруднения, пытаюсь понять его мотивы. Мне он кажется человеком, который опоздал на автобус и теперь бегаёт вокруг, недоумевая, куда тот подевался. Кажется, что он подошел туда, где мы только что были, и думает: «Вот оно, то самое». Вот пример.

Один раз, несколько лет назад, я был в Лос-Анджелесе позвонил ему и приехал. Он не был настроен на общение, поскольку был увлечен созданием компьютерной игры. «Что за игра?» - спросил я его.

«Состояние искусства, - сказал он. - Это полностью захватит и очарует человечество».

Я взглянул на то, чем он занимается вместе со своим помощником хакером и увидел, что на нем только какой-то текст.

«Тим, - сказал я, - компьютерные игры больше не базируются на тексте. Они ориентированы на графику».

«Ничего подобного, - ответил Тим. - Все любят эту игру».

Это было в самом начале его знакомства с компьютером, но игры уже успели уйти гораздо дальше текста. Ничего из этой игры не вышло, мне не удалось тогда убедить его, что хотя его идея, может быть, и неплоха, но для ее воплощения нужно сделать что-то, что действительно будет соответствовать «состоянию искусства». Всюду опоздал и деньги потерял. Грустно это.

У меня по-прежнему остается неуловимое ощущение, что он просто пытался выглядеть «душкой-парнем» передо мной, но при этом его абсолютно не интересовало, кто я на самом деле или что я конкретно скажу. У меня определенно осталось впечатление от тех нескольких наших коротких встреч, что у него всегда было что-то, что интересовало его гораздо больше моей персоны. Я родился в год Собаки по китайскому календарю, да мне и на самом деле нужно, чтобы мы были друзьями с теми, с кем я знаком. Я формирую отношения. Есть у меня такая насущная потребность, и у меня было чувство, что Тима подобные вещи совершенно не волновали. Может быть, я ошибаюсь, может, он вовсе не такой, но это мое впечатление. Я по-другому дружу с людьми. Ничего не могу с этим поделать.

Р. Ф.: В своей книге «Политика экстаза» он называет тебя «тайным агентом Господа Бога». Говорит, что ты отличный пример «романтического бессмертия», «народный герой XXI века». «Он просматривал нас в течение эпического трипа сквозь уровни творения. Он знает, о чем говорит. Моими учителями были самые прозорливые мудрецы нашего времени, - Хаксли, Хёрд, лама Говинда, Шри Кришна Прем, Алан Уотте и я должен сказать, что у AOS.3... самое современное видение

мистического дизайна, которое я когда-либо встречал». Он говорит, что ты «святой безумец», и пишет о тебе с большим чувством: «AOS.3 - это редчайшее из созданий, настоящий, живой, пахнущий, дышащий, ревуший, смеющийся, работающий, ворчливый человек. Смешной, самодовольный дурак, шут Господа Бога, мечтающий о том, чтобы сделать всех нас счастливыми, очаровать нас, любить нас и быть любимым».

Медведь: Эта глава в «Политике экстаза» просто фикция, что-то вроде экстракта из разных встреч, типа дайджеста из всего того, что он пытается высказать в этой специфической книге. В ней видно и его отношение ко мне. Однако я воспринимал это как что-то вроде саморекламы, когда читал эту книгу.

Р. Ф.: Здоровому обществу нужны такие люди, как Лири, для того, чтобы создавать хаос, разрушая отжившие стереотипы.

Медведь: Я согласен с тобой, что у Тима существует непреодолимая иконоборческая тяга, но я по-другому вижу ее стимулы. Я не думаю, что это может быть его целью - находиться в постоянном конфликте с всем и всеми, не поддерживая при этом никого. У меня впечатление, что он готов пойти на все, чтобы привлечь внимание к своей персоне, это неустанный бег за славой. Не потому, чтобы он думал, что его очередное выступление так важно само по себе именно сейчас.

Р. Ф.: Люди в Sandoz и Швейцарской академии медицины, так же как и многие другие, считают, что Лири уничтожил всякие шансы этого феноменально важного лекарства, ЛСД, работать на благо общества.

Медведь: Это «официальная» позиция швейцарского истеблишмента. Альберт Хофманн в экстазе от того, как кислота распространилась по всему миру. Он был самым первым психоделическим рейнджером, но он должен был работать с научным сообществом, к которому

принадлежал. Он не был связан с «эзотериками и хип-гв»,⁶¹ принимающими ЛСД, сам он считал, что те люди, которые сами его не принимают, просто больше всего заинтересованы в зарабатывании денег. Позже, когда употребление ЛСД вышло из-под контроля и стало распространяться по миру, научно-медицинское сообщество было огорчено, потому что вещество перестало быть исключительной привилегией этой элиты.

Медицинское и научное сообщество должно винить только себя за утрату возможности экспериментирования с психоделиками. Оно оставалось в стороне, когда сенатор Том Додд и его друг Арт Линклеттер боролись за легализацию психоделиков. Линклеттер приобщил к этой борьбе и Уильяма Дугласа. Медики думали, что это только прекратит уличную торговлю, но они забыли уроки каннабиса. Они просто придурки! Они так и будут хныкать и оставаться паиньками, вместо того чтобы сделать хоть какое-то движение для возвращения легального статуса этим веществам.

Достижения Лири обладают весьма небольшой ценностью для психоделического сообщества в целом. Я не согласен со старинной поговоркой, что «слава всегда хороша». Я не думаю, что его вызывающая позиция поставила нас сейчас в лучшее положение, чем оно могло бы быть, будь он немного более компромиссной и толерантней. Благодаря его действиям, мы в гораздо худшем положении.

Он никогда не беспокоился о том, что может причинить вред своими действиями, несмотря на то, что мы неоднократно говорили ему об этом. Он всегда прославлял иконоборчество как цель, а не как средство, ведущее к цели. Он, несомненно, один из тех, кто несет прямую ответственность за ту скорость, с которой законы достигли нынешнего драконовского состояния. Может статься, если бы он не орал во весь голос с городских крыш, все

сейчас могло бы быть и не так уж плохо. Взять к примеру вещи типа предписывания людям с повышенным весом с наполнителем под видом настоящего наркотика. Подобные вещи относятся скорее к царству эмоций, а не правосудия, но сам факт их появления свидетельствует о весьма бездумной реакции общества. Все мы знаем, каким важным событием было явление психоделиков, но мы также помним слова из «Кибалиона»⁶¹: «Уста мудрое-Ш немые для непосвященных» - предостережение, аналогичное старинной притче про жемчуг и свиней.

Р. Ф.: Тим разбрасывал жемчуг везде, где мог. Я видел мультфильм про двух свиней, которые смотрят на жемчуг, и одна говорит другой: «О, Боже, какие исключительные жемчужины!»

Медведь: Это было ожерелье?

Р. Ф.: Нет, просто несколько жемчужин на земле.

Медведь: Это точно мой взгляд. Я думаю, что Лири причинил много вреда разным людям не тем, что сказал: «принимайте кислоту», и они принимали ее, а тем, что из-за того, как он это делал, появились законы, которые приговорили их на всю жизнь.

Р. Ф.: Он был арестован за хранение пары косяков посредственной марихуаны и дважды приговорен за это к астрономическим срокам.

Медведь: Он был сам кузнец своей судьбы. Есть старинная поговорка «If you can't do the time, don't do the crime»⁶². Я не думаю, что мне надо объяснять тебе, что его преступлением был его длинный язык.

Психоделики - это часть религии или знания, а не оружие войны и конфронтации. Не стоило раздувать пожар. Каждый, кто захочет узнать, узнает. Для этого надо было вовлекать СМИ и правительство.

⁶¹ «Кибалион» - современный эзотерический трактат, якобы излагающий истинное учение Гермеса Трисметиста.

⁶² «Если тебе нечего делать, не совершай преступлений» (англ.)

Р. Ф.: Ты действительно обвиняешь в этом Тима? Психоделики были запрещены в западном христианском обществе с самого начала.

Медведь: Даты, наверное, шутишь! Неужели непонятно, в чем его вина?

Р. Ф.: Эта история слишком сложна, чтобы взваливать ее на плечи одного человека.

Медведь: Это то же самое, что сказать, что спичка, от которой сгорел Чикаго, была не единственной причиной пожара. Никто, кроме Тима, не говорил то, что говорил он.

Р. Ф.: И кто это говорит? Не ты ли человек-легенда, который накормил голодные массы?

Медведь: Ты, наверное, пытаешься шутить. Затри года я произвел меньше 500 граммов ЛСД.

Р. Ф.: Примерно пять миллионов доз.

Медведь: Опять вранье, у нас были выше дозировки, и на самом деле там было чуть больше одного миллиона доз, они разошлись в течение трех лет, половина из них была роздана бесплатно, а половина продана, чтобы поддержать движение. В наши дни, те, кто этим занимается, ворочают по 10-20 кило за раз. У тебя передозировка от массмедиа. Наше предприятие было небольшое и для внутреннего круга, потому что я не был в то время уверен, что то, что я делаю, будет хорошо для общества в долгосрочной перспективе. Средство было мощное, и мне нужно было убедиться в том, что это добрая штука. И конечно, мы слегка переборщили с дозировкой. Это было ошибкой.

Р. Ф.: На ошибках учатся.

Медведь: Мы долгое время не понимали, что наши дозы не соответствовали потребностям того времени. Это поняли уже те, кто шел за мной по Тропе. Я был захвачен космическим экспериментом. Наша доза была, возможно, хороша для человека с большим, сильным

=вго, но не для первого встречного на улице. Большинство людей не принимали даже половину нашей дозы, они разбивали ее на несколько доз. Так что с пропорциями мы слегка перепутали.

Р. Ф.: Каким образом ты пришел к психоделикам? Через Кизи и Grateful Dead?

Медведь: Я слышал о Лири и Алперте еще до того, как мне стало известно о существовании Кизи. В 1963 году я оказался участником того, что происходило в Беркли. Я полагаю, это было продолжением исследовательского движения, начатого Хофманном, за исключением того, что это были не профессора, получающие ЛСД от Sandoz, а студенты, которые делали его сами. Качество было не ахти. У меня было немного оригинального сандозского продукта, который мне подарил один приятель, пожилой адвокат, который, в свою очередь, получил его от одного парня в Мексике. Оригинальный продукт был просто откровением. Я решил понять, каким образом он был приготовлен, и с этого все началось.

Р. Ф.: Я полагаю, у тебя был все время растущий подпольный круг.

Медведь: Нельзя сказать, что это было совсем подполье, но и с флагами по улицам мы не ходили. Как в рок-н-ролле, где некоторые у всех на виду, как мой приятель Пол Кантнер, а есть другие, как Джерри Гарсия, которые просто улыбаются и поют песни. Как ты думаешь, чье влияние больше? Может, это несправедливо по отношению к Полу, но я думаю, ты меня понял. Жизнь - это форма искусства. Есть прекрасное искусство, а есть уродливое. Зачем делать что-то уродливое, каким бы «художественным» оно ни было?

Р. Ф.: Видишь ли ты хоть какую-то пользу в популяризации, или, как называет это Гинзберг, «демократизации» психоделиков которой занимался Лири?

Медведь: Лири сделал относительно не так уж и много для «демократизации» употребления ЛСД, поскольку основную работу уже сделали мы, еще до того, как его имя стало известно. Я думаю, он, скорее, занимался серфингом на волне, которую мы подняли. Из них двоих путь, который выбрал Рам Дасс, представляется мне более значимым.

Я критикую не распространение употребления и знания, но то, как грубо это Тим проделывал, используя публичность для самолюбования. Будь уверен, многие из нас были просто напуганы тем, что делали некоторые люди, включая Тима. Но не думай, что я за элитарность.

Р. Ф.: Хотя я чувствую, что пою хвалу Лири, в противовес твоей негативной точке зрения, но, может быть, он все-таки сослужил добрую службу обществу, открыв ему психоделические реалии и приобщив к ним миллионы людей? Рам Дасс был только одним из них. Может быть, он мог бы столкнуться с психоделиками где-нибудь еще, но он, по его собственному признанию, был закомплексованным, ущербным человеком до того, как встретил Лири. Может быть, многие люди подходят под это описание.

Рам Дасс говорил о себе, что он был «обучающимся плутом». Забавно, потому что теперь он известен как какой-то святой. Многие критикуют Лири за его поступки, но я не ожидал услышать подобную критику от тебя. Благодарю за неожиданный разговор.

Медведь: Может быть, критика похожая, но мотивы разные. Я хотел бы, чтобы психоделики стали чем-то обычным в человеческой жизни - другие предпочитают статус-кво. Вывод один: Лири был неправ. Он причинил вред, и я не из тех, кто будет праздновать сожжение города на том основании, что на пепелище будет построен новый и красивей прежнего. Од-

нако до цели сейчас дальше, как ты сам отметил, чем было тогда.

Р. Ф.: Ты совсем не оцениваешь его роли учителя.

Медведь: Нет учителя. Все, кто претендует на этот статус, самозванцы. Найди истинного себя. Он в тебе все время. Однажды ты овладеешь ключом, ты поймешь, что у тебя уже есть все, из чего собирается мозаика. Психоделики - это ключ. Найди «Кибалиона», там есть все, что тебе нужно.

СТОЛАРОФФ О ЛИРИ
Интервью с Майроном Столароффом,
взятое Робертом Форте

Р. Ф. : Я рад, что у нас выпала возможность поговорить о Тиме. Твой взгляд на то, что с ним происходило в то время, очень важен в процессе нового обращения к потенциалу психоделических наркотиков. Лири был так популярен, что многие люди ассоциируют ЛСД с его стилем, его чрезмерным темпераментом. Хотелось бы разобраться, как и почему такое большое дело потерпело неудачу.

Майрон Столарофф имеет степень бакалавра Стэнфордского университета по электротехнике. Он работал в Ampex Corporation инженером-проектировщиком, а потом стал директором по маркетингу оборудования. Кроме того, он один из пионеров видеозаписи. В 1956 году он попробовал ЛСД и заявил, что это «величайшее из всех открытий, когда бы то ни было сделанных человеком». В 1961 году он основал Международный фонд передовых исследований и стал руководителем исследовательской группы, проводившей клинические испытания ЛСД и мескалина, во время которых примерно 350 человек принимали психоделики. Автор академических публикаций в Journal of Nervous and Mental Disease, Gnosis и Yearbook for Ethnomedicine and the Study of Consciousness. В 1994 году он опубликовал свои Мемуары «От Танатоса к Эросу. Тридцать пять лет исследования психоделиков», а в 1997 году - книгу «Тайный руководитель. Беседы с ЯМонером подпольного психоделического движения».

М. С.: Я думаю, в этом вопросе нужна основательность, надо рассмотреть все аспекты ситуации. Многие из нас, честно расследуя историю психоделиков, пришли к выводу: то обстоятельство, что такое ценное и необходимое средство, как ЛСД, приобрело такую дурную славу - это истинная трагедия. И Тим, конечно, хорошо это понимал.

Р. Ф.: В какой степени он сам несет ответственность за эту дурную славу, по твоему мнению?

М. С.: Думаю, научное сообщество считает, что он действительно их напугал, и, если бы ты ознакомился с перепиской между Ралфом Метцнером и мною, которая была опубликована в *Gnosis* (в номерах, вышедших зимой 1993-го, весной и летом 1994-го годов), а также с документами, на которые я обратил бы твое внимание в книге «Штурм небеса», у тебя бы не осталось никаких вопросов по поводу оценки того, что Тим пытался сделать. Мне, например, абсолютно ясно, что он считал, что психоделики не будут приняты нашим современным обществом, в первую очередь современными учеными, которые даже не признают трансперсональные аспекты человека. Поэтому он хотел популяризовать психоделики и для этой цели использовать национальные массмедиа. Его целью было обратить в психоделическую веру всю страну.

Тим оценивал потенциал человека очень высоко. Я думаю, он был очень обеспокоен тем, что интересы истеблишмента входят в противоречие с чистым восприятием. И он понял, что психоделики - это могущественный инструмент для того, чтобы разрешить это противоречие, дать личности правильное понимание собственной природы и природы вселенной. Это, пожалуй, самый ценный инструмент, доступный человеку. Я думаю, он пытался сделать это понятным и приемлемым. В этом отношении наши с ним цели были близки.

Он и его последователи хотели, чтобы ЛСД-опыт стал доступен каждому. В опубликованном заявлении об основании их организации, Международной организации внутренней свободы, IFIR они говорили, что FDA их одобрит. Однако FDA не одобрило. FDA не одобрило и обеспечение таким средством, как ЛСД, подобных групп. Так что целью Тима было найти способы существования подобных групп по стране и организовать для них доступ к ЛСД. Большинство из подробностей всего этого мне неизвестны, но кое-что я знаю. Они работали с людьми, которые организовали черный рынок ЛСД и искали рынки сбыта. Таким образом люди по всей стране получили возможность психоделического опыта. Я знаю, что Тим и его помощники много для этого сделали. Это был его план. Он изложил его мне тем утром, когда я приехал пригласить его на наш консультативный совет. Он сказал, что хочет обратиться к все. Он был убежден, что единственное, что нужно, - это принять ЛСД и оказаться в трансперсональных пространствах. К сожалению, это возможно, как правило, только для людей со здоровой психикой. У прочих могут возникнуть проблемы с этим перемещением. В этом была основная неувязка в его плане создания национальной ЛСД-сети, с тем чтобы обратиться всю Америку.

Р. Ф.: По вашей переписке того времени видно, что тогда царил дух товарищества. Например, в письме от 8 января 1963 года ты предлагаешь ему снабжать его ЛСД.

М.С.(смеется): Да, это то еще письмо. Странно, но в моем архиве нет его копии.

Р. Ф.: Ты предлагаешь ему снабжать его материалом и работать вместе.

М. С.: Да. И, конечно, я могу сказать, что одним из их намерений было приобретать наркотики и распространять их в соответствии с существующими законами

для исследовательских групп. И письмо было записано по этому поводу. Нам определенно требовалось одобрение FDA. Но FDA дало нам понять, что эти законы не применимы к тому, чем собирался заняться Тим. В этом они были совершенно непреклонны. Так что мое предложение в некотором смысле гипотетично, хотя это правда. Если бы он получил их разрешение, мы могли бы продолжить эту тему.

Р. Ф.: Давай немного отвлечемся. Расскажи нам, пожалуйста, о Международном фонде продвинутых исследований. Как он возник? Как случилось, что ты заинтересовался психоделиками, и почему ты его основал?

М. С.: Ну, я не стану повторять то, что ты можешь прочесть в моей книге «От Танатоса к Эросу: Тридцать пять лет исследования психоделиков». Вкратце, мое первое духовное пробуждение произошло благодаря участию в семинаре «Секвойя», где я встретился с Джералдом Хёрдом. Мы спонсировали пару его лекций в Пало-Альто. Я был чрезвычайно увлечен им и в результате провел с ним двухнедельный семинар в нашем охотничьем домике в горах, где проводились семинары «Секвойи». Он был одним из самых замечательных людей нашей планеты - абсолютно потрясающий человек. Я начал встречаться с ним каждый раз, когда бывал в Лос-Анджелесе. В один из таких визитов он рассказал мне об ЛСД. Я был крайне изумлен. Прежде всего, мне было непонятно, если он такой выдающийся мистик, то зачем ему принимать ЛСД, но он объяснил мне, что вещество обладает огромным потенциалом. Оно открывает такие огромные пространства сознания, что приводит к пониманию духовной реальности, и это очень важно.

Р. Ф.: Какой год это был?

М. С.: Кажется, начало 1955-го.

Р. Ф.: Это был первый раз, когда ты услышал про ЛСД?

М. С.: Да. Я спросил его, откуда он сам узнал о нем. Он рассказал, что его привез из Канады Хаббард и дал ему и Олдосу Хаксли.

Р. Ф.: Джералд Херд разжег много костров. Хьюстон Смит сказал, что его первое озарение произошло в результате прочтения одной из книг Джералда Херда.

М. С.: На самом деле одно из моих духовных озарений произошло в процессе чтения его «Подготовки к молитве». Чтение этой книги привело меня к спонтанному психоделическому опыту, когда я вдруг обнаружил себя в сверкающем, ошеломляюще чудесном свете. Это длилось недолго, но я больше никогда ничего подобного в своей жизни не испытывал. Это было как вспышка.

Р. Ф.: И ты ведь по роду своих занятий был далек от того, что называется мистицизмом. Насколько мне известно, ты был инженером-электриком?

М. С.: Да, я был инженером, но на протяжении нескольких лет я был участником упомянутого семинара «Секвойи». В то время, о котором мы говорим, я был с ними уже пять лет и входил в состав плановой комиссии. У меня уже был спонтанный мистический опыт с ними, я погружался в глубокие медитации и изучал мистицизм. Я читал все, что мог достать. И книги Джералда Херда были открытием, и «Подготовка к молитве» особенно много значила для меня.

Р. Ф.: Международный фонд продвинутых исследований был одним из первых институтов, созданных для экспериментального исследования возможностей использования психоделических наркотиков для решения творческих проблем, духовного роста личности и психотерапии. Ты можешь рассказать, чем вы там конкретно занимались?

М. С.: Ну, я не уверен, что ты очень точен в своем определении. Я не припомню, чтобы в то время проводились какие-то работы по исследованию проблем

творчества. Я был абсолютно не знаком с тем, что происходило в Европе, до тех пор пока не приехал к Хофманну в 1963-м, а потом к Лернеру в Германию и Сэндисону в Англию. Хофманн сказал мне, что это два самых лучших исследователя. Но еще до того была проделана большая работа в Канаде, Хэмфри Осмондом в Уэйбурне и Абрамом Хоффером в Саскатуне. Эти двое пользовались всевозможными канадскими фондами для работы в области психического здоровья. Эл Хаббард тесно сотрудничал с ними в этой работе. Потом Хаббард присоединился к Дж. Россу Маклину, у которого была небольшая психиатрическая больница возле Ванкувера. И они начали применять ЛСД для лечения алкоголизма. Любой, кто хотел, мог прийти и принять участие в экспериментах. Они проработали там несколько лет вместе. После ухода Хаббарда МакЛин еще несколько лет работал в этом направлении. Хаббард решил основать независимо от Маклина кабинет терапии с психиатром в Ванкувере. Я иногда бывал у него и принимал участие в исследованиях. У нас были мечты создать сеть ЛСД-клиник по всему миру. Следующим местом был Менло-Парк, где я создал некоммерческую корпорацию и клинику, после своего ухода из AMPEX. У нас были два отдельных кабинета. Чарлз Сэвидж был у нас медицинским директором, а доктор Джон Шервуд постоянным медицинским консультантом, и мы проводили там сеансы с 1961-го до 1965-го.

Мы начали этот проект с Шервудом. Потом Хаббард пригласил Сэвиджа на роль медицинского директора. К тому времени мы проработали только несколько месяцев. Сэвидж расширил исследования и собрал команду из Роберта Могара, который был профессором психологии в Государственном колледже Сан-Франциско, Уиллиса Хармана, профессора машиностроения из Стэнфорда, и Джеймса Фэйдимэна, психолога. Эти

трое были там главные. Вскоре к нам присоединился и Боб МакКим из Стэнфорда. Он очень интересовался исследованиями в области креативности.

Р. Ф.: Ты все время используешь слово «клиника», но ваша работа не была сугубо клинической. Вы же занимались не только терапией.

М. С.: Клиника была открыта для публики. Любой мог принять участие в экспериментах. И со временем она все более ориентировалась на конкретную терапию, поскольку чем более известной становилась наша работа, тем меньше людей хотело приходить к нам. Приходили уже совсем отчаявшиеся, так что наши лечебные группы становились все более сложными, с точки зрения патологии. Но Сэвидж принял решение продолжать работу с любым контингентом.

Р. Ф.: Ваша программа отличалась от той, которая имела место в Пало-Альто, в Госпитале для ветеранов армии, где зацепило Кена Кизи с Алленом Гинзбергом?

М. С.: О, то был почти чисто фармакологический эксперимент. Они давали людям различные лекарства, чтобы узнать, какой будет эффект. На самом деле, Лео Холлистер, который принимал участие в исследованиях в Госпитале ветеранов, был настроен сильно против нашей работы. Он совершенно не понимал, чем мы занимаемся. Он глубоко презирал всякую мистику и к тому же недолюбливал Хаббарда.

Р. Ф.: Ходили слухи, что их проект проходил по заказу ЦРУ.

М. С.: Очень может быть. Никто не видел их контрактов. Но Холлистер был человек их типа. Была еще одна группа в Пало-Альто. Клиника в Пало-Альто была феноменально знаменита благодаря своему директору, Расселу Ли. Он был тем, кто содействовал включению одноруких в медицинскую социальную программу.

У них была обычная клиника, в которой лечились тысячи пациентов. И в этой клинике они создали научно-исследовательский институт, кажется, он назывался Исследовательский центр Пало-Альто, его возглавлял врач по фамилии Джексон, и они проводили кое-какую работу с ЛСД. У них работало немало психиатров и психологов. Карл Прибрам там впервые принял ЛСД. У него было на пять с плюсом, лучше всех. Грегори Бейтсон тоже с ними работал. У многих из них были ужасные опыты. Вот что значит придавать такое значение психомиметической теории - эти психиатры принимают ЛСД и получают психотические кошмары. Знаешь правило Абрама Хоффера: «От психоделиков хуже всего бывает: 1) священникам, 2) психиатрам, 3) психологам». Это люди с большим мнением о своем статусе.

Р. Ф.: Когда, после своего психоделического опыта, ты решил открыть клинику в Менло-Парк, какие у тебя были виды на будущее? Чем, как ты думал, могли стать ЛСД и другие психоделики для нашего общества?

М. С.: Я уже говорил, что считаю ЛСД величайшим открытием, когда-либо сделанным человеком. У него огромный потенциал, потому что сознание бесконечно. ЛСД открывает ресурсы сознания. Поскольку сознание - это самый важный аспект человеческой природы, что может быть важнее вещества, которое освобождает эти огромные, бесконечные возможности, в нем скрытые? Вскоре после моего первого психоделического опыта я принял решение посвятить остаток жизни изучению психоделиков: распространять понимание возможностей психоделиков. Мой первый опыт имел место в апреле 1956 года. Но настоящее откровение у меня было в 1959-м, когда я открыл, что я на самом деле Бог. Буддисты не особенно любят подобные взгляды, но это были мои переживания.

Р. Ф.: Приблизительно в то же самое время и Тим получил свое первое озарение. Тим впервые принял кислоту летом 1960-го. Когда ты впервые повстречался с Тимом и какие у тебя были впечатления?

М. С.: Давай я лучше сначала расскажу, как познакомился с Диком Алпертом. Он приезжал в Пало-Альто. У него были знакомые в Стэнфорде, в том числе Джим Фэйдимэн, который и организовал нашу встречу. Джим был знаком с кембриджской группой и рассказывал о них много хорошего. Таким образом мы познакомились с Диком Алпертом, и он нам очень понравился. Позже Эл Хаббард ездил к ним в Гарвард и, когда вернулся, сказал: «Майрон, мы должны пригласить Лири и Холлингшеда на наш консультативный совет». У меня не было особой охоты приглашать незнакомых мне людей, так что сам я этого не делал. А потом Тим сам приехал, думаю, это было весной 62-го, и я был им очарован. Он был чрезвычайно харизматичной, яркой личностью. Мы прекрасно провели время вместе. Не буду вдаваться в детали, но я съездил в Сан-Франциско, где мы встретились и опять провели какое-то время вместе. После этого у меня не было колебаний по поводу включения его в консультативный совет, чего не могу сказать о Холлингшеде. С Тимом же у нас были гениальные отношения.

Р. Ф.: И когда же они начали портиться?

М. С.: Я бы не сказал, что они вообще когда-либо портились.

Р. Ф.: Спасибо, что внес ясность. Да, даже в том письме, где ты ругаешь его, ты делаешь это в очень любящем тоне.

М. С.: Нет, я никогда не ссорился с Тимом. Хотя я жалею по поводу многих его поступков. Я думаю, он вывал сильно неправ. Мы с Абрамом Хоффером приехали на конференцию в Сан-Франциско летом 1966-го.

Лири был невероятно популярен. Я помню, он вышел на сцену в белом блейзере и белых, в красную полоску, штанах. Он обратился к публике с речью - его обычный способ говорить полуправду и возбуждать людей, не прибегая к дискуссии о неприятной стороне вещей, - и все в зале зашумели и заулюлюкали. Мы с Хоффером стояли и смотрели на это, и Хоффер сказал: «Знаешь, нам с тобой неприятно наблюдать такой промоушн, поскольку еще столько всего необходимо узнать, прежде чем предлагать эти вещи людям, но кто мы такие, чтобы судить? Как знать, может, понадобится лет сорок, чтобы понять, кем был Тим - абсолютным героем или, наоборот, тем, кто способствовал деградации человечества» Я думаю, это было очень искреннее высказывание Абрама, и я никогда его не забуду.

Р. Ф.: Хорошо, Майрон, вот главный вопрос, на который я хочу найти ответ в этой книге. Ты знаешь так же хорошо, как я, что использование психоделических наркотиков насильственно подавлялось в Западной христианской цивилизации на протяжении очень долгого периода времени - в течение двух тысяч лет. Всякий раз, когда европейские колонисты встречались с этими веществами, в Мексике или где-нибудь еще в Новом Свете, они проклинали их и запрещали употребление. Они были полностью вычеркнуты из истории до тех пор, пока Уоссон и еще несколько людей не начали свою работу. В результате это знание стало накапливаться. Распространению этих веществ сопротивлялся истеблишмент, так что, возможно, стиль Тима - это было то, что тогда было нужно, чтобы кот не успел спрятаться обратно в мешок.

М. С.: Может быть. У меня нет сомнений по поводу того, что Тим во многом несет ответственность за сворачивание легальных исследований психоделиков в Соединенных Штатах, и благодаря этому примеру и вез-

де в мире. С другой стороны, сотни тысяч людей приобрели психоделический опыт под его руководством. Дело Тима победит, если достаточное число людей, принимавших психоделики, найдут в себе достаточно мудрости и ответственности, чтобы возродить научные исследования и довести до сознания общественности истинную ценность и потенциал этих веществ. Психоделики могущественны. Они сильны. Нам теперь ясно, как пользоваться ими, но это абсолютно непонятно нашей цивилизации. Видишь ли, со временем стала понятной одна вещь, и я хочу особенно подчеркнуть это - для того чтобы получить пользу от употребления этих веществ, нужно быть честным. А если ты проследишь за развитием нашей культуры, ты увидишь, что уровень вранья постоянно растет. Вот мы, нация с долгом в пять триллионов долларов. Что это говорит о нашей честности? Что это говорит о нашем моральном облике? Посмотри, что говорят наши политики, чтобы быть избранными. Посмотри на эту бесконечную войну с наркотиками, которая искажает нашу глубоко мудрую конституцию. Посмотри на наши СМИ и на то, как они подают новости. Так вот, это вещество требует честности, и посмотри на уровень честности в нашем обществе. Конечно, ЛСД для них неприемлемо. Каждый считает свой выбор и действия верными. Кто хочет выделяться среди окружающих? Только очень честный человек, или тот, кто искренне хочет быть честным ученым или исследователем, или тот, кто заинтересован в своем духовном росте.

Р. Ф.: Я думаю, ты только что произнес фантастический комплимент в адрес Тима. Мне не показалось?

М. С.: Ну, я думаю, он умел различать неправду. Но он не относился ко всему с позиций безоговорочной любви. Он был захвачен конфронтацией. Он немало делал, чтобы создавать конфронтации и поддерживать их. Если видишь, что люди напуганы, постарайся

их успокоить. Если они воспринимают какие-то вещи как опасность и не готовы смотреть в глаза правде, попробуй спокойно объяснить им. Предоставь им информацию, и пусть они сами делают из нее выводы. Он вел себя по-другому. Он раздувал пожар. Это было его величайшей ошибкой, что и привело к такому развитию событий.

Р. Ф.: Таким образом, можно сказать, что у вашей группы и группы Тима были разные методы борьбы с оппозицией. Ваш метод был в продолжении научной работы, в систематической демонстрации положительных и отрицательных аспектов наркотиков. Тим хотел распространить их повсюду и довериться великому течению эволюции.

М. С.: На самом деле, когда я приехал к нему и он объяснил мне свою программу - и это было за несколько дней до того, как я написал письмо, приведенное в книге «Штурм небеса», - мы заключили соглашение. Он сказал, что наши институты слишком консервативны, закостенелы и тупы для того, чтобы принять что-либо подобное. Я ответил: «Тим, единственное, что ты можешь сделать, это обыграть наши институты, потому что общество против них не пойдет». Он сказал: «О'кей, Майрон, давай ты будешь продолжать свою научную работу, попробуй убедить и победить наши институты и добиться цели политическим путем, а я буду их трясти». Пятнадцать лет спустя, когда мы встретились в доме Оскара Янигера, Хаббард, Лири и многие другие, я сказал Тиму: «Когда мы с тобой заключали то соглашение, и ты сказал, что будешь трясти их, я не думал, что ты будешь бить их по голове бейсбольной битой». Тим сказал: «Мне не нравится эта метафора». Но это правда. Сравнение было очень точным.

Р. Ф.: А что теперь, Майрон? Мы имеем культуру, в которой буквально миллионы людей познали плоды

психоделического опыта, и при этом мы имеем драконовские законы, запрещающие психоделики. Считаешь ли ты, что это можно изменить? Думаешь ли ты, что можно обойти сопротивление и сделать возможным для людей получать пользу от этих веществ?

М. С.: Ну, знаешь, это бессмысленный вопрос, потому что мы можем делать только то, что не превышает пределов нашего понимания. Вспоминая шестидесятые, я понимаю, что был тогда весьма невротической персоной. Благодаря какому-то природному инстинкту, я сидел на сеансах и медитациях, но, боже, мне потребовалось несколько десятилетий, чтобы созреть и приобрести какую-то мудрость. Нельзя испытать мудрость, пока у тебя ее нет. Глядя с позиций моей сегодняшней мудрости на шестидесятые, я понимаю, что мы тогда должны были быть более точными в выражениях, в общении с публикой, с журналистами, во всем нашем подходе. К сожалению, невозможно вернуться назад и начать все сначала. Мы должны иметь дело с современной реальностью. Обладая мудростью и пониманием, которые мы приобрели, мы должны осознавать, что люди испытывают грандиозный страх перед этими веществами, понять, что неприятие их доминирует, и при этом есть люди, которым выгодно, чтобы эти вещества воспринимались как токсичные и опасные.

Р. Ф.: Кто они?

*< М. С: Во-первых, психиатры. Если они действительно поймут, насколько эффективны психоделики в терапии, эти вещества могут стать для них настоящим кошмаром, они будут вынуждены пройти через этот опыт сами, обучить свой персонал работать с психоделиками. И в этой области любой обучаемый, с открытым сердцем, человек сможет один принести гораздо больше пользы, чем множество психиатров. Может быть, даже в очень тяжелых случаях. Так много всего

надо узнать о том, как правильно использовать эти вещества. Но как бы то ни было существует мощное сопротивление - и не в последнюю очередь со стороны психиатров, потому что они воспринимают эти вещества как что-то ужасное.

Мартовский номер *Psychiatry Annals* был посвящен психоделикам. Там не было ни одной статьи, по которой было бы видно, что ее автор знает, как правильно использовать психоделики. Они вновь и вновь обсуждают все токсические проблемы, проблемы зависимости и т. п. И это, на мой взгляд, хорошо отражает общий уровень знакомства психиатрического сообщества с этими веществами.

Р. Ф.: Я руководил опросом Американской психиатрической организации в 1984 году, имевшим целью выяснить представления психиатров о психоделических наркотиках. Прежде всего, я выяснил, как много они знают об этом предмете лично, а также из книг и статей. Потом я попросил их высказаться на тему возможного разумного применения этих веществ. Первый вопрос был: употребляли ли вы сами когда-либо психоделические наркотики? Отвечающие должны были сами оценить свой опыт. И можешь быть уверен, ты был прав, когда сказал, что нет информированной оппозиции. Те из психиатров, которые не могли оценить значение психоделиков, были те, кто, по их собственному признанию, ничего о них не знал. Все, что они знали, это какие-то обрывки из того, что говорили о них масс-медиа. Те психиатры, которые пробовали их или потрудились почитать что-то в специальной литературе, обычно предсказывали огромные возможности для их использования в таких областях, как неврология и религия.

М. С.: Хорошо, если какой-нибудь настоящий психиатр обнаружит, что есть средство, которое делает

возможным открыть глубины сознания и даже проникнуть в бессознательное, и изучить теневой материал, узнать его бессознательные ценности, цели, гнев, боль, вину и т. д., Боже мой, неужели он не заинтересуется? Можно быть скептиком, но как можно не заинтересоваться этим?

Р. Ф.: Пожалуй, это возвращает нас к Тиму сейчас и отвечает на вопрос, почему он решил порвать с профессией психиатра.

М. С.: А я опять вспомнил цитату из Хоффера. Может быть, действительно нужен был кто-то вроде Тима, чтобы раскачивать эту лодку? Без него у нас вряд ли было бы такое количество людей, понимающих, что такое психоделики. Так что он сослужил хорошую службу. Возможно, несколько миллионов человек обязаны своим психоделическим опытом именно ему. Вопрос, на который нет ответа: что было бы с этими людьми, не узнай они психоделики? Мы знаем, что есть области, в которых эти люди принимали огромное участие. Я думаю, никто не станет спорить, что такая область, как компьютеры, была создана при участии этих людей. Я могу сказать с большой степенью ответственности, что практически любой ведущий ученый сегодня в своей специальной области - это acid head (кислотная голова). Это невозможно доказать из-за нелегального статуса ЛСД. Никто сам не признается, но это логично. Потому что если вы научитесь пользоваться такими инструментами, узнаете их возможности, как много они открывают, сколь многое они делают возможным, как вы можете не использовать их, законно это или нет? Они действительно мудрые люди, которые стали такими благодаря усилиям Лири, и они двигают мир вперед. С другой стороны, посмотри, где мы находимся. Джереми Тарчер хотел спонсировать книгу, составленную Мэрилин из интервью пятидесяти человек с известными именами,

которые могли сказать, сколь многим они обязаны психоделикам. Чарли Гроб тоже участвовал в этом проекте. И они не смогли найти никого, кто согласился бы публично признаться, что он употреблял психоделики. Кэри Муллис⁶³ был одним из немногих, кто был откровенным.

Р. Ф.: Я цитирую его в предисловии к своей книге «Энтогены и будущее религии». Он сказал: «Я, может быть, сейчас был бы гораздо тупее в некоторых отношениях, если бы у меня не было моих психоделических опытов». Он получил Нобелевскую премию. Но, вспомни, когда он должен был выступить свидетелем по делу О. Дж. Симпсона, судьи отклонили его кандидатуру, на основании его признания, что он употреблял психоделические наркотики, как будто это дискредитирует его гений.

М. С.: Но он не очень из-за этого расстроился. Я встречался с ним на Энтеоботанической конференции в Сан-Франциско, в октябре 1996-го, и рассказал ему о книге. Он дал мне свою визитку и предложил общаться, но нам так и не удалось больше встретиться, возможно, потому, что он сам был занят книгой, которая сейчас выходит. Но он не колебался публично высказываться о своем опыте. Я пытался общаться и с другими людьми. Большинство говорило мне, что нужно быть идиотом, чтобы в условиях современной культуры публично признаться в том, что они употребляли психоделики.

Р. Ф.: Или просто нужно быть более честным и храбрым.

М. С.: Так вот что я пытаюсь сказать. Надо остановиться и подумать. Как долго мы еще будем жить под этим гнетом?

Р. Ф.: Я разговаривал с Хьюстоном Смитом на эту тему. Он старается избегать хвалебного тона в отноше-

нии психоделиков. Хьюстон Смит - это один из наиболее одаренных и уважаемых ученых в мире, и он боится за свою репутацию. Так что это очень противоречивый предмет.

М. С.: Но он уже писал об этом.

Р. Ф.: Да, писал. Но он пишет об этом очень осторожно, потому что он чувствует, что только начинает подбираться к этому предмету.

М. С.: Ну, что ж, это замечательно. Но ты должен учесть еще одну вещь, Боб. Я не так много общаюсь с людьми, мы здесь живем очень изолированно, но, по моим наблюдениям, чем старше становятся люди, тем тяжелее им даются эксперименты и они прекращают их. На конференции Психоактивных таинств в Валломброле в 1995 году несколько пожилых ее участников усомнились в самостоятельной ценности психоделиков. Они согласились, что они открывают новые перспективы, но дальше вы должны выходить на другие уровни развития. При этом на конференции ходили слухи, что опыты этих людей, возможно, были не самыми удачными. Я лично знаю людей, которые перестали употреблять психоделики по той же причине. Один известный психолог считает, что чем старше тело, тем трудней организму их перерабатывать. Мой опыт этого не подтверждает. Но, если ты продолжаешь их употреблять, ты должен следовать определенным принципам.

Прежде всего, эти таинства, как я предпочитаю их называть, это фантастическая привилегия. Это неопи- суемая красота, неопи- суемая привилегия. И если вы не ридаетесь полностью этому опыту, с благодарностью и доверием, это начинает создавать негативную карму. *Щ* если вы продолжаете при этом их употреблять, наде- ясь на положительный эффект, но не меняете ничего в *ж*жней жизни, не принимаете всю полноту ответствен- ности за то откровение, которое вам предлагается, я

⁶³ Кэри Муллис - лауреат Нобелевской премии по химии (1993).

думаю, ваше внутреннее сознание получает травму, что и порождает дискомфорт. То, о чем я говорю, мне известно по собственному опыту, потому что чем старше я становлюсь, тем больше дискомфорта в ходе опыта я получаю, но именно поэтому я стараюсь чаще иметь с ними дело. И каждый следующий раз оказывается лучше предыдущего. Я думаю, невозможно попасть в рай, не побывав перед этим в аду. Это как сказал о любви Гибран в своем «Пророке»: «Если ты хочешь только наслаждения любви, хочешь в любви покоя, беги от суеты мирской, и выйди в вечный мир, и смейся, но смех не все, еще есть плач, однако же, не все и слезы...» Я хотел бы разделить это и с другими немолодыми людьми, потому что, возможно, я недооцениваю размеры доступного откровения. Но я сверял свои наблюдения с несколькими очень серьезными исследователями. И в первую очередь есть два выдающихся человека, которые высказывались на эту тему, во-первых, Казантзакис, в своей книге «Спасители Бога» и Эндрю Харви в книге «Путь страсти».

Р. Ф.: Как сказал Карл Юнг: «Нельзя видеть свет без тьмы, слышать тишину без шума, достичь истины без глупости. Опыт святости, может быть, самый болезненный из всех».

М. С.: Прекрасно сказано. И к сожалению, видишь ли, люди мало информированы, и многие употребляют эти вещества достаточно беззаботно, при этом они хотели бы избежать дискомфорта. Такая позиция не способствует духовному росту.

Р. Ф.: Это еще один из пунктов критики в адрес Тима. Он был слишком позитивен в своем энтузиазме, он недооценивал возможности встречи с теневой стороной.

М. С.: Да, и при этом сам не встретился со своей теневой стороной. В этом часть проблемы. Я думаю, тот,

кто действительно хочет быть харизматической фигурой и образцом для людей, несет огромную ответственность и прежде всего должен быть честным. Быть чрезвычайно честным и сосредоточенным на своем собственном духовном росте и развитии, чтобы никакие твои темные пятна не проецировались на окружающих. Это огромная ответственность.

Р. Ф.: Знаешь, я наблюдал Тимоти достаточно близко. Как ты знаешь, я был с ним на протяжении последних пяти месяцев его жизни, пытаюсь помочь ему достичь чувства относительной наполненности человеческой жизни, и, знаешь, иногда у него были блестящие озарения на уровне мастера дзен, но в другое время он мог быть таким изломанным, измученным и больным человеком. И он до последнего часа своей жизни мучился вопросом, сослужил ли он человечеству хорошую службу или же, наоборот, помешал развитию науки в изучении этих магических веществ.

М. С.: Это потрясающе. Впрочем, я думаю, что ни у кого из нас тоже пока нет ответа на этот вопрос. Баланс довольно ровный. Было сделано очень много хорошего. Было сделано много вредного. Мы наблюдаем последствия и того и другого. Я по-прежнему согласен со своими собственными словами, высказанными в Письме Ралфу Метцнеру, опубликованном в *Gnosis*, что последнее слово о том, кто и какие жертвы принес, еще впереди. К сожалению, признаки не очень хорошие. Единственная из организаций, которая демонстрирует какое-то понимание психоделиков, это MAPS, благодаря Рикю Доблину. Остальные заботятся только о росте „доходов“.

Ц к Р. Ф.: У Тимоти не было ни цента, когда он умер.

М. С.: Да. Но штука состоит в том, что если бы, допустим, два миллиона людей, которым психоделический опыт принес пользу, вложили бы...

Р. Ф.: Один доллар.

М. С.: Я хотел сказать, десять или двадцать. Но, представь, если бы они это сделали. У нас были бы фонды для исследований, мы могли бы освоить многие образовательные проекты. Мы живем в изумительно скупом обществе.

Р. Ф.: Вот еще один образ от Джералда Хёрда, в передаче Хьюстона: мяч, плавающий в озере. Половина его всегда под водой. Имеется в виду, что эзотерические тайны всегда должны оставаться в подполье.

М. С.: Я не согласен с этим, и так же считает далай-лама. Посмотри, что происходит в тибетском буддизме. Вплоть до 1985 года эзотерические учения были доступны только для адептов. Но далай-лама, как я понимаю - точной информации об этом у меня нет, но, как я понимаю, - чувствует, что мир находится в таком состоянии, что нужно использовать любые возможности, чтобы помочь ему. И в течение последних десяти-двенадцати лет многие из этих священных текстов были переведены и опубликованы. Конечно, большинству людей на них наплевать, но они дойдут до того, кто в них нуждается.

Р. Ф.: Да. То же самое, я думаю, было и с Тимоти, он думал, что пришло время, когда эта наиболее оберегаемая религиозная тайна должна стать известной всему миру.

М. С.: И знаешь, есть еще одна очень интересная книга, «Еврей и лотос», авторы которой несколько евреев и далай-лама. Это серьезная критика иудаизма. После изучения буддизма и его эзотерической стороны эти люди обратили внимание на свою собственную религию, в которой эзотерической стороной является Каббала. Ты знаешь, что Каббала скрывалась от большей части еврейского населения? Обычный еврей, посещающий синагогу, ничего о Каббале не знал. И они

поняли, что это было ошибкой. Конечно, это было бы замечательно, если бы каждый имел доступ к тайне и, оценив значимость этой привилегии, смог бы искренне посвятить себя учению. Но если вы закрываете доступ к тайному знанию из опасения, что кто-то может употребить его во зло, то вы тем самым теряете очень многих, кто мог бы употребить его во благо. Тех, кто мог бы искренне посвятить себя служению. Неискренних это знание в любом случае накажет.

Р. Ф.: Есть по меньшей мере два взгляда на причины этой секретности. Первый - Каббала хранилась в тайне от еврейского народа, потому что еврейские жрецы-ортодоксы боялись потерять свою власть. С другой стороны, может быть, эти учения хранились в тайне, потому что, если бы они вышли за пределы правильного контекста, они бы потеряли свою силу. С одной стороны, это мудро оберегать тайные учения. С другой - это политический контроль.

М. С.: Ты затронул здесь важную проблему профанации значимых вещей. Так случилось с ЛСД. Так случилось с МДМА. Это живой пример того, что происходит, если вы пытаетесь без понимания, без инструкций распространять такие вещи. И я думаю, есть люди, которые это так и воспринимают. Тим, несомненно, очень хотел, чтобы все попробовали кислоту. Он надеялся на автоматическую регулировку. С течением времени те, кто начинает испытывать пристрастие к веществу, теряют к нему интерес, что подтверждается исследованиями Джерома Бека по МДМА. Так это происходит. Но если ты не хочешь расплачиваться за невежество, изволь хотя бы опубликовать какое-то руководство, содержащее информацию о ключевых факторах, которые необходимо знать перед тем, как использовать эти вещества.

Р. Ф.: Когда правительство запретило вам продолжать ваши исследования и лишило доступа к материалу,

почему вы согласились с этим? Почему ты, или Хаббард, или Янигер или кто-нибудь еще не сказал; «Минуточку, это ценные научные инструменты. Вы не можете называть нас из-за того, что кто-то занимается ненаучной общественной деятельностью?»

М. С.: Не знаю. Я думаю, главное чувство, которое у нас было тогда, - это что правительство обладает огромной властью, а мы очень маленькой. Все казалось безнадежным. Если бы это произошло сегодня, я бы реагировал по-другому. Я устраивал бы пресс-конференции. Да, я бы поборолся. Я имею в виду, этим можно было воспользоваться для просвещения. Но в то время мы чувствовали себя совсем по-другому. Мы чувствовали, что не только правительство, но и вся медицина против нас. Так что мы не чувствовали, что у нас есть какие-то силы для борьбы.

Р. ф. • А теперь ты чувствуешь, что у вас есть какие-то силы?

М. С.: Ну, лично я, да. Ты знаешь, я достаточно стар для того, чтобы беспокоиться о том, что будет со мной лично. Когда ты молод, когда тебе надо делать карьеру, ты более осторожен. Но, кроме того, я теперь гораздо больше понимаю, почему общество ведет себя так, а не иначе, и, как мне кажется и я надеюсь, гораздо больше понимаю, что я могу сказать. Видишь ли, самый первый вопрос, о котором надо говорить, это вопрос честности. Давайте смотреть правде в глаза, ребята, эта вещь для честных людей. Будем надеяться, что они еще остались.

САМЫЙ ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО Я ЗНАЛ Дэнни Шугермен

Итак, много чего сказано и написано, и все это, я думаю, Тим бы только приветствовал, и положительное и отрицательное. Ему нравилось быть известным, и к его известности добавилось много чего после его смерти - многие отдали ему должное, и Тим, несомненно, заслужил каждое доброе слово, о нем сказанное, все воспоминания, прощальные слова, слова любви... У него был не только неутомимый дух, в его сердце была безграничная любовь к людям, искусству, художникам, ЖИЗНИ.

Дэнни Шугермен, возможно, больше всего известен из-за своей дружбы с Джимом Моррисоном; он автор биографии Моррисона «Никто не уйдет отсюда живым», которая была продана в количестве больше двух миллионов экземпляров и переведена на двадцать два иностранных языка. Сегодня Шугермен продолжает писать и заботиться о сохранении наследия Doors. Благодаря ему сохраняется устойчивый интерес к Doors, и их музыка и поэзия Джима Моррисона приходят ко все новым и новым поколениям. Шугермен написал также книгу «Улица Страны чудес. Сказки о славе и крайности». Эта книга, вышедшая в 1988 году, встретила много критических отзывов и привела к его дружбе с Тимоти Лири, который прочел книгу и написал восторженный отзыв. Когда они познакомились ближе, у них обрзовались такие же отношения «учитель-ученик»

, как у Шугермена когда-то были с Моррисоном

Он был, конечно, первым человеком своего класса (не будем говорить об Эбби Хоффмане), кто умер естественной смертью. Но, как я слышал, Тим был первым во многих вещах. Когда я первый раз услышал его эгалитарный лозунг «Каждый человек имеет право встретить Бога!», в противовес более британскому подходу Олдоса Хаксли, который говорил: «Необходимо соблюдать огромную осторожность с этим, это только для избранных», я понял, что Тим полон искреннего энтузиазма, абсолютного бесстрашия и неколебимой веры в человека и единство всех живых существ.

У него была способность заставить любого человека почувствовать себя самым важным человеком на планете. Редкостный дар. Некоторые люди не верят, что их собственное пробуждение связано с этим человеком. Моя жена, Фаун Холл, не смогла понять его экспресс-оценки ее личности, которую он сделал, невзирая на то, что весь Голливуд считал ее крайне правой республиканкой. Ему было все равно, что думают другие люди. Он просто полюбил ее. У него не было предубеждений. И она полюбила его в ответ, так же как я. Забудьте старинное «Отдай ему рубашку с твоего плеча», многие люди проявляют скромную щедрость (особенно по отношению к нуждающимся), Тим давал людям не только свой кров, и хлеб, и хорошую компанию - он отдавал им себя. И во многих случаях, включая и мой собственный, он возвращал человеку себя самого. Насколько мне известно, он делал это с любым чувствующим человеком, которого встречал.

Эту энергию невозможно подделать. Тимоти Лири не только излучал истинный ирландский шарм и ум, хотя и этого было много. Тимоти Лири ничего не требовал взамен. Он давал людям, особенно тем, кого любил, все, что у него было. И, конечно, в виде искренней благодарности за такую дружбу люди отвечали ему любовью.

Он был одним из немногих настоящих друзей, которые у меня были. Я считаю за честь, что мне довелось встретить его, и даже больше, чем честь, иметь его другом. Но он был не просто другом. Я горжусь тем, что могу сказать, что Тимоти стал для меня отцом, после того как я потерял своего родного отца, священником, когда мне нужно было исповедоваться, родственной душой, старейшиной племени, учителем, изобретателем, художником, анархистом, писателем, артистом, философом, ученым, психологом, гуру.

Он был самым добрым человеком, которого я знал. В городе, пораженном чумой эгоизма и осуждения, он любил меня абсолютной, безоговорочной любовью. За все то время, которое прошло с тех пор, как моя первая книга стала бестселлером, вплоть до выхода моей второй книги, а сам я тем временем сделался психом, зависимым от крэка, параноиком, спасти которого могло только чудо... на вершине или в сточной канаве, Тим всегда был со мной. Мы провели много времени вместе, исследуя возможности применения ибобаина для лечения моей метадоновой зависимости.

В эти последние годы я пытался вернуть ему долг, но долг был слишком велик, а Тим был слишком джентльменом, чтобы принять его. Так или иначе, но я старался дать ему понять, что он всегда может рассчитывать на меня, если ему понадобится какая-то помощь. Я прибирался у него в доме, ходил в магазин, возил его к врачам и говорил ему, что я люблю его. «Да, - сказал он, - теперь полюби себя». Он был не из тех, кто берет, он был из тех, кто дает. Но что вы можете дать человеку, у которого есть все?

ДАВАЙ УСТРОИМ ЛАНЧ

Джереми Тарчер

Шел 1975 год, когда я находился в своем офисе на бульваре Сансет, в Лос-Анджелесе, Калифорния - такое время и место, где все еще было возможно, так что, когда моя секретарша сказала взволнованным голосом: «Пришел Тимоти Лири», я не удивился. Наступил и мой черед. Я прилежно читал популярную прессу последних десяти лет, и поэтому у меня не было проблем с идентификацией личности искусителя американской молодежи, когда он пришел ко мне и представился собственным именем. (С тех пор мне стало известно, что Тимоти не раз являлся под разными именами и обличьями.)

Вскочив со стула и испытывая смесь из чувств страха, ожидания и праведного отвращения, я предложил ему сесть. Ну и анекдот, думал я. Тимоти Лири, Мефистофель собственной персоной, пришел в мой офис и просит меня прочитать его рукопись. Не выйдет, Лири. Я не поддамся этому культурному преступнику мифического

Джереми Тарчер - издатель многих важных книг, посвященных Психологии, современному обществу и эволюции сознания, включая «Флэшбэки», автобиографию Тимоти Лири

масштаба, но я послушаю, так и быть. Может быть, в этой потрепанной папке находится покаянная исповедь-признание? В них не было никакого раскаяния, и я не очень-то понимал, чем они могли быть (у меня до сих пор проблемы с Тимом иногда), и не очень-то интересовался чем-то, чего я не понимал.

За ланчем с телятиной по-милански я упомянул одно из его заявлений, широко передававшееся тогда прессой. О чем он думал, я и понятия не имел (и я не одинок в этом), но чем весомей становился топор моего осуждения, тем шире он улыбался и тем насмешливей делалось выражение его лица. Похоже, он слышал это все уже не в первый раз.

Гуд бай, мистер Лири, желаю удачи. Попробуйте счастья где-нибудь еще.

Вероятно, он не услышал это, потому что довольно скоро опять появился в моем офисе и за ланчем опять улыбался, рассказывая мне об очередных, непечатабельных, с моей точки зрения, проектах. Мы сидели в «1e Dome», мой теплый салат с уткой постепенно исчезал, но Тим скорее был готов потерять аппетит, но не желание сообщить мне что-то важное (хотя мне до сих пор не очень ясно, что это было). Все, что я помню, это что не испытывал такого оптимизма, такого изобилия возможностей, с тех пор как впервые прочел Генри Миллера.

Черт возьми, у меня было отличное настроение. Компания Тимоти Лири заставила меня хорошо себя чувствовать.

И после этого, на протяжении следующих нескольких лет, он время от времени звонил мне и мы встречались где-нибудь за ланчем, а после я возвращался в свой офис с широкой улыбкой на лице, но всегда неуверенный, о чем именно шла речь за ланчем.

Я работал на телевидении и имел дело со многими известными людьми, бывал с ними в публичных местах,

но я заметил, что реакция публики на Тима в таких местах отличалась от реакции на прочих. Никто не мог удержаться от улыбки, когда узнавал его. Он заставлял незнакомцев улыбаться на каждом углу. Я думаю, прогулка с Прометеем в древних Афинах могла бы вызывать такие же слова, такие же заговорщицкие выражения удовольствия, благодарности и товарищества на лицах, как прогулка с Тимоти Лири в Беверли-Хиллз. Было понятно, что я не единственный, кому нравится быть в его компании. Энергетическое поле Лири вызывало у людей позитивный взгляд на жизненные возможности. (Это его дар, полученный прямо от Бога). Я могу сказать, что это было что-то, что Тим символизировал для этих, по-крайней-мере-раз-воспламенившихся-душ, они были горды и счастливы знать об этой части себя, что объединяет их с ним. Я не смог посвятить этому всю жизнь, но я хотел быть частью этого братства.

Это было неизбежно, что однажды, не понимая, что происходит (как это было и с тобой когда-то), я в конечном счете нашел самого себя на 47-й минуте после употребления 250 микрограмм фирменного коктейля Тима Скалли «Оранжевый свет». Привычный мир рассыпался на части перед лицом того, что, как я понял, было моим сознанием.

Прошло немало часов, прежде чем мне захотелось подняться на ноги (сделать это до конца мне не удалось и до сих пор), и первое, что я захотел сделать, это позвонить Тиму. «Тим, - прохрипел я, - шесть часов назад я принял «Оранжевого света», который сделал Скалли. Нам надо завтра встретиться за завтраком».

«Завтра? За завтраком? За завтраком не получится, но я буду свободен к ланчу».

В тот раз была моя очередь много говорить, но когда он начал отвечать, я стал понимать его гораздо лучше, чем раньше.

Прошло еще несколько лет, и в 1983-м я опубликовал те признания, но, по размышлении, не нашел в них ничего покаянного.

МИСТАЛИРИ, ОН УМЕР

Хантер С. Томпсон

Мне будет не хватать Тимоти Лири - не из-за его мудрости, или его красоты, или его извращенной страсти к драке, или из-за его богатства, или его силы, или его наркотиков - главное из-за того, что я больше не услышу его смеющийся голос в трубке, ответив на ночной звонок моего телефона. Тим обычно звонил около двух ночи. У него была такая привычка - одна из многих, которые мы с ним разделяли, - он знал, что я не сплю и отвечу на его звонок.

У нас с ним был одинаковый режим. Он, также как и я, верил, что «после полуночи все может случиться».

Только на прошлой неделе он позвонил мне в 2:30 ночи, чтобы сказать, что переезжает на ранчо в Никарагуа через несколько дней и что пришлет мне по факсу свой новый телефон. Что он и сделал. И я думаю, что он передал его по факсу и доктору Кизи.

Хантер С. Томпсон был учеником доктора Лири на протяжении многих лет, начиная с Великих кислотных войн, пока ЛСД-25 было еще легальным. Он автор «Ангелов ада», «Страха и отвращения в Лас-Вегасе», ставших классикой современной американской литературы».

Разумеется. В доме много комнат. И Тим знал большинство из них. Мы никогда не узнаем пределов его дьявольского видения, никогда не узнаем количества жизней, к которым он присосался в своих диких и неестественных страстях.

Иногда мы спорили, но в финале всегда приходили к миру. Тим был Чифтэйном, вождем клана. Он прошел по земле и оставил отпечатки своего элегантного копыта на жизнях всех нас.

Он забыт теперь, но не навсегда. Скоро мы вновь увидим его. Наше племя стало на одного меньше. В нашем круге недостает одного звена. Еще одно имя прибавилось в свитке славы истинных воинов, которые увидели великий свет и бросились вслед за ним.

ИСТОРИЯ HARVARD CRIMSON

Интервью, взятое Робертом Форте у Эндрю Вейля

Р. Ф.: Доктор Вейль, прежде всего, спасибо, что нашли время, чтобы принять участие в этой книге о Тиме. Можно ли найти лучшее место для того, чтобы вспомнить те дни, чем это горное убежище на вершинах Биг-Сура?

Мой первый вопрос будет таким: можно ли сказать, что психоделические наркотики помогли превратить вас из страдающего от избыточного веса гарвардского любителя сигар в одного из ведущих врачей мира - в автора бестселлеров в области медицины?

Э. В.: Я не был такой уж любитель сигар. Я ими не затягивался, чтобы избежать острого никотинового отравления. Я принял мескалин первый раз осенью 1960-го, в **свой** первый год в Гарварде, и ничего особенного не почувствовал. Я повторил через несколько недель, и на этот раз это был очень глубокий опыт. Я не особенно знал, что мне с ним делать, и берег его все мои гарвардские годы,

^b Эндрю Вейль, доктор медицины, один из ведущих врачей со-
временности. Среди его книг «Естественное сознание», «Бракосо-
четание солнца и луны», «От шоколада к морфину» и бестселлер
«Спонтанное лечение».

пока не вернулся к экспериментам с психоделиками во время прохождения практики в Сан-Франциско. И, да, я должен сказать, что они очень помогли в мне, особенно в возрасте около двадцати восьми лет. Они вывели меня на путь экспериментирования во многих областях моей жизни; что, в конечном счете, и сделало меня тем, кем я сегодня являюсь.

Р. Ф.: Вы думаете, они из-за этого вне закона?

Э. В.: Я думаю, они нелегалы из-за того, что власти чувствуют, что в них есть сила, способная преобразовать людей и заставлять их ставить под вопрос множество ограничивающих верований, которые превалируют в нашем обществе.

Р. Ф.: Это более весомая причина, чем их биологическая или психологическая опасность?

Э. В.: Их биологическая опасность ничтожна. Физиологически они самые безопасные из всех наркотиков. Психологическая опасность, я думаю, более реальна. Я встречал людей, которые действительно пострадали от приема психоделиков, и, думаю, это серьезная проблема. Но я полагаю, что официальная реакция на них непропорциональна риску вреда от их употребления, так что, думаю, здесь замешано что-то еще.

Р. Ф.: Я не ошибаюсь, что это вы как-то сказали, что величайшая наркотическая проблема в Западном мире, возможно, это наркотики, предписанные медициной?

Э. В.: Нет, я говорил, что алкоголь и табак, в смысле вреда для здоровья, это наша величайшая проблема; кроме того, я думаю, что есть много лекарств, предписываемых медициной, которые наносят большой вред здоровью.

Р. Ф.: Сравнительно с психоделическими наркотиками можете вы сказать, что вред, наносимый нашему обществу предписанными медициной лекарствами больше, чем психоделическая «проблема»?

4

Э. В.: Это неправомерное сравнение. Я думаю, тут скорее можно было бы сравнивать вред от алкоголя и табака - которые являются легальными наркотиками, - чем рассматривать вред от предписанных лекарств. Из психоактивных препаратов, думаю, наиболее бездумно и широко предписываются бензодиазофины - валиум и его родственники; эти действительно наносят огромный вред. Они влекут серьезное привыкание, ослабляют память и интеллектуальную функцию, и при этом раздаются направо и налево, как конфеты. Это наиболее важная категория наркотической зависимости, создаваемой самими врачами.

Р. Ф.: Вы были в Гарварде во время увольнения оттуда Тима и играли в этой истории какую-то роль.

Э. В.: Я думаю, скорее, у меня была какая-то роль в случае Дика Алперта. Тим ушел сам. Это одно из заблуждений, укоренившихся в истории, что Лири был уволен из Гарварда. Никто его не увольнял. Он ушел по своей воле. Ричард Алперт действительно был уволен, и репортерское расследование, которое я опубликовал в студенческой газете, несомненно сыграло в этом свою роль. Это увольнение и публикации в прессе о нем и о Лири привлекли внимание и слились воедино в сознании среднего класса. Эти новости были на первой полосе *New York Times*, и это было первый раз, когда многие американцы впервые услышали об этих наркотиках. Это было главное событие в моей жизни, так же как в жизни Алперта и Лири.

Р. Ф.: Какое событие?

Э. В.: Газета старшекурсников *The Harvard Crimson* опубликовала историю. Университет хотел избавиться от Лири и Алперта по множеству причин, и, я думаю, на «аком-то уровне они и сами не очень-то хотели там оставаться под гнетом жесткой позиции его администрации. Университетская газета предложила администрации

провести и опубликовать журналистское расследование. Газета заключила сделку с администрацией, что если они опубликуют какую-то информацию, которая поможет университету избавиться от них, и если это будет сделано, то газета получит право на эксклюзивные новости. На базе этого все и произошло.

Р. Ф.: Администрация обратилась к вам?

Э. В.: Нет, *The Harvard Crimson* был инициатором. Мы предложили это университету, и университет сказал: «Прекрасно, это то, что надо». Потому что они чувствовали, что не могут ничего сделать; у них не было оснований, чтобы уволить их.

Р. Ф.: Вы были редактором газеты?

Э. В.: Одним из редакторов. Я входил в издательский совет. Но я не был главным редактором.

Р. Ф.: Вы инициировали программу, призванную выставить их. Зачем вы это делали? Что вы сами чувствовали по этому поводу?

Э. В.: Я думал, что в том, чем они занимались, было много сомнительного. Много всякой дичи имело место вокруг них, неважно, были ли они сами конкретно вовлечены в нее или нет. Я думаю, существование в университете такого явления создавало прецедент. Была группа лиц, которые вели себя так, будто они владеют чем-то таким, чего ни у кого нет, чем-то вроде тайного знания. Лири особенно любил говорить об академической «игре» и что они некоторым образом вне ее, и это действовало на многих людей. Так что, думаю, просто пришло им время избавиться от университета; это все равно произошло бы, тем или иным образом.

Р. Ф.: Имело ли ЦРУ какое-то отношение к этому?

Э. В.: Мне об этом ничего неизвестно. Когда я впервые прочел книги «Штурмья небеса» и «Кислотные сны», большая часть этого была новостью для меня. Я знал что-то в общих чертах, но не знал деталей.

Р. Ф.: Известно, что ЦРУ занималось исследованиями ЛСД, и именно в Гарварде. Первая опубликованная научная работа по ЛСД в нашей стране была сделана в Гарварде, Робертом Хайдом. Эта работа была оплачена Фондом экологии человека - прикрытием ЦРУ. Как ты думаешь, почему это ВСЕ было свернуто?

Э. В.: Я думаю, это должно было случиться! Ты знаешь, это был ключевой момент и моей жизни тоже. Впервые, думаю, я не смог бы получить разрешение на мои исследования марихуаны, которыми я занимался на старших курсах медицинской школы, если бы не было этой истории. У меня есть протоколы заседаний комитета по исследованиям, где они обсуждали, надо ли разрешить мои исследования, и кто-то сказал, что я был тем человеком, кто «забил тревогу», кажется фраза была такая, по поводу Алперта и Лири, и это повлияло на членов комиссии таким образом, что они проголосовали за то, чтобы разрешить мне продолжать мои исследования. Кроме того, пару лет спустя после того, как я покинул Гарвард, обнаружил, что нахожусь в положении, похожем на то, в котором раньше был Алперт, когда я оказался в фокусе административной паранойи и почувствовал параллели с его историей. Я решил связаться с ними обоими и обсудить, что случилось.

Р. Ф.: Ты говорил, что психоделики уже были частью гарвардского андеграунда. Ты сам принимал там мескалин.

Э. В.: Да, были, но не очень. По крайней мере, в моем кругу это было достаточно необычно, чтобы кто-то употреблял их. Я не знал больше никого на старших курсах, кто имел бы возможность независимого доступа к психоделикам.

Р. Ф.: Так что в то время ты думал, что делаешь доброе дело, проливая свет на внеучебные занятия Алперта?

©. В.: Да. Один из уроков, который я выучил, был, 4*6 надо что-то делать, чтобы пробиться в этом мире. Значительной частью моих успехов в Гарварде я обязан этому.

Р. Ф.: Трудно представить, чтобы гарвардская администрация была столь наивна, чтобы не видеть, что их действия будут контрпродуктивны по отношению к целям. Это был поворотный пункт. Начало гонений и запретов. Психоделические наркотики становились запрещенными и доступными только вне закона. Интересно, если бы они смогли предложить обществу какой-то другой, - «легитимный» путь, что могло бы произойти?

Э. В.: Я не думаю, что они ожидали чего-то подобного. Я не думаю, что они вообще понимали, что происходит.

Я расскажу тебе одно из моих воспоминаний о Тиме, еще до того времени, когда я начал сотрудничать с газетой. Первый раз я познакомился с ним осенью 1960-го. Я слышал, что он проводит эксперименты с псилоцибином, пришел к нему и сказал, что хотел бы принять в них участие. Я хотел попробовать. Он ответил, что они не имеют право вовлекать студентов-дипломников, но посоветовал мне достать его «а стороне и провести свой опыт независимо. Помню, он сказал, что это самая потрясающая вещь из всего, с чем он в жизни сталкивался, и что он думает, года через два в университете будут регулярные семинары, где люди будут раз в неделю принимать эти вещества, а потом на занятиях рассказывать о своем опыте. Похоже, он не представлял, что это может вызвать такой антагонизм и сопротивление, которые в результате имели место. Он был полон самой наивной веры, и думаю, этим и определялось все его поведение. Он и представить себе не мог какую-то оппозицию.

Р. Ф.: Даже когда он был арестован в Ларедо, он думал, что защищен нашим законом о религии. Вместо этого он получил двадцать лет тюрьмы за меньше чем унцию посредственной марихуаны.

Э. В.: Точно. Ты спросил, каким еще образом психоделики могли быть представлены обществу. Допустим, они могли быть представлены через врачей, психиатров, через шаманов и им подобных, через ученых, через андеграунд. Были разные возможности.

Р. Ф.: На протяжении последних двенадцати лет я работал над тем, чтобы попытаться тем или иным образом вернуть наркотикам легитимный статус для использования их в медицинских, психиатрических или религиозных целях в пределах существующих структур, и все эти попытки потерпели неудачу. Как ты сказал вчера вечером, эти группы работают над формами и структурами, а эти наркотики деструктурируют. Когда я заинтересовался психоделиками, я прежде всего подумал, что эскапады Лири - это проблема, которую необходимо преодолеть. После пребывания в прострации на протяжении нескольких лет я начал положительно оценивать то, что он сделал, и то, что раньше казалось мне излишествами, увиделось совершенно необходимой тактикой, чтобы обыграть истеблишмент, пропагандировать эти наркотики в артистических, мистических, радикальных и подпольных кругах.

Э. В.: Это верно. Есть два отзыва о Лири, которые я слышу от людей из Гарварда регулярно, на протяжении многих лет; не только от них, но особенно от гарвардцев. Первое, это что он сослужил психоделическим исследованиям худшую службу, чем кто бы то ни было в истории, и второе, что у бедняги просто поехала крыша. Ни то, ни другое не кажется мне верным. Я общался с Лири на протяжении многих лет, и он всегда выглядел весьма здоровым и физически и ментально. Я только

удивлялся этим гарвардцам, как они могут говорить, что у него поехала крыша. Что касается другого, в терминах дискредитации психоделических исследований, я не уверен, что психоделические исследования могли иметь будущее в американских академических институтах. Я думаю, что эти наркотики действительно нажимают на такие кнопки в человеческом сознании, что это действует слишком пугающе, и, думаю, может быть, это неправильный подход к их изучению.

Р. Ф.: Что вы считаете правильным подходом? Кто, по-вашему, прежде всего должен использовать эти наркотики?

Э. В.: Я думаю, нам необходимы какие-то аналоги шаманам в нашем обществе. Было бы прекрасно, если бы доктора медицины получали также квалификацию шаманов, которые могут прозревать и предвидеть.

Р. Ф.: Что такое шаман в вашем понимании?

Э. В.: Человек, владеющий техникой выхода из тела, который умеет быть посредником между видимым и невидимым мирами, который может проводить очень четкий тренинг, на индивидуальном уровне и с другими людьми, владеющими подобными техниками. Но у нас отсутствует какой бы то ни было нормальный механизм, производящий подобных людей.

Р. Ф.: Вчера вечером вы рассказывали, что, по вашему мнению, будет следующим революционным прорывом в западной медицине - открытие и освоение энергетического тела, кундалини и т. п. Думаете ли вы, что это одно из возможных применений психоделиков в западной медицине?

Э. В.: Да. Также я думаю, что психоделики могут быть инструментами исцеления. Я видел много исцелений, не только психических заболеваний, но и физических тоже, имевших место в результате психоделического опыта; у них огромный потенциал в этом

отношении. Они так малотоксичны и безопасны, если используются надлежащим образом и людьми, которые знают, как правильно ими пользоваться. Это очень печально, что они вне закона.

Р. Ф.: Излечение физических недугов? Не только психических? Но исцеление происходит через психику?

Э. В.: Да. Я говорю об этом, потому что исследовательский интерес в отношении психоделиков, как правило, имел место со стороны психиатров, но мой интерес был в рассмотрении аспектов взаимодействия тела и психики и того, как изменение уровня сознания, вызванное психоделиками, может производить драматические изменения в физическом теле. Но большинство говорит о психоделической терапии в областях наркомании и алкоголизма и депрессии, и вы не услышите, чтобы речь шла о чем-то еще. Это часть проблемы отдельного восприятия души и тела, которое доминирует.

Р. Ф.: Я слышал, что несколько лет назад Пола Хоукинс, в борьбе за кресло во Флориде, пыталась сместить вас с факультета на том основании, что вы занимались исследованиями в области наркотиков.

Э. В.: Это не совсем так. Когда вышла книга «От шоколада к морфину», в 1983-м, как раз были выборы. Это было вскоре после смерти Лена Биаса, и война с наркотиками достигла накала. Я принимал участие в шоу Донахью на телевидении. Донахью здорово поддерживал мою книгу, и шоу было великолепным. Вопросы были замечательные. Телевизионщики любят такие штуки. Это шоу потом много раз показывали. В ответ на это последовала реакция Национальной федерации за юность без наркотиков, которая начала кампанию против книги. Почетными председателями этой организации были Нэнси Рейган и Пола Хоукинс. Пола Хоукинс собиралась переизбираться в сенат, и одной из тем

своей кампании она сделала призывы исключать подобные книги из школ и библиотек. Она стояла посреди Правового комитета Сената, размахивала моей книгой, раздавала направо и налево ее экземпляры и говорила, что самое худшее в этой книге - это ее нейтральность. Мне это показалось интересным. Книга не говорит «нет». Она также размахивала книгой перед камерами *CBS Nightly News* и, на самом деле, больше сделала для рекламы книги, чем ее издатель. Потом Национальная федерация инспирировала организованную кампанию по лишению меня возможности выступать публично. В нескольких местах, где меня просили читать лекции, активисты этой организации пытались отменить их. Одно событие имело место в Тусконе, конференция по проблемам наркозависимости. Меня просили сказать вводное слово. Непосредственно перед конференцией, как рассказал мне организатор, Национальная федерация явилась к нему в лице женщины с политическими связями, имевшей влияние на губернатора Аризоны, которая сказала, что я должен быть лишен права выступать с вводным словом, потому что я пропагандирую употребление наркотиков. Организаторы ответили отказом, они хотели, чтобы именно я открыл конференцию. Тогда эта женщина сказала, что использует все свое влияние на губернатора, чтобы вообще запретить конференцию, если они не выкинут меня. Они опять ответили отказом. И тогда - это особенно возмутило меня - они позвонили в Белый дом, и в течение двадцати четырех часов Комитет по наркотикам Белого дома экспресс-почтой прислал досье на меня, толщиной в два дюйма, в котором была информация о том, что я был замечен в употреблении наркотиков. Я и не знал до того, что такое досье существует. Потом я узнал, что бумага, составленная на основании этого досье, циркулировала по школам и библиотекам, чтобы способствовать ис-

ключению из них моей книги. Я в то время работал на популярном курорте в качестве медицинского консультанта, так они пришли к владельцам этого курорта. Владельцы сказали мне, что я не могу продолжать у них работать, поскольку я политически неблагонадежен. Тогда я пришел к своему боссу в Университете Аризоны и сказал ему, что происходит и можно ожидать, что они и к нему явятся. Но они почему-то не дошли до университета. А потом Пола Хоукинс проиграла выборы. Одновременно с этим что-то около 95% американцев сказали, что считают наркотическую зависимость величайшей угрозой нации, а год спустя таких был уже всего один процент. То есть всем манипулируют массмедиа. После этого - когда она проиграла выборы - я больше никогда не участвовал в таких кампаниях.

Р. Ф. : Как вы думаете, в какой мере вся эта кампания против наркотиков и наркотической зависимости инспирирована страхом перед трансформативным потенциалом ЛСД, о котором мы узнали в шестидесятые?

Э. В. : Несомненно, этот фактор играет роль, но, кроме того, отчасти люди делают это бессознательно. Я думаю, это глубокие подсознательные мотивации. ЛСД и сходные с ним вещества воспринимаются большинством американцев так же, как героин, так же относится к этому и закон. Это настолько иррационально, что объяснение этому можно найти только в подсознании.

Р. Ф. : Более эффективная политика по отношению к наркотикам подразумевает выделение психоделиков из ряда обычных наркотиков. Психоделики могут быть чрезвычайно полезны для общества, но об этом мало известно. Ралф Абрахам, например, предполагает, что они могут быть полезны для развития теории хаоса в математике и физике, а также в компьютерной революции. А что вы можете сказать о своей области? Как психоделики

могут применяться в развивающейся альтернативной, или, как вы говорите, «интегративной» медицине?

Э. В.: Многие известные мне люди, работающие в этом направлении, имеют в прошлом психоделический опыт, кто-то продолжает употреблять их, кто-то нет. Эти опыты, как я думаю, сыграли свою роль в их трансформации, в результате которой они пришли к сегодняшнему видению реальности. Я думаю, что это можно сказать о многих людях моего поколения. Многие из этих людей больше не употребляют психоделики и, может быть, уже довольно давно; тем не менее их роль была очень важной.

Р. Ф.: Кажется, Олдос Хаксли сказал, что если двадцатый век вообще будут помнить в истории, то в первую очередь как век, в который были заново открыты психоделические наркотики.

Э. В.: Я думаю, что это мощные трансформативные инструменты и что исключение - как его ни называть, исключение, отлучение - Лири и Алперта из Гарварда было центральным событием, которое способствовало их распространению в американской культуре.

Р. Ф.: Как вы думаете, как будут вспоминать Тима годы спустя?

Э. В.: Конечно, как ключевую фигуру шестидесятых и всего движения того времени. При любом взгляде на контркультуру он всегда будет в центре. Я всегда отдавал должное Лири и Алперту в своих книгах и высказываниях за их настойчивость в отстаивании важности концепции set and setting'a. Хотя не они изобрели эту концепцию, они, несомненно, популяризовали ее и настаивали на ее важности; и это стало главной темой в моей работе по исследованию наркотиков, так же как и Нормана Зинберга. Термины set и setting встречались и раньше в психологии, но я не слышал, чтобы они применялись по отношению к наркотическому опыту до Лири.

Главное, могу сказать, что сегодня, когда моей основной работой является область медицины, здоровья, лечения, я обращаюсь к очень разной аудитории. Я уверен, что есть некоторые люди, которые с предубеждением относятся к тому, что я имел дело с наркотиками, писал о них, которые предпочли бы, чтобы у меня не было подобного опыта. Таким я могу сказать, что мой сегодняшний взгляд на лечение - это только развитие тех идей, которые я получил, работая с наркотиками. Главный пункт в моей книге «Естественное сознание» - это что наркотики непосредственно связаны с высшей нервной системой человека и что они действуют как инструменты освобождения сознания, если set and setting были правильно организованы. Моя сегодняшняя точка зрения состоит в том, что их можно использовать для активации или высвобождения внутренних целительных способностей организма. При правильном использовании set and setting'a есть развитие когда-то полученного инсайта.

Р. Ф.: Они активируют наши возможности до фантастических пределов.

Э. В.: Я сейчас вспомнил, что, когда я впервые встретился с Лири, он мне понравился. Он был обаятельной личностью, и я помню, что он вел себя как озорной мальчишка-эльф. Он похож на ирландского бардасказителя, игривость и озорство характерны для него. Я думаю, что это было и его достоинством и недостатком. Дик Алперт - личность совсем другого плана.

Р. Ф.: Вы ведь даже не входили в число его студентов, вы просто слышали о нем?

Э. В.: Да, услышал, пришел и познакомился с ним и с людьми из его группы. После этого я экспериментировал сам, индивидуально.

Р. Ф.: Когда вам пришла в голову идея рассказать о них?

Э. В.: Это было позже. Я познакомился с ними осенью 1960-го. Я принимал мескалин несколько раз, в 60-м и 61-м. Газетная кампания началась в конце 1962-го.

Р. Ф.: Ну да, те статьи.

Э. В.: Было много разных статей. Был еще журнал, который я издавал, он назывался *Harvard Review*. Это был новый политический журнал, главным редактором которого я был в течение года, и я посвятил один номер психоделикам. В нем были напечатаны манифест Алперта и Лири и статьи Ралфа Метцнера и других ключевых фигур.

Р. Ф.: Теперь у меня складывается несколько иная картина. С одной стороны, вы организовали репортаж-расследование, чтобы выставить их на всеобщее обозрение и выгнать из университета, потому что вам не нравилась их деятельность в его стенах. С другой стороны, вы испытывали энтузиазм по поводу их манифеста, достаточный для того, чтобы напечатать его в вашем журнале.

Э. В.: Я думаю, это отражает мое собственное раздвоение, больше, чем что-либо еще. Я был единственным в газете, кто пробовал что-то из этих наркотиков, так что, я думаю, это отражало мои собственные противоречия, которые разрешились, думаю, не раньше, чем через лет десять после тех событий.

Р. Ф.: Прочие сотрудники газеты были в меньшей степени озабочены тем, что происходит?

Э. В.: В основном.

Р. Ф.: Но им не нравилось то, чем занимаются Лири с Алпертом?

Э. В.: Да. Я полагаю, никто из них никогда не пробовал эти вещества.

• Р. Ф.: Были ли у вас сожаления по поводу своего участия в тех событиях?

Э. В.: Нет, совсем нет. Я думаю, все было так, как должно было быть, и это было частью моей трансфор-

мации, и я уже говорил, что со временем я сам пришел к такому пункту в своей жизни, когда оказался в положении, очень близком к тогдашнему положению Алперта, что немало меня изумило. Я даже рад, что так случилось, потому что чувствую, что он был - неким странным образом - моим учителем. Мы не так много общались непосредственно, но он стал для меня примером.

Р. Ф.: Если я правильно понимаю-Алперт был проводником восточного мистицизма в западную психологию, а вы были за интеграцию западной медицины с открытиями, которые вы сделали во время ваших транскультурных путешествий.

Э. В.: Верно. Кроме того, в течение всего того времени я был студентом Ричарда Шультеца. Это было, когда я изучал ботанику, с 60-го до 64-го, вплоть до моей дипломной работы. Он очень недолюбливал Лири и Алперта.

Р. Ф.: Он очень консервативен во всех вопросах. Он сказал мне, что, по его мнению, Американская революция была ошибкой.

Э. В.: Точно. И при этом он сам пробовал все.

Р. Ф.: Он пробовал все, но он интересовался ими только в «научном» аспекте, возможности трансформации его не интересовали. Уоссон относился к психоделикам так же, его интерес лежал в исторической, научной плоскости, хотя незадолго до смерти он отмечал, что, возможно, это было ошибкой; что, если бы он подошел к ним по-другому, «это могло бы зажечь революцию на Уолл-стрите».

Э. В.: Из них троих, я думаю, пожалуй, Альберт Хофманн был наиболее открыт и наиболее лично готов для этого опыта.

Р. Ф.: Да, но он настаивает на том, что наилучшая стратегия - это распространять психоделики через психиатров.

Э. В.: Я думаю, это будет чревато. Психиатрия - это наиболее авторитарная ветвь медицины. Знаете, официальные психиатры - это все равно что ментальная полиция, в некотором роде. Когда я проходил психиатрическую практику, я сцепился с этими людьми на тему существования множественных реальностей. Это было что-то. Они утверждали, что есть только одна реальность, и, если ты в этом сомневаешься, значит, с тобой дело плохо и ты должен вернуться к ним в качестве пациента.

Я помню, Альберт как-то сказал, что лучшая новость, которую он когда либо слышал об Америке, это статья в *New York Times*, где говорилось, что потребление ЛСД чрезвычайно высоко среди американской молодежи.

Р. Ф.: Не помню, Оскар Янигер или Тимоти рассказал мне однажды, что на начальном этапе их экспериментов наиболее высокий процент bad trip'ов (негативных психоделических опытов) был среди психиатров. На втором месте были богословы.

Э. В.: Меня это не удивляет. Это печально, но не удивительно.

Р. Ф.: Религия и медицина - обе исключительно поражены чумой авторитаризма. Психоделики могут исцелить эти болезни, но те оказывают упорное сопротивление.

Э. В.: Я должен также сказать, что когда я оказывался в сообществах хиппи, было что-то, что чрезвычайно влекло меня к этому стилю жизни, но, чем более я наблюдал его, тем более косным он мне казался. Я заметил много проявлений сексизма, к примеру. Употребление этих наркотиков не обязательно ведет к разрушению социальных стереотипов и свободе.

Р. Ф.: Употребление этих наркотиков обычно вызывает пороговые состояния. Что происходит при воз-

вращении - это уже другая история. Можно наложиться на другую дисфункциональную структуру. Конечно, Тим в первую очередь разъяснял это каждому.

Э. В.: Да, это так. В книге «Бракосочетание солнца и луны» я старался показать, что любая деструктуризация вызывает соответствующую социальную реакцию - смотри главу, посвященную солнечным затмениям и тому, чем объясняется вся медицинская паранойя по их поводу.

Вот вопрос, который меня очень интересует. Это по поводу МДМА. Насколько угрожающе оно выглядит для устоявшегося порядка, и почему лагерь ЛСД так настроен против него? Например, Теренс считает, что МДМА ужасно и что нельзя его употреблять, а меня разбирает любопытство, почему? На мой взгляд, МДМА по крайней мере так же пугающ, как...

Р. Ф.: Много народу годами употребляли МДМА с отличными результатами, доказывающими его трансформативный потенциал. Существует что-то вроде спора между сторонниками ЛСД и сторонниками МДМА, потому что у людей складываются близкие отношения с их наркотиками. Перспектива Теренса вращается вокруг триптаминов, и он иногда совершенно иррационально отвергает другие заслуживающие уважения энтеогены. В «Пище богов», к примеру, он огульно отвергает оссоновскую теорию аманитов, потому что у него самого ничего не вышло ни в один из пяти разов, которые он пробовал.

Что касается МДМА, истеблишмент реагирует на него так же иррационально, как в свое время на ЛСД, когда оно появилось. В случае ЛСД, как это хорошо известно, правительство активно распространяло псевдонаучную утку, что оно вызывает хромосомные нарушения. В случае с МДМА это уже мозговые повреждения. Я был на самой первой пресс-конференции в университете

Чикаго, когда они объявили экстренный отчет по MDMA, основанный на исследованиях Чарлза Шустера. Шустер никогда не рассматривал MDMA с этой точки зрения, но он был авторитетом, чье мнение было достаточно для обоснования запрета. На следующий год он был назначен главой Национального института наркотической зависимости. Он рассказал мне, что сделал это по просьбе правительства, которое в ответ обещало спонсировать его исследования.

Что касается опыта, то, если говорить о нем в терминах личности, ЛСД полностью дезинтегрирует вашу личность на время своего действия. С MDMA вы знаете, что у вас есть личность, и вы чувствуете себя несколько более комфортно в этом состоянии, но при этом вы знаете, что ваша личность и вы - это разные вещи. Он действует более постепенно, не так радикально и шокирующе, как те агенты, которые Уоссон называл «высшие энтеогены».

ЗАМЕТКИ О ДОКТОРЕ ТИМОТИ ЛИРИ

Роберт Уильяме

Перед тем как сформировать мнение о человеке, я **люблю** взглянуть на него глазами его врагов и друзей, ропотом уже пытаюсь вынести собственное суждение, основанное на моих личных наблюдениях. Если вы покушаете мнения противников Тимоти Лири, вы услышите обличения предавшего Гарвард профессора-перебежчика, который в шестидесятые прицепил свой **rajroH** к либеральному социальному феномену, возникшему в хаосе непопулярной войны. Этот, говорят они, **is\$aos**, состоявший из расовых волнений, антивоенного цвижения и растущей наркотической культуры, позволил ему присвоить себе права наркотического мессии. Когда вы перевернете монету, вы увидите цветистый, Царисованный богемными авангардистами образ блистательного доктора Лири, гуру-пророка золотого века, в котором мы все будем сидеть со львом возле Спокойных вод и убеждать Лео поесть витаминного еаяту.

*Роберт Уильяме - художник, чьи работы появлялись во многих
ЩПерях мира, начиная с 1970 года*

На основании моего шестилетнего опыта знакомства с ним я бы сказал, что и та и другая сторона медали с изображением доктора Лири недостаточно реалистичны.

Тимоти Лири был одарен большим набором различных свойств, которых у многих из нас нет. Кроме того, что он был писателем и исследователем истории, Тимоти был неизбежно вовлечен в вопросы политики и человеческого удела. Но что еще более драматически выделяло Лири из среды фу-ты ну-ты интеллигенции, так это сверхъестественная ловкость ума. Иными словами, способность производить ситуации вокруг себя посредством абстрактных мыслей. Что-то из строк «Плоти Дзена, Крови Дзена», когда последняя вишня, которую вы съедаете перед тем, как вас съедят тигры, самая сладкая. Однако я бы не сказал, что способ мышления Тимоти был классическим Дзеном. Его логика заражена иронией и злостью, которые танцуют на деликатной почве между реакцией и эмоцией.

Не сводя глаз с будущего, он упражнял свой дар коммуникации посредством компьютера. Будущее стало для Лири воображаемым футбольным полем, а технологические изобретения типа компьютера - нападающими в его команде.

Тимоти был вооружен общительным и приветливым характером. Его обаяние, в сочетании с красивой и энергичной внешностью, позволяли ему вращаться в элитных социальных кругах, где средний Джо бы потерялся. Я думаю, Тимоти Лири сейчас в одной компании с Вольтером, Оскаром Уайльдом и Джоном Дилинджером⁶⁴.

НЕДОСТИЖИМЫЕ ЗВЕЗДЫ

Роберт Энтон Уилсон

Эзра Паунд, когда к нему обратились с просьбой принять участие в книге воспоминаний о Тимоти Лири, прислал типичный лаконичный ответ: «Я могу только повторить с такой же настойчивостью, как и шестьдесят лет назад: ЧИТАЙТЕ ЕГО! Мне недостает способности Эзры концентрировать свои мысли в столь сжатой форме; и хотя я выразил свои мнения об опубликованных работах доктора Тимоти Лири в различных книгах и статьях, но могу еще раз повторить вслед за Паундом: «ЧИТАЙТЕ ЕГО!» Вы узнаете больше из психологических и философских книг Лири, чем можно узнать из любого другого современного автора.

Конечно, люди, которые черпают свои мнения по преимуществу из средств массовой информации, «знают»,

Роберт Энтон Уилсон - один из авторов (вместе с Робертом Ши) известной подпольной трилогии «The Illumatus!», которая получила в 1986 году премию Прометеевского зала славы. Кроме того, он автор трилогии «Кошка Шредингера», которую журнал New Scientist назвал «самым научным из всех научно-фантастических романов», и нескольких книг по футуристической психологии и онтологии партизанской борьбы. Его самая последняя книга - «Все под контролем»

⁶⁴ Джон Дилинджер - известный американский гангстер.

что работы Лири никакой ценностью для них не обладают. В противовес этой условной (механической) реакции я предлагаю:

1. Некоторые из работ Лири получили очевидное признание в психологических кругах. Особенно интерперсональный «тест Лири», который стоял на первом месте (был наиболее популярен) среди психологических тестов в нашей стране несколько лет назад. Не знаю, котируется ли он по-прежнему так же высоко, но до сих пор широко используется, я часто встречаю молодых людей, которые проходили его в университете или при приеме на работу, и он обычно применяется ко всем осужденным в пенитенциарной системе штата Калифорния.

2. Работа по изменению поведения посредством ЛСД, вызвавшая многочисленные проклятия со стороны непсихологов и ученых мужей из массмедиа, совсем по-другому была оценена теми, кто имеет профессиональное право судить о ней - другими психологами. Многие из них сказали, что, как они подозревают, Лири получит признание в менее истерический век. Когда доктор Лири вышел из тюрьмы, он тут же получил приглашение выступить с вводным словом на заседании Ассоциации гуманистической психологии, что доказывает, что его коллеги-психологи не считают его разновидностью доктора Франкенштейна или доктора Стрейнджлава, а видят в нем одаренного исследователя, ставшего жертвой иррациональных предубеждений. Как Галилей. Как Пастер. Как Бен Франклин, чьи громоотводы были однажды прокляты на весь свет как оскорбление Господа Бога.

3. Разногласия по поводу работы доктора Лири по изменению поведения продолжают и будут продолжаться, потому что ни одно из позднейших исследований полностью ни подтвердило ее, ни опровергло. Этот пункт я считаю наиболее важным и еще разверну его

Возможно, даже напечатаю жирным шрифтом и заглавными буквами.

Ни одно из наиболее важных исследований доктора Лири не было ни опровергнуто, ни снискало радость. Признания по одной причине - после и по причине этих работ вступил в силу негласный закон, считающий любое повторение экспериментов доктора Лири преступлением. Я полагаю, все знают, что инквизиция окончательно прекратила свое существование в 1819 году, но в своем отношении ко многим областям психотерапии и психофармакологии правительство оставило Ватикан далеко позади. Может быть, вы не понимаете этого. Я уверен, что Ньют Гингрич не понимает этого и не хочет понимать. Позвольте мне сказать еще раз, на более простом языке. **ЛЮБОЙ ПСИХОЛОГ ИЛИ ПСИХИАТР, КОТОРЫЙ ПОПЫТАЕТСЯ ПОВТОРИТЬ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ДОКТОРА ЛИРИ, БУДЕТ БРОШЕН В ТЮРЬМУ.**

Усвоили? Когда постмодернисты говорят об «общественных силах, формирующих научные модели» на протяжении десятилетия, поколения или более долгого периода времени, это не относится к неопределенным «предубеждениям» или «личным интересам» или пресловутому «консерватизму главы департамента» - хотя все эти явления играют роль социальных сил, формирующих научные модели. В некоторых случаях «социальные силы» означают нечто менее расплывчатое и более инквизиторское: ужасная угроза заключения в тюремную систему, в которой нанесение увечий, убийство, сексуальное насилие и коррупция играют большую роль, чем в любых трущобах за ее пределами. Я могу сказать, как «социальные силы» формировали психологию в последние тридцать лет.

Ученые не занимаются определенного рода исследованиями, потому что они не хотят быть брошенными в тюрьму, как это случилось с доктором Лири.

Конечно, существует много исследований, родственных работе доктора Лири, затерянных в пропасти архивов, подобно ископаемым костям, - сотни и сотни научных документов. Все эти исследования появились еще до того, как Святая инквизиция - пардон, правительство Соединенных Штатов, - запретила подобные исследования. Я читал большую их часть; я читал их по мере появления в пятидесятые и шестидесятые, потому что предмет их интересовал меня, так же как и сейчас интересует. Я заявляю, что более 90% этих опубликованных работ в основном подтверждают базовые идеи доктора Лири. Иногда они разнятся в деталях, иногда в словаре, но все склоняются к тому, чтобы подтвердить его взгляды на ЛСД как на очень мощный, меняющий поведение агент с безграничным потенциалом терапии при надлежащем использовании. Многие также поддерживают его мнение, что ЛСД использовалось отнюдь не надлежащим образом, как в недоброй памяти экспериментах ЦРУ, в которых человеческий мозг подвергался таким экзекуциям, что самым удачным определением этих бесчеловечных экспериментов будет «убийство мозга».

Вы думаете, я преувеличиваю уровень поддержки Лири (в исследовательских отчетах, а не в теории или полемике)? Исследуйте тогда этот вопрос сами; компьютеры значительно облегчают возможности охоты за старыми статьями. Вы обнаружите, что вещественные доказательства опровергают общественное мнение. Вы увидите, что то, что называется принятым мнением, создается массмедиа, которое манипулирует общественным сознанием.

А что касается моих личных воспоминаний о Тиме Лири, этот человек... Боже, столько лет, столько воспоминаний...

1964 год. Я приехал в Миллбрук, чтобы взять интервью у доктора Лири для почти неизвестного журналь-

чика под названием *The Realist*, который с тех пор стал известным и одновременно неизвестным. Я встретил⁴ «е гарвардского профессора, которого ожидал увидеть, а молодого мужчину средних лет, который играл в бейсбол на лужайке. Потом мы уселись за кухонный стол, и на интервью я уже имел дело с гарвардским профессором, автором «Межличностной диагностики личности», одной из моих любимых книг по психологии, тем самым, кого я ожидал встретить. Позже, когда я задал ему вопрос об ЛСД, он ответил: «В каждом трипе есть точка, где пространство достигает конца, игра времени достигает конца и игра Тимоти Лири достигает конца». После этого я принимал ЛСД, может быть, семью семь раз, но я не смог бы найти слов, которые так точно описывали бы его пик.

1967 год, Чикаго. Я получил работу в другом известном/неизвестном журнале *Playboy*, и Тим пришел ко мне в офис, но память меня подводит, и я не могу точно сейчас сказать, был его визит связан со статьей о нем или с интервью с ним. Я помню, рассказал ему, что обнаружил, что буквы LSD несколько раз встречаются в тексте джойсовских «Поминок по Финнегану», и спросил, что он думает по этому поводу. Он ответил, что у Джойса LSD означает «фунты, шиллинги, пенсы», и это стало началом моих многолетних исследований двенадцатичной системы в «Поминках», достигших кульминации в моей книге «Совпадение» и видеофильме «12 яиц в коробке», обнаруживающем палеолитические оригиналы зодиака, двенадцати апостолов, двенадцати подвигов Геркулеса, монетной системы l-s-d, дошедшей из Вавилона до 1970-х годов, и нашей судебной системы с жюри. Джойс снабдил меня психоархеологическим свидетельством, а Тим дал мне ключ к его пониманию.

1968 год, все еще Чикаго. Я включил телевизор, посмотреть новости, и увидел на экране Тима на фоне

коровы. Вскоре я узнал место. Это был «фермерский» отсек зоопарка Линкольн-Парка. Тим говорил о готовящейся Демократической конвенции и выдал несколько убийственных острот о корове Лири и о знаменитом чикагском пожаре. Я хохотал как ненормальный, но городские власти были лишены подобного чувства юмора. Когда о конвенции было объявлено, были предприняты беспрецедентные меры безопасности (вплоть до танков), так что город стал трудно отличим от Праги, находившейся в осаде в те дни. Так два коррумпированных правительства использовали специальные силы, чтобы отучить свои народы лезть в политику.

Арест Тима в 1970-м за неумелоепользование первой поправкой и его головокружительный побег, который когда-нибудь ляжет в основу отличного фильма - какой другой великий философ-бунтарь, кроме разве Бакунина, так живописно бежал из тюрьмы?

В 1973-м, когда его поймали и посадили обратно, я тоже вернулся в Эти Штаты и нашел экземпляр его «Неврологии» в каком-то книжном магазине. Я не могу описать, как сильно на меня подействовала эта небольшая книга, я вспоминал Кортеса на этом знаменитом пике (в Дарьене?). Теперь я уже не считаю «Неврологию» доктора Лири величайшей из его книг, поскольку позже он развил тезисы, изложенные в ней, в нескольких более объемных, детальных и специальных книгах. Тем не менее тогда, в 1973-м, эта небольшая брошюра пришла ко мне как Великий Свет, который открыл Коперник Джордано Бруно: то, что раньше казалось смутным, даже хаотичным, внезапно увиделось частью организованной системы и приобрело смысл. Хотя Лири не упоминает всех своих источников, я понял, что он синтезировал все значимое, что было в главных психологических системах нашего столетия, со всем, что можно было сказать о современных исследованиях

функционирования мозга, и он сделал это блистательно, изящно и понятно.

Если бы я тогда знал то, что узнал потом - что Тим написал это блистательное эссе карандашом, на полу камеры одиночного заключения, - я был бы еще более потрясен. Хотя и так было достаточно. Я начал кампанию по рассылке писем всем и вся, информируя их, что наш величайший ученый и философ томится в тюрьме и мы будем выглядеть невежественными варварами в глазах будущих эпох. Конечно, я ничего не добился. Соединенные Штаты в тот год не желали слушать ничего в защиту безумного ученого из Миллбрука. Я списался с несколькими друзьями Тима и, в конце концов, достал его тюремный адрес. Я начал писать фан-письма ему в тюрьму. Вскоре я получил приглашение навестить его.

Мой самый первый визит в Вакавилль (помню, я перевел это в уме с французского на английский как cowtown, «коровий город», и был ошеломлен) остался в коридорах моей памяти как наиболее интенсивный учебный опыт в моей жизни. Я ожидал увидеть страдающего мученика и сделать все, чтобы утешить его. Вместо этого я увидел жизнерадостного и сияющего молодого человека (моложе, чем когда я впервые его встретил, за девять лет до того), который преодолел тюремный опыт, что в результате это *он* утешил меня.

Я вернулся домой, думая о словах Гамлета «Сами по себе вещи не бывают... дурными, а только в нашей оценке»⁶⁵ и Будды: «Все, что мы есть - это результат того, что мы думаем», о разных вариантах христианской науки и об идеалистических идеях, которые я раньше никогда не принимал всерьез. Теперь я должен был отнестись к ним серьезно - хотя я и не понимал их

⁶⁵ «Значит для вас Дания не тюрьма, ибо сами по себе вещи не бывают хорошими или дурными, а только в нашей оценке. Для меня она тюрьма» (Шекспир, «Гамлет», II, 2, перевод Б. Пастернака).

буквально. перейдя на язык доктора Лири, я осознал, что какие бы энергии и сигналы ни приходили в наш мозг, мы организуем их, оркестрируем, редактируем в соответствии с нашим персональным тоннелем реальности. Это обрамление голого опыта, упорядочивание его в тоннеле индивидуализированной реальности происходит или бессознательно/механически, как в нормальном сознании, или сознательно/творчески, как у Тимоти Лири, когда я встречался с ним во время посещения тюрьмы Вакавилль.

Пока Тим сидел в тюрьме, он написал книги «Терра II» и «Экзопсихология» (теперь переизданная как «Инфо-Психология») и сформулировал сценарий будущего, который можно было выразить аббревиатурой SMI²LE: Space Migration + Intelligence Increase + life Extention⁶⁶. Я читал много футуристических сценариев после этого, и некоторые (например Бакки Фаллер и др.) понравились мне почти так же, как этот, но ни один из них не был исполнен подобного энтузиазма. Мы уже владеем технологией для космической колонизации. Если взгляды Тима на нейрхимию восторжествуют, у нас есть и технология для роста интеллекта и расширения сознания. Технология для продления жизни развивается все быстрее с каждым годом, из всех, что прошли с тех пор, как Тим написал свои первопроходческие работы. Самое отдаленное развитие космической миграции + роста интеллекта + продления жизни = нашей эволюции из невротических земных смертных до просветленных космических бессмертных. Какой из сценариев-конкурентов может предложить больше, чем этот? Тот факт, что Тим сотворил все это, запертый в камере, как какой-нибудь уголовник, никогда не перестанет изумлять и потрясать меня. Представление, что мы живем в ра-

⁶⁶ Космическая миграция + рост интеллекта + продолжение жизни (англ.).

циональное, секуляристское время, кажется все более и более сомнительным. Мы живем в конце Средневековья, друзья мои, и Тим кажется даже чем-то большим, чем Галилей. Я воспринимаю его как нашего Леонардо. В те годы, когда они продолжали держать его в тюрьме, я часто вспоминал знаменитые строки из «Человека из Ла-Манчи»:

И все же мир станет лучше благодаря тому,
Что этот униженный, весь в шрамах, человек
Вновь, из последних сил своих,
Пытается дойти до недостижимых звезд⁶⁷.

Когда Тим в конце концов вышел из тюрьмы, мы несколько раз вместе с ним участвовали в теледискуссиях, оба повторяя как гимн аббревиатуру SMI²LE. В последние годы он переехал и реже появляется во внешнем мире, предпочитая ему киберпространство. Если значительная часть неврологического освобождения человека во внешнем мире еще ждет нас впереди, то часть, которую мы можем получить прямо сейчас, существует (и продолжает быстро расти) в киберпространстве. Я нашел сообщества в киберпространстве, которые пользуются такой свободой, какая, возможно, будет в космических колониях в течение следующих пятидесяти лет. (Говоря об информационном океане: «только компьютерная игра не наскучивает мне быстро и продолжает развлекать и учить меня» - доктор Лири, «Зеркало души». Сердечно всем рекомендую.)

Кажется, я почти ничего не сказал о прекрасном чувстве юмора Тима. Я вспоминаю один случай. Это

⁶⁷ «Человек из Ла-Манчи» - популярный мюзикл по мотивам романа Сервантеса «Дон Кихот». Приведенное четверостишие - строки из песни, звучащей в этом мюзикле. Песня приобрела популярность как самостоятельное произведение, а некоторые фразы из нее превратились в поговорки

было около года назад, в Дуранго, где мы оба говорили о будущей эволюции. Тим потерял нить на середине предложения - такое случается со всеми, кто часто выступает с лекциями. Он остановился и сказал: «Знаете, я нашел новый способ ловить кайф и висеть часами в космосе, и государство ничего не сможет сделать, чтобы помешать мне. Это старость. В ней есть четыре главных свойства. Первое - это усиление дальней памяти. Я сейчас могу припомнить всю эволюцию. Второе - ослабление короткой памяти. Когда я прихожу на кухню, я не могу вспомнить, зачем туда шел. Что третье, я забыл. А четвертое - теперь мне все это по хую». (В нашем, лишенном юмора пуританском обществе рассказы об этой шутке пошли передаваться из уст в уста, и какие-то ученые мужи заявили триумфально, что ЛСД-де превратило доктора Лири в маразматика на восьмом десятке - как будто мало людей, которые никогда не пробовали кислоту, и получивших болезнь Альцгеймера на пятом. На самом деле, по мнению тех, кто знает его, Тим не выказывает никаких признаков старческого маразма. Насчет маразма он просто пошутил. Впрочем... Пытаясь корректировать СМИ по поводу Лири, я вспомнил, как мы пытались корректировать их по поводу Вьетнама: каждый раз, когда ложь окончательно умирает, они ждут пять лет, а потом пускают ее по новому кругу.)

Теперь, как это все знают, Тим болен раком простаты. Какие-нибудь ученые мужи наверняка и в этом тоже обвинят ЛСД. Тим продолжает поражать меня как обычно; последний раз, когда мы говорили по телефону, он умудрился опять утешить меня и успокоить. Как вы слышали, доктор Лири собирается подвергнуть свою голову криогенной заморозке в надежде на то, что наука будущего в конечном счете реанимирует его, используя нервную и генетическую информацию его мозга.

Он также намеревается уйти в день, который выберет сам, а не тогда, когда медицинская наука решит, что больше не может вытягивать из него деньги, продолжая держать в больничной нищете. Так он покинет нас - на время, - демонстрируя свою обычную веру в себя и внутренний отказ признать любую власть, в которую он не верит, как бы она себя ни называла - Государство, Церковь, АМА⁶⁸ или, наиболее ужасающее из всех божеств, общественное мнение. Недавно он сказал, что закинется двумя дозами кислоты, когда пойдет на криогенную заморозку. И 999 из 1000 человек будет вить и вопить, что он не должен, и что это не по-божески, и не по-американски и бла-бла-бла. Один из тысячи, кто оценит не только мужество принятого Тимом решения, но и его абсолютную, сияющую святость, представляет ту часть человечества, от которой и зависит вся будущая эволюция⁶⁹.

⁶⁸ Американская медицинская ассоциация

⁶⁹ За время, прошедшее после того, как вышеизложенное было написано, Тим умер. Согласно фильму, его голова была заморожена. Согласно другим источникам, Тим передумал, и этого не произошло. Я не знаю. Но через месяц после его смерти я получил следующий e-mail «Дорогой Роберт, Как поживаешь? Мне здесь неплохо, но это не то, чего я ожидал. Слишком многолюдно Слюбовью, Тимоти».

ИЛЛЮЗИИ Розмари Вудрафф

В мой третий приезд в Миллбрук, весной 1965-го, Тим пошутил по поводу моего подарка «Майское вино» с ароматом ясенника⁷⁰.

Он казался мне добрым. Когда мы гуляли в лесу, он показал мне пруд, в который он бросил обручальное кольцо. Потом в нем кто-то утонул. Прошлогодние листья на мелководье у берега были коричневые. Я подумала, что он одинок.

Розмари Вудрафф покинула Сент-Луис, штат Миссури, в возрасте семнадцати лет, выйдя замуж за офицера ВВС, с которым оказалась на изолированной военной базе в штате Вашингтон. Однако уже через год она стала моделью в Нью-Йорке. К 1964 году она успела побывать актрисой на телевидении, декоратором интерьеров, женой джазового музыканта, стюардессой-битником и бесчисленным множеством других разных личностей. После того как она стала женой Тимоти Лири, она стала мачехой, инструктором на семинарах, художником по свету, хозяйкой поместья из шестидесяти четырехкомнат, гидом Лиги духовных открытий, заключенной в тюрьме Пекипси и после ареста в Лагуна-Бич, штат Калифорния, приговоренным преступником. После побега в Алжир она скрывалась на протяжении двадцати четырех лет. Сейчас она на свободе и мирно живет в Северной Калифорнии.

⁷⁰ «Майское вино» - легкое сладкое белое вино, ароматизированное ясенником (по англ. «Woodruff»)

Когда я встретила его в следующий раз, в начале июня, на открытии галереи, я была под ЛСД. Я была удивительно счастлива; счастлива быть одинокой, полностью в себе, спокойной и веселой. Мне было очень хорошо. В тот вечер Тим говорил о психоделическом искусстве и технике «аудио-обонятельно-визуальных изменений сознания». Он был дидактичен, загадочен, обаятелен и очень интересен.

После открытия мы пошли в бар за углом чего-нибудь выпить.

- Ты похожа на девушку, которую я любил когда-то.

- Давай посмотрим, - я достала из кармана маленькое двустороннее зеркальце, подаренное мне одним художником, и протянула его в руке, так что оно оказалось между нас.

- Мои волосы, твоя улыбка, мой нос, твои глаза, что ты видишь?

- Хорошая пара, - он прикурил сигарету.

- Может быть, - я протянула бокал, чтобы чокнуться.

Он был очень весел, как первый глоток чистого кислорода после пытки в кресле дантиста. Было какое-то чувство, что нас связывает что-то, из каких-то незапамятных времен, какой-то очень глубокий совместный опыт. Но я решила отклонить его приглашение на уикенд в Миллбрук. Он был женат на очень красивой женщине, блондинке, высокооплачиваемой модели. А у меня был страстный музыкант. Мне нравилось его сильное, индейское лицо, оно напоминало кого-то из другого времени, я любила его. Он был воплощением прекрасного легкомыслия. Темные ритмы текли в его венах. Я любила джаз и элегантность и полюбила его с первого взгляда.

Сбегая от грустного лета, я еду в Миллбрук с Тимом, вместо того чтобы ехать в Калифорнию к своим родителям, что, как я чувствовала, должна была сделать. Он одолжил у кого-то джип. Я отдаляюсь от дома.

Синяк под глазом, заплатанные джинсы, рваные кроссовки. Я была смущена тем, что он спасает меня, а я в таком виде.

- Чем ты занималась все лето? - спросил он.

- Умирала от жары и безумия, - ответила я.

- У меня есть теория о смерти, хочешь расскажу?

- Конечно.

- В момент смерти все испытывают экстаз, и смерть сливается с жизнью в одно целое. Что ты думаешь по этому поводу?

- Не знаю. Я не верю, что смерть - это выход, но недавно я хотела, чтобы эта жизнь прекратилась.

- У меня это было много раз. Слушай, давай заключим соглашение...

- Что это за запах? - Машина была наполнена дымом, и из мотора доносились какие-то стуки.

- Открой окно. Я забыл, что глушитель сломан. Других машин не было. - Холодный ночной воздух из окна разогнал дым, но стук из мотора стал громче.

- Что ты сказал? - Мне надо было кричать, чтобы он услышал меня.

- Давай поедem вместе.

- Куда?

- Всюду. Почему ты не приехала в Миллбрук, когда я тебя приглашал?

- Тогда мне не надо было спасаться.

Голубые глаза дружески улыбались. «И чего бы тебе хотелось теперь?» - спросил он.

- Чувственного удовлетворения и умственного восторга.

- Чего еще?

Я взглянула на него. Красивый профиль, сильные руки на руле. Проницательный пламень в глазах, раньше темные, теперь седые волосы. Очень красив. «Любить тебя, я думаю».

Полная луна в Водолее, августовская ночь. Мы повернули и проехали через ворота, по мосту, по туннелю из деревьев. Окна большого белого дома горели красным и синим цветом, замок с башнями, окруженный бесчисленными акрами лесов, озер, садов и развалин. Здесь были все элементы мифа и сказки, и хозяин всего этого в изысканной манере распахнул передо мной дверь замка. Он проводил меня наверх, в башенную комнату. Слегка улыбнулся. И ушел, спустившись вниз по лестнице.

Когда я проснулась, был теплый летний день. Я вдыхала аромат белых цветов воскового дерева, увивающего окно, забывала обет одиночества, принятый было мной, вспоминая, как прошлой ночью чувствовала его сквозь пол. Я чувствовала его всю ночь, слушая его шаги по коридорам замка. Я мечтала о бессонном муже в алых одеяниях в каменной палате подо мной.

Я хотела бы узнать его лучше. Он казался мудрым.

Был уикенд в Миллбруке и семинар. Темой были техники Гурджиева. Дом был полон гостей, купивших билеты на два дня лекций, световых шоу, «теорий расширяющегося сознания», как было написано в брошюре. Было здесь и телевидение. Днем Тим вращался в офисном кресле, рассыпая метафоры стоявшим перед ним слушателям.

- Нужно потерять ум, чтобы начать пользоваться головой, - объяснял он улыбаясь.

- И как часто у тебя... - Он остановил меня взглядом. Как я осмелилась задавать ему вопросы? Я была только учеником.

Вечером мы гуляли с двумя собаками по дорожкам парка. Вдоль дороги росли высокие клены. Мы дошли до железных ворот на границе имения. Средневековая ко-

локольня возле ворот была резиденцией Фло и Мэйнарда Фергюсонов. Она - мудрая женщина, мать пятерых детей, он - экстраординарный музыкант. Я еще раньше познакомилась с ними в Миллбруке и сразу искренне полюбила. Юмор и красота Фло и добродушие и заслуженная репутация Мэйнарда как лидера одной из нескольких самых известных джазовых групп вносили веселье и элемент богемного шика в жизнь небольшого миллбрукского сообщества. Мы распили с ними бутылку вина, шутили и веселились, пока с неохотой не вспомнили, что надо идти в главный дом, на вечернюю лекцию.

На обратном пути мы с Тимом остановились возле небольшой дозорной башни на мосту, чтобы полюбоваться спокойной гладью озера. Мы поцеловались, сначала робко, потом уверенно. Сладкий поцелуй. Обещание. Я не еду в Калифорнию.

Юго-западная комната была театром для гостей. В субботнюю ночь Майкл Холлингшед показывал слайды, Ралф Метцнер ставил кассеты с музыкой. Тим сидел, скрестив ноги, на ковре возле роскошного камина и командовал парадом, говоря, где кому из гостей и нашей команды стоять. У всех у нас были роли. Сценарий был такой: космический корабль, кислород на исходе, жить осталось пять минут, что вы напишете в письме домой?

Кое-кто пошучивал, несколько человек исповедовались в грехах. Большинство говорило о любви и семье, потом наступил черед капитана Тима. Он прочистил горло. И тут перегорели пробки. Свет погас. Микрофон умер.

- Кто-нибудь, принесите света, - сказал он раздраженно. Но все были слишком в улете, чтобы шевелиться.

Я прошла через комнату и села рядом с ним. У меня было чувство, что я совершила рискованное путешествие. Мэйнард и Фло предложили мне подушку, из тех, что лежали на полу. Я почувствовала любовь к ним и желание быть полезной, а также гордость от того, что мне удалось безопасно пересечь эту большую комнату, все больше чувствуя действие ЛСД, которое было в вине.

- Ты принесла свечу?

- Нет, но вот спички.

Но тут появился какой-то свет. Майкл Холлингшед, чье чувство юмора можно описать как причудливое, был в шотландском килте, по которому бегали мигающие огни. Наверное, он хотел развеселить всех, но ничего, кроме испуга, его непристойные прыжки на трамплине вызвать не могли. Так завершилась эта лекция.

Я лежала в постели перед распахнутым окном, за которым было полночное небо, и ломала голову над переделанным Тимом стихотворением Лао-цзы, когда он сам вошел в комнату. Я махнула рукой в сторону стихов, лежащих на кровати.

Ворота нежной тайны
Постоянно открыты,
Ворота нежной тайны
Будь нежен с ней,
Не причини ей боли.

- Почему «боли», и что ты имел в виду под «потерять разум»?

- Я расскажу тебе сказку, - он погасил свет. - Жили были три принцессы. Их отец, король, задал им загадку. Кто угадает, чего хочет каждая женщина, та и будет лучшей из принцесс, - его голос нежно убаюкивал меня. Он словно гладил меня по коже. Я чувствовала его, этот голос, и чуть не упустила конец сказки: «...и ведьма ответила: "Женщина хочет полного подчинения себе"».

Я была удивлена. Он словно сдавал себя мне, на милость победителя. Я не чувствовала, что полностью готова к этому, но его руки и голос обещали нежность и наслаждение.

Мы разрисовали каминную стену пересеченными треугольниками, посадили в нишу золоченого Будду, вставили искусственные рубины в глаза гипсовому льву и после этого провели наш первый ЛСД-трип вместе. Он притащил кассеты с записью ламы, кашляющего высоко в Гималаях, и несколько других. Он никогда не слышал моего приятеля Дилана, и я пела ему в ухо: «Aw! I really want to dooooo, is baby be friends with you!»

«Целью является достижение психоделического или экстатического опыта без использования наркотиков. Методом является интенсивное десятичасовое погружение в программное стимулирование сенсорной, эмоциональной, интеллектуальной, художественной, философской составляющих, которые воспроизводят опыт ЛСД».

Мы были на дороге. Караван из автомобилей, набитых оборудованием: Дон Сайндер, Майкл, Ралф, Тим и я. Мы были чем-то вроде странствующего цирка. Мы снимали номера отелей или частные квартиры, покрывали стены индийскими тканями, устанавливали проекторы и юпитеры, ежедневно проходя сквозь нервную систему двадцати и больше человек, не считая себя самих. Восемьдесятителетние ведантисты, райхианцы, поклонники Викки, епископиане, проповедники американского образа жизни, мистические домохозяйки, задумчивые мыслители, широкий спектр оккультистов в поисках просветления. Ралф размеренно и монотонно читает ритуальные тексты, способствующие расслаблению. **Тим** объясняет свою теорию о том, что «надо покинуть ум, чтобы использовать голову». Я сижу за проектором,

который показывает на стене яркие цветные пятна, слушая его голос, скользящий по длинному красному тоннелю. Кислотно-красному. Загипнотизированная, я мурлычу его стихи вместе с ним. «Ты можешь плыть через вселенную твоего тела и при этом не заблудиться? Все забыть, раствориться?»

Его голос был моей путеводной нитью. Не тембр его, а тон, гениальной теплоты и богатого ума. Элементом убедительности была вера, помноженная на гарантию химически-индуцированного блаженства; ирландский шарм, соединенный с магией мира, слово, ставшее плотью. Я не могла представить, что я люблю не его, а другого. Любой по сравнению с ним показался бы скучным.

«Дорогая мама.

Позже я напишу тебе подробней. Я хотела послать тебе фотографии и кое-какую литературу о нашей организации. Я совершенно здорова и счастлива. Я живу в прекрасном поместье с друзьями и никогда раньше в своей жизни не чувствовала себя так хорошо, как сейчас. Пиши мне с/o Leary, Castalia Foundation, Millbrook, NY.

Люблю тебя».

Он попросил меня быть его женой. Я сказала да. Но надо было ждать его развода. Вместе с его дочерью Сюзан мы съездили в Нью-Йорк за моей мебелью и прочим имуществом и привезли это все в Миллбрук.

Угол Девятой улицы и Пятой авеню был моим адресом в течение нескольких лет; большая комната с высоким потолком и камином была моим убежищем и утешением. Я никогда не собиралась с нею расставаться, а, наоборот, мечтала купить и соседнюю квартиру, чтобы соединить их. Со всем, что там было, меня связывали какие-то воспоминания, все имело какое-то значе-

ние, и мне нравилась моя обстановка. Я думала, останусь ли я прежней в многокомнатном поместье в Миллбруке.

Сюзан вернулась в школу. Мы жили втроем в огромном, отзвучающем эхом доме. Джек Лири, шестнадцатилетний сын Тима, красивый, как принц из сказки, Тимоти и я. Я полюбила их обоих в то время краткого затишья между двумя войнами, наши прогулки по поместью с собаками, лунные ночи.

Мы обедали в нашей комнате на третьем этаже, перед горящим камином. После того как Джек ушел готовить уроки, Тим начал рассказывать по комнате, а я смотрела на него. Он был так прекрасен, так мил. Когда он дошел до стены, то развернулся и улыбнулся мне. Он пересоздал мир в соответствии со своим моментальным видением. Он окружил меня цветами и смеющимися детьми. Мне льстило убеждение, что я разделяю его взгляды, понимаю его цели. Я восхищалась его умом. Что бы он ни сказал - поучительное, хвастливое, льстивое, очаровательное, все это было важным. Было очень важным и то, что он ждал от меня ответа. Я чувствовала себя умной, красивой, избранной и была уверена, что я встретила свою судьбу. Кроме того, он нуждался во мне, в зените счастья, которого никто до нас не знал, он чувствовал возможность достичь «совершенной любви», как он говорил.

Потом он слушал мои истории, не сводя глаз с моего лица. Его ласковые взгляды ободряли меня, и я с юмором рассказывала о замужествах, выкидышах, разводах и прочих несчастьях, бывших со мной до него. Задворки, центр, ночные клубы, жестокосердые домовладельцы, упадок джаза, ожидание денежного перевода, уплата налогов, блюз, короткая вспышка успеха, Калифорния, голливудские фильмы... снова Нью-Йорк. Бегство с мужчиной, вдвое старше меня, композитором,

сочиняющим классическую музыку. Седой безумный южанин, неделю напролет пишущий симфонию, а в субботу напивающийся и выпадающий в осадок. Он посадил меня на пейот и нищету в нижнем Ист-Сайде, раньше там было шикарно, потом там поселились пуриторианцы, ортодоксальные евреи и украинцы. Снова джаз... Слава Богу, я не подседа на героин.

Снег шел каждый день, прибавляя росту колоннам перед садом, покрывая деревья и холмы одеянием чистоты и непорочности. Мы мечтали о солнце, горячем песке, прозрачном море. Было решено на Рождество куда-нибудь поехать. Рекламные брошюры называли Юкатан в Мексике, землей меда и конопли. С нами поедут Джек, Сьюзан и еще кто-нибудь в качестве сменного водителя.

«Дорогие папа и мама.

Через неделю от сего дня Тим, Сьюзан, Джеки, парень по имени Рене в компанию к детям и я едем в Мексику. Мы будем по очереди вести новый «Форд» с прицепом. Мы планируем поехать в Мериду, Юкатан, и найти тихое место, чтобы пожить там несколько месяцев. Мы вернемся в Миллбрук до конца марта. Нужно будет как следует привести дом в порядок до начала наших летних семинаров.

Моя жизнь очень тихая и спокойная. В деревне любое время года прекрасно. Мне нравятся даже холодные и дождливые ночи. Я совершаю длинные прогулки в компании двух больших собак, их зовут Фанг и Оби. Мы гуляем по всему поместью. Они показали мне оленью кладбище, покрытое большим количеством рогов, и место, где они ловят кроликов. Я хорошо знаю эту землю и очень люблю ее.

По уикендам у нас бывает много гостей. На День благодарения у нас было тридцать человек. Я пригото-

вила две индейки, окорок и бедро оленя. В течение недели я стараюсь поддерживать в доме порядок, читаю и гуляю с Тимом. Сьюзан сейчас в отъезде, в школе, и во всех этих комнатах живем только Тим, Джеки, я, две собаки и четыре кошки.

Я очень рада, что мы едем в Мексику. Я буду посылать вам открытки по дороге.

С любовью».

Долгая, ленивая дорога до Нуэво-Ларедо. Здесь нас ожидали кое-какие неприятности. Знакомое лицо в знакомой униформе встретило Тима на мексиканской стороне границы - полицейский агент, который сопровождал его до самолета в Мехико за несколько лет до того. Нам запретили въезд в страну. Мы должны были вернуться на американскую территорию. Он должен проконсультироваться с Мехико. Может быть, завтра нам разрешат пересечь границу, если все будет в порядке, сказал офицер. Мы пошли к своему перегруженному багажом автомобилю. Он был окружен мексиканскими полицейскими. Они лениво топтались на месте, пошучивая друг с другом. Я села на заднее сиденье и торопливо начала рыться в нашем багаже. Тим завел мотор. Я попросила его подождать, но он не слышал.

Я нашла, что искала, и хотела открыть окно, но оно было заставлено коробками и одеждой. Я повернулась к Рене и попросила его открыть окно. Он был парализован страхом. Мы находились в нескольких сотнях ярдов от американской таможни.

Таможенный агент подошел к машине: «Вы хотите внести что-нибудь в декларацию?» Они обыскали наш багаж и съестные припасы. Потом нас заставили раздеться и обыскали: волосы, уши, даже задницы. Нас обвинили в уклонении от уплаты налогов, контрабанде, транспортировке наркотиков. Нас посадили в

тюрьму в Ларедо, штат Техас, за полкоробка очень слабой травы.

Суд состоялся в феврале 1966 года. Тим был приговорен к тридцати годам тюрьмы и сорока тысячам долларов штрафа.

Не будет больше тихих прогулок лунными ночами. Тим был занят адвокатами, пресс-конференциями, борьбой с правительством, ответами своим критикам, свидетельствовал о своем откровении, давшем ему уверенность в том, что ЛСД - это инструмент, необходимый для освобождения человека.

Он воспринимал мир, объединив знание, которое дала ему психология, с не ведающим границ воображением ирландского героя, комбинацией, которая произвела обреченную харизму, приятное безумие, невероятный оптимизм. Волшебство любить и быть любимой таким человеком еще долгие годы будет придавать очарование моей жизни.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ Роберт Форте	7
ТИМОТИ ЛИРИ УМЕР Джон Перри Барлоу	31
НЕЗАКОНЧЕННАЯ (Р)ЕВОЛЮЦИЯ: В ПАМЯТЬ О ТИМЕ ЛИРИ Фрэнк Бэррон	35
ТИМУ ОТ ДЖОНА Джон Бересфорд	45
ВКРАТЦЕ Уильям С. Берроуз	51
АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИЗЫВАНИЕ ДУХА ТИМОТИ ЛИРИ Кэролайн У. Кэйси	53
ТИМ ЛИРИ: ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ Уолтер Хьюстон Кларк	63
РАМ ДАСС ВСПОМИНАЕТ ТИМА Интервью Рам Дасса, взятое Робертом Форте и Ниной Грабой	71
НАБЛЮДЕНИЯ ЗА МОИМ ДРУГОМ И ГЕРОЕМ Том Дэвис	87
ЧЕЛОВЕК ДОРОГИ Мэйнард Фергюсон	91

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ДЛЯ ДОКТОРА ТИМОТИ ЛИРИ Аллен Гинзберг	93	АРХАИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ Интервью, взятое у Теренса Маккены Робертом Форте и Ниной Грабой	185
ИЗМЕНЯЯ СВОЕ СОЗНАНИЕ Нина Грабой	103	ИЗ ГАРВАРДА В СИХУАТАНЕХО Ралф Метцнер	203
ВОСПОМИНАНИЯ О ТИМЕ Анита Хоффман	109	ЭСАЛЕНСКИЙ ИНСТИТУТ, СВЯЩЕННЫЕ ГРИБЫ И ИГРА В ГОЛЬФ Интервью с Майклом Мерфи, взятое Робертом Форте	261
МОИ ВСТРЕЧИ С ТИМОТИ ЛИРИ Альберт Хофманн	117	ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭВФОРИОНА Клаудио Наранхо	275
ПРОРОК В БЕГАХ Майкл Горовиц	123	НЕСКОЛЬКО ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ МОМЕНТОВ Мими Рэйли	281
ДЖАЗ №7 ДЛЯ ТИМА ЛИРИ Роберт Хантер	135	ТИМОТИ ЛИРИ: ПРОЩАЙ/ПРИВЕТ Томас Ридлингер	283
ПИСЬМА Олдос Хаксли и Джералд Хёрд	139	КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ Вайнона Райдер	289
ЗАКОН ЛЮБВИ Майкл Кан	149	ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ ИАКОВА Залман Шахтер-Шаломи	293
СВЯТОЙ ТИМОТИ НА ШОССЕ Кен Кизи	151	ЛСД: ДАВАЙ СПАСЕМ ДЕМОКРАТИЮ? Интервью с Филиппом Слейтером, взятое Робертом Форте	297
ПИСЬМО ТИМОТИ Кэролин Клинфельд	153	ТИМОТИ ЛИРИ И ПСИХОДЕЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ Интервью, взятое Робертом Форте у Хьюстона Смита	317
ИГРА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТЕННИС С ТИМОТИ ЛИРИ Пол Красснер	155	ЛИРИ ГЛАЗАМИ ОУСЛИ Интервью с Оусли Стэнли, взятое Робертом Форте	345
СЛОВО ОТ КОНТРОЛЬНОЙ ГРУППЫ Интервью, взятое Робертом Форте у Джейрона Ланьера	169		

СТОЛАРОФФ О ЛИРИ Интервью с Майроном Столароффом, взятое Робертом Форте	357
САМЫЙ ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО Я ЗНАЛ Дэнни Шугермен	389
ДАВАЙ УСТРОИМ ЛАНЧ Джереми Тарчер	383
МИСТА ЛИРИ, ОН УМЕР Хантер С. Томпсон	387
ИСТОРИЯ HARVARD CRIMSON Интервью, взятое Робертом Форте у Эндрю Вейля	389
ЗАМЕТКИ О ДОКТОРЕ ТИМОТИ ЛИРИ Роберт Уильяме	407
НЕДОСТИЖИМЫЕ ЗВЕЗДЫ Роберт Энтон Уилсон	409
ИЛЛЮЗИИ Розмари Вудрафф	421

Тимоти Лири: Испытание будущим
Под редакцией Р. Форте

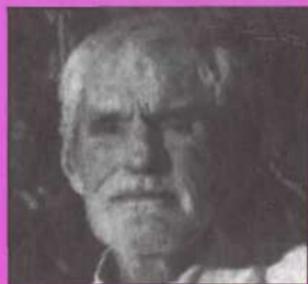
Серия «Жизнь Упрощенных Людей»

Ответственный редактор И. Кормильцев
Корректор М. Сулакова
Компьютерная верстка В. Милич
Художники К. Иванов, К. Прокофьев, А. Касьяненко

Подписано в печать 24.02.2004. Формат 84x108¹/зг-
Бумага газетная, пухлая. Печать офсетная.
Гарнитура «Прагматика».
Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 3000 экз. Заказ № 116.

Издательство «Ультра.Культура»
www.ultraculture.ru
115184, Москва, ул. Новокузнецкая, 7/11, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

Тимоти Лири

Дата рождения

22 октября 1920 года

Место рождения

Спрингфилд, штат Массачусетс, США. Родители – ирландские католики.

Гражданство

США

Виды деятельности

Психолог, психотерапевт, писатель, музыкант, мистик

Жизненный путь

Учился в иезуитском колледже в Уорчестере, затем – в военной академии в Вест-Пойнте. В 1940 году поступил в университет Алабамы, где получил степень бакалавра

психологии. В 1950 году стал доктором психологии, занял пост директора госпиталя при фонде Кайзера в Окленде и преподавал в Калифорнийской медицинской школе в Сан-Франциско.

С 1958 года преподает в Гарварде.

В 1960 году в Мексике впервые познакомился с воздействием галлюциногенных грибов. Погрузился в исследование воздействия психоделиков на человеческую психику. Интерес к галлюциногенам привел его к самому мощному из психоактивных препаратов – ЛСД. Приобретает славу ЛСД-гуру. То, что люди считают реальностью, полагал Лири, лишь «социальная фабрикация», а при употреблении психоделиков под руководством опытного наставника происходит освобождение человека от болезненных представлений о самом себе.

В 1963 году уволен из Гарварда. В 1966 году арестован по обвинению в хранении и употреблении наркотиков. Осужден на десять лет тюрьмы. Никсон назвал его «самым опасным человеком в Америке». Сбежал из тюрьмы, снова был арестован. До 1976 года кочует по тюрьмам, пишет книги и ставит над собой психологические эксперименты. Начинает размышлять о тайне ДНК, утверждает что во Вселенной множество обитаемых планет. В 1984 году присоединяется к движению ииберпанков. Уверяет, что в 90-х Интернет станет аналогом ЛСД в 60-х. Умер туманным утром 31 мая 1996 года от рака. Последние слова: «А почему бы и нет?»

ЖЗЛ

Эдуард Лимонов
Чарльз Мэнсон
Антон Шандор ЛаВей
Александр Шульгин
Луи Фердинанд Селин
Тимоти Лири
Хьюи Ньютон
Алистер Кроули
Джохар Дудаев

ISBN 5-98042-041-X

9 785980 420413